

Удмурты

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Удмурты

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИЖЕВСК
1993

ББК 63.5(2) Удм
У28

Научный редактор
доктор исторических наук *В. В. Пименов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *А. А. Тронин*;
кандидат исторических наук *Н. В. Шлыгина*

Редколлегия:
Г. А. Никитина, Е. Я. Трофимова,
Л. С. Христолюбова, Г. К. Шкляев

Удмурты: историко-этнографические очерки/УИИЯЛ УрО
У28 РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. - Ижевск:
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН,
1993.- 392 с.
ISBN 5-7691-0367-1

Монография содержит сведения об этногенезе и расселении удмуртов, освещает черты этнической истории, рассказывает об их общественном и семейном быте, занятиях, культуре, обычаях и верованиях. Показаны экономические, политические и культурные перемены в жизни удмуртов в советское время. Большое место в книге уделено современным этническим процессам.

Предназначена для этнографов, историков, педагогов и всех интересующихся историей и культурой удмуртского народа.

у 5050000000-02 11-93
042(02)7-93

ББК 63.5(2) Удм

ISBN 5-7691-0367-1

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Перед Вами книга об одном из народов многонациональной России. Удмурты - один из этносов финно-угорской языковой группы. Их этническая территория входит в Урало-Поволжскую историко-этнографическую область, находящуюся на стыке Европы и Азии, лесного севера и степного юга. Здесь удмурты живут по соседству с тюркоязычными татарами, башкирами, чувашами, финноязычными марийцами, мордвой и славяноязычными русскими. Специфика географического положения обусловила характерное сочетание этнокультурных компонентов разного исторического происхождения. Бытовой уклад и культура удмуртского народа формировались в сложных условиях постоянного взаимодействия культур различных по происхождению этносов.

Удмуртский язык принадлежит к пермской ветви финно-угорских языков. По своему строю и лексике он наиболее близок к языкам коми, с которыми имеет около 80% слов общего происхождения. Современные лингвисты выделяют в удмуртском языке северное, южное и бесермянское наречия и срединные говоры. Различия между ними не очень большие, взаимопонимание происходит почти без труда, хотя есть отдельные слова, обозначающие в разных наречиях разные понятия, а также понятия, выраженные в разных наречиях разными словами. Удмуртская письменность создана в XVIII в. на основе русского алфавита с добавлением букв з̑, ч̑, ж̑, й̑, ө̑.

По антропологическим характеристикам удмурты принадлежат к субуральскому (вятско-камскому) типу, сложившемуся в результате смешения европеоидных и монголоидных групп населения. Его называют также сублапоноидным, отмечая связь с лапарской группой. От классических вариантов уральской малой расы этот антропологический тип отличается заметной долей европеоидного компонента. Формирование субуральского типа восходит, вероятно, к эпохе неолита. В составе удмуртов антропологи выделяют несколько локальных антропологических подтипов.

В настоящее время большая часть удмуртов (66,5%) живет на территории Удмуртской Республики, граничащей с Кировской и Пермской областями, республиками Татарстан и Башкортостан. Северная часть Удмуртии относится к подзоне южной тайги, южная к подзоне широколиственно-хвойных лесов. Леса с преобладанием хвойных пород покрывают 42% территории республики и являются одним из главных ее богатств; в них водятся животные, характерные для тайги и смешанных лесов. Рельеф Удмуртии равнинный, с наличием долинно-овражных ландшафтов; территория ее изрезана многочисленными речками, относящимися к двум речным системам Камы и Вятки. Климат умеренно-континентальный с продолжительной холодной снежной зимой и теплым летом, с хорошо выраженными переходными временами года весной и осенью. Природно-географические условия наложили определенный отпечаток на хозяйство, материальную и духовную культуру удмуртов, их этнопсихологические черты.

Настоящая книга ставит перед собой задачу осветить происхождение и основные этапы этнической и социальной истории удмуртов, дать краткую этнодемографическую

характеристику, представить основные стороны традиционного хозяйства, культуры и быта в конце XIX – XX в., показать социально-экономические и культурно-бытовые преобразования в жизни народа в послеоктябрьский период.

Этнографическая наука накопила значительное количество фактов и наблюдений, связанных с удмуртами, однако опыт их обобщения предпринимался очень редко. Монографическое описание удмуртов в историко-этнографическом аспекте осуществлено в России в 1892 г. (И. Н. Смирнов) и в 1882 г. за рубежом (М. Бух). Имеющиеся в настоящее время работы дореволюционных и советских авторов, хотя и содержат весьма ценные сведения, освещают лишь быт какой-либо локальной группы или ограничиваются описанием отдельных сторон жизнедеятельности этноса. Между тем социальные, политические и культурные изменения, происходящие в последние десятилетия, повысили интерес народа к собственной истории и культуре.

Значительное место в книге уделено современным этническим процессам в Удмуртии. Включение их анализа в структуру книги связано не только с познавательными интересами, но и с большим политическим значением рассматриваемых проблем. Осмысление этих процессов необходимо для принятия практических мер по преодолению имеющихся противоречий в развитии народов, улучшению культуры межнациональных отношений.

При анализе послереволюционного периода развития удмуртского этноса авторы руководствовались периодизацией развития советского общества, предложенной В. В. Пименовым: 1. 1917-1928 гг. доколхозный период; 2. 1929-1940 гг. период колхозного строительства и индустриализации; 3. 1941-1945 гг. период Великой Отечественной войны; 4. 1946 – середина 50-х гг. период восстановления народного хозяйства; 5. Середина 1950-х – середина 1960-х гг. "оттепель" в развитии общественных отношений; 6. Середина 1960-х – начало 1980-х гг. стагнация экономики и общественных отношений. Авторы стремились осветить по возможности и этнокультурные процессы периода перестройки – вторую половину 1980-х – начало 1990-х гг.

Характеристика этноса является достаточно многосторонней. В книге использованы не только накопленные за предшествующий период этнографического изучения удмуртов сведения; важную часть источниковой базы составляют данные двух статистико-этнографических обследований населения Удмуртии, проведенных в 1968 и 1979/ 80 гг.

Книга подготовлена коллективом авторов Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН с привлечением сотрудников других научных учреждений Удмуртии под общей редакцией заведующего кафедрой этнографии МГУ профессора В. В. Пименова и заведующего сектором этнографии Удмуртского института истории, языка и литературы Л. С. Христолюбовой.

В книге использованы фотографии из фондов Удмуртского ИИЯЛ, Удмуртского республиканского краеведческого музея, подбор их осуществлен С. Х. Лебедевой и Е. Я. Трофимовой; рисунки выполнены художником В. П. Даровских, автор обложки Н. А. Быков.

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Первые письменные источники, которые имеют отношение к истории удмуртов, датируются рубежом I — II тыс. н. э. Они связаны с Волжской Булгарией, жители которой, по мнению лингвистов, называли предков удмуртов арами¹; под этим названием они встречаются в записях арабских купцов IX — XII вв. приезжавших в эту страну. Позднее, в XIII — XV вв., этот этноним распространившись в русских источниках обозначил южную группу удмуртов². Русские источники XIV — XVII вв. называют удмуртов арянами, арскими людьми, отинами, отяками, вотинами, вотяками. При этом хронологически четких границ употребления того или иного этнонима не прослеживается³. Сведения об удмуртах в XVI — XVII вв. попадают на страницы западноевропейских источников, в которых, правда, удмурты еще не всегда дифференцируются среди других народов Волго-Уральского региона, а причисляются то к “пермянам”, то к “черемисам”⁴.

Начало собственно научных изысканий по этнографии удмуртов относится к XVIII в., что связано с важным событием в истории науки страны — образованием Петербургской академии наук и ее деятельностью по “описанию всех обитающих в Российском государстве народов”. Маршруты ряда ее широкомасштабных многолетних экспедиций по географическому изучению империи и населявших ее народов проходили через Среднее Поволжье, и удмурты в числе других народов края оказались в поле зрения исследователей. В результате на страницы многотомных академических изданий второй половины XVIII в., подготовленных по материалам экспедиций, попали интересные сведения о быте удмуртов начала и середины XVIII в., принадлежащие перу Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. Г. Гмелина, Н. И. Делиля, П. И. и Н. П. Рычковых⁵. Эти авторы писали обо всем, что казалось им интересным и достойным внимания. Их краткие сообщения, дополняя друг друга, создают некоторое представление о физическом облике удмуртов и расселении, их хозяйстве и домашних ремеслах, одежде, верованиях и обрядах. Отмечаются трудолюбие, локальные особенности быта и

диалектные различия в языке народа. Написав "Вотяки... не называют себя АРР, но именем Удмурт"⁶, Г. Ф. Миллер вместе с этнонимами, под которыми удмурты были известны другим народам, сообщил и об их самоназвании. Рисунок, изображающий удмуртку в национальном костюме, помещенный в сводном труде И. Г. Георги, так же, как и подробное описание женского головного убора айшона, сделанное П. С. Палласом, неоднократно заимствовались последующими исследователями.

В литературе XVIII в. речь идет в основном о южной группе удмуртов.

Сведения о северных удмуртах в печати появились в начале XIX в. В публикациях первого вятского историка А. И. Вештомова, известного писателя А. И. Герцена, отбывавшего в Вятке ссылку, доктора медицины Казанского университета И. Ф. Эрдмана, совершившего в 1816 г. поездку из Казани в Вятку, вятского литератора А. И. Емичева содержится информация об удмуртах Вятской губернии: соображения об их прародине, данные о численности и расселении, жилище и поселениях, об их религии⁷.

На начальном этапе этнографического изучения удмуртов, продолжавшемся до середины XIX в., были накоплены некоторые сведения о различных сторонах жизни удмуртов Казанской и Вятской губерний, но говорить о глубоком всестороннем этнографическом изучении всех удмуртов в этот период еще не приходится. В многотомных сочинениях им отводилось лишь по несколько страниц. И хотя они написаны известными учеными того времени, они страдают рядом существенных неточностей, обусловленных прежде всего незнанием языка и кратковременностью пребывания этих исследователей среди удмуртов.

В середине XIX в. в связи с образованием Русского географического общества (РГО) этнография выделилась в самостоятельную отрасль знания, начался новый этап в развитии русской этнографии. Он был связан с появлением в условиях углубления кризиса феодально-крепостнического строя демократической разночинной интеллигенции, подхватившей знамя передовой общественной мысли. Отделение этнографии РГО с самого начала развернуло активную деятельность по этнографическому исследованию народов страны, в том числе и удмуртов. В различных изданиях, выходивших в Петербурге, Москве, Казани, Вятке ("Журнал Министерства внутренних дел", "Современник", издания РГО и др.), публиковались статьи и заметки о различных сторонах жизни удмуртов.

В этнографическое изучение удмуртов внесло свою лепту основанное в 1870 г. в Казани Общество естествоиспытателей. Очерк Д. Островского об удмуртах Казанской губернии, напечатанный в одном из выпусков "Трудов" этого Общества, выгодно отличался

от предшествующих публикаций широтой охвата и глубиной рассмотрения вопросов⁸. В развитии этнографических исследований в Поволжье определенную роль сыграл прошедший в 1877 г. в Казани IV археологический съезд. Оценивая значение этого съезда, один из видных исследователей народов Поволжья С. К. Кузнецов писал, что с этого времени стали появляться труды, "отвечающие строгим требованиям научного метода"⁹.

Важное значение для этнографического изучения народов Поволжья и Приуралья имело образование в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете, организовавшего широкий сбор краеведческого материала. Корреспондентами общества были представители местной интеллигенции, земские служащие, присылавшие Обществу ценные этнографические материалы. Большая их часть заслушивалась на заседаниях Общества и печаталась в его "Известиях"¹⁰, значительно пополнив представления о быте удмуртов, их верованиях, обрядах, духовном творчестве.

Вторая половина XIX в., особенно два его последних десятилетия, были наиболее плодотворными в этнографическом изучении удмуртов. Именно к этому периоду относятся самые значительные в дореволюционной историографии издания по этнографии удмуртов, не потерявшие своего значения до сих пор. Это принесли авторам известность и признание в ученых кругах монографии первого удмуртского этнографа Г. Е. Верещагина, всесторонне описавшего быт удмуртов Сарапульского уезда, исследование краеведа-демократа Н. Г. Первухина об удмуртах Глазовского уезда, сочинения миссионера Б. Г. Гаврилова, ярко представившего обрядовую жизнь удмуртов Мамадышского уезда Вятской губернии, обобщающая всю предшествующую литературу монография профессора Казанского университета И. Н. Смирнова, известного эволюционистскими взглядами¹¹. В эти десятилетия опубликованы ценные сочинения московских прогрессивных этнографов П. М. Богаевского и Харузиных¹².

В рамках этого же периода вышли выполненные на их собственном полевом материале исследования зарубежных авторов М. Буха, Б. Мункачи, Ю. Вихманна, Г. Аминоффа, к сожалению, до сих пор не переведенные на русский язык.

Количество публикаций об удмуртах заметно возросло в связи с Мултанским делом по обвинению группы удмуртов в человеческом жертвоприношении (1892—1896 гг.). Стараниями В. Г. Короленко преданное широкой огласке оно привлекло внимание многих ученых и общественных деятелей и вызвало интерес к этнографии удмуртского народа. Благодаря усилиям П. М. Богаевского, С. К. Кузнецова, Г. Е. Верещагина, П. Н. Луппова, выступавших

(на суде и в печати) с аргументированной защитой обвиняемых, поддержанной в печати многими другими, защите, возглавляемой В. Г. Короленко, на третьем судебном разбирательстве в 1896 г. удалось добиться оправдательного приговора.

Библиография по Мултанскому делу, составленная историком П. Н. Лупповым, насчитывает 235 названий. Это статьи и заметки 50 авторов, вышедшие в периодических изданиях 12 городов страны. Отклики на этот процесс появились в прессе Лондона, Парижа и других европейских городов¹³. Этот процесс и в последующем неоднократно привлекал внимание исследователей¹⁴.

В начале XX в. библиография об удмуртах продолжала пополняться. Среди многочисленных публикаций, помещенных в различных изданиях (в т. ч. в "Живой старине", "Этнографическом обозрении", "Известиях" ОАИЭ), наибольший интерес представляют фундаментальные монографии по истории христианизации удмуртов П. Л. Луппова. Здесь следует заметить, что П. Н. Луппов внес огромный вклад в историко-этнографическое изучение удмуртов. В последующие годы он исследовал историю удмуртов, начиная с XVI в. Результаты его архивных разысканий представляют большую ценность для современных исследователей этнической истории удмуртов¹⁵.

Заметным явлением в эти годы стали работы С. К. Кузнецова, особенно по общинному землевладению и историографии удмуртов за последние три десятилетия¹⁶. Интересно исследование эволюции свадебной обрядности М. М. Хомякова¹⁷. В этот период в качестве краеведа начинал свою деятельность Д. К. Зеленин, впоследствии один из виднейших русских советских этнографов, уроженец Сарапульского уезда. Об удмуртах он писал в ряде работ, а также посвятил специальную статью одному из интереснейших явлений их духовной жизни - воршуду¹⁸. В начале века происходит утверждение ряда удмуртских авторов, работавших в основном учителями. Собранием оригинального материала, попыткой его систематизации внимание ученых кругов привлекла работа И. Васильева по религиозным верованиям и обрядности удмуртов; в переводе на немецкий язык она сначала была издана в Финляндии¹⁹, затем на русском языке в Казани. По различным аспектам духовной культуры и обрядовой жизни народа писали И. С. Михеев, И. В. Яковлев, М. И. Ильин, Т. К. Борисов, а также уже известный Г. Е. Верещагин²⁰.

Народная мифология и верования удмуртов находились в кругу научных интересов известного финского этнографа У. Хольмберга-Харвы, выпустившего в 1910-е гг. серию работ.

Итак, с развитием этнографической науки росла и этнографическая изученность удмуртов: за вторую половину XIX начало XX в. она продвинулась далеко вперед. Расширился круг авторов,

в основном демократически настроенных, среди них появились краеведы-удмурты.

В накоплении этнографических сведений об удмуртах в дооктябрьский период участвовали, таким образом, различные научные общества и отдельные ученые, чьи публикации позволяют представить в той или иной мере различные стороны традиционного быта народа, его материальной и духовной культуры. Богатый эмпирический материал, содержащийся в работах дореволюционных авторов, составляет неоценимую источниковую базу для современных исследователей. Однако нельзя при этом не отметить неравномерность изученности различных сторон жизни народа и его групп.

После Октябрьской революции начался новый этап в этнографическом изучении удмуртов. Большая работа по разъяснению задач революции и национальной политики партии большевиков, проводившаяся среди удмуртов в ходе подготовки образования автономии, Всероссийские съезды удмуртов в 1918 и 1919 гг., Всероссийская конференция коммунистов-удмуртов в 1920 г. возбудили интерес населения к своему историческому прошлому и перспективам новой жизни²¹.

Однако за неимением подготовленных научных кадров и учреждений изучение истории и этнографии осуществлялось в первое десятилетие главным образом научно-краеведческими и культурно-просветительными обществами, которые возникали стихийно и зачастую распадались из-за отсутствия специалистов и надлежащего руководства²². Но в пробуждении интереса к истории народа они все же сыграли немалую роль, а некоторые, благодаря публикациям, оставили весьма заметный след. В их числе московское общество "Бöляк" (с отделениями в Казани, Вятке и городах Удмуртии), ставившее своей целью всесторонне изучить быт, экономику, общественное движение и культуру удмуртов, организовать и расширить исследовательскую работу среди них, собирать материал и издавать литературу об удмуртах²³.

Задачу всестороннего изучения Удмуртии, культуры и быта удмуртов и других национальностей края ставило Ижевское научное общество по изучению Вотского края (1925—1930). Оно издало программу для сбора этнографических материалов, установило контакты с десятками научных учреждений и краеведческих организаций и провело с ними несколько экспедиций в Удмуртии²⁴. За короткий срок названными обществами выпущено около десятка книг, в которых печатались статьи членов общества, выявленные ими архивные документы, а также извлечения из сочинений дореволюционных исследователей, опубликованных в труднодоступных для удмуртских читателей изданиях²⁵.

Продолжало свою деятельность Общество археологии, истории, этнографии при Казанском университете.

С середины 1920-х гг. у удмуртов работали экспедиции Центрального музея народоведения (1925), Музея народов СССР (1930, 1931), Института народов советского Востока (1930). Посетив разные районы Удмуртии, участники экспедиций М. О. Косвен, М. Т. Маркелов, В. Н. Белицер, А. И. Пинт, К. П. Герд, Г. Ф. Сидоров собрали разнообразные материалы, которые частично нашли отражение в немногочисленных публикациях 30-х гг. Среди них известная работа М. О. Косвена "Распад родового строя у удмуртов"²⁶. Автор под влиянием модной тогда "родовой теории", излишне архаизировал удмуртское общество. Вместе с тем нельзя не отметить тонкие наблюдения и попытки осмыслить типологию и структуру удмуртского этноса. Уместно заметить, что М. О. Косвен, один из крупнейших советских этнографов, и впоследствии при своих теоретических построениях неоднократно использовал личные наблюдения над удмуртским бытом. В частности, его взгляды на патронимию, по его собственному замечанию, во многом оформились под воздействием удмуртского материала.

В публикациях первого советского десятилетия в той или иной мере нашли отражение вопросы о происхождении удмуртского народа и его родовых подразделениях, верованиях и этнопсихологии, народной медицине и сельском хозяйстве, семейных обрядах и народном творчестве. О серьезных исследовательских установках свидетельствуют историографические обзоры тех лет.

Авторами многих статей были удмурты, с энтузиазмом включившиеся в исследование истории и культуры своего народа. К уже известным именам удмуртских авторов в эти годы добавились новые. Среди них Я. Ильин, составитель первого исчерпывающего библиографического справочника, включившего публикации об удмуртах с XVIII в. до 1928 г.; В. А. Максимов, автор монографии, написанной на основе дореволюционных публикаций; Д. И. Корепанов, автор статьи о бесермянах, С. Перевошиков, опубликовавший ряд статей по верованиям и др.²⁷ Наиболее яркой личностью среди новых авторов был К. Герд, автор серии статей о духовной культуре удмуртов и их семейных отношениях, стоявший у истоков удмуртского книжного издательства, краеведческого музея, и один из учредителей общества "Бöляк"²⁸. Своими публикациями он обозначил ряд проблем, однако решить их не успел.

В условиях начавшейся деформации общества, подавления демократии, проявление интереса к национальной культуре стало нередко квалифицироваться как буржуазный национализм. Одной из первых жертв репрессивных мер в Удмуртии стал К. Герд, арестованный в 1932 г. Обвиненный по сфабрикованному ГПУ делу СОФИН (Союз освобождения финских народностей), К. Герд в 1937 г. расстрелян. Только по этому делу подверглось репрессиям

31 человек. Затем были другие «дела»²⁹. Никто из вышеназванных исследователей-удмуртов не избежал репрессий. Поэтому намечавшееся в 20-е гг. оживление в этнографическом изучении удмуртов в 30-е гг. не получило развития. В Комплексном научно-исследовательском институте, открытом в 1931 г. (впоследствии НИИ при Совете Министров УАССР, ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН), этнографического подразделения не было, кадры не готовились. Институт проводил фольклорно-этнографические экспедиции по сбору полевых материалов, однако в издаваемых Институтом «Записках» в 1930 - 60-е гг. публикации по этнографии были эпизодичны. Они принадлежали, как правило, авторам центральных учреждений, совершавшим экспедиционные поездки (А. Н. Рейнсон, В. Н. Белицер, Л. Грацианская)³⁰.

Новый этап в этнографическом изучении удмуртов наступил лишь в конце 1960-х гг. Он связан с подготовкой нового поколения удмуртских ученых и организационным оформлением этнографических исследований. В 1969 г. в Научно-исследовательском институте при Совете Министров УАССР образован сектор археологии и этнографии (ныне отдел этнографии и социологии). В 1972 г. в Ижевске открыт университет, где читается курс этнографии. Собираaniem этнографических коллекций и их изучением занимается Удмуртский республиканский краеведческий музей. К сожалению, музей, отметивший свое 60-летие, все еще не имеет площади для постоянно действующей экспозиции об удмуртах. Работая в контакте с Институтом этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии РАН), Государственным музеем этнографии народов СССР (ныне Российский музей этнографии), Эстонским Национальным музеем, кафедрой этнографии МГУ, удмуртские этнографы продолжали изучать культуру и быт народа. Широко развернулись полевые исследования в районах Удмуртии и за ее пределами, в том числе и в Сибири (Красноярском крае, Томской области), которые возглавил В. Е. Владыкин. В ходе экспедиций собирались материалы о традиционном быте и культуре народа, некоторых ранних формах его социальной организации, изучались разнообразные исторические документы.

С начала 80-х гг. по инициативе и большой помощи директора Эстонского Национального музея А. Ю. Петерсона ведутся работы по созданию этнографических фильмов об удмуртах.

С 1968 г., когда экспедиция Института этнографии АН СССР, руководимая В. В. Пименовым, провела первое массовое обследование удмуртского населения, в республике началось планомерное изучение современных этнокультурных процессов. В исследовании выяснялись традиционные культурно-бытовые явления, степень их сохранения в современности, соотношение традиционного и нового

в современном образе жизни. Результаты его нашли отражение в ряде публикаций В. В. Пименова, Л. С. Христолюбовой, среди которых выделяется фундаментальная монография В. Пименова³¹. Она представляет собой один из первых в советской этнографической науке опытов широкого применения количественных методов. В монографии анализируются проблемы национального языка и национальной культуры (традиционной и профессиональной), обрядовой жизни, миграционных процессов, межэтнических контактов, национального самосознания. Автор выделил ядро этноса его социальную и демографическую структуру, являющуюся детерминирующим началом этнических процессов. Благодаря количественным характеристикам определяется место и роль компонентов этноса в реально функционирующей и эволюционирующей системе этноса.

В 1976 г. Г. К. Шкляевым в республике проведено выборочное обследование ста сельских поселений с целью изучения истории заселения и типов сельского расселения, планировочной структуры современных сельских поселений, выяснения их типологии, выявления этнических, региональных и хронологических различий.

В 1979/80 гг. Научно-исследовательским институтом при Совете Министров УАССР проведено повторное массовое обследование удмуртского населения республики по аналогичной, но значительно расширенной по сравнению с 1968 г. программе, благодаря чему получены во многом сопоставимые материалы. Это позволяет проследить динамику социальных и этнических процессов среди удмуртского населения. Одновременное обследование русского и татарского населения республики даст возможность анализировать идентичные процессы в разных этнических средах.

Краткое рассмотрение истории этнографического изучения удмуртов показывает, таким образом, постепенное расширение географии исследований, охват всех локальных групп удмуртов, увеличение числа авторов, включение в исследование народа самих удмуртов, расширение тематики исследований, использование разнообразных методик, рост теоретико-методологического уровня.

В течение более чем двухсот лет этнографического изучения удмуртов накоплен значительный эмпирический материал о различных сторонах быта народа, его материальной и духовной культуре. Рассмотрим кратко уровень изученности конкретных аспектов этнической культуры.

Многие авторы касались проблемы происхождения удмуртов, но сводили ее к рассмотрению вопроса об их прародине. При этом высказывались самые различные точки зрения. Ее искали то в предгорьях Алтая и Саян, то в центре Скандинавии и Германии, то у берегов Ладоги и Нарвы, то в Индии. К настоящему времени на основе изучения данных, накопленных этнографами, археологами,

лингвистами, фольклористами, проблема прародины в целом решена. Согласно исследованиям, формирование удмуртского этноса происходило в Приуралье, в междуречье Вятки и Камы на основе местных племен³². - Тем не менее считать, что вопросы происхождения удмуртов полностью разрешены, было бы рано.

Специальных исследований о хозяйственной деятельности удмуртов в прошлом не проводилось, однако многие авторы (Н. П. Рычков, Г. Е. Верещагин, С. К. Кузнецов, В. С. Кошурников) попутно останавливались и на этом вопросе. По этим кратким замечаниям создается некоторое представление об основном занятии народа - земледелии: о способах обработки земли и земледельческих орудиях, о системе земледелия и возделываемых культурах, о поземельной общине и общинных порядках. Отмечаются трудолюбие, усердие народа в земледелии, его наблюдения за природой, используемые в земледельческом труде.

Определив хлебопашество как главное занятие удмуртов, исследователи писали о них как об искусных пчеловодах и охотниках, описывали приемы и орудия охоты и рыбной ловли.

Весьма фрагментарны в дореволюционной литературе и сведения о жилище удмуртов. Авторы (Г. Верещагин, В. Кошурников, Н. Харузин) ограничиваются указанием типа жилища и описанием некоторых, заметных при кратковременном наблюдении, деталей, не касаясь социальных вопросов, требующих внимательного, более длительного изучения.

В советский период в ряде работ (А. И. Пинт, А. Семакин, А. Трефилов, Е. Шумилов) нашли освещение некоторые ранее не затрагивавшиеся вопросы: разделение жилища на женскую и мужскую половины, отмечены этнические заимствования в жилище, сделаны попытки классифицировать жилище северных удмуртов, положено начало исследованиям, направленным на выявление архитектурно-художественных особенностей удмуртского зодчества; описаны некоторые строительные приемы, социальные аспекты развития жилища и хозяйственных построек, взаимосвязь планировки жилища со структурой семьи, влияние родственных отношений на застройку населенного пункта. Рассмотрена поселенческая структура в республике, исторические типы населенных пунктов. Существенный вклад в исследование этих вопросов внес Г. К. Шкляев.

Народная одежда, бросавшаяся в глаза любому приезжему человеку, привлекала внимание многих исследователей, начиная с XVIII в.: Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Г. Георги и многие последующие авторы давали описание тех или иных предметов одежды. Монографическое исследование удмуртского народного костюма осуществила В. Н. Белицер, с конца 20-х гг. неоднократно приезжавшая в экспедиции к удмуртам. Начиная с изготовления

материалов для одежды, необходимого при этом инвентаря, красителей, она обрисовала женскую и мужскую одежду, украшения, обувь и головные уборы. Отдельно рассмотрела бесермянский костюм. Все детали одежды подвергла сравнительному анализу, выявила историко-типологические параллели с соседними народами. Выделила пять костюмных комплексов.

Работу В. Н. Белицер дополняют статьи известного специалиста по народам Поволжья Т. А. Крюковой, в которых анализируются сходные элементы в женской одежде удмуртов, мордвы и марийцев, прослежены происходившие в них в 1940-е гг. изменения.

Альбом с изображением 14 локальных костюмных комплексов удмуртов выпустил в 1974 г. художник С. Н. Виноградов. В последние десятилетия значительно расширила базу изучения удмуртского костюма С. Х. Лебедева: ею собраны материалы по всем локальным группам удмуртов, часть которых опубликована.

Из работ многих авторов, и особенно Г. Верещагина можно почерпнуть разнообразные сведения по вопросам, связанным с питанием: о порядке приема пищи, традиционных повседневных, праздничных и обрядовых блюдах, технологии их приготовления, о кухонной утвари.

Почти все авторы, обращавшие внимание на эти вопросы, отмечали бедность и непривлекательность удмуртской пищи, ограниченность употребления мяса, молока, яиц.

Удмуртская народная кухня и в советский период вплоть до последнего времени не была предметом специального изучения. Лишь в 1980-е гг. этот пробел стал заполняться работами Е. Я. Трофимовой, исследующей вопросы формирования народной кулинарии удмуртов, ее этническую специфику, состав и бытование традиционных блюд, изменения в этой сфере народного быта и ее устойчивость.

В сочинениях многих авторов встречаются описания народных обычаев и обрядов как семейных, так и календарных. В совокупности они создают достаточно подробное представление о годовом цикле земледельческих обрядов и праздников, о традиционных обрядах, связанных с рождением ребенка, с бракосочетанием, смертью и похоронами, позволяют в какой-то мере проследить их эволюцию. Более полные описания и семейных, и календарных обрядов содержатся в сочинениях Г. Е. Верещагина, Б. Г. Гаврилова, Н. Г. Первухина; в послеоктябрьский период у А. И. Емельянова, М. И. Ильина. В 1970 - 80-е гг. традиционные семейные обряды конца XIX - начала XX в., их последующие изменения, уровень современного бытования отражены в работах Л. С. Христолюбовой, В. Е. Владыкина, М. Г. Атаманова. Обряды календарного цикла еще ждут своего исследователя.

В своем библиографическом обзоре по этнографии удмуртов

С. К. Кузнецов в 1910 г. отмечал слабую разработанность истории удмуртской семьи. Но и после этого длительное время вопросы истории семьи как бы оставались за кругом исследований. Между тем утверждение М. О. Косвена о сохранении у удмуртов патриархальной большой семьи вплоть до начала XX в. стало общим местом в этнографических очерках об удмуртах. Лишь в 1970-е гг. историк М. В. Гришкина, исследовав на массовом материале переписей населения XVII - XIX вв. поколенную и половозрастную структуру семьи, ее численный состав, показала преобладание в начале XVIII в. малых семей и регенерацию неразделенных семей во второй половине XIX в., внося, таким образом, существенную поправку в бытовавшее по этому вопросу мнение. Статьи М. В. Гришкиной имеют важное значение в историографии удмуртской семьи. Регулятивную функцию общины в сфере семейного быта удмуртов в пореформенный период (семейно-брачные отношения, наследование имущества, семейные разделы и создание новых семей, воспитание сирот и т. д.) проанализировала Г. А. Никитина. Культуру и быт современной удмуртской семьи исследовала Л. И. Семенова. Взяв в качестве объекта деревню, исследованную в прошлом веке Г. Верещагиным, она провела сравнительный анализ.

В области духовной культуры удмуртов наибольшее внимание этнографов прошлого привлекали их религиозные верования и связанные с ними обряды. Редкий автор обходил эту тему, в многочисленных публикациях нашли отражение удмуртский пантеон, общественные и семейные моления, их атрибутика и участники, жертвенные животные и способы их отбора, выборы жрецов, процесс христианизации и его влияние на языческие верования. Особого внимания заслуживают работы П. Н. Луппова, П. М. Богаевского, С. К. Кузнецова, И. Васильева, Г. Е. Верещагина, И. С. Михеева, У. Хольмберга-Харвы, А. И. Емельянова.

В 1970-е гг. на основе достижений советской исторической науки исследование религиозных верований удмуртов продолжил В. Е. Владыкин. Анализ накопленного предшественниками материала в сочетании с собственными полевыми данными позволил ему сделать шаг вперед в осмыслении темы. На основе реконструкции системы мировоззрения удмуртов, их космической модели мира В. Е. Владыкин показал типологическое сходство религиозно-мифологических компонентов в верованиях удмуртов и народов Урало-Поволжья, свидетельствующее о единстве этнической истории автохтонных народов региона.

Ряд дореволюционных и советских авторов отмечали искусство вышивки и ткачества удмуртов. Более пристально прикладное искусство народа стало изучаться с 1960-х гг. К настоящему времени в литературе отражены основные виды традиционного народного

прикладного искусства вышивка, ткачество, вязание, художественная обработка дерева, отмечены их локальные различия, принципы орнаментации, зафиксированы названия узоров, рассмотрены художественные приемы народных мастеров, современное функционирование традиционного народного искусства. Наибольший вклад в изучение этих вопросов внесли Т. А. Крюкова, Н. С. Королева, К. М. Климов, В. А. Семенов, С. Н. Виноградов.

Отдельные упоминания, относящиеся к области музыкальной этнографии, также встречаются в дореволюционных публикациях. В 1920 - 30-е гг. вопросы изучения народной музыки затрагиваются в публикациях Т. К. Борисова, К. П. Герда, Д. С. Васильева-Буглая, Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Существенный вклад в изучение этой области народного творчества привнесла И. К. Травина. Анализ музыкального языка удмуртских народных песен различных жанров привел ее к выводу об их богатстве и своеобразии в ладовом, интонационно-мелодическом, полифонно-гармоническом, ритмическом и структурном отношениях. Народный музыкальный инструментарий, развитие музыкальной культуры удмуртов с 1917 по 1967 г. рассматриваются в монографии А. Н. Голубковой "Музыкальная культура Советской Удмуртии"

Активно продолжают в последние десятилетия исследования по антропонимии, этнонимии начатые еще Г. Е. Верещагиным, К. П. Гердом, М. И. Ильиным. Историческое развитие удмуртской антропонимии, типы древних имен, приемы выбора имени новорожденному, обряды имянаречения и перемены имени, микроэтнонимы удмуртов, их этимология и отражение в топонимии, территориальное распределение воршудно-родовых групп нашли отражение в сочинениях Т. И. Тепляшиной, В. К. Кельмакова, М. Г. Атаманова, С. В. Соколова, В. В. Пименова.

Ряд работ 1970-х гг. посвящен исследованию этнокультурных взаимодействий удмуртов с русскими (В. Е. Владыкин, К. И. Козлова, Г. В. Фотеев). В связи с ростом численности удмуртов-горожан сделаны первые шаги в исследовании влияния урбанизации на этническую культуру и этнические процессы.

Наращивание источниковой базы путем архивных разысканий и сбора полевых материалов постепенно расширяло зоны исследования и способствовало углублению анализа актуальных проблем. В советский период изучения удмуртов заметно расширилась тематика опубликованных работ, возрос их теоретико-методологический уровень, стала богаче и разнообразнее методика исследований.

Тем не менее приходится признать, что еще не все стороны жизни удмуртского народа в прошлом нашли в литературе достаточное освещение. К ним относятся некоторые вопросы этногенеза и этнической истории, этнической психологии и этнического самосо-

знания. Важно также изучить этнические и этнокультурные процессы у удмуртов, живущих за пределами своей автономии. Как с научной, так и с практической точки зрения необходимо исследование межнациональных отношений и их роли в этнической истории и современных этнических процессах.

Настоящая книга, представив общую картину традиционно-бытовой культуры удмуртского народа, ее современное состояние и тенденции развития, должна стать основой для дальнейшего развертывания этнографических исследований.

¹ Кельмаков В. К. Происхождение и первые упоминания этнонима “ар”// Этнонимы. М., 1970. С. 189-193.

² Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов IX-XVII в. //Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 5-6.

³ Сысоева М. В. Первые письменные сведения об удмуртах//Вопросы финно-угорского языкознания: Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 306.

⁴ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. соч. С. 41.

⁵ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб, 1791; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб, 1788. Ч. 3. С. 29-37; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб, 1799. Ч. 2. С. 55-67; Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб, 1762. Ч. 1. С. 183-187; Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб, 1770. Ч. 1.

Мы не будем называть здесь всех работ упоминаемых авторов, а ограничимся ссылкой к библиографии, помещенной в книге: Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984. С. 83-141, а также к ссылкам соответствующих глав настоящей книги.

⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 32.

⁷ Вештомов А. И. История вятчан с 1181 по 1781 г.//ИОАИЭ. Казань, 1908. Т. 24. Вып. 1-2; Герцен А. И. Вотяки и черемисы//Вятские губернские ведомости, 1838, № 1, 3; Эрдман И. Ф. Путешествие по Вятской губернии летом 1816 г.//Календарь Вятской губернии на 1893 г. С. 372-376; на 1894 г. С. 135-148; Емичев А. И. Мифология вотяков и черемис//Современник. 1836. Т. 2. С. 180-186.

⁸ Островский Д. Н. Вотяки Казанской губернии//Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1873. Т. 4, вып. 1.

⁹ Кузнецов С. К. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние 30 лет//ЭО. 1910. № 1, 2. С. 77.

¹⁰ См.: Альфонсов А. В. Указатель к “Известиям” Общества археологии,

истории и этнографии за 1878 1905 гг. (т. 1- 21)/ ИОАИЭ. Казань, 1906. Т. 22, вып. 2, 4, 6; *Воробьев Н. И.* Указатель к ИОАИЭ за 1906 1927 гг. (тт. 22-33)/ ИОАИЭ. Казань, 1928. Т. 34, вып. 1, 2.

¹¹ *Вережгин Г. Е.* Вотяки Сосновского края//Записки ИРГО. СПб, 1886. Т. 14, вып. 2. *Его же.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии; Там же. Вып. 3. *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888 -1890. I - V; *Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губ. Казань, 1880. С. 190; *Его же.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урья-Учинского прихода/Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1891. С. 80-156; *Смирнов И. Н.* Вотяки/ ИОАИЭ. Казань, 1890. Т. 8, вып. 2. С. 308.

¹² *Богаевский П. М.* Очерк быта Сарапульских вотяков//Сборник материалов по этнографии при Дашковском музее. М., 1888. Вып. 3.; *Его же.* Очерки религиозных представлений вотяков// ЭО. 1890. № 1, 2, 4; *Его же.* Материалы для изучения народной словесности вотяков//ЭО. 1892. № 4; *Его же.* Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М., 1896. С. 110; *Харузин М.* Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губ.//Юридический вестник, 1883. № 2. С. 257-291; *Харузин Н. Н.* Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895; *Харузина В. Н.* Вотяки. М., 1898. С. 48.

¹³ *Луппов П. Н.* Библиография по Мултанскому делу//Записки УдНИИ. Ижевск, 1936. Вып. 5. С. 120-134.

¹⁴ *Латышев Н. Н.* Два “знаменитых” дела в царской России//Записки УдНИИ. Ижевск. 1940. Вып. 9. С. 78-86; *Шатенштейн Л. С.* Мултанское дело 1892 1896 гг. Ижевск, 1960. С. 71; *Власова З. И.* Этнографическая деятельность В. Г. Короленко и ее общественное значение//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4. С. 26-30.

¹⁵ *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб, 1899; *Его же.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в.//Труды ВУАК. Вятка, 1911. Вып. 1-2. С. 568; *Его же.* Северные удмурты в XVI XVII вв. // На удмуртские темы. М., 1931. Вып. 2. С. 112-144 и др.; *Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С.* История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984. С. 109-111.

¹⁶ *Кузнецов С. К.* Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда//ЭО. 1904. № 4. С. 24-49; Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние 30 лет//ЭО. 1910. № 1-2.

¹⁷ *Хомяков М. М.* Эволюция вотского брака (свадебный обряд Глазовских вотяков)//ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27, вып. 4. С. 271-287.

¹⁸ *Зеленин Д. К.* Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 73-79; Что такое “воршуд”?//Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980. С. 118-132.

¹⁹ *Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний//ИОАИЭ. Казань, 1906. Т. 22, вып. 3, 4, 5.

²⁰ *Михеев И. С.* Будисты ли вотяки? Казань, 1901; Несколько слов о бесермянах // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. 17, вып. 1, 4; Программа для собирания сведений о

вотяхах. Казань, 1906 и др.; *Яковлев И. В.* Заметка о священном озере вотяков Казанского уезда и моление на нем//ИОАИЭ. Казань, 1903. Т. 19, вып. 3-4. С. 204-207; Из жизни пермских вотяков Гондырского края//Там же. С. 183-195; Способ умыкания невест у вотяков Елабужского уезда//Живая старина. 1913. № 12; отд. оттиск. СПб, 1914 и др.; *Ильин М. И.* Похороны и поминки вотяков (дер. Купченеево Белебеевского уезда Уфимской губ.)//Вестник Оренбургского округа за 1914 г. № 8; Игры и хороводы вотской молодежи весной. Уфа, 1915. С. 13 и др.; *Борисов Т. К.* Изгнание шайтана у вотяков//Живая старина. 1913. № 22.

21 *Павлов Н. П.* Удмуртская республика детище Октября. Ижевск, 1980.

22 *Герд К.* Этнография у вотяков после революции//Этнография, 1926. № 1-2. С. 235-241; *Стрельцов Ф.* Об организации краеведческой работы//Удмуртское хозяйство. Ижевск, 1927. № 1. С. 94-96; Культурное строительство в Удмуртии: Сб. документов (1917-1940). Ижевск, 1970. С. 142-143, 353.

23 ЦГА УАССР, Ф. р. 1124, оп. 1, ед. хр. 6, л. 2.

24 *Ильин М. И.* Изучение Вотского края (план работы по этнографии). Ижевск, 1926.

25 Вотяки. / Научное общество по изучению удмуртской культуры. М., 1926. Вып. 1; Труды / Научное общество по изучению Вотского края. Вып. 1. Ижевск, 1926; Вып. 2. Ижевск, 1926; Вып. 3. Ижевск, 1927; Вып. 4, 5. Ижевск, 1928; Вып. 6. Ижевск, 1930.

26 На удмуртские темы. С. 5-35.

27 *Ильин Я.* Рой книг: Собрание книг и статей об удмуртах областных и внеобластных с 1762 до половины 1928 г. Ижевск, 1929. С. 85; *Максимов В. А.* Вотяки: Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925.

28 *Ермаков Ф. К.* Удмуртский поэт и ученый. Ижевск, 1988.

29 История удмуртской советской литературы. Устинов, 1987. Т. 1. С. 85; *Шкляев А.* Революция бере. 20-тй арьёс (После революции. 20-е гг.)//Молот. 1988: № 11. С. 41-45; *Куликов К. И.* Удмуртская автономия: этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990. С. 97-171; *Его же.* Трокай. Ижевск, 1991; *Кузнецов Н. С.* Пеймыгысь югытэ (Из мрака к свету)//Кенеш, 1991. № 4. С. 40-44; № 7. С. 25-27 и др.

30 *Рейнсон А. Н.* Детское самостоятельное творчество в Удмуртии (детская игрушка-самоделка)//Записки УдНИИ. Ижевск, 1940. Вып. 9. С. 121-130; *Грацианская Л.* Удмуртская народная математика//Записки УдНИИ. Ижевск, 1961. Вып. 15. С. 205-217.

31 *Пименов В. В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

32 *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского прикамья в пьяноборскую эпоху: Чегандинская культура (III в. до н. э.). Ч. 1-2. Ижевск, 1970-1971; *Марк К. Ю.* Антропология пермских народов в связи с вопросами их этногенеза//Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 37-48; *Иванова М. Г.* Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры //Там же. С. 59-79; *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа//Там же. С. 6-36.

Глава II. ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1. Истоки удмуртского этногенеза

Среди народов финно-угорской языковой группы, расселенных в лесной зоне от Прибалтики и Скандинавии на западе до р. Оби на востоке, удмурты занимают как бы центральное положение. Материалы устного народного творчества, топонимии, археологии убедительно показывают, что их формирование и развитие с древнейших времен происходило на территории Прикамья в южной части междуречья р. Камы и Вятки¹. Эти две речные магистрали в древности играли роль основных коммуникаций, по ним осуществлялись практически все связи местного населения с внешним миром. Гидронимы Кама, Вятка, Чепца, Кильмезь стали своеобразными этническими символами удмуртов².

Срединное положение удмуртов в системе финно-угорской этноязыковой общности вызывает особый интерес к их этногенезу, истории и культуре, так как исследователи не без оснований полагают, что с помощью "удмуртского ключа" можно открыть многие проблемы финно-угроведения.

К настоящему времени накоплен достаточно обширный фонд источников для изучения вопросов этногенеза, этнической истории, древней культуры удмуртского народа. В последние годы ежегодно вводятся в научный оборот новые материалы по археологии, антропологии, этнографии, лингвистике. Но приведение их в систему, обобщение и всесторонний анализ пока еще остаются делом будущего. На данном этапе исследователи предлагают разные пути научного поиска, различные гипотезы, иногда даже взаимоисключающие друг друга. Поэтому освещение вопросов этногенеза и этнической истории удмуртского народа остается одним из самых сложных в этнографии удмуртов.

Заселение Поволжско-Приуральского региона происходило, по-видимому, еще в палеолите, однако этническая идентификация этого населения в принципе невозможна. О каких-то истоковых формах известных этнолингвистических общностей можно говорить лишь с эпохи мезолита. Именно с этим временем связывают формирование

древней прародине уральской языковой семьи, которая территориально ассоциируется с нижним или средним течением Оби³. Отсюда начался длительный дрейф древних уральцев на огромные расстояния, который завершился постепенным оформлением современных уральских этносов на территориях их нынешнего расселения.

В эпоху неолита (V - IV тыс. до н. э.) в Европейском Приуралье происходит формирование финноязычных групп населения, в Зауралье угорских⁴. Материалы, полученные при раскопках памятников Вятки и Камы, позволяют проследить традиции преемственности с предыдущей эпохой, хотя самый ранний пласт неолитической культуры еще не выявлен⁵.

В неолите основными формами хозяйства были охота, рыболовство, собирательство, в этот же период появляются и домашние животные.

В период энеолита и бронзы (III - II тыс. до н. э.), по-видимому, происходит процесс дальнейшей дифференциации финноязычного населения⁶. В эту эпоху соотношение традиционных отраслей хозяйства меняется, ведущая роль переходит к сетевому рыболовству. Под влиянием южных соседей древнее население впервые знакомится с металлом и производящими формами хозяйства⁷.

Прямыми потомками представителей культур бронзового века на территории Прикамья являлись племена ананьинской культуры (VIII - III вв. до н. э.). Полагают, что они представляли недифференцировавшихся пермян, предков еще не разделившихся удмуртов и коми, отчасти марийцев. Например, черты погребального обряда, сложившиеся в ананьинское время (погребенных укладывали в вытянутом положении на спине ногами к реке, иногда над могилами устанавливали надгробные стелы или домики мертвых, отмечаются следы культа огня), сохраняются в течение двух тысячелетий и прослеживаются у удмуртов вплоть до XIX начала XX в.⁸

Наряду с бронзовыми орудиями труда (втульчатые топоры, кельты, наконечники стрел и копий) и разнообразными украшениями, среди племен ананьинской культуры широко распространяются изделия из железа (ножи, мечи, топоры), сохраняются в быту предметы из кости. В этот период вырабатывается чашевидная форма глиняных сосудов с округлым дном и орнаментом вокруг горловины, которые с небольшими изменениями в орнаменте доживают в Прикамье до позднего средневековья.

В этот период население начинает строить на высоких берегах рек труднодоступные для неприятелей, укрепленные валами и рвами поселения городища (кар) (рис. 1). Развивается комплексное хозяйство. Наряду с охотой и рыболовством, все большее значение приобретает земледелие и животноводство. Ананьинцам были

известны все виды животных, которых в этом регионе разводят и сейчас: лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи.

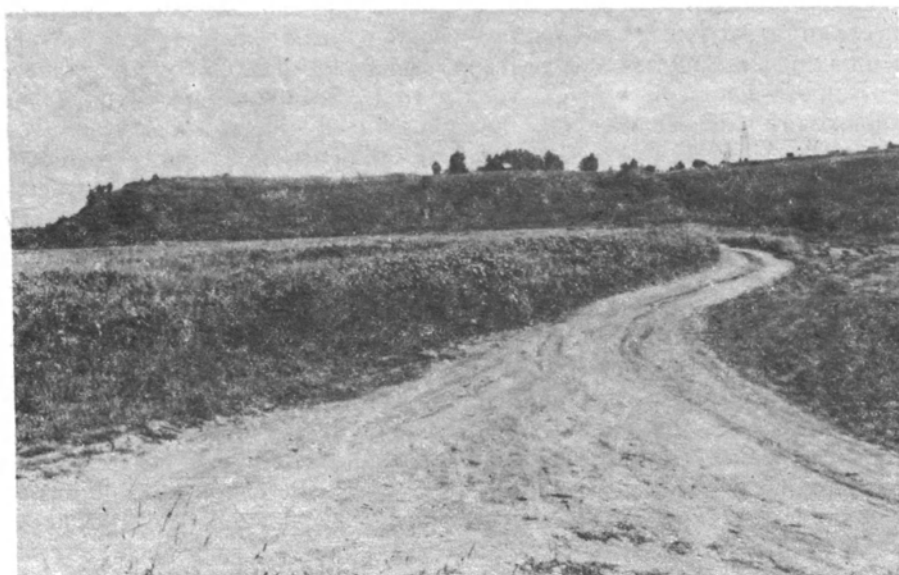

Рис. 1. Идна-кар городище IX-XIII вв. Современный вид.
Фото Ивановой М. Г

Ананьинские племена поддерживали оживленные связи со своими дальними и близкими соседями, но наибольшее значение имели контакты с ираноязычным скифо-сарматским миром, о чем свидетельствуют как археологические находки, так и языковые заимствования, относящиеся к различным сферам деятельности человека. В свою очередь, из пермских языков в иранские, в частности осетинский, попали слова, обозначающие понятия серебро, молодой хвойный лес, аренду и др.⁹

По-видимому, на огромной территории расселения ананьинцев не было абсолютного единства культуры и языка. В зависимости от условий хозяйствования (преобладание производящего в среднем Прикамье, присваивающего в северных районах их расселения), от этнокультурных влияний сложились локальные группы. Вероятно, уже в этот период шел процесс дифференциации племен, который привел в III в. до н. э. к распаду ананьинской этнокультурной общности и сложению на ее основе новых культур: гляденовской на Верхней Каме, пьяноборской на Средней Каме и Вятке, карабызской на Белой. Ученые считают, что на основе гляденовских племен сложились народы коми, пьяноборских удмурты. Но

следует отметить, что процесс смешения пермоязычных групп населения между собой и при участии неместных этнических групп происходил и позднее, например, в формировании северных удмуртов приняли участие как потомки пьяноборского, так и гляденовского населения.

Вторая половина I начало II тысячелетия н. э. для народов лесной полосы Восточной Европы - это период разложения общинно-родовых и становления раннеклассовых отношений, формирования этнических черт народов, отмеченных позднее в письменных источниках и проживающих здесь в настоящее время.

Исследования последних лет показали, что на территории формирования древнеудмуртского населения в эпоху средневековья не сложилась единая археологическая культура. Можно наметить несколько локальных вариантов, отражавших, возможно, намечавшиеся племенные образования.

Относительно рубежа I и II тыс. н. э. исследователи выделяют уже территории чепецких, прикамских, арских, вятских удмуртов. О прикамских и вятских удмуртах этого периода мы знаем еще очень мало, слабо изучена и культура арской группы. Данные топонимии, фольклора определяют их место в северо-восточных районах нынешней Татарии в низовьях правого берега Вятки, в бассейне Меши и Казанки. Здесь известно Арское городище, несколько поселений с находками финно-угорской лепной керамики. Полагают, что в конце I начале II тысячелетий н. э. эта территория была контактной зоной древних удмуртов и марийцев, а со второй половины XIII в. после разгрома Волжской Булгарии монголо-татарами сюда переселяются булгары, этот край становится зоной взаимодействия финского (удмуртского и марийского) и тюркского населения. В результате этого часть финноязычного населения вытеснялась в более северные и восточные районы, а другая подвергалась ассимиляции¹⁰.

В настоящее время лучше изучены древние удмурты бассейна Чепцы. Здесь есть разнообразные археологические памятники VI XIII вв. Археологические данные дополняются и взаимопроверяются фольклорными, лингвистическими, историко-этнографическими источниками¹¹, что позволяет более детально проследить процесс формирования этой группы населения.

Начало формирования северных удмуртов относится к концу V в. н. э., когда часть пермского населения из Верхнего Прикамья переселяется на Чепцу и вступает в тесные контакты с местными племенами¹². В сложении верхнечепецкой группы, по-видимому, преобладающую роль сыграли верхнекамские племена, а нижнечепецких позднеазелинские. Об этом в определенной степени свидетельствуют как данные антропологии, так и традиционной

материальной культуры; в частности, у удмуртов, проживающих в районе г. Слободской, ныне Кировской области, выявляются параллели с азелинцами в деталях одежды, особенно типах украшений¹³.

На этническое оформление чепецких удмуртов оказали влияние и угры. В археологическом материале угорский компонент исследователи видят в появлении в конце I тысячелетия н. э. глиняных сосудов с решетчатым орнаментом, в более значительном распространении отдельных форм костяных изделий¹⁴. Лингвисты связывают с уграми названия воршудных групп Эгра, Пурга, Можга (см. ниже), а также единичные топонимы, представленные апеллятивами языков ханты и манси¹⁵.

Чепецкие удмурты имели широкие торговые связи с югом, о чем свидетельствуют находки серебряных сосудов из Византии и Средней Азии, монет различных восточных династий VII—X вв., разноцветных стеклянных бус из Сирии и Египта, каменных бус из Средней Азии¹⁶, поступавших в Приуралье в обмен на пушнину.

Но эти торговые связи заметного влияния на этническое оформление удмуртов не оказали. Изучение материалов погребальных памятников и поселений показывает, что в период VI—IX вв. складывается этническая основа северных удмуртов, оформляются своеобразные черты культуры¹⁷. Очевидно, в этот период складываются и диалектные особенности языка.

Начало II тысячелетия н. э. это период расцвета древней культуры северных удмуртов, переживавших этап разложения общинно-родовых и становления раннеклассовых отношений. Основой хозяйства становится пашенное земледелие со скотоводством, дополняемое охотой, рыболовством, бортничеством. Возделывали полбу-двузернянку, яровую рожь, овес, ячмень, основной системой земледелия был лесной перелог на свободных от леса землях. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней¹⁸.

С освоением более производительного пашенного земледелия возникли благоприятные условия для развития ремесел. На чепецких памятниках найдены металлургические и кузнечные горны, сотни выкованных из железа орудий труда и бытовых вещей, украшений, отлитых из бронзы и серебра¹⁹.

Одним из наиболее ярких элементов средневековой культуры удмуртов являются резные изделия из кости (рис. 2). Они раскрывают навыки и умение мастеров, их художественные, эстетические вкусы, систему идеологических представлений, уходящих корнями в глубокую древность, поскольку аналогии этим мотивам и сюжетам мы находим в искусстве эпохи раннего железа, бронзы, камня не только Прикамья, но и лесной полосы Восточной Европы, Урала и Сибири. Это искусство тем более интересно, что

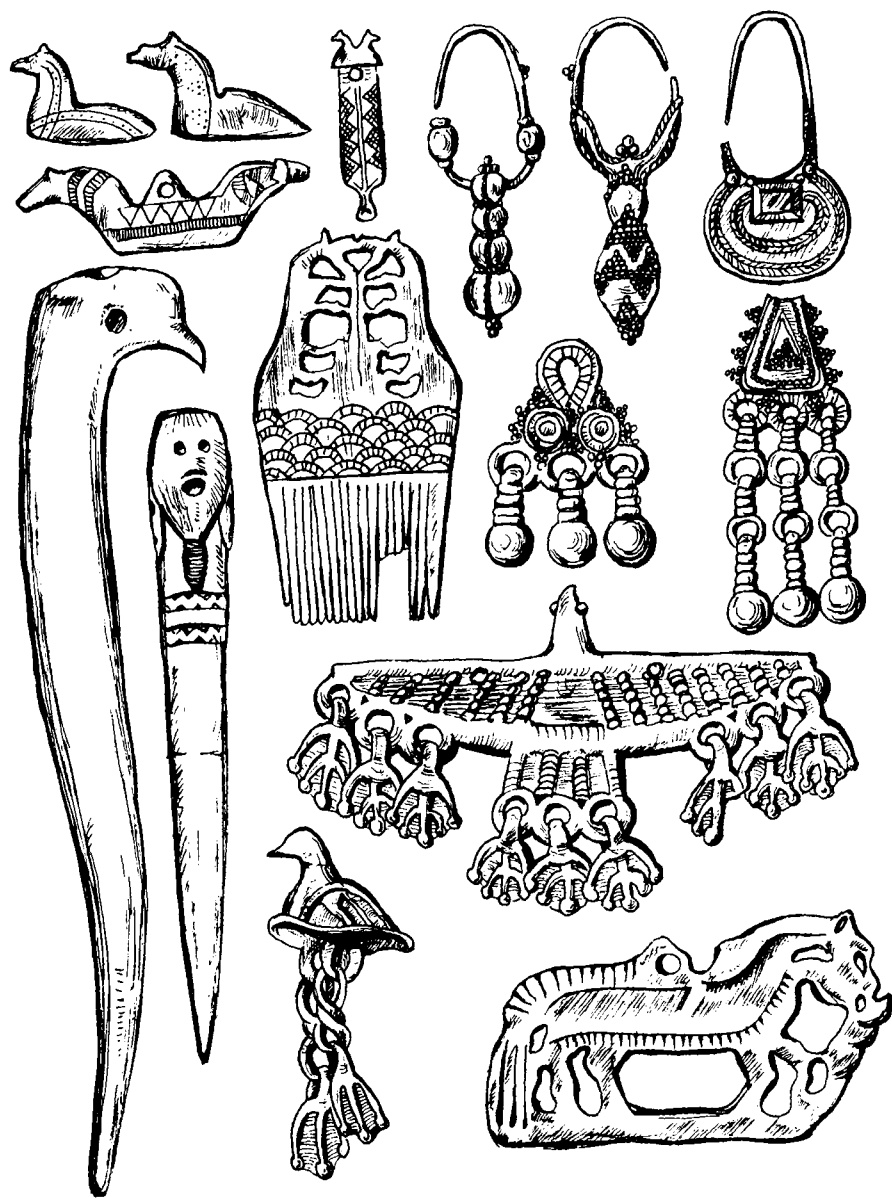

Рис. 2. Изделия из кости и украшения из цветного металла северных удмуртов X-XIII вв.

находит отражение в мифологии и этнографии удмуртов, составляя тем самым связующее звено между глубокой древностью и современностью в раскрытии путей формирования древней мировоззренческой картины.

Древняя и средневековая история Удмуртии развивалась в неразрывном контексте отечественной истории, в прямом или опосредованном контактировании со степным скифо-сарматским ареалом (а через них с глубинными регионами Юга и Востока), со славянским и тюркским миром, с Сибирью и Западной Европой.

На рубеже I и II тыс. н. э. более ярко прослеживается влияние Волжской Булгарии. На Чепце широко распространяются серебряные подвески, украшенные зернью, сканью. Постепенно возрастает количество гончарных сосудов булгарского производства. Следы средневековых этнокультурных связей сохранились и в удмуртском языке, где булгарский слой лексики составляет более 190 слов, отражающих основные занятия и экономический уклад жизни, например, бусы (поле), етйн (лен), ана (полоса обработанной земли); социальное положение, родственные или имущественные отношения: кен (сноха), туклячи (сваха), кузё (хозяин), куно (гость); торговлю и обмен: уксё (деньги), сумак (много, в большом количестве, оптом) и др.²⁰ Удмуртское “бигер” в значении “татарин”, возможно, восходит к этнониму “булгар”, что свидетельствует о древности и большой значимости этих контактов.

Связи с западными землями были незначительными. К XI в. относятся единичные находки монет западноевропейского происхождения в погребальных комплексах, отдельные украшения²¹. В X-XI вв. на чепецких городищах начинают появляться и древнерусские вещи: складные костяные расчески, пряслица из розового шифера, двусторонние роговые гребни. Одним из ранних свидетельств прямых или опосредствованных связей чепецкого населения с Русью являются тамгообразные знаки на костяных гребнях, найденных на городищах Иднакар в слое X начала XI в., один из них представляет собой копию тамги Владимира Святославовича (970-1014 гг.), другой является аналогией оттискам смоленских керамических клейм XI в.²²

В конце XII начале XIII в. количество предметов древнерусского производства заметно возрастает. К этому времени многие исследователи относят начало освоения бассейна р. Вятки первыми древнерусскими поселенцами²³. После разгрома татаро-монголами русских княжеств приток населения на Вятку усиливается. К концу XIV в. ими в среднем течении Вятки, где обитали и северные удмурты, уже были основаны г. Хлынов, ряд погостов, сел и деревень²⁴. Местное население вступало с переселенцами в непосредственные тесные хозяйственно-культурные контакты; часть

древних удмуртов, оказавшись в иноэтнической среде подверглась ассимиляции, большая же часть переселилась в районы современного расселения. Этнокультурное воздействие русского народа на северных удмуртов было более значительным, чем на южных, имевших более продолжительное и тесное взаимодействие с тюрками. Поэтому в языке и культуре северных удмуртов особенно заметно русское влияние.

Если связи с булгарами и славянами, народами иного круга культуры улавливаются в археологическом материале, то связи с родственными народами проследить труднее, так как формы культуры были типологически близкими, связи между ними могли осуществляться иными средствами и путями. Например, в удмуртских преданиях значительное место уделяется взаимоотношениям с марийцами, но в составе археологических комплексов их вещи выделяются очень редко. Довольно тесными были отношения с северными соседями древними коми.

Удмурты обменивались, главным образом, мехами, высоко ценившимися на южных рынках, а с лесными народами отдельными украшениями, поделками, навыками, культурными достижениями. Не случайно на территории всей лесной полосы Восточной Европы распространены близкие формы орудий труда, технологические приемы обработки металлов. На западно-финских и северно-русских памятниках встречаются прикамские, в том числе и поломско-чепецкие формы глиняных сосудов, серебряные гривны глазовского типа, основная масса которых найдена на Чепце, калачевидные подвески, некоторые типы шумящих украшений, костяных изделий. Исследователи считают, что эти контакты не сводились к простому обмену, а вещи, обряды и мотивы прикладного искусства народов Прикамья давали исходный импульс для рождения среди западных соседей новых типов украшений, новых форм бытовых вещей и орнаментации²⁵.

Этнокультурное взаимодействие удмуртов с различными этническими группами от простого обмена своей продукцией до усвоения элементов материальной и духовной культуры, заимствований в языке значительно обогащало, но не меняло сущностных черт общего характера культуры удмуртов. По-видимому, все группы удмуртов, обитавших на смежных территориях, говорили на близких диалектах, имели сходные обычаи и культы, единый этноним, но консолидация родственных коллективов в единую этническую целостность еще не завершилась. По этой причине не имеют единых героев и складывавшиеся в этот период древнеудмуртские эпические сказания. У разных групп удмуртов действовали свои, наделенные идеальными этническими характеристиками эпические герои, выразители локального, а не общенационального самосознания: среди северных удмуртов

это Донды и его сыновья Идна, Гурья, Весья, Зуй; среди калмезов (см. ниже)- богатыри Бурсин Чуньпи, Кужмо Бигра; среди можгинских удмуртов Мардан, Бия и др.²⁶ Все это позволяет предположить существование в период средневековья нескольких отдельных племенных или, точнее, земляческих территориальных объединений удмуртов.

2. Субэтнические объединения удмуртов

Удмуртский фольклор и ономастика, работы ученых XIX в., материалы этнографических и диалектологических экспедиций последних десятилетий свидетельствуют о том, что в недавнем, исторически обозримом прошлом, удмурты делились на две эндогамные группы ватка и калмез. Этимология этнонима ватка, по-видимому, связана с удмуртским зоонимом вад (выдра), диал. 'бобр'; этноним калмез лингвистами рассматривается как сложное слово, где кал 'рыба', мэс в финно-угорских языках, например, в финском mies, эст; mees, вепс. m'es - означает человек, мужчина, муж. В современных пермских языках эти слова относятся к архаизмам, параллели им имеются в родственных уральских языках.

В XIX в. удмурты, причислявшие себя к племенному объединению ватка, жили в основном в бассейне Чепцы, левого притока Вятки. Они, в свою очередь, делились на две группы: улланьёс (нижние), жившие в пределах бывшего Слободского уезда Вятской губернии, и вылланьёс (верхние), населявшие среднее и верхнее течение Чепцы в пределах бывшего Глазовского уезда. Между этими этногеографическими группами существовали некоторые различия в языке, материальной и духовной культуре.

До середины II тыс. н. э., т. е. до заселения русскими Вятской земли, племенное объединение ватка занимало более обширную территорию среднее и верхнее течение Вятки. Средневятские городища, расположенные от устья Моломы до Чепцы и вверх по Чепце до Косы, археолог А. А. Спицын связывал с данным племенным объединением удмуртов. Он считал, что гидроним Вятка (удм. Ватка, Ватка-кам, Ваткашур) этимологически восходят к удмуртскому этнониму ватка. По мнению А. А. Спицына, значительная часть глазовских удмуртов пришла с Вятки после появления там русских; начало массового переселения из района г. Хлынова (совр. г. Киров) он отнес к XVI в.²⁷ В черте г. Кирова выявлены следы разрушенного дорусского городища XI - XII вв. Его исследователь Л. П. Гуссаковский пришел к мнению, что данный памятник мог быть оставлен удмуртами-ватка²⁸. Археолог Л. Д. Макаров,

опираясь на обширный материал раскопок последних лет, считает вполне правдоподобными сведения "Повести о стране Вятской" повествующей о появлении первых русских поселений на Вятке в конце XII начале XIII в.; до этого времени территория региона была занята финно-угорскими племенами.

В дозорных и писцовых книгах Каринского стана, Хлыновского, Лужановского, Холуницкого, Сырьянского и Шестаковского уездов, составленных в начале XVII в., зафиксированы удмуртские населенные пункты и так называемые "вотские пустоши" заброшенные селения удмуртов. В то время только на средней Вятке было 63 удмуртских населенных пункта (погосты, деревни, починки), а в северных районах современной Удмуртии количество удмуртских селений не превышало 25. Эти данные свидетельствуют о том, что до начала XVII в. основная масса северных удмуртов ватка проживала еще по Вятке и ее притокам Холунице, Быстрице, Великой и нижнему течению Чепцы, вокруг г. Хлынова и Слободского. Со второй половины XVII в. карта расселения северных удмуртов значительно меняется: материалы переписи 1678 г. показали, что на территории, составляющей современную Кировскую область, осталось 28 удмуртских селений, в то время как количество удмуртских населенных пунктов в среднем и верхнем течении Чепцы увеличивается до 103. Произошло массовое переселение удмуртов с Вятки на Чепцу, о чем свидетельствуют и предания слободских и глазовских удмуртов. Отток удмуртского населения с Вятки непосредственно связан с увеличением русских поселенцев на этой территории: если в XII XIV вв. на Вятской земле отмечено 9 селищ русских, то к концу XVI в. их количество увеличивается до 100 и более²⁹.

Существует мнение, что впервые удмуртский этноним ватка под названием вьда зафиксирован в памятнике литературы XIII в. "Слово о погибели Русской земли". Созвучный этноним ведин упоминает венгерский миссионер Юлиан, побывавший в поисках прародины венгров в том же XIII в. в Волго-Камье³⁰. Заслуживает внимания сообщение этнографа М. Е. Евсевьева о том, что у мордвы Алатырского, Ардатовского и Буинского уездов еще в конце XIX в. сохранялись смутные воспоминания о каком-то народе, делившемся на два племени Кельмаз и Ветке³¹. Эти названия, без сомнения, имеют связь с удмуртскими калмез и ватка. Этот факт свидетельствует о том, что в древности, вероятно, до прихода тюркских племен в Поволжье, удмуртские родо-племенные группы занимали более обширные земли Волго-Камья и имели контакты с предками мордвы. В настоящее время мордва этнонимом ветьке называют чувашей. Данный факт может свидетельствовать о том, что какая-то часть удмуртов-ватка вошла в состав булгар - предков

чувашей. Археологические материалы отчетливо показывают участие в сложении населения Волжской Булгарии местных финно-угорских племен.

В бассейне Кильмези - левого притока Вятки - и по ее притокам Вале, Лумпуни, Лобани, Кылту, Уве, Нылге располагались селения племенного объединения калмез. К этой же группе, по-видимому, относились и удмурты бассейна р. Иж правого притока Камы. Язык, материальная и духовная культура, а также родовой состав у них близки.

Первоначальная территория обитания калмезов не ограничивалась бассейном Кильмези - она была значительно шире. Археологические памятники, найденные на нижней Вятке и по ее правому притоку Пижме, А. А. Спицын связывал с калмезами. Полагают, что они с правобережья Вятки под натиском марийских племен перешли на левобережье, а оттуда на берега Кильмези и ее притока Валы. С Кильмези они пробовали продвинуться далее на север, с Валы на юг³². Время переселения И. Н. Смирнов относил к периоду не позднее конца XIII в.³³ Этот процесс нашел отражение в легендах и преданиях яранско-уржумских марийцев и удмуртов-калмезов.

Культуру калмезов археолог В. Ф. Генинг связывает с пьяноборским (чегандинским) населением бассейна Белой и Нижнего Прикамья³⁴. Среди северо-западных башкир зафиксирована родоплеменная группа калмаш, происхождение которой может быть связано с удмуртами-калмезами. На юго-востоке Удмуртии и примыкающих к ней районах Башкирии и Татарии на основной территории распространения пьяноборской культуры - имеется более десяти топонимов Калмаш. Вероятно, часть калмезов-пьяноборцев была ассимилирована пришлыми тюркскими племенами, что нашло отражение в родоплеменной номенклатуре башкир и в географических названиях бассейна нижнего течения Камы и Белой.

По мнению В. Ф. Генинга, этноним калмез относится к чегандинскому этапу (III в. до н. э. - II в. н. э.) пьяноборской культуры; после переселения пьяноборцев на Вятку в среде азелинского населения (III - V вв. н. э.) их стали называть термином одо³⁵.

Одной из структурных единиц удмуртского этноса являются бесермяне (самоназвание "бесерманъёс" или "бисерманъёс"). Термин "бесерман", как полагает большинство лингвистов, представляет собой диалектный вариант тюркского "busurman" (кирг., балк., кумык., кыпч., волжск-булг.), которое производят от персидского "musliman" (мн. ч.). Это слово имеется в арабских языках: "muslim", отсюда "мусульманин"³⁶.

Литература по бесермянам не очень велика, но крайне пестра и противоречива. Довольно полный историографический обзор приводится в монографии Т. И. Тепляшиной³⁷.

Если попытаться сгруппировать имеющиеся гипотезы о происхождении бесермян, окажется, что они сводятся к 2 основным: 1) бесермяне в своей основе - тюрки, потомки булгар, татар, какого-то раннетюркского народа; 2) бесермяне по своему происхождению представляют группу южноудмуртского населения.

На данном этапе историко-этнографического знания, с учетом современного состояния письменных и полевых источников можно предложить следующее решение бесермянской проблемы (естественно, дальнейшее развитие удмуртской этнографии может привести к существенным коррективам предлагаемой гипотезы). Бесермяне в своей основе потомки южноудмуртского населения, испытавшего сильное и длительное влияние со стороны тюрков (отсюда этнокультурная связь с булгарами, татарами, чувашами, а также сам термин "чуваш", которым называют бесермян источники XVII в.). В этническом оформлении бесермян возможно и непосредственное участие какой-то раннетюркской группы, родственной поздним чувашам. Бесермяне на правах привилегированной части местного населения, перешедшего в ислам (бесерман-мусульман), по-видимому, играли определенную роль в Булгарском государстве и постепенно стали осознавать себя как нечто отличное от удмуртского этноса, затем в результате бурных событий в первые века II тысячелетия н. э. они оказались заброшенными в бассейн Чепцы и с тех пор живут среди северных удмуртов.

Группа бесермян, попавших на Чепцу, была немногочисленной. По переписной книге 1678 г., в Каринской волости было всего 4 бесермянские деревни, насчитывавшие 73 двора и 337 человек мужского пола, в 1717 г. отмечено 18 деревень со 100 дворами, 432 бесермянами мужского пола. Общая численность бесермян, видимо, составляла около 1000 человек.

В настоящее время бесермяне проживают в основном на северо-западе Удмуртской АССР (Юкаменский, Ярский, Базинский районы); селений, где они живут, включая и смешанные бесермянско-удмуртско-русско-татарские, - около 60. Численность бесермян, по переписи 1926 г., составляла около 10 тыс. человек. Последующие переписи их уже не выделяли, почти все они были записаны удмуртами.

В настоящее время бесермяне сохраняют еще самосознание, этноним "бесермян" и некоторые специфические особенности, главным образом, в языке, одежде, орнаменте и духовной культуре³⁸. Говорят бесермяне на одном из диалектов удмуртского языка, близком к южноудмуртской речи, имеющем черты тюркского воздействия.

Один из исследователей удмуртов М. Г. Худяков отмечал, что

в северо-восточной России нет ни одного народа, который в такой полноте, как удмурты, имел бы представление о своей принадлежности к тому или иному роду³⁹.

Исторической науке известны названия 70 воршудно-родовых подразделений удмуртов. Отнесение их к племенным объединениям ватка и калмез в настоящее время уже не представляется возможным. Однако часть воршудно-родовых групп отмечена только среди северных удмуртов, в бассейне р. Чепцы (предполагаемая территория племенного объединения ватка): Апя, Бёня, Вортча, Кушья, Ташья, Чумья, Чуйя, Удя, Уля, Эбга, Съома, Узя, Чудна.

Другие группы отмечены только в центральных и отчасти в южных районах Удмуртии (предполагаемая территория племенного объединения калмез): Можга, Кибья, Бодья, Пудга, Омга, Венья, Бия, Котья, Чунча, Норья, Съёлта. Остальные воршудно-родовые группы: Чабья, Чудья (Шудья), Зумья, Эгра, Какся, Поска, Жикья, Дурга, Пурга, Пельга, Затча, Уча, Санья, Монья, Тукля, Чола, Сюра, Бигра и др. встречаются во многих районах с удмуртским населением.

К последним относится наибольшее количество воршудно-родовых групп, причем, это наиболее крупные объединения, встречающиеся на территории как калмезов, так и ватка. Им принадлежала главенствующая, как бы цементирующая роль в этногенезе удмуртов, в объединении многочисленных родов и племен в народность и в формировании удмуртского языка (рис. 3).

Никаких следов института воршуда не выявлено у бесермян, что, очевидно, свидетельствует о сложности и своеобразии их этногенеза.

Воршуд - сложное историческое образование, включавшее в себя следующие элементы: 1) семейно-родовое божество, хранитель счастья и благополучия членов семьи и рода; 2) экзогамное объединение родственников, имеющих одного духа покровителя; 3) конкретное зоо- или антропоморфное изображение божества идол; 4) лубяной или берестяной короб, в котором хранились символические части от жертвоприношений; 5) металлические пластинки с изображениями (дэмдор), служившие амулетами, оберегами; их носили женщины (в некоторых местах - главы семей) на груди.

Слово воршуд связывают с глаголом вордыны (родить; растить; хранить, оберегать) + шуд (счастье) - буквально хранитель счастья, благополучия. Именно в таком значении воршуд воспринимался и самими носителями его культа⁴⁰.

В этнографической литературе, касающейся дохристианских верований удмуртов, встречаются упоминания об изображениях удмуртских воршудов, сделанных из дерева, глины, меди, серебра: небольшой медный идол в виде бородатого мужчины в короткой

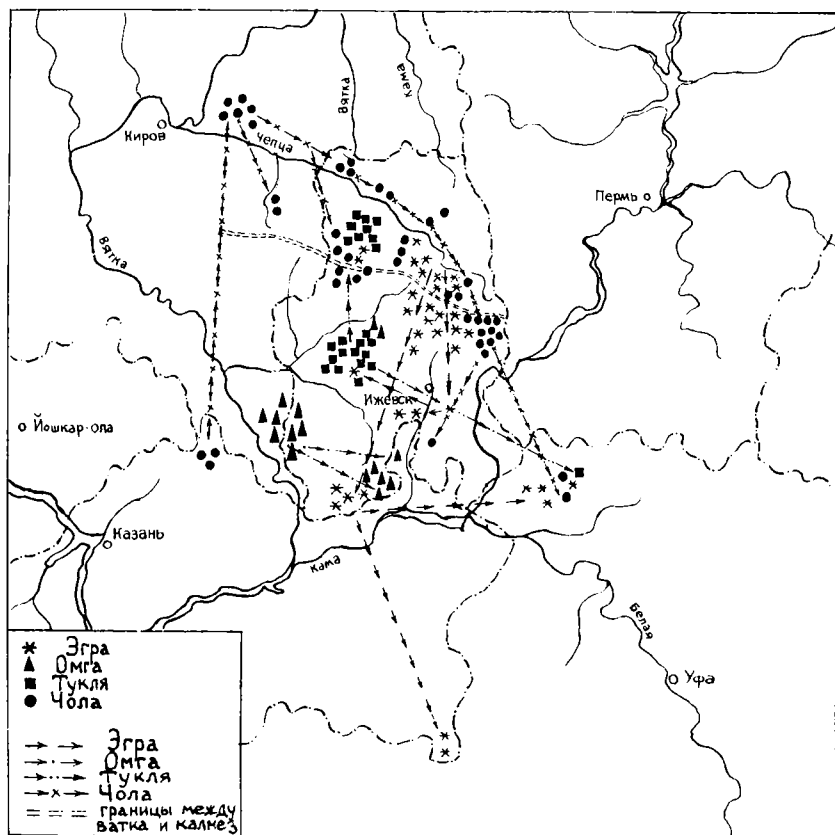

Рис. 3. Расселение воршудов Эгра, Омга, Тукля, Чола

одежде типа рубашки имелся у исследователя быта удмуртов Н. Г. Первухина; этнограф С. К. Кузнецов в 1881 г. в родовом святилище д. Мултан Малмыжского уезда нашел изображение воршуда в виде деревянного гуся с железным клювом и железными лапами; в д. Сянья Глазовского уезда в куале стоял деревянный идол, напоминавший белку; в д. Удмуртский Сарамак Кизнерского района вплоть до 30-х годов нашего столетия в святилище на полке имелись черепа каких-то животных, а в куале д. Лолошур-Возжи Граховского района деревянный идол⁴¹.

Подобные изображения отмечены и у других финно-угорских народов; аналогию удмуртскому семейно-родовому святилищу с его культовыми атрибутами и божками-идолами находим, например, у коми. По словам автора "Жития Стефана Пермского", боги пермские "суть болваны истуканные, изваянные, издолбленные, вырезом

вырезаемые". Их в большом количестве уничтожил Стефан Пермский еще в XIV в. при крещении коми⁴².

Анализ этимологии воршудных имен показал, что в их основе лежат названия птиц: юсь (лебедь), какся (цапля), паляка (перепелка), дукъя (глухарь), куака (ворона); зверей: коньы (белка), сёр (куница); насекомых: заны (водяной паук), кибы (букашка); рыб: уля (пескарь) и других предполагаемых тотемов рода⁴³.

Об архаичности и древности возникновения воршудных имен говорит тот факт, что зоонимы, легшие в их основу, по происхождению восходят к уральской, финно-угорской или пермской языковой общности; форманты -я, га, -ка, -ра, -ча, -ма, которыми оформлены воршудно-родовые имена удмуртов (Апъя, Дурга, Поска, Бигра, Затча, Болма и др.), по происхождению также восходят к уральскому или финно-угорскому праязыковому периоду. Следует отметить, что многие известные нам этнонимы финно-угров были оформлены теми же самыми аффиксами: Меря, Муром, Тойма, Эрзя, Мокша, Сура, Вишера, Печера, Югра и др.

Социальной основой тотемизма служил материнский, а позднее и отцовский род. Среди удмуртов записаны предания о том, что воршуды это имена давно забытых богинь-женщин, отличавшихся богатством и знатностью. Закамские удмурты во время молений обращались к своим воршудам словом мумы (мать). По определению Н. Г. Первухина, воршуд это и "род, поколение, относящееся исключительно к лицам женского пола, это и фамилия матери, переходящая через дочку к внучке и таким образом сохраняемая в потомстве"⁴⁴. Одной из своеобразных и оригинальных черт удмуртской антропонимии было то, что женщина-удмуртка после замужества теряла свое личное имя, взамен которого она получала воршудно-родовое имя своего отца, а в более древние времена имя рода своей матери.

В эпоху общинно-родового строя у каждой воршудной группы была своя определенная территория (выл) с укрепленным поселением кар. По мере увеличения числа членов рода, вокруг кара-городища возникали неукрепленные селения гурт или, как их часто называли, выльгурт (новая деревня). Самое старое селение родовой центр, откуда отпочковались починки, выселки, называлось вужгурт (старая деревня). В официальных источниках они передаются с помощью определения "старая" (Старая Юмья, Старая Вамья, Старая Монья и др.) или "большая" (Большая Уча, Большая Пудга, Большая Кибья и др.)⁴⁵.

О существовании в недавнем прошлом у удмуртов родовых территорий свидетельствуют и современные ойконимы (названия населенных пунктов). Так, например, в Можгинском районе в 9 названиях близко расположенных деревень сохранился микроэтноним

Какся, в 5 Уча; в Селтинском районе в 6 названиях Бия и Копка; в Увинском районе в 7 ойконимах встречается воршудное имя Тукля, в 4 Жикъя и т. д.

К настоящему времени культ воршудно-родового божества изжил себя окончательно. Лишь среди удмуртов северных районов республики, удмуртов-ватка Кировской области, у некрещенных удмуртов Башкирии и Пермской области можно встретить людей старшего поколения, помнящих название своего рода-воршуда. Однако воршудно-родовые имена удмуртов продолжают сохраняться в топонимии Камско-Вятского междуречья: в названиях населенных пунктов, рек, гор, полей, покосов, лесов, родников, археологических памятников (городищ, селищ, могильников) и т. д. Так, в настоящее время около 9% названий населенных пунктов Удмуртии содержат в своем составе воршудно-родовые имена⁴⁶. Особенно много отворшудных ойконимов в центральных (в бассейне Кильмези) и южных районах республики. Подобных названий немало на территории Татарии, Башкирии, Кировской области, где живут или когда-то в древности жили удмурты и их предки.

3. Удмурты в составе Русского государства

Довольно сложный субэтнический состав удмуртского этноса и длительное бытование в его системе локальных этнических образований разного исторического происхождения были вызваны, с одной стороны, явной замедленностью и незавершенностью этноконсолидационных процессов (этим объясняется некоторая архаичность и консерватизм всего удмуртского этнического комплекса), в конечном итоге обусловленных уровнем социально-экономического развития края, с другой тем обстоятельством, что два основных структурных компонента северная и южная группы удмуртов довольно долго были разделены, входя в разные социально-политические объединения, и уже потому не представляли этнического единства.

В конце I тыс. н. э. южная группа древних удмуртов оказалась под влиянием Волжской Булгарии (довольно необычного для средневековой Восточной Европы политического образования с развитой культурой городов, посредника между Востоком и Западом, с арабской письменностью и мусульманской религией), а через нее надолго включена в сферу интересов и интенсивного этнокультурного воздействия обширного тюркского мира.

Северные удмурты географически и исторически традиционно более тяготели к Русскому Северу, через который осуществлялись связи с западным культурным ареалом.

Как уже отмечалось, первые контакты Удмуртского Прикамья со славянским миром на археологическом материале прослеживаются, начиная с рубежа I и II тыс. н. э., однако непосредственные отношения начались несколько веков спустя. Не случайно древние удмурты сравнительно поздно попали на страницы русских письменных источников. Даже в "Повести временных лет" (XII в.), где практически с исчерпывающей для того времени полнотой перечисляются все известные тогда народы, об удмуртах нет никаких упоминаний. Вероятно, это произошло потому, что к тому периоду русские непосредственно с удмуртами еще не были знакомы, и вследствие этого тогдашние историографы прямых сведений об удмуртах не имели, а получали их через посредников, скорее всего северных пермян, может быть, и не дифференцируя их друг от друга. По-видимому, "пермь" некоторое время служила общим собирательным этнонимом для всех пермских финнов, в их числе и предков современных удмуртов. Возможно, что и удмуртское "жуч" (русский) пришло через коми "роч", то есть первоначально о русских удмурты узнали от своих ближайших родственников по языку - коми, северный путь к которым новгородские землепроходцы проложили довольно рано.

Вопрос о начале освоения русскими Вятско-Камского края и непосредственного их знакомства с удмуртами все еще остается дискуссионным.

В 1174 г. многочисленная дружина ушкуйников отправилась из Великого Новгорода на судах вниз по Волге. Доплыв до реки Камы, они построили на ее берегу укрепленный городок. Часть ушкуйников поднялась по Каме, другая отправилась вверх по Вятке, они "покорили живущих там чудь и вотяков". Тем самым было положено начало русской колонизации Вятского края. Во всяком случае, так считали и довольно долго. Но уже к концу XIX в. выяснилось, что "Повесть о стране Вятской" или "Вятский летописец", согласно которому бывало это широко распространившееся мнение, поздняя подделка конца XVII начала XVIII в. В частности, сам термин "ушкуй" (лодка) появляется лишь в XIV в., поэтому ни о каком ушкуйничестве в XII в. говорить не приходится⁴⁷.

Первые русские поселенцы появились на Вятке, по всей вероятности, не раньше XIII столетия⁴⁸. Заметно усилился переселенческий поток в XIV в. Спасаясь от монголо-татарского ига, особенно после битвы на р. Пьяне (1377 г.), когда царевич Арапша подверг страшному разгрому Нижегородско-Суздальскую землю, часть ее населения бежала на север и северо-восток и нашла себе прибежище в глухих вятских лесах. Конечно, сюда приходили поселенцы и из других русских земель. К концу XIV в. Вятская земля была уже вотчиной Нижегородско-Суздальских князей, а затем

попала под влияние Москвы. Начавшийся период сепаратистских выступлений Вятки отодвинул ее окончательное присоединение к Москве⁴⁹ до конца XV в.

Известный историк Н. И. Костомаров справедливо заметил, что "... нет ничего в Русской истории темнее судьбы Вятки и земли ей"⁵⁰. И действительно, многие страницы вятской истории до сих пор еще остаются для нас неясными, ранняя история Вятской земли изобилует загадками.

Одной из них является происхождение арских князей. Известно, что этим именем назывались князья, владевшие южными удмуртами на правобережье Камы, где они составляли особую податную область Казанского ханства Арскую даругу (или дорогу). Центром ее был Арский городок (ныне г. Арск в Татарии).

Затем арские князья появляются на Вятской земле и тоже в качестве владетельных князей, только теперь они владели уже северными удмуртами, живущими на Вятке и Чепце. Существует два основных мнения по поводу их появления на Вятке: 1) арские князья принимали участие в известном походе татарского царевича Бекбута на Вятскую землю в 1391 г. и остались там на правах победителей⁵¹; 2) суздальские князья Василий и Семен Дмитриевичи, которые владели Вяткой как своей вотчиной, в своей сепаратистской борьбе с Москвой искали поддержку у татар. Так, в 1399 г. они совместно с Ейтяком (Сентяком) взяли штурмом и ограбили Нижний Новгород. Может быть, в награду за этот поход, а также в целях собственной безопасности, чтоб при случае вновь можно было воспользоваться их помощью, суздальские князья и поселили татар в с. Карино (поэтому их еще называют каринскими), что в 15 км от устья Чепцы, передав им во владение удмуртов⁵². Как бы то ни было, арские князья появились на Вятке не позднее конца XIV в. и были выходцами из Арской земли (об этом говорит их название, хотя этническая принадлежность определяется неоднозначно). Очевидно, татары принесли сюда необычный для вятских удмуртов термин "аряне" (здесь удмурты были известны под именем "отяки", "вотяки").

В конце 1489 г. Вятская земля вошла в состав Московского государства.

Вместе с вятчанами русскими людьми в состав Московского государства вошли и коренные обитатели Вятского края северные удмурты, которых под именем "арян" упоминает Софийская вторая летопись⁵³.

После присоединения к Москве на Вятке было установлено обычное для Московского княжества административное устройство. Вяткой управляли присылаемые из Москвы воеводы, а позднее наместники.

Вятская феодально-торговая знать (вятчане “большие”, “земские” и “торговые” люди), частью “изведоша”, а большей частью в целях предотвращения их антимосковских выступлений была “разведена” по московским городам (в их числе, очевидно, была и социальная верхушка удмуртского общества)⁵⁴.

Московским правительством поощрялось переселение русских людей во вновь присоединенные земли. Однако важно отметить, что в освоении Вятского края (особенно на ранних этапах) главная роль принадлежала не феодальной администрации. Неизмеримо большее значение имело вольное крестьянское заселение вновь присоединенных земель, которое нередко осуществлялось вопреки воле властей: крестьяне бежали от жестоких притеснений в поисках лучшей доли. Именно посадско-слободское и сельское русское население заложило основы прочного приобщения Вятки к Русскому государству, установило хозяйственные связи, подготовило фундамент для будущего тесного этнокультурного сотрудничества. На Вятке до сих пор живут потомки этих первых поселенцев, носящие фамилии Устюжанины, Лузянины, Вычужанины, Вылегжанины, Перминовы, Пермьяковы и пр., которые ясно указывают места, откуда пришли их предки. Русские люди в основном селились во вновь основанных городках, главным образом занимая течения рек и первоначально не проникая в глубь территории Вятского края. Крупных столкновений с местным населением не было, что естественно при обилии пустой земли и малонаселенности. Этот миграционный процесс был длительным и занял несколько столетий.

В отношении северных удмуртов великокняжеской властью проводилась особая политика. Они были оставлены во владении арских князей, за которыми сохранилось право “ведати и судити... и пошлину имати”⁵⁵, но тут же отмечалось: “за их службу” Московскому царю в период его борьбы с Казанским ханством было важно иметь верных союзников в лице арских (каринских) татар, поэтому за ними и были оставлены их владения. Когда Казань была покорена и отпала необходимость в поддержке арских князей, их положение существенно изменилось: удмурты в 1588 г. из-под их власти были выведены, теперь они должны были платить “оброк за все про все” в 500 рублей в царскую казну⁵⁶. Господство каринских татар, длившееся около двух столетий, закончилось.

Южные удмурты, населявшие Арскую землю, которая вначале находилась во владении Булгарского государства, а затем Золотой Орды и с 1436-37 г. - Казанского ханства, вошли в состав Русского государства позднее, после того, как в середине XVI в. Казань пала и покорилась Москве.

Процесс присоединения удмуртов к Русскому государству, как полагают, завершился к 1558 г. В административном отношении

южные удмурты были причислены к Арской и Зюрейской даругам Казанского уезда и, как большинство народов Среднего Поволжья, составили категорию так называемого “ясачного” крестьянства со всеми вытекавшими податными последствиями: были разделены на отдельные сотни и платили ясак (натуральный, а с XVIII в. денежный оброк).

Проблема социального строя удмуртов накануне присоединения к Русскому государству в исторической науке остается малоисследованной и дискуссионной. В XV – XVI вв. удмурты, по-видимому, находились на стадии перехода от общинно-родовой организации к классовым раннефеодальным отношениям. Этот процесс в силу неблагоприятной социально-политической ситуации, сложившейся в крае в первых веках II тыс. н. э., затянулся и не приобрел законченные формы. С присоединением к России социальный строй удмуртов своеобразно трансформировался: развитые феодальные отношения наложилось как бы сверху, внутри же удмуртского мира еще долго сохранялись структурообразующие единицы индо-дофеодального – социально-экономического порядка. Незавершенность форм социальной организации, многоукладность в системе хозяйствования создавали множество противоречий в развитии средневекового удмуртского общества.

Вхождение удмуртского народа в состав Русского государства в исторической перспективе имело прогрессивное значение: ускорился процесс социально-экономического развития, все группы удмуртов оказались в рамках единого государства – возникли условия для сложения удмуртской народности, появились зачатки грамотности⁵⁷

С учреждением Вятского наместничества (1780 г.), а позднее Вятской губернии (1796 г.) удмурты составили большинство населения 4 ее уездов – Глазовского, Сарапульского, Малмыжского и Елабужского и были отнесены в разряд государственных крестьян; уездные центры получили статус городов.

В условиях царизма удмурты вместе с остальными нерусскими народами испытывали все тяготы национального гнета, который во многом усугублял их тяжелое социально-экономическое положение и неблагоприятно сказывался на их этнокультурном развитии.

Вместе с другими народами края удмурты не раз поднимались против национального и социального гнета. В первое десятилетие XVIII в., а затем в 1775 г. по Прикамью и Приуралью прошла волна крестьянских восстаний, в которых они принимали активное участие. Большую роль в истории удмуртов сыграла крестьянская война 1773-1775 гг., возглавляемая Емельяном Пугачевым.

Восстание Пугачева и участие в нем навсегда осталось в памяти удмуртского народа, запечатлевшись в его фольклоре, а затем в художественной литературе. Несмотря на жестокую расправу с

пугачевцами, память о тех событиях поддерживала в народе дух непокорности. И хотя крестьянские войны с таким размахом, как это было в 1773-1775 гг., больше не повторялись, на протяжении XIX в. в разных местах время от времени вспыхивали народные волнения (серия так называемых "картофельных" и "кумышечных" бунтов). Более крупное из них (1807 г.), охватившее весь Сарапульский уезд, было вызвано царским указом о приписке к Ижевским железоделательному и оружейному заводам ближних к ним селений. Особенно упорно сопротивлялись насильственной приписке удмурты Завьяловской и Юськинской волостей. Различные заводские повинности отвлекали крестьян от их основных занятий и вызывали недовольство. К тому же, им приходилось выносить унижительное обращение, издевательства заводских приказчиков. Однако контакты с рабочими, приобщение к русскому языку в конечном итоге способствовали росту социально-политического сознания крестьян.

С проникновением и развитием капиталистических отношений в крае в этот процесс постепенно втягиваются и удмурты. Впрочем, единственной отраслью промышленности, в которой в относительно больших масштабах участвовала нарождающаяся удмуртская буржуазия и где больше всего трудилось рабочих-удмуртов, была лесная. В основном же удмуртская буржуазия вынуждена была ограничить сферу своей деятельности сельским хозяйством, кустарно-промышленными заведениями и незначительно - торговлей. Крестьяне-удмурты постепенно оказывались в условиях мелкотоварного производства и попадали в зависимость от рынка, в развитии которого большое значение имели паромное судоходство на Каме и Вятке и пуск в эксплуатацию Пермско-Котласской железной дороги в конце XIX в.

Социально-экономический процесс развития Удмуртии способствовал тому, что начали происходить медленные, но весьма существенные изменения в структурной связи родственных групп, входивших в те или иные территориальные "земляческие" объединения, шло "уплотнение этнического ядра" формирующейся народности. Причем следует подчеркнуть, в лингвистически однородной среде, которая, однако, еще не была сцементирована господствующим и всеобъемлющим товарным производством и не имела широкого общественно-политического национального движения, происходило налаживание внутренних органических связей, которые начинали оформлять удмуртский этнос территориально, культурно-хозяйственно и психологически в единое целое. Но процесс этот шел как бы незаметно, исподволь, по линии демографического, хозяйственного и культурного взаимообмена отдельных групп удмуртского населения. Разложение натурального крестьянского хозяйства, развитие промышленного капитализма, рост торговли и

городов происходили здесь по сравнению с центрально-промышленными районами страны замедленными темпами.

4. Удмурты после Октябрьской революции

Развитие удмуртского этноса после Октябрьской революции характеризуется важнейшими событиями, имевшими историческое значение для его этнокультурного развития: национально-государственным строительством, культурными преобразованиями (развитие образования на удмуртском языке, создание профессиональной художественной культуры и т. д.), подготовка квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства.

Советская власть на территории Удмуртии была установлена в течение октября 1917 - апреля 1918 гг. С этого времени начинается разработка мер, направленных на преодоление социально-экономической и культурной отсталости удмуртского народа. Образование национальной государственности должно было служить основой для претворения в жизнь этих мероприятий. III Всероссийский съезд Советов (январь 1918 г.) предоставил право каждой нации на собственном съезде решить вопрос об участии в федеральном правительстве и формах этого участия. Весной 1918 г. началась подготовка к I съезду удмуртов, который состоялся в июне того же года в г. Елабуге. На нем присутствовало 78 делегатов из Вятской, Казанской, Пермской и Уфимской губерний.

Одним из центральных на съезде был вопрос о самоопределении удмуртского народа. Часть депутатов высказалась за образование Прикамской губернии, куда бы вошли территории, населенные удмуртами. Однако большинство делегатов проголосовало за образование административной единицы в составе РСФСР, которая объединяла бы удмуртов, проживающих в Вятской, Казанской, Уфимской и Пермской губерниях⁵⁸.

В июле 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) образован удмуртский отдел во главе с М. П. Прокопьевым, который начал организационную работу по созданию отдельной административной единицы для удмуртов. Были составлены проекты границ и Конституции Удмуртской автономной трудовой коммуны⁵⁹.

Деятельность удмуртского отдела проходила с перерывами, связанными с начавшейся гражданской войной. В августе 1918 г. белогвардейцы и эсеры подняли мятеж в Ижевске, который быстро распространился вширь и захватил значительную часть территории Удмуртии. В ноябре 1918 г. мятеж был подавлен, работа по национальному строительству возобновилась, но весной 1919 г. она

вновь была прекращена в связи с наступлением колчаковских войск. Работники удмуртского отдела при Наркомнаце были мобилизованы в Красную Армию, заведующий отделом М. П. Прокопьев ушел на фронт добровольцем и погиб.

Сразу после освобождения от Колчака работа по образованию Удмуртской автономии продолжилась. В сентябре 1919 г. на III съезде удмуртов (г. Сарапул) принято постановление об образовании Удмуртского комиссариата (такое решение было принято еще на II съезде, однако его реализации помешала война), комиссаром ЦК РКП(б) по делам удмуртов был назначен профессиональный революционер И. А. Наговицын⁶⁰. В августе 1920 г. было завершено составление проекта границ, а 4 ноября ЦИК РСФСР и СНК приняли постановление об образовании Вотской автономной области. В нее вошли части Глазовского, Малмыжского, Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губернии с населением в 633 тыс. человек (удмурты 58,7%, русские 37,7%, представители других национальностей - 3,6%)⁶¹. Административным центром был определен г. Глазов. Однако в связи с трудностями в комплектовании государственных и хозяйственных органов квалифицированными кадрами, а также учитывая возрастающую роль в хозяйственной и культурной жизни области г. Ижевска, его центральное положение по отношению к ареалу расселения удмуртов, столица летом 1921 г. была переведена в Ижевск.

Созданная по этническому признаку, областная автономия не представляла единую экономическую структуру, в своих правах была фактически приравнена к другим административным образованиям (губерниям), к тому же не имела реальных политических прав, вытекающих из статуса национальной административной территории. Поэтому Вотский облисполком неоднократно, начиная с 1925 г., обращался в центральные органы с ходатайством о повышении статуса области и ее переименовании. Ходатайства длительное время оставались без внимания⁶². Лишь в 1932 г. Вотская область была переименована в Удмуртскую; впервые официально признавалось самоназвание удмуртского народа. В декабре 1934 г. область получила статус автономной республики. В связи с потребностями экономического развития в состав республики в 1937 г. были включены Сарапульский, Воткинский, Каракулинский и Киясовский районы с русским населением, а в 1939 г. Кизнерский район, в котором была значительная доля удмуртов.

Одним из первых актов Советской власти было установление новых земельных отношений. По Декрету о земле крестьянство Удмуртии (в границах 1920 г.) получило в свое пользование свыше 2 млн. гектаров земли⁶³, в дополнение к наделным крестьянским землям был создан фонд площадью свыше 120 тыс. гектаров⁶⁴. Новые

земельные отношения создали благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Однако его развитию серьезный урон нанесла гражданская война. Территория Удмуртии, как указывалось выше, дважды становилась театром военных действий. В числе других хлебных районов Прикамья она стала важным поставщиком продовольствия для Красной Армии и промышленных центров. Только в августе 1918 г. Вятская губерния (куда входила и территория Удмуртии) собрала около полумиллиона пудов зерна, что составило четвертую часть хлеба, собранного по стране⁶⁵. Выполняя огромные задания по продразверстке, крестьянство исчерпало имевшиеся продовольственные ресурсы.

Интенсивный сбор хлеба не мог не сказаться на настроениях крестьян и их отношении к Советской власти. Поэтому на первом этапе войны удмуртское крестьянство относилось к событиям выжидательно, а порой и склонялось к поддержке контрреволюционных сил⁶⁶. В выступлениях против Советской власти участвовала значительная часть среднего крестьянства, а кое-где и группы бедняков. Только в Глазовском уезде летом 1918 г. произошло около 80 контрреволюционных волнений и вооруженных выступлений⁶⁷.

В то же время, образование новых органов Советской власти, отстаивавших интересы большинства крестьян (создание условий для функционирования удмуртской общины и ведения общинно-передельной формы хозяйствования, которой традиционно придерживалось удмуртское крестьянство⁶⁸), деятельность Наркомнаца, увеличение числа членов партии, сочувствующих ей, привели к укреплению авторитета Советской власти в деревне. Определенную роль в нормализации политической обстановки сыграли и партийные работники, направленные для ведения политико-воспитательной работы в части Восточного фронта из Петрограда и Москвы. Они вели агитационную работу не только среди солдат, но и среди местного населения.

Второй период гражданской войны (наступление Колчака) характерен тем, что удмуртское крестьянство в подавляющем большинстве стало на сторону Советской власти, чему способствовала и антинародная, грабительская политика Колчака. Оно не только оказало большую продовольственную помощь Красной Армии, но и перешло к открытым действиям против колчаковских войск. Например, в районе с. Чутырь действовал партизанский отряд, состоявший в основном из удмуртов, удмуртами пополнялись и различные воинские части⁶⁹.

Участвовавшие в боях в составе Красной Армии сыграли большую роль в изменении сознания удмуртов. Бывшие бойцы стали ведущей революционизирующей силой в среде удмуртского народа, восполнив в определенной степени отсутствие национального рабочего класса⁷⁰.

Гражданская война нанесла серьезный урон сельскому хозяйству Удмуртии. В 1921 г. было засеяно всего 70% посевной площади. Неурожай этого года еще более усугубил положение крестьянства и привел к массовому голоду. В области голодало более 50% населения⁷¹. В следующем году посевная площадь стала еще меньше, значительно сократилось поголовье лошадей и крупного рогатого скота. В этот период Удмуртия получила продовольственную помощь из центральных районов страны, особенно большую поддержку оказала ей Ярославская губерния⁷².

Один из путей преодоления кризисной ситуации крестьянство видело в кооперации. Уже в январе 1921 г. в Удмуртии насчитывалось 46 сельскохозяйственных кооперативов, через год 105⁷³. Год от года кооперативное движение набирало силу и проходило на сугубо добровольной основе. Крестьяне объединялись и в потребительские общества. К 1926 г. 24,2% сельского населения Удмуртии было охвачено потребительской кооперацией и 19,8% сельскохозяйственной⁷⁴. Правда, уровень кооперации был ниже союзного (в 1927 г. в стране коллективные формы хозяйствования объединяли 32% хозяйств⁷⁵). По национальному составу преобладали коллективы с русским населением, удмуртских было в 2 раза меньше, однако последние состояли, как правило, из многосемейных дворов.

Выборочное обследование коллективных хозяйств Удмуртии показало, что основными мотивами их организации были сознание выгоды ведения коллективного хозяйства, стремление избавиться от недостатков общинного землевладения, желание ввести улучшенные севооборот и технику⁷⁶.

Во второй половине 20-х годов новая экономическая политика столкнулась с рядом трудностей и противоречий, порожденных сложным состоянием народного хозяйства страны. Развитие сельского хозяйства тормозилось ограниченными возможностями материально-технической базы⁷⁷. Начинается снижение количества коллективных хозяйств и в Удмуртии; причинами их распада стали слабые возможности землеустроительных органов, недостаток основных и оборотных средств, разногласия между членами кооперативов.

Объективные трудности в развитии народного хозяйства руководство страны решило преодолеть не экономическими методами, а путем повсеместного применения чрезвычайных мер в отношении крестьянства. Разнообразие способов хозяйствования практически было сведено к одной форме⁷⁸. Административно-бюрократический стиль преобразований особенно ярко проявился в форсированных темпах сплошной коллективизации и ее насильственных методах.

Местные власти Удмуртии взяли обязательство завершить коллективизацию области за 1,5 года. В некоторых районах процент коллективных хозяйств в течение двух недель был доведен до 70%.

При этом, под предлогом борьбы с кулаком, применялось насилие и к огромной массе крестьян середняков; отмечены села, где раскулачить предполагалось до 30% хозяйств⁷⁹, хотя, по итогам выборочного обследования крестьянских хозяйств Удмуртии в 1926 г., охватившем 12,2 тыс. крестьянских дворов, зажиточными было признано всего 1,3%, бедняцкими 18,5%; отмечалось, что хозяйственный уклад того периода не создавал для роста кулацких хозяйств благоприятных условий⁸⁰. Принудительные меры, применявшиеся в отношении к крестьянству, нанесли огромный ущерб сельскому хозяйству. Начиная с 1929 г. систематически снижалось поголовье скота (особенно быстро в 1930-1932 гг.): количество лошадей сократилось в 1,5 раза, крупного рогатого скота в 1,3 раза⁸¹.

К 1934 г. в колхозах состояло уже 77% крестьянских дворов Удмуртии, между тем признавалось, что в отношении сельского хозяйства "меньше всего можно говорить о быстром подъеме или о мощном разбеге"⁸².

Огромный материальный ущерб во время гражданской войны понесла и промышленность Удмуртии. Большинство предприятий было разрушено, в 1920 г. работали только Ижевский и Воткинский заводы. Сокращение производства привело к безработице. Так, за 1920 г. зарегистрировано 12,2 тыс. безработных, в 1922 г. 15,5 тыс., в 1923 г. - 20,1 тыс. Восстановление народного хозяйства (в Удмуртии оно было завершено к 1926 г.) создало реальные условия для их трудоустройства, в 1927 г. количество не имевших работу сократилось в 2 раза по сравнению с 1923 г.⁸³

Учет безработных по национальному признаку стал вестись только с 1 июля 1926 г. Доля удмуртов среди них была невелика и колебалась от 5 до 9,5% от общего числа безработных. Однако удмуртам было гораздо труднее устроиться на работу, так как абсолютное большинство их ранее не было связано с промышленным производством, не обладало профессиональной подготовкой⁸⁴.

В июле 1929 г. был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства Удмуртии; особый упор в нем делался на развитие машиностроения. В результате его осуществления с 1928 г. по 1932 г. вступило в строй 224 новых предприятия, в том числе 74 крупных. За этот период значительно увеличился численный состав рабочего класса⁸⁵, в начале 1930 г. спрос рабочей силы уже превысил ее предложение. Ликвидация безработицы в Удмуртии произошла раньше, чем во многих районах страны.

В 30-е годы в Удмуртии завершена реконструкция существовавших заводов и созданы новые отрасли металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. В Ижевске освоен выпуск сложных токарных станков, началось производство отечественных

мотоциклов. Широкое развитие получили стекольная, деревообрабатывающая и пищевая промышленности. К 1933 г. доля промышленной продукции превысила 2/3 продукции народного хозяйства области и приблизилась по этому показателю к общесоюзному уровню⁸⁶.

Несмотря на успехи в хозяйственном строительстве, в 20-е и 30-е годы коренное население оставалось преимущественно сельским, лишь небольшая часть удмуртов участвовала в промышленном труде. К началу Отечественной войны рабочие-удмурты были заняты в основном в строительстве, на лесных промыслах, на транспорте и т. д.

Серьезные успехи в довоенный период были достигнуты в культурном строительстве. К 1934 г. грамотность удмуртского населения достигла 88,8%⁸⁷, а к 1936 г. неграмотность была в основном ликвидирована. В 1940 г. в республике было уже 5 вузов, 31 среднее специальное учебное заведение, однако удмурты в них составляли лишь около трети всех студентов.

В 1923 г. началась практическая работа по удмуртизации государственного аппарата. Постановлением V съезда Советов Вотской автономной области во всех учреждениях вводилось употребление удмуртского языка. Внедрялось и делопроизводство на удмуртском языке. Осуществление этих мероприятий успешнее продвигалось в низовом аппарате: к 1927 г. в штате сельских Советов удмурты составляли уже 57,2%, в уездных учреждениях 35,6%, в областных 17,8%⁸⁸.

Главным препятствием в удмуртизации аппарата был недостаток квалифицированных кадров. Проблему пытались решить путем направления работников в вузы, созданием института практиканства, с помощью курсов по изучению удмуртского языка ответственными работниками и т. д. Однако принимаемые меры оказались крайне неэффективными. Основная причина насильственный характер проводимых мероприятий, стремление завершить их в кратчайшие сроки, процентомания и погоня за валом. При приеме на работу предпочтение стали отдавать удмуртам, при этом было желательно членство в партии; качественные характеристики работников зачастую не брались во внимание.

Это практически дискредитировало идею коренизации. В результате с 1933 г. доля удмуртов в хозяйственных и советских органах всех уровней начинает снижаться⁸⁹.

В период Отечественной войны в экономике республики произошли существенные изменения. Удмуртия стала одной из важных тыловых баз, так как обладала развитой промышленностью, созданной в годы довоенных пятилеток. Кроме того, здесь были размещены фабрики и заводы, эвакуированные из западных областей

страны. За короткий срок выпуск продукции для фронта был значительно увеличен, освоены ее новые виды.

Во время войны на территории Удмуртии было сформировано 4 крупных общевойсковых соединения, более 30 отдельных частей и подразделений; уже к концу 1941 г. республика практически исчерпала мобилизационные возможности (обученные военным специальностям)⁹⁰. В общей сложности в Отечественной войне участвовало более 300 тыс. уроженцев республики, в т. ч. 107 тыс. удмуртов.

Размещение эвакуированных предприятий, необходимость увеличения выпуска продукции военной промышленности вызвали значительные передвижения населения внутри республики, усилился переход населения в города. Путем мобилизации из села за годы войны на промышленные предприятия было привлечено около 60 тыс. человек. В результате призывов и мобилизаций количество трудоспособных на селе уменьшилось более чем наполовину⁹¹. Однако миграции военных лет практически не изменили социальную структуру удмуртов. Если к 1936 г. доля рабочих-удмуртов только в крупной промышленности достигла 16,7% от всего промышленно-производственного персонала, то в 1948 г. удмурты в составе всех рабочих и служащих республики составляли 16,4%⁹².

В послевоенный период важнейшими отраслями промышленности остались машиностроение и металлообработка. Освоен выпуск новой продукции: бумагоделательных машин, легковых автомобилей и т. д., в 60-е годы началась добыча нефти. Темпы роста промышленного производства Удмуртии превышали общесоюзные показатели, экстенсивные методы наращивания выпуска продукции требовали значительного притока рабочей силы. Поэтому послевоенный период восстановления и развития народного хозяйства характерен быстрым увеличением городского населения, в основном за счет притока из сельской местности. Численность крестьянства в Удмуртии сокращалась более быстрыми темпами, чем в целом по стране: с 1959 г. по 1989 г. сельское население Удмуртии сократилось на 257,1 тыс. человек, а число сельских населенных пунктов уменьшилось в 2,1 раза⁹³. Однако нужно отметить, что отток удмуртов из села происходит медленнее, чем русских, поэтому их доля в сельском населении постоянно растет (см. главу XVI).

Большим динамизмом характеризуется и изменение социально-классовой структуры населения республики; к 1959 г. численные показатели классового деления населения Удмуртии вплотную подтянулись к уровню соответствующих показателей страны⁹⁴.

За счет более высокой социальной мобильности удмуртов решалась и задача выравнивания социального развития народов республики. Значительно выросли доля и численность рабочих из

представителей коренной национальности. Сформировалась национальная интеллигенция; если до войны она в основном состояла из лиц, занятых в административно-управленческом аппарате, и представителей массовых профессий (учителя, врачи), то в послевоенные годы наблюдается увеличение доли производственной, научной и научно-технической интеллигенции. В настоящее время среди руководителей промышленных предприятий республики удмурты составляют 13,7% (для сравнения: среди председателей колхозов и директоров совхозов 55,2% удмуртов), среди начальников цехов 11,8%, среди мастеров 13,8%⁹⁵. Национальный состав промышленной интеллигенции не отражает еще этнический состав населения республики, в развитии социальной структуры удмуртов и на сегодняшний день остается немало проблем (см. также главу XV). Дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию народа будут способствовать расширение правовых гарантий в реализации национально-культурных запросов, научно обоснованная региональная политика, учитывающая национальные и общенародные интересы.

¹ Владыкин В. Е. Удмуртские фольклорные источники в этногенетических исследованиях (к постановке проблемы)//Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 104; Атаманов М. Г. Расселение удмуртов по данным этнотопонимии//Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 80-103; Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа//Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 6-36; Владыкин В. Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов. Автореф. канд. дисс. М., 1969. С. 6-10; WLADIKIN W. E. Die frühen Perioden der Ethnogenese der Udmurten.//Acta Ethnographica. Budapest, 1972. T. 21 (3-4). Pp. 235-261.

² Владыкин В. Е. Удмуртские фольклорные источники в этногенетических исследованиях. С. 104.

³ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

⁴ Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

⁵ Гусенцова Т. М. Новые поселения эпохи камня в бассейне р. Валы//Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 16.

⁶ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М., 1987.

⁷ Наговицын Л. А. О хозяйстве населения Вятского края в эпоху энеолита//Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

⁸ Атаманов М. Г., Владыкин В. Е. Погребальный ритуал южных удмуртов //Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985.

- 9 Лыткин В. И. Пермско-иранские языковые контакты//Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 94.
- 10 ШUTOBA Н. И. К вопросу о расселении аров в конце I половины II тысячелетия н. э.//Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
- 11 Иванова М. Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры//Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987.
- 12 Семенов В. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии//Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 46; *Его же*. Этнокультурные компоненты населения поморской культуры//XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы докладов. Устинов, 1987. Т. 2.
- 13 Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; Лебедева С. Х., Атаманов М. Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с этногенезом//Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.
- 14 Семенов В. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии. С. 55.
- 15 Атаманов М. Г. Об угорских названиях в удмуртской топонимии//Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 139.
- 16 Иванова М. Г. Культурные и торговые связи северных удмуртов в X-XIII вв.//Советская археология. 1974. № 4.
- 17 Иванова М. Г. Памятники чепецкой культуры//Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
- 18 Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX - начале XIII в. э.//Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
- 19 Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX - начале XIII в. э. С. 35-46; *Ее же*. Производственные сооружения городища Иднакар//Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.
- 20 Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Ижевск, 1981. С. 32.
- 21 Иванова М. Г. Культурные и торговые связи северных удмуртов в X-XIII вв. С. 126.
- 22 Амеликин А. О. Знак на гребне с городища Иднакар (к вопросу о начальном этапе русско-удмуртских контактов)//Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
- 23 Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений//Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск. 1978; Макаров Л. Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки//Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С. 51.
- 24 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск, 1983. С. 20.
- 25 Макаров Н. А. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки луниничных колец на Руси и Скандинавии)//Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.
- 26 Ватка но калмез. Удмурт калык легендаос по преданияос. Ижевск, 1971. С. 87-131.

- 27 Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М., 1893. С. 93-95.
- 28 Гуссаковский Л. П. Отчет об археологических работах в г. Кирове 1959 г. //Архив Института археологии АН СССР, Р-1, N 1825, С. 3.
- 29 Удмурты в XV XVII веках. Документы по истории Удмуртии XV XVII веков/Составитель П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 337.
- 30 Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов//Советская этнография. 1970. № 3. С. 37-47.
- 31 Худяков М. Г. Вотские родовые деления//ИОАИЭ. Казань, 1920. Т. 31. Вып. 1. С. 15.
- 32 Спицын А. А. Приуральский край. С. 96.
- 33 Смирнов И. Н. Вотяки//ИОАИЭ. Казань, 1890. Т. 8. Вып. 2. С. 16.
- 34 Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху//ВАУ Свердловск Ижевск, 1970. Вып. 10. С. 208.
- 35 Там же. С. 208-209.
- 36 Фаснер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Ч. 1.
- 37 Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970. С. 5-22.
- 38 Владыкин В. Е. Происхождение бесермян//Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований. 1971. Тбилиси, 1971. С. 56-57.
- 39 Худяков М. Г. Вотские родовые деления. С. 340.
- 40 Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. Эскиз 1. С. 19-39; Владыкин В. Е. Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов//Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 49-59; Атаманов М. Г. Происхождение воршуда у удмуртов//Fennougristica. Tartu, 1977. Т. 4. С. 22-37 и др.
- 41 Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 20-21; Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1. С. 14. Кузнецов С. К. Из воспоминаний этнографа//Этнографическое обозрение. 1907. Кн. 74. С. 22; Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921. Вып. 3. С. 44-45; Атаманов М. Г. Изображения удмуртских воршудов //Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 112-113.
- 42 Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 35.
- 43 Атаманов М. Г. Этимология микроэтнонимов//Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980. С. 5-42.
- 44 Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 15.
- 45 Атаманов М. Г. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 84, 86-88.
- 46 Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1980 г. Ижевск, 1980.
- 47 Полный текст "Вятского летописца" с критическим разбором, проделанным А. С. Верещагиным, опубликован в Трудах Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. 2.

- 48 *Фотеев Г. В.* Указ. соч. С. 78.
- 49 *Эммаусский А. В.* Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С. 11-13.
- 50 *Костомаров Н. И.* Собр. соч. СПб, 1904. Кн. 3. С. 139.
- 51 *Сысоева М. В.* Первые письменные сведения об удмуртах//ВФУЯ. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 299.
- 52 *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 24.
- 53 Полное собрание русских летописей. СПб, 1853. Т. 6. С. 239.
- 54 *Вештомов И.* История вятчан//ИОАИЭ. Казань, 1908. Т. 24. Вып. 1-2. С. 51-52.
- 55 Удмурты в XV XVII вв. Документы по истории Удмуртии XV XVII вв. С. 90.
- 56 ЦГАДА. Ф. 131. 1699. Ед. хр. 5. Л. 2-3.
- 57 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. С. 40-51.
- 58 Там же.
- 59 В союзе братских народов. Ижевск, 1972. С. 46.
- 60 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. С. 73, 74.
- 61 *Варцев И. А.* Строительство Советов в ВАО//Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 62.
- 62 *Смаева Р. В.* К вопросу о создании национальной государственности удмуртского народа//Материалы к серии "Народы Советского Союза". Вып. IV Удмурты. М., 1990. С. 16, 17.
- 63 В союзе братских народов. С. 105.
- 64 *Ширяев П. Л.* Землеустройство ВАО, его нужды и достижения//Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. С. 56.
- 65 *Куликов К. И.* Некоторые особенности гражданской войны в Удмуртии и тактика большевиков в борьбе за массы//Гражданская война в Удмуртии 1918-1919 гг. Ижевск, 1988. С. 69.
- 66 Там же. С. 75.
- 67 *Дмитриев П. Н.* Классовая борьба в Ижевско-Воткинском районе весной летом 1918 года//Гражданская война в Удмуртии 1918-1919 гг. С. 45.
- 68 *Ширяев П. Л.* Указ. соч. С. 50.
- 69 *Куликов К. И.* Указ. соч. С. 77, 83, 85.
- 70 Там же. С. 85.
- 71 *Варцев И. А.* Указ. соч. С. 63.
- 72 См.: *Попов В. К.* Деятельность партийных и советских органов Удмуртии по преодолению стихийных бедствий в 1921-1923 гг.//Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып. 3.
- 73 *Епишин П. Р.* Сельскохозяйственные коллективы Вотской области.//Удмуртское хозяйство. 1927. № 1. С. 98.
- 74 *Савостьянов И. И.* Народное хозяйство Вотской автономной области за 10 лет//Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. С. 42.
- 75 *Тепцов Н.* Коллективизация, ее пути и уроки//Сельская жизнь. 1989. 8 марта.
- 76 *Епишин П. Р.* Указ. соч. С. 102.

- 77 Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях// Правда. 1989. 16 марта.
- 78 Там же.
- 79 Егоров В. Г. Ликвидация кулачества как класса. Ижевск, 1930. С. 13, 14, 19.
- 80 Савостьянов И. И. Указ. соч. С. 14.
- 81 Емельянов Н. Удмуртия к XVII годовщине Октября. Ижевск, 1934. С. 34.
- 82 Там же. С. 28.
- 83 Суханов А. И. Из истории борьбы за ликвидацию безработицы в Удмуртии (1918-1930 гг.)//Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 81, 82.
- 84 Там же. С. 89.
- 85 Кузнецов П. К. Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975. С. 201
- 86 Емельянов Н. Указ. соч. С. 18.
- 87 Там же. С. 51.
- 88 Варцев И. А. Указ. соч. С. 68.
- 89 Ситдикова Л. А. Коренизация государственного аппарата в Удмуртии — один из путей решения национального вопроса//Материалы к серии "Народы Советского Союза" Вып. 4. Удмурты. М., 1990. С. 39, 43, 47
- 90 Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Ижевск, 1974. С. 48.
- 91 Шибанов К. И. Колхозное крестьянство Удмуртии в борьбе за обеспечение фронта продовольствием//Советская Удмуртия в годы Великой Отечественной войны. Устинов, 1985. С. 41.
- 92 В союзе братских народов. С. 93, 94.
- 93 Материалы Удмуртского республиканского управления статистики.
- 94 Павлов Н. П. Крестьянство в социальной структуре населения//Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2. С. 7.
- 95 Тубылов А. И. Национальное строительство — наша общая забота и общая ответственность//Удмуртская правда. 1989, 21 марта.

Глава III. РАССЕЛЕНИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Картина расселения удмуртов, которую мы наблюдаем сегодня, (рис. 1) в основном сложилась к концу XVIII в.¹ Основная их масса проживает в Предуралье, в бассейнах Камы и Вятки. В административном отношении это территории Удмуртской Республики, в которой, по переписи 1989 г., проживает большинство (496,5 тыс.) удмуртов, и соседних с ней Татарстана (24,8 тыс.) и Башкортостана (23,7 тыс.), Кировской (22,9 тыс.) и Пермской (32,7 тыс.) областей. На самой территории Удмуртии размещение их весьма неравномерно: наиболее компактно они расселены в бассейнах Кильмези, Валы, Ижа, Чепцы и ее притоков.

Расселение, совершенно очевидно, зависит от природной среды, причем эта зависимость весьма значительная и проявляется через производство, создающее те или иные условия для размещения населения². Сложившаяся система расселения удмуртов основывалась в прошлом исключительно на занятии земледелием, зависела от качества почв. В восточной части Удмуртии широко распространены перегнойно-карбонатные почвы, отличающиеся высоким плодородием. В южных, юго-восточных, центральных районах почвы, главным образом, слабоподзолистые, также обладающие сравнительно высоким природным плодородием. Западная часть более заболочена, имеет высокий уровень грунтовых вод, здесь преобладают песчаные почвы³. Качеством почв обуславливается плотность населения: наибольшая она в южных и восточных районах республики 43 человека на кв. км, в западных лишь 12 человек на кв. км.

На территории республики удмурты составляют около трети населения. В нескольких районах (табл. 1), в основном на севере и востоке они составляют большинство населения, в других удмурты проживают чересполосно с другими народами. Зона с долей удмуртского населения в 60-80% включает в основном центральную часть Удмуртской АССР, на западе преобладающей национальностью являются русские, юго-восточная часть республики имеет в основном русское население, в ней нет удмуртских населенных пунктов, доля удмуртов здесь составляет менее 10%.

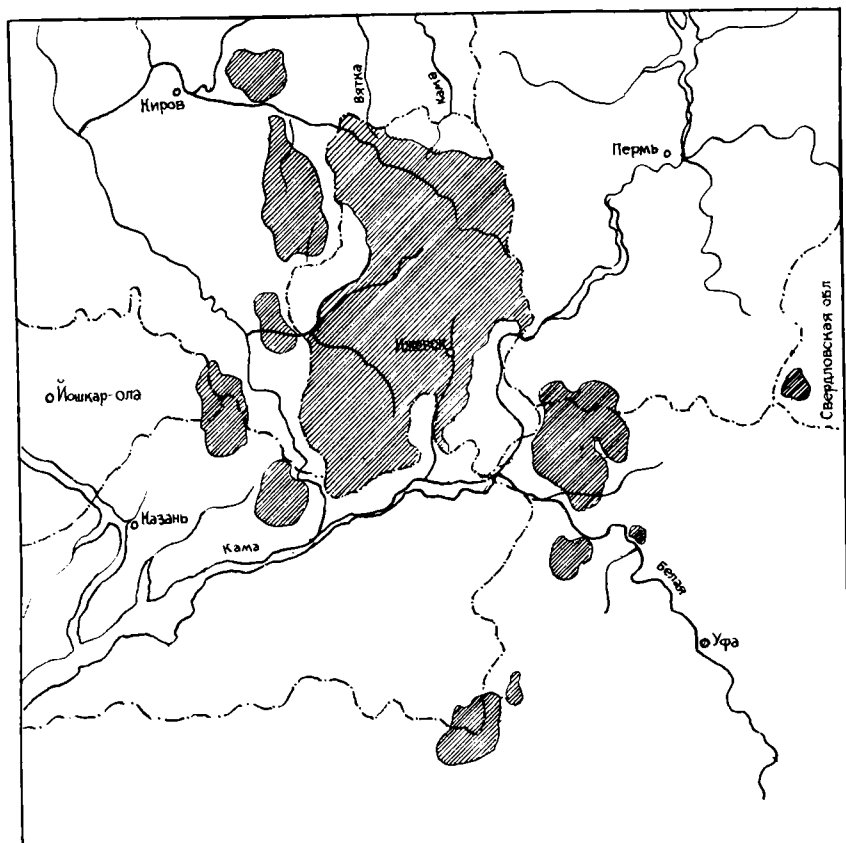

Рис. 1. Современное расселение удмуртов

Удмуртов, расселенных вне своей республики, можно разделить на две группы: к первой относятся проживающие в соседних с Удмуртией областях и республиках (они поселились здесь издавна, расселены в компактно расположенных населенных пунктах и в целом имеют тенденцию к расширенному воспроизводству); другую группу составляют удмурты, расселившиеся по другим областям страны в более поздний период, в основном в советское время (они характеризуются сравнительно небольшой численностью, дисперсным характером расселения и сильной подверженностью ассимиляции).

Численность народов определяется, главным образом, их естественным приростом и межэтническими взаимодействиями. Для анализа динамики численности населения использованы материалы переписей населения в стране, включая первую перепись населения Российской империи 1897 г.

Таблица 1

Соотношение различных национальностей по административным районам Удмуртской Республики

Районы	Доля в населении района		
	удмурты	русские	другие национальности
Шарканский	83,6	14,9	1,5
Алнашский	81,7	12,3	6,0
Дебесский	79,2	19,7	1,1
Глазовский	79,1	17,4	3,5
Малопургинский	78,2	16,9	4,9
Ярский	68,5	28,6	2,9
Кезский	68,0	29,9	2,1
Можгинский	64,3	30,3	5,4
Юкаменский	63,0	16,1	20,9
Игринский	60,7	35,6	3,7
Якшур-Бодьинский	58,7	37,5	3,8
Селтинский	58,4	39,4	2,2
Вавожский	58,4	39,6	2,0
Балезинский	57,6	30,9	11,5
Завьяловский	50,7	43,9	5,4
Увинский	48,2	47,8	4,0
Кизнерский	46,0	44,8	9,2
Красногорский	38,1	59,3	2,6
Сюмсинский	37,6	56,7	5,7
Киясовский	37,3	54,4	8,3
Граховский	36,6	42,3	21,1
Воткинский	22,9	72,8	4,3
Сарапульский	12,5	77,3	10,2
Камбарский	7,8	76,6	15,6
Каракулинский	5,0	72,6	22,4

Источники: Распределение населения Удмуртской АССР по национальности (данные Всесоюзной переписи населения 1989 года). Ижевск, 1990.

Первая всеобщая перепись населения России зафиксировала 420,7 тыс. удмуртов. Можно предположить, что действительное число удмуртов было несколько ниже, так как этнический состав населения учитывался с помощью вопроса о родном языке, поэтому к удмуртам были причислены бесермяне, большинство которых говорило на удмуртском языке. С другой стороны, часть удмуртского населения могла указать родным языком русский, а проживающие среди татар и башкир соответственно татарский и башкирский языки. Однако в условиях неразвитой языковой ассимиляции численность последних была, по всей вероятности, незначительна.

Основная масса удмуртов (90%) проживала в Вятской губернии в Глазовском (153,5 тыс.), Сарапульском (97,8 тыс.), Малмыжском

(66,9 тыс.), Елабужском (52,7 тыс.) и Слободском (6,1 тыс) уездах. В других частях России компактными группами удмурты проживали в Бугульминском уезде Самарской губернии (2,1 тыс.), в Бирском, Белебеевском и Уфимском уездах Уфимской губернии (22,5 тыс.), в Казанском и Мамадышском уездах Казанской губернии (9,7 тыс.), в Красноуфимском и Осинском уездах Пермской губернии (6,5 тыс.).

Количество удмуртов вне пределов указанных выше мест традиционного проживания составляло немногим более 2 тыс. человек, что говорит об их чрезвычайно малой миграционной активности в дореволюционное время; больше всего удмуртов отмечено переписью в западных приграничных губерниях России (более 1 тыс. человек). По-видимому, они находились там в качестве военнослужащих; этот район с XVIII в. был определен как традиционное место службы для нерусских народов⁴. В азиатской России проживало лишь незначительное число удмуртов. Так, в сибирских губерниях, на Дальнем Востоке и в Казахстане их количество составляло всего 0,3 тыс. человек. Отлив земледельческого населения на окраины страны в период империализма, имевший в стране значительные масштабы, почти не коснулся удмуртов. Это связано с тем, что свободные площади, пригодные для сельскохозяйственного освоения, имелись на самой территории проживания удмуртов, особенно в северных районах, которые интенсивно осваивались как удмуртским, так и русским населением в течение всего XIX в. Об этом свидетельствует то, что основным типом поселений в Удмуртии еще в конце XIX в. были починки*, составлявшие более 60% от числа всех населенных пунктов.

Существенные изменения в численности, составе и размещении населения произошли после Октябрьской революции, создавшей предпосылки для социально-экономических и культурных преобразований. Изменения в расселении удмуртского этноса произошли уже в первые годы после революции. В связи с распадом царской армии и возвращением на родину военнослужащих к 1920 г. удмуртов практически не стало в западных районах страны; кроме того, 0,5 тыс. удмуртов остались на территориях, отошедших к другим государствам (Польша и Прибалтийские республики).

Перепись населения 1920 г. зафиксировала 466,2 тыс. удмуртов⁵, увеличение их численности по сравнению с переписью 1897 г. составило лишь 10,7%. Это связано с высокой смертностью в период первой мировой и гражданской войн, с низкой рождаемостью в те годы, с потерями на фронтах, а также связанными с войнами хозяйственной разрухой и эпидемиями. В районах, не затронутых

* Починки: вновь возникшие поселения после предыдущего учета; не имели полного комплекса хозяйственных угодий.

военными действиями, численность населения росла несколько более быстрыми темпами. Кроме того, перепись не охватила всей территории страны, значительная часть которой была охвачена гражданской войной.

На территории Вотской автономной области проживало 79,6% удмуртов. К 1920 г. увеличилось количество удмуртов в восточной части страны, составив около 2 тыс. человек, что связано, вероятно, с передвижением населения в период гражданской войны. Наибольшее количество удмуртов Сибири отмечено в Енисейской и Томской губерниях.

Перепись населения 1920 г. впервые отдельно зарегистрировала бесермян: их численность составила 7,7 тыс. человек. Все они проживали на территории Вотской автономной области.

Восстановление народного хозяйства и некоторое повышение материального благосостояния населения к 1925 г. сельское хозяйство почти достигло уровня 1916 г.⁶ благоприятно сказались на росте численности населения. Рождаемость среди удмуртов к 1925 г. существенно увеличилась и была выше, чем у других народов, проживавших в автономной области; правда, и смертность оставалась на довольно высоком уровне⁷. Всесоюзная перепись населения 1926 г. отметила в стране 504,2 тыс. удмуртов⁸, по сравнению с 1920 г. их численность увеличилась на 8,2%, ежегодный прирост стал значительно выше (1,4%), чем в период между переписями 1897 и 1920 гг. (0,5%). На территории автономной области проживало 78,5% удмуртов, что несколько меньше, чем в 1920 г. Это объясняется миграцией некоторой части удмуртов в другие районы страны. Так, их доля более чем в 3 раза увеличилась в Сибири, достигнув 6,4 тыс. человек. Основная масса переселенцев зафиксирована в Ачинском, Барнаульском, Канском, Кузнецком, Томском округах, в основном проживавших в сельской местности, лишь 10,2% их отмечено в городах. О сельскохозяйственном характере переселений в Сибирь после гражданской войны свидетельствует и то, что доли мужчин и женщин среди них были примерно равны. Отмечены удмурты и на Дальнем Востоке, однако среди них более половины составляли горожане, доля женщин была незначительна. Увеличилось количество удмуртов и в западных районах страны, среди них также преобладали горожане-мужчины.

Однако масштабы миграции удмуртов за пределы мест традиционного проживания в доколхозный период нельзя признать значительными. Этот период в большей степени характерен усилением внутриобластной миграции. В процессе проведения земельной реформы в дополнение к наделенным крестьянским землям был создан фонд площадью свыше 120 тыс. гектаров для целей внутриобластного расселения. В 20-е гг. на территории Удмуртии

было образовано более 0,5 тыс. новых населенных пунктов, при этом масштабы землеустроительных работ, связанных с организацией новых селений, здесь были значительно выше, чем в соседних районах и в целом по СССР⁹. Большинство возникших селений образовано удмуртами.

Перепись 1926 г. зарегистрировала 10 тыс. бесермян: 9,2 тыс. из них проживали на территории Вотской автономной области, остальные в Вятской губернии. Родным языком бесермян, проживающих в Удмуртии, был признан удмуртский, за ее пределами - татарский.

Конец 20-х гг. и следующее десятилетие характеризуются быстрым развитием индустрии республики и тесно связанной с ней урбанизацией. Перепись 1939 г. зафиксировала 606,6 тыс. удмуртов, 79,1% из них в Удмуртской АССР. По сравнению с предыдущей переписью количество удмуртов увеличилось на 20,2%, что в целом выше средней величины прироста населения в стране (16%). В значительной степени это связано с тем, что при переписи перестал строго соблюдаться принцип национального самоопределения личности. В результате 10 тыс. бесермян, отмеченных переписью 1926 г. отдельной народностью, не фиксировались под своим названием, а были причислены к удмуртам.

Количество удмуртов на территории Удмуртской АССР увеличилось на 21,4%, что явилось следствием включения в состав Удмуртской АССР некоторых территорий соседних с ней Кировской (современный Кизнерский район) и Пермской (современные Воткинский и Киясовский районы) областей, имеющих удмуртское население.

В довоенные годы миграционная активность удмуртов по-прежнему была низка. Их доля на территории своей автономной республики не изменилась. Меньшая по сравнению с другими этносами миграционная активность удмуртов за пределы своей республики объясняется тем, что урбанизация и экономическое развитие Удмуртии шли более быстрыми темпами, чем в целом по стране¹⁰. Это повлекло за собой быстрый рост доли горожан в своей республике. Из крупных миграций того времени необходимо отметить лишь отлив части населения в Сибирь в годы коллективизации сельского хозяйства. Статистических данных об этом не имеется, однако большинство опрошенных людей старшего поколения во время полевых исследований 1974 г. в Томской области и Красноярском крае причиной переезда называли насильственное вовлечение в колхозы¹¹.

В 40-50-е гг. в численности и размещении различных этносов, в том числе и удмуртов, произошли значительные изменения. На территориальное распределение населения повлияли как перемещения

населения во время войны, так и в послевоенный период, отмеченный ростом промышленного производства в азиатской части СССР и освоением целинных и залежных земель.

Анализ динамики численности удмуртского населения в период с 1939 г. по 1959 г. достаточно сложен. Трудности вызваны отсутствием сведений о потерях отдельных народов в годы Великой Отечественной войны, недостатком статистического материала о естественном и механическом движении населения в национальном аспекте в послевоенный период. При росте численности населения в целом по СССР с 1939 г. по 1959 г. на 9,5% количество удмуртов увеличилось на 3,1%, хотя уровень рождаемости и естественного прироста среди них, особенно после Отечественной войны, был высоким. Доля удмуртов, проживающих на территории своей автономии, несколько сократилась, что свидетельствует о некотором возрастании их миграционной активности.

Незначительный рост численности удмуртов в этот период, по-видимому, связан, в основном, с ассимиляционными процессами. Значительное количество трудовых ресурсов, высвобождавшееся в этот период из села, направлялось, главным образом, за пределы своей автономии на всесоюзные стройки, так как темпы роста промышленности в республике хотя и были высокими, однако пополнение рабочего класса осуществлялось в основном за счет городских жителей и прибывающих из других областей¹². В миграции участвовала, в основном, несемейная молодежь. Будучи рассредоточенными небольшими группами среди инонационального населения в городах за пределами республики, они подвергались ассимиляции другими народами, в основном русскими. Из других территориальных перемещений удмуртов в этот период следует сказать еще о переселении во время войны группы женщин-удмурток (около 1 тыс. человек) в порядке оргнабора на Камчатку. Следы этой группы сохранялись до недавнего времени¹³.

К 1970 г. численность удмуртов в стране достигла 704,3 тыс. человек и выросла в межпереписной период на 12,7%, что несколько ниже уровня роста населения в стране. Однако в самой Удмуртской АССР численность коренного населения выросла всего на 1,7%, доля удмуртов, проживающих в своей автономии, сократилась до 68,7%. С одной стороны, это говорит о значительном росте их миграционной активности, направленности мигрантов за пределы республики, с другой — доля коренной национальности уменьшилась и за счет притока населения из других районов страны. Особенность миграции удмуртов в этот период состояла в том, что их основная масса направлялась в сельскохозяйственные районы страны.

Более всего количество удмуртов увеличилось в Казахстане (в основном в Кустанайской и Целиноградской областях — 15,8 тыс.

человек), что явилось следствием привлечения сюда населения во время освоения целинных и залежных земель. В 60-е гг. значительное количество мигрантов направлялось и в сельскохозяйственные районы юга страны: Ростовскую, Саратовскую, Волгоградскую области и Краснодарский край, а также в Курганскую, Оренбургскую, Куйбышевскую области. Количество удмуртов в этих областях составило 18,9 тыс. человек. В отличие от 50-х гг. миграция стала семейной, чему способствовало распространение паспортной системы на колхозников. Значительно увеличилась численность удмуртов в Сибири и на Дальнем Востоке - перепись зарегистрировала там 27,2 тыс. человек, в основном в Кемеровской, Томской, Тюменской, Новосибирской, Иркутской областях, Красноярском и Приморском краях. Однако здесь они преимущественно составляли городское население, и даже в тех районах Сибири, в которых удмуртское население формировалось как сельское (Красноярский край, Томская обл. и др.), в настоящее время удмуртов-горожан больше, чем сельских жителей.

Что касается других мест основного расселения (Кировская, Пермская области, Башкирская и Татарская АССР), то численность удмуртов в них росла более быстрыми темпами, чем в УАССР (8-10%), здесь они преимущественно сохраняли сельское расселение.

В межпереписной период с 1970 г. по 1979 г. количество удмуртов увеличилось всего на 1,3%. Сокращение темпов прироста населения в 60-е, 70-е гг. наблюдалось по всей стране, оно связано с уменьшением доли женщин в возрасте 20-29 лет, на которых приходится наибольшее число деторождений, годы рождения этой возрастной группы пришлось на период Отечественной войны. В Удмуртской АССР в 1979 г. удмуртов проживало на 0,9% меньше, чем в 1970 г. Миграция из своей автономной республики продолжалась и в этот период, хотя уровень оттока стал значительно ниже, чем в предыдущий межпереписной период.

Перепись 1989 г. зафиксировала 746,8 тыс. удмуртов, что на 4,6% больше, чем в 1979 г. (табл. 2). Темпы прироста по-прежнему оказались несколько меньшими, чем в целом по России (6,9%). Количество удмуртов, проживающих в своей республике, увеличилось на 3,5%, что свидетельствует о значительном сокращении миграции за ее пределы; увеличилось количество удмуртов лишь в Свердловской, а также в Тюменской (почти вдвое) областях, что связано, вероятно, с интенсивным промышленным освоением последней.

До революции подавляющее большинство удмуртов проживало в сельской местности. Перепись населения России 1897 г. зафиксировала лишь 2 тыс. горожан-удмуртов, т. е. 0,5% от их общего количества. Правда, доля горожан в составе удмуртов, проживавших

Изменение численности удмуртского населения

Показатели	Перепись населения по годам						
	1897	1926 (BAO)	1939	1959	1970	1979	1989
Численность удмуртов (тыс.)	421,0	504,2	606,6	625,8	704,3	713,7	746,8
из них проживало в УАССР		395,8	479,7	475,9	484,2	479,7	496,5
в городе (СССР)	2,0	5,5		138,8	226,1	269,1	359,9
Доля удмуртов в населении УАССР		52,3	39,2	35,6	34,1	32,1	30,9

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб, 1901-1904. Т. 1-70; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1928. Т. 6; Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4; Численность и состав населения СССР. По данным переписи населения 1979 г. М., 1984; Национальный состав населения РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

за пределами постоянного места жительства, составляла 69,2%, то есть миграция, хотя и очень незначительная, в основном была направлена в города.

Малочисленность удмуртов горожан, шовинистические настроения по отношению к ним, в свою очередь, усложняли адаптацию мигрантов к городской среде. Незнание русского языка препятствовало получению образования, городских специальностей. К примеру, лишь треть горожан-удмуртов была грамотна, в том числе лица, имеющие образование выше начального, составляли только 5,7%.

Подавляющее большинство удмуртов в городах, отмеченных переписью, были недавними сельскими жителями. Об этом свидетельствует то, что среди них было мало женщин, семьи у большинства городских удмуртов оставались еще в деревне; дети до 10 лет среди них составляли всего 4,8%, тогда как в сельской местности соответствующая цифра равнялась 28,2%, взрослые в трудоспособном возрасте (20-40 лет) составляли среди горожан 55,1% (в деревне 28,7%).

Почти все удмурты-горожане принадлежали к крестьянскому сословию, однако лишь незначительная часть их была занята в сельском хозяйстве. Большинство занималось различными видами трудовой деятельности, свойственными городу: наиболее значительную прослойку составляла прислуга, поденщики, строительные рабочие, лица, занятые в торговле. Особняком стоял социальный

состав удмуртов г. Глазова, в котором проживало 13,5% всех горожан-удмуртов, отмеченных переписью в России. Здесь, в районе сплошного удмуртского расселения, зафиксированы зачатки городских сословий - мещанства и купечества, отмечены и лица, занятые в административных органах. Можно говорить о начале формирования Глазова как национального центра, центра удмуртской национальной культуры.

В 20-е гг. процессы урбанизации почти не затронули удмуртское население. Это связано с тем, что в первое время после гражданской войны лишь незначительную часть пополнения рабочих кадров Удмуртии составляли выходцы из села: промышленность еще не была полностью восстановлена, рабочий класс в основном пополнялся за счет жителей городов, а также рабочих, вынужденных в связи с войной и разрухой прекратить работу¹⁴.

По переписи 1926 г., горожане-удмурты составляли 1,1% от их общего количества, однако, если в местах постоянного проживания подавляющая их часть зарегистрирована в сельской местности (в Вотской автономной области 98,2%), то в районах миграции, особенно в западных районах страны, удмурты отмечены в городах: так, в Западном районе (Брянская, Смоленская области) горожане среди зарегистрированных переписью удмуртов составляли 99,6%, в Центрально-промышленном районе - 79,4%, в Ленинградско-Карельском районе 81,5% и т. д.

В Удмуртии быстрый рост городского населения, связанный со значительным увеличением количества промышленных предприятий, происходил в конце 20-х - начале 30-х гг. Увеличилась и доля рабочих коренной национальности: только за годы первой пятилетки она возросла почти в 2 раза¹⁵, увеличилось число рабочих в непроизводственных отраслях, происходило формирование кадров административно-управленческих, культурно-просветительских и других учреждений из числа удмуртов. Притоку коренного населения в города способствовало и создание учебных заведений для подготовки национальных кадров. В результате к 1933 г. доля удмуртов в составе городского населения достигла 10,2%. Почти вдвое по сравнению с данными переписи 1926 г. увеличилась доля удмуртов в г. Глазове и Можге¹⁶.

В последующем темпы прироста удмуртского городского населения сократились, чему способствовала введенная в 1932 г. паспортная система, не затронувшая колхозное крестьянство и существенно ограничившая масштабы миграции из села. К примеру, в 1940 г. лишь 14,5% пополнения кадров ижевских заводов составили выходцы из сельской местности¹⁷.

Миграции военных лет не внесли существенные изменения в этническую структуру городского населения Удмуртии. Несмотря на

то, что сюда было эвакуировано значительное число фабрик и заводов, размещено более 76 тыс. эвакуированных граждан, на предприятия республики из села было призвано около 60 тыс. человек, к 1948 г. почти все эвакуированные вернулись на прежнее место жительства¹⁸ так же, как и привлеченные на промышленные предприятия жители сельской местности республики.

В 50-е гг. кадры промышленности республики пополнялись также в основном горожанами. К 1959 г. доля удмуртов-горожан в своей республике составила 18,6%, хотя в стране она достигла 22,2%. В 60-е гг. темпы развития промышленного производства в Удмуртии опережали общесоюзные показатели¹⁹. Основным источником роста городского населения явилось перемещение туда сельских жителей. Материалы последующих переписей населения свидетельствуют о быстром возрастании доли городских удмуртов: в 1970 г. она составила 32,1% в стране и 28% в своей автономной республике, к 1979 г. доля городских удмуртов в Удмуртской АССР возросла до 37,7%, к 1989 г. - до 44,7%. Темпы урбанизации удмуртов все же несколько ниже, чем в целом по стране.

Особенно быстро растет количество удмуртов в столице республики г. Ижевске. Вместе с тем, быстрый рост индустрии города привлекает сюда население из других областей и республик страны. Этот поток "перекрывает" стягивание коренного населения, поэтому, несмотря на наибольшую по сравнению с другими городами республики численность удмуртов в нем, они составляют лишь шестую часть его жителей. Средние и малые города с менее развитой промышленностью в меньшей степени привлекают население из других областей, поэтому доля удмуртов в них значительно выше, чем в столице республики: в Можге удмурты составляют четвертую часть населения, а в Глазове - более трети. В то же время города, находящиеся вне основного ареала расселения удмуртов, хотя и расположены в Удмуртии (Сарапул, Воткинск, Камбарка), не привлекают коренное население: доля удмуртов в них составляет 2-11%.

Характерная особенность в размещении сельского населения состоит в том, что значительная часть удмуртов, в отличие от других национальностей республики, проживает в небольших по людности населенных пунктах. Система расселения народов на территории Удмуртии исторически складывалась так, что две пятых сельских удмуртов живут в однонациональных населенных пунктах или в таких, где они составляют более 80% населения²⁰.

Половой и возрастной состав удмуртов в силу воздействия различных факторов испытывал заметные колебания. Согласно материалам переписи населения 1897 г. среди удмуртов в целом наблюдалось преобладание женщин, хотя среди детей до 1 года на

100 девочек приходилось 104 мальчика. Однако данная тенденция проявлялась лишь в месте постоянного расселения удмуртского народа, т. е. в четырех уездах Вятской губернии. В других местностях, в которых удмурты были расселены небольшими, хотя и компактными группами (Пермская, Казанская, Уфимская губернии), перепись зарегистрировала незначительное преобладание мужчин. Это связано, по-видимому, с учетом национальной принадлежности населения по признаку родного языка. Большое распространение межнациональных браков среди удмуртов в национально-смешанных районах создавало “диспропорцию” полов: выходя замуж за представителей другой национальности, удмуртки в большинстве случаев переходили на язык брачного партнера, мужчины же в смешанных браках в качестве родного обычно сохраняли удмуртский язык.

Половая диспропорция усугубилась в период первой мировой и гражданской войн. Высокая смертность мужчин на фронтах, а также голод и эпидемии в 20-х гг. привели к тому, что перевес женщин стал более значительным. Перепись 1926 г. отметила среди удмуртов и марийцев наибольший численный перевес женщин: на 100 мужчин приходилось 114 женщин²¹. В последующие годы эта разница имела тенденцию к сокращению, однако огромные потери, прежде всего среди мужского населения, в Великой Отечественной войне привели к еще большему перевесу женщин. В 1959 г. доля мужчин среди удмуртов составила 42,8%; переписи 1970 и 1979 гг. отметили сокращение разрыва между численностью мужчин и женщин, в 1989 г. доля мужчин составила 45,3%. Некоторое преобладание женщин в настоящее время сохраняется за счет диспропорции в старших возрастных группах, численность же мужчин и женщин в возрасте до 50 лет практически выравнилась.

Существенно различается половой состав населения в городах и сельской местности. Перепись 1897 г. отметила лишь 5,1% женщин в составе удмуртов-горожан, а за пределами основной территории расселения в местах миграции их было еще меньше. Это свидетельствует о том, что в дореволюционный период из деревни уезжали почти исключительно мужчины. Положение существенно изменилось после Октябрьской революции, уже в 1926 г. доля женщин в составе удмуртского городского населения достигла 27,5%. В последующие годы бурный рост городов и нехватка кадров привлекали в них как мужчин, так и женщин. Серьезные изменения в половой структуре городского населения произошли в период Великой Отечественной войны: доля женщин превысила долю мужчин, в 1959 г. она составила 53,2%. В 70-е годы половая диспропорция в среде городского населения Удмуртии (с учетом всех национальностей) в целом сокращалась, однако среди удмуртов она

возрастала. Это было связано со значительно меньшей миграционной активностью удмуртов-мужчин из села: в условиях механизированного сельского хозяйства большинство основных работ выполняются мужчинами, в то же время часть женщин, особенно молодых, не найдя в селе подходящей работы, переселялась в города. Перепись 1989 г. такую тенденцию уже не отметила.

Возрастной состав удмуртов в течение рассматриваемого периода изменялся согласно закономерностям, характерным для большинства народов страны (табл. 3).

Таблица 3

Возрастная структура удмуртов (УАССР) по материалам переписей населения, в %

Возрастные группы (лет)	Перепись населения по годам			
	1926	1970	1979	1989
0-10	27,6	24,1	16,7	25,1
11-15	12,1	13,3	9,7	
16-19	9,5	17,5	9,3	
20-29	16,7		19,5	58,0
30-39	11,1	26,7	9,3	
40-49	8,9		14,0	
50-59	7,0	8,1	9,7	16,9
60 и старше	7,1	10,3	11,8	
				(пенсионеры)

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Отдел 1. Т. 4; Национальный состав населения РСФСР (по данным всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1975; Данные Статистического управления Удмуртской АССР (перепись 1979 г.); Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР (статистический справочник). М., 1991.

Как видим, доля детей постоянно уменьшается, что происходит вследствие снижения уровня рождаемости; напротив, увеличивается доля пожилых людей. Этот процесс, усилившийся в последнее десятилетие, особенно характерен для сельской местности. Здесь имеют место процессы "старения" населения и увеличения нагрузки трудоспособного населения пенсионерами. В городах изменение возрастной структуры имеет другую направленность: в 70-80-е гг. здесь значительно увеличилась доля молодежи, в основном за счет прибывающих из села: в составе переселявшихся в города в 60-е гг. лица до 25 лет составляли лишь пятую часть, в составе мигрантов последних лет доля лиц этой категории достигает уже двух третей²².

Подобный характер динамики возрастной структуры существенным образом влияет и на изменения других демографических характеристик (брачность, рождаемость, смертность и т. д.), что, в конечном итоге, сказывается и на этнических процессах.

Таким образом, демографические изменения вызывались объективными факторами, однако влияние исторических, культурно-бытовых факторов придавали этому процессу среди удмуртов определенный отпечаток.

- ¹ Гришкина М. В. Численность и расселение удмуртов в XVIII в.//Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 120.
- ² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 55.
- ³ Колотиевский А. М. Удмуртская АССР. Экономико-географический очерк. Ижевск, 1953. С. 14, 15.
- ⁴ Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка, 1901. С. 158.
- ⁵ Статистический ежегодник 1922 и 1923 г.//Труды ЦСУ. 1924. Т. 8. Вып. 5.
- ⁶ Савостьянов И. И. Народное хозяйство ВАО за 10 лет//Удмуртское хозяйство к 10-летию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 7.
- ⁷ Статистический сборник за 1924—1926 гг. Ижевск, 1927. С. 11, 14.
- ⁸ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. М., 1928. Вып. 4.
- ⁹ Ширяев П. Л. Землеустройство ВАО, его нужды и достижения//Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 56.
- ¹⁰ Суханов А. И. Рабочий класс Удмуртии. Ижевск, 1979.
- ¹¹ Материалы этнографической экспедиции в Сибирь 1974 г.//Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Оп. 1Н, № 185, 281
- ¹² Суханов А. И. Указ. соч. С. 120.
- ¹³ Гурвич И. С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на ход этнических процессов в СССР//Советская этнография. 1976. № 1. С. 41.
- ¹⁴ Суханов А. И. Указ. соч. С. 20, 21.
- ¹⁵ Удмуртия за 15 лет в цифрах. Ижевск, 1935. С. 7.
- ¹⁶ Удмуртия за 15 лет в цифрах. Ижевск, 1935. С. 190.
- ¹⁷ Суханов А. И. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁸ Там же. С. 94.
- ¹⁹ Там же. С. 137.
- ²⁰ Материалы этносоциологической экспедиции 1979-1980 гг.//Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, оп. 1Н, № 610.
- ²¹ Козлов В. И. Национальности СССР. М., 1975. С. 140.
- ²² Шкляев Г. К. Особенности формирования городского населения Удмуртской АССР//Современное городское население Удмуртии. Устинов, 1986. С. 19.

Глава IV. ХОЗЯЙСТВО И ЗАНЯТИЯ

В течение многих веков жизненный уклад удмуртов был связан с натуральным хозяйством. Лишь в конце XVII - начале XVIII в. под влиянием складывавшегося всероссийского рынка зерновые хозяйства зажиточных крестьян приобрели торговый характер. Но основная масса производителей продолжала хозяйствовать по-старому, продавая хлеб лишь для уплаты государственного тягла и мирских расходов¹.

Во второй половине XVIII в. Уральский край, органической частью которого являлась Удмуртия, сложился в значительный земледельческий район, тесно связанный с общероссийским рынком. Основные признаки земледелия того периода: сельскохозяйственные орудия, ассортимент культур и приемы их возделывания были почти одинаковы с таковыми в земледельческом центре России, однако урожайность была несколько выше, что объяснялось постоянным обновлением фонда обрабатываемых земель за счет новоросчищ².

С первой половины XIX в. хозяйства удмуртских крестьян развивались в условиях дальнейшего углубления товарно-денежных отношений, имущественного и социального расслоения, которые во второй половине XIX в. приобрели ярко выраженный характер. При этом по степени расслоения удмуртская деревня, как и другие деревни Урало-Поволжья, заметно отставала от русской: в руках зажиточных хозяев сосредоточивалась еще далеко не основная часть сельскохозяйственного производства, а сам сельский кулак больше выделялся ростовщичеством и спекуляцией; процесс пролетаризации во многом перекрывался значительной пауперизацией, выражавшей низшую, неразвитую форму социального расслоения; довольно высока была доля середняков, упорно цеплявшихся за старые патриархальные традиции в хозяйстве и быту. Однако и здесь, как и повсюду, процесс буржуазного расслоения постепенно углублялся и расширялся, усиливая социальную напряженность в деревне³.

Во второй половине XIX - начале XX в. основным занятием удмуртов продолжало оставаться пашенное земледелие с зерновой специализацией. Животноводство и промыслы (охота, рыболовство, пчеловодство) носили вспомогательный характер; развивалось

домашнее производство орудий труда и предметов быта, ремесло, производились изделия на заказ и на продажу.

1. Земледелие

Зерновое производство удмуртских крестьян во второй половине XIX - начале XX в. развивалось на основе парового трехполья. Суть его сводилась к тому, что вся обрабатываемая земля делилась на три поля, одно из которых засевалось озимым хлебом (зег бусы), другое яровыми культурами (валэс бусы), а третье (пар, съод бусы), оставаясь под паром, отдыхало в течение года, затем распахивалось под озимые.

Возникновение паровой системы в крае проследить трудно. Повидимому, сначала она распространилась в районах с русским населением, вдоль рр. Волги и Камы и вблизи крупных городов. В удмуртских хозяйствах трехполье с паровым клином, возможно, стало практиковаться уже в XVII в., но как господствующая система оно утвердилось в XVIII столетии⁴.

Наряду с трехпольем, в отдельных удмуртских деревнях практиковалось двуполье, обрабатываемое по трехпольному принципу: одно поле отводилось под пар, другое засевалось озимыми и яровыми.

Двуполье и другие отклонения от классического трехполья вызывались экономическими соображениями, почвенно-климатическими, погодными условиями, но в целом они развивались в рамках паровой-зерновой системы.

Прогрессивные черты паровой системы с трехпольным севооборотом в исторической науке никем не оспариваются, но не отрицается и тот факт, что естественное плодородие почв трехпольного хозяйства из-за ежегодной вспашки полей примитивными орудиями, посева одних и тех же культур, нехватки органических удобрений быстро уменьшается. Эти обстоятельства определили агротехнические особенности в земледелии удмуртских крестьян: длительное сочетание трехполья с элементами подсеки и перелога.

У большинства народов Урало-Поволжья, в том числе и у удмуртов, подсека в качестве доминирующей формы земледелия существовала примерно до X в.⁵.

Во второй половине XIX в. подсека практиковалась преимущественно в форме периодически используемого лесного перелога, когда выжигалось мелколесье, кустарник, дерн, но в наиболее лесистых районах Удмуртии (например, в северной полосе Сарапульского уезда, в отдельных селениях Малмыжского уезда) наблюдалась расчистка земель из-под девственного леса. Разделка нови

происходила подчеркиванием и сырцевой вырубкой (зеленником); последний способ в основном практиковался русскими, подчеркивание - исключительно удмуртами⁶.

При сырцевой разделке участок вырубался около Иванова дня (24 июня): строительный лес вывозился, остальные деревья распиливались на дрова, мелочь корчевалась и сжигалась. Распахивали новинные земли обычно на другой год после рубки.

При подчеркивании у остающихся на корню деревьев подсекалась кора, они превращались в сухостой. Через 3-5 лет лес рубили, и порубь в течение нескольких лет (от 2-3 до 10-15) использовалась как сенокос. Затем после выкорчевки пней новина распахивалась и либо вводилась в трехпольный севооборот, либо использовалась в качестве периодически используемого лесного перелога. Лучшие новинные земли вводились в оборот старопахотных полей через семь лет после расчистки, средние - через четыре, худшие через 2-3 года⁷.

Приверженность удмуртов архаичному способу расчистки леса подчеркиванию, вероятно, можно объяснить их относительно лучшей обеспеченностью земель в сравнении с русскими⁸. Испытывая меньшую земельную тесноту, удмурты готовили новоросности исподволь, что позволяло им ежегодно добавлять к старопахотным участкам нови, которые на первый раз давали богатые урожаи и высоко ценились. Немаловажным был и фактор времени: подчеркивание не создавало экстремальной ситуации в смысле мобилизации рабочих рук на расчистку и позволяло делать эту работу постепенно, в свободное от основных сельскохозяйственных занятий время. Наконец, во всем этом могла иметь место и дань сложившимся хозяйственным традициям. Что касается переложно-залежной системы, в северных лесных районах Урало-Поволжья, в том числе на территории современной Удмуртии, она, по-видимому, всегда играла второстепенную роль как дополнение к подсеке, а затем к паровому трехполью (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение систем земледелия в Удмуртии в конце XIX
начале XX в. (%)

Уезды	Паровая-зерновая	Подсека	Перелог
Елабужский	91,8	8,1	0,1
Сарапульский	97	0,2	2,8
Глазовский	88,2	2,1	9,7
Малмыжский	95,6	3,6	0,8

Источники: Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Вятка, 1906. Т. 8. С. 22; Там же. 1907. Т. 9. С. 16; Там же. Т. 10. С. 24; Там же. 1908. Т. 11. С. 40.

Во второй половине XIX в. переложно-залежные участки представляли собой либо оставленные на отдых трехпольные пашни, либо истощенные лесные подсеки. Песчаные почвы, болотный чернозем находились в залежи от 6 до 15 лет, суглинки от 3 до 6 лет⁹.

При паровом трехполье одним из необходимых условий являлось интенсивное внесение удобрений. Исторической науке известно много фактов о "подпаривании" земли в удмуртских уездах уже в XVIII в.¹⁰ О систематическом удобрении старопахотных полей свидетельствует и большинство данных второй половины XIX в. К удобрению земель толкала сама жизнь, хозяйственные потребности, несомненно, сказывалось и влияние русского крестьянства. Степень применения удобрений прежде всего зависела от хозяйственной состоятельности: безлошадные, бескоровные дворы вообще были лишены возможности удобрять свои поля, тогда как зажиточные хозяйства старались унавоживать всю свою посевную площадь.

Среди русских преобладала летняя вывозка навоза, у удмуртов осенняя, по первому снегу. Ряд источников эту разницу объясняют религиозными причинами: "Вотяки считают, что летняя вывозка навоза неприятна богу..."¹¹. В отдельных деревнях удмурты запрещали летнюю вывозку навоза даже своим односельчанам русским. Не отрицая роли языческих воззрений удмуртов, следует отметить, что главная причина осенней вывозки удобрений заключалась все же не в этом. Производственный цикл летних сельхозработ был таков, что времени на вывозку навоза просто не оставалось. Немаловажным был и фактор экономии: осенняя вывозка удобрения была менее трудоемкой и обходилась намного дешевле (к примеру, телеги стоили 6 руб. 66 коп., а сани 92 коп.¹²).

В начале XX в. в удмуртских общинах вывозка навоза практиковалась уже дважды: летом (июнь) на паровое поле до предпосевной вспашки, осенью под яровые на весну. Удобрляли преимущественно ближние полосы, предназначавшиеся под рожь, ячмень, коноплю, полбу, пшеницу, интенсивнее всего унавоживали конопляники.

Подготовка земли под яровые хлеба начиналась в апреле. Иногда, в годы с ранней весной, проводили в апреле и сев. Сроки полевых работ в известной мере зависели от качества почв и рельефа местности: глинистые места пахали рано, низины в последнюю очередь.

Классификация почв: темно-бурый суглинок (сьёд суй), красно-бурый суглинок (горд суй), супесчаные почвы (луо пож), песчаники (луо), болотный чернозем (нюр суй) и др., способы и сроки их обработки вырабатывались практикой многих поколений земледельцев и являлись концентрированным выражением многовекового народного знания.

Обработка пара начиналась со второй половины июня (первая вспашка), после нее русские давали земле просохнуть в течение 1-2 недель и боронили, а удмурты проводили боронование или сразу после вспашки, или незадолго до второй (предпосевной) вспашки.

После подборонования в 2-3 следа проводили сев озимых (конец июля - начало августа). Сроки посева колебались в зависимости от погодных условий, наличия семян (не у всех были старые семена, приходилось ждать нового обмолота). Народная традиция четко определяла оптимальные сроки сева полевых культур, коллективный опыт крестьян в этом деле был гибким, учитывал реальную ситуацию каждого хозяйственного года, естественно-географические условия, особенности почв и т. д.

Коллективным производственным опытом были выработаны и наиболее целесообразные агротехнические приемы: двойная и тройная перепашка, боронование, прополка. Большое внимание уделялось семенному зерну - его отбирали уже при ручном обмолоте и веянии зерна. Такое сортированное зерно давало более сильные и стойкие всходы. Как правило, перед севом проводили проверку семян: на всхожесть. Широко был распространен способ проращивания зерен в навозе или земле в ящиках, лаптях, горшках, узелках; известна была также предварительная проба семян в воде: если зерна всплывали наверх, их браковали, как недоброкачественные.

Основными возделываемыми культурами во второй половине XIX в. являлись рожь, овес, ячмень, пшеница, гречиха, горох, полба, просо, чечевица; из технических - конопля и лен. Культивировались преимущественно семена местных сортов. По данным археологии, большинство перечисленных культур традиционны для местного края. На городищах чепецких удмуртов в хозяйственных ямах и на полу жилищ в большом количестве найдены зерна полбы, яровой ржи, овса, реже встречаются пшеница, ячмень, семена репы, иногда горох, пшеница карликовая, ячмень бутылковидный¹³. Озимую рожь средневековые удмурты еще не знали, но в период капитализма она занимала уже наибольшие площади (Глазовский уезд 41,1% посевной площади, Сарапульский 39,7%). Среди яровых преобладали посевы овса и ячменя: в Глазовском уезде на долю овса приходилось 41,7% посевной площади, в Сарапульском 28,8%¹⁴. Незначительное место занимала пшеница, особенно на севере края. Большое значение удмурты придавали культуре конопли. Земские статистики отмечали, что "они не шалят ни времени, ни сил на уход за нею"¹⁵. Конопля, пшеница, ячмень считались наиболее прихотливыми растениями, их сеяли по доброй, "унавоженной" земле. Рожь тоже требовала удобренных почв, но сеяли ее после удобрения вторым или третьим урожаем, лен и репу

высевали на новинах, под гречу отводились неудобренные, истощенные полосы.

Сев производился вручную, вразброс. При ручном севе существенную роль играли индивидуальные качества сеятеля, его опыт и знание дела. Семена разбрасывали из лубяной севалки (кур куды, кизён куды), снабженной специальной лямкой, с помощью которой ее вешали на шею или через плечо. Частоту сева сеятель сообразовывал как размером горсти, так и шириной шага.

Из орудий обработки земли удмурты использовали различные типы пахотных орудий, бытовавших в Прикамье и Приуралье: несколько видов сох, тяжелые и легкие сабаны, косули и т. д. (рис. 1).

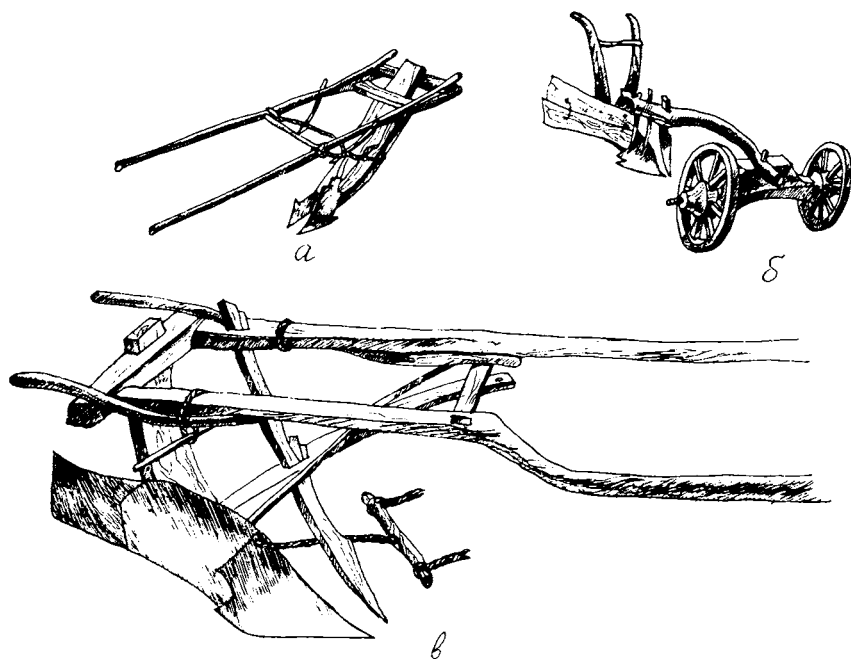

Рис. 1. Традиционные орудия пахоты:

а соха (Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М., 1977); б сабан (Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX нач. XX в. М., 1981); в косуля

Имеющиеся археологические материалы пока не позволяют реконструировать ранние пахотные орудия Прикамья, но, по мнению специалистов, они могут быть отнесены к упряжным пахотным орудиям типа рала. Функционально к ралу были близки и, вероятно, генетически с ним связаны однозубые сохи-черкуши, архаические

формы которых можно представить тоже лишь ретроспективно¹⁶. Для пахотного орудия мог быть использован цельный кусок дерева, у которого грядиль и рабочая часть составляли единое целое¹⁷. Позднее на старопашотных землях удмурты чаще применяли двуральную соху с перекладной полицей (суко, пу геры), известную в источниках второй половины XIX в. как “вотская”.

Устройство удмуртской двуральной сохи отличалось от сох, используемых русским населением края, незначительными деталями: “маленькие, узкие, легкие ральники, шаболка крутая, с поверхностью слабо выгнутой, правая обжа всегда прямая, оглобли длинные, укрепляющиеся к гужам хомута при помощи дуги... Соха значительно легче, чем русская, ею может пахать подросток 10-12 лет; точку опоры она имеет не на концах ральника, как в русской сохе, а как бы на месте прикрепления ральников к рассохе, отчего усилий для удержания сохи пахарю совсем почти не приходится делать”. По словам самих крестьян, “русская соха при вспашке все вглубь просится, если не удержат ее на руке, оттого она и для пахаря тяжела, да и для лошади тоже. Вотская соха совсем не то, потому как она с дугой, тут и пахарю раздолье, да и лошади приволье”¹⁸. К недостаткам удмуртской сохи крестьяне относили ее небольшие возможности при глубокой вспашке и непригодность на почвах со значительной мощностью.

Во второй половине XIX - начале XX в. в удмуртских хозяйствах использовались усовершенствованные сохи кунгурки, курашимки, чегандинки, имевшие пята (зачаточный полоз), и потому более устойчивые (рис. 2). В работе их преимущество проявлялось в том, что они пахали глубже и брали пласт шире, истребляли сорные травы, разрыхляли землю, были более производительны; к недостаткам относились быстрое изнашивание, дороговизна и большая тяжесть.

Еще в середине XVIII в. П. И. Рычков писал, что удмурты пахут землю косулями¹⁹. Судя по описанию, автор вел речь о двуральной сохе с брылой, на что впоследствии обратил внимание Д. К. Зеленин²⁰. В первой половине XIX в. небольшое распространение в удмуртских уездах имела, по-видимому, и “косуля” однолемешная - еще более усовершенствованное орудие, близкое по способу действия к плугу, - использовавшаяся главным образом для обработки почв, освобожденных из-под леса.

Определенное распространение среди крестьянства Удмуртии имел татарский сабан или его облегченный вид полусабан. Сабан был необходимым орудием для поднятия нови, залежей; даже русские, оказавшись в лесистых районах Удмуртии, нередко прибегали к его помощи, употребляя традиционные сохи лишь при вспашке мягких земель. Во второй половине XIX начале XX в. увеличилось

распаханности территории, позволявшей обрабатывать ее легкими пахотными орудиями, с одной стороны, и недостаток тягловой силы, которая требовалась при пользовании сабаном, с другой - обусловили его меньшее применение в сравнении с орудиями типа сохи.

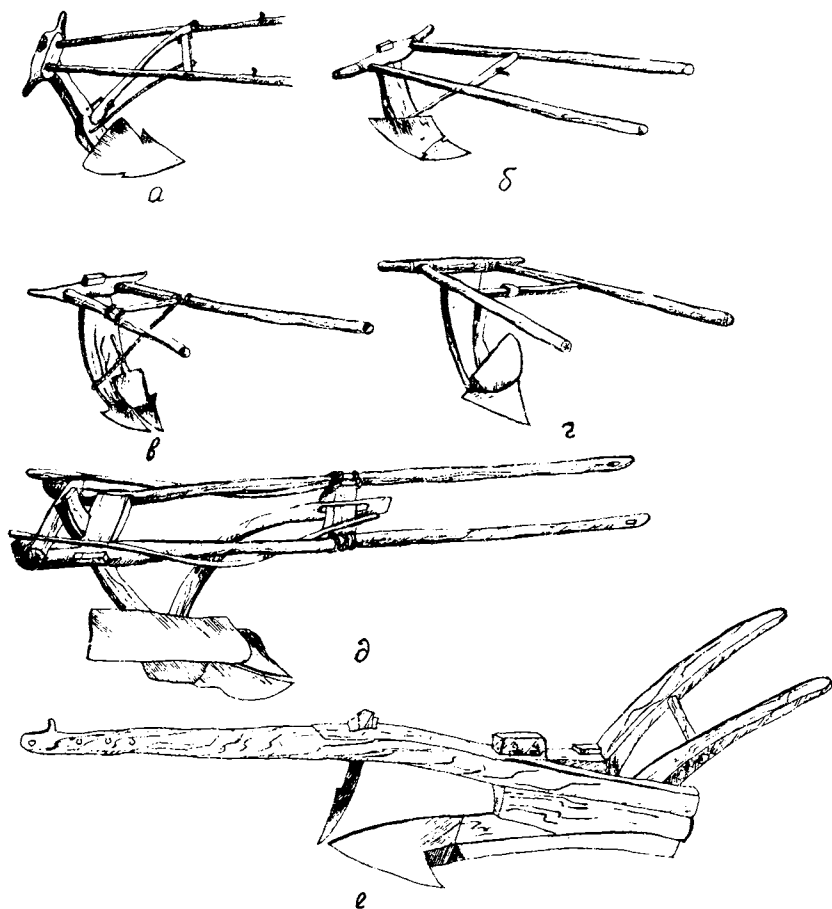

Рис. 2. Усовершенствованные пахотные орудия:
 а чегандинка (Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967);
 б курашимка; в - соха с брылой; г вятский лемех (Халиков Н. А.
 Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья. XIX нач. XX в. М., 1981);
 д кунгурка; е плуг с колесным передком (Земледельческие орудия восточной
 полосы России. Казань, 1854)

При подсеке и перелогe широко употребляли "чертеж" (резак, резец, отрез) - обыкновенную соху, имевшую вместо рассохи лапу крепкий, почти прямой брусok без раздвоенного конца.

Основным орудием для разрыхления вспаханных земель и заделки семян служила борона (усы) вязаная, долбленая, суковатка (рис. 3). Бороны с железными зубьями в основном имелись в хозяйствах русских крестьян, в Сарапульском уезде, например, их имели 49,3% русских и лишь 9,6% удмуртов²¹.

С развитием капитализма в зажиточных удмуртских хозяйствах стали появляться железные плуги, веялки, сеялки и другие усовершенствованные орудия. Эти нововведения слабо затронули основную массу крестьянских хозяйств, в них традиционные орудия сохраняли господствующее положение (табл. 2).

Довольно простыми оставались орудия уборки урожая: жали серпами (сюрло), в случае плохого урожая косили косами-литовками, сгребали граблями (мажес), молотили цепами (кутэс), веяли с помощью деревянных лопат. В годы сильных недородов урожай убирали старинным способом дергали руками.

Уборку ржи русские начинали на 3-4 дня раньше удмуртов, так как жали "впрозелень", а удмурты ждали полного созревания зерна. Сжатый хлеб связывался в снопы, при этом удмурты вязали снопы меньшего размера, чем русские, что объяснялось стремлением удмуртов достичь большей просушки зерна прямо в поле, так как у них обычно практиковалась молотьба хлеба сыромолотом, без просушки в овинах. В народе ведренная, высушенная на солнце рожь ценилась дороже высушенной в овинах.

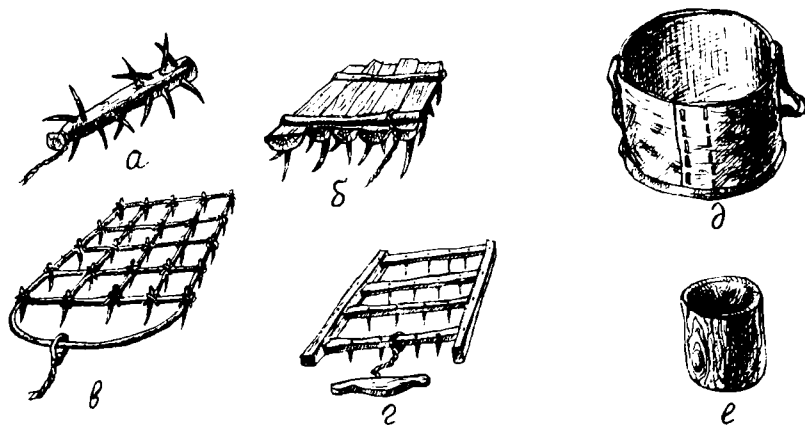

Рис. 3. Бороны:

а - борона-суковатка; б - борона-смык; в - плетеная борона; г - рамная борона (Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX нач. XX в. М., 1981); д - севалка (Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975); е - пудовка (Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М., 1977)

Пахотные орудия в удмуртских хозяйствах в начале XX в.
(в штуках)

Уезды	Сохи	Косу- ли	Плу- ги	Саба- ны	Бороны		
					с деревян- ными зубьями	с желез- ными зубьями	От- ре- зы
Глазовский	6228	278	1	431	6007	807	118
Сарапульский	2849	9	1	1552	3123	1514	
Елабужский	2229	48			1455	751	11
Малмыжский	3362	285	4		2318	1496	
ИТОГО:	14668	620	6	1983	12903	4568	129

Источники: Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Вятка, 1906. Т. 8. С. 103-105; Там же. 1907. Т. 9. С. 58-59; Там же. Т. 10. С. 110-111; Т. 10. С. 128-129.

Для полевой просушки снопы ставились в груды (10 снопов), бабки (10-14), суслоны (14-18). В сырую погоду для предохранения хлеба от прорастания снопы укладывались на ветвистые колья, вбитые в землю (ючись, юсись).

В сухую погоду снопы иногда сразу укладывались в большие копны чумолё (от 50 до 150 снопов). Верх копны сводился на конус и покрывался тремя снопами. В копнах хлеба стояли 4-6 недель и затем свозились на гумно (итым, иншыр), где часть хлеба сразу молотили, а другую складывали в скирды, кабаны. Скирды и кабаны обычно имели круглую форму, несколько расширяющуюся к середине, а с высоты примерно 2,5 метра сходящуюся на конус. Подобная форма укладки снопов была широко распространена у всех народов Поволжья и, возможно, была заимствована и переселившимися сюда русскими²². Отмечается, что "в искусстве складки кабанов вотяки стоят гораздо выше русских" и "складывают их очень изящно и настолько плотно, что они даже не нуждаются в покрытии соломой, хлеб сохраняется в них отлично в продолжении 5-10 лет"²³.

Для молотбы хлеба на гумне устраивался ток (кутсаськон инты) - специально утрамбованная, тщательно вычищенная площадка (в сухую погоду открытый ток обычно устраивали прямо в поле, у остожьев, где обмолачивали часть хлеба). Молотбу продолжали всю зиму, стараясь закончить до весеннего тепла. Для обмолота хлебов удмурты собирались артелями в 8-10 человек; рабочих для этого никогда не нанимали, обходясь взаимной помощью.

Как отмечалось выше, удмурты предпочитали молотить свои хлеба сыромолотом и лишь часть после просушки в овинах (обинь).

Зажиточные хозяева имели отдельные овины, большинство же домохозяев объединялись в артели и пользовались овином на 2-3 хозяйства.

В Удмуртии были распространены ямные овины; верховые овины и риги (однокамерные сушильни, где и печь и колосники находились в одном помещении) имелись в основном у русского населения. В Елабужском и Малмыжском уездах удмуртское население, жившее по соседству с марийцами и татарами, пользовалось наиболее примитивной формой снопусушилен - "шишами" (с псчами и без нее). Дешевизна и простота шишей обусловили широкое их применение у многих народов Поволжья (татар, чувашей, марийцев, мордвы и др.).

Наиболее древним и распространенным до конца XIX начала XX в. на всей территории Поволжья и Приуралья был обмолот хлебов цепями. На току раскладывали 20-30 снопов и поочередно ударяли по ним, непрерывно передвигаясь по краю тока. Через некоторое время снопы ворошили, и процесс повторялся до тех пор, пока не выбивались все зерна. После обмолота солому собирали граблями, а зерно вместе с мякиной теми же граблями, но зубьями вверх, сгребали в кучу и затем провеивали. Солома складывалась в ометы, имевшие форму скирды. Она шла на покрытие крыш, корм скоту и другие хозяйственные нужды.

У южных удмуртов практиковался способ молотьбы при помощи лошадей: снопы расстилались на току, и по ним гоняли лошадей (обычно по кругу), которые копытами выбивали зерно из колосьев. Данный способ молотьбы финно-угорские народы (южные удмурты, часть мордвы и марийцев), вероятно, заимствовали у своих тюркоязычных соседей, у которых он был распространен значительно шире²⁴.

Обмолоченный хлеб веяли на ветру, подбрасывая широкой деревянной лопатой. Дальнейшую очистку зерна нередко производили при помощи решета. С середины XIX в. наиболее зажиточная часть крестьянства для очистки зерна стала использовать веялки, в имущих хозяйствах встречались и другие сельскохозяйственные машины: жнейки, молотилки, сортировки.

Для размола зерна применялись ветряные и водяные мельницы. Во второй половине XIX в. во многих удмуртских деревнях продолжали бытовать мельницы-мутовки (или колотовки) с небольшой производительностью труда, устраивавшиеся на малых речках.

Трудоемкость полевых работ заставляла крестьянина и всех членов его семьи напряженно трудиться из года в год, с раннего утра до позднего вечера. Но тяжелый и упорный труд вознаграждался не всегда. Урожаи были, как правило, низкими и прогрессивно

уменьшались, что являлось отражением не только уровня агротехники и агрокультуры, но и социально-экономических условий эволюции полевого хозяйства. В начале XX в. урожайность ржи в Глазовском уезде не превышала "сам 3,5", в Елабужском - 4,7, Малмыжском 4,5, Сарапульском 4. Чистый сбор ее в среднем составлял всего 28-37 пудов с десятины²⁵.

Большим бедствием для крестьян являлись систематические неурожаи. Недороды были даже в результате небольших засух, заморозков, холодного лета.

Несмотря на это, Вятская губерния в целом и четыре удмуртских уезда, в частности, еще с рубежа XVII XVIII вв. считались житницей России, откуда вывозилось большое количество хлеба и других видов сельскохозяйственной продукции на север, в районы Поморья, в Сибирь, через Архангельск - за границу, но при этом происходила в основном принудительная товаризация продуктов земледелия, а не предпринимательская продажа действительных излишков. В начале XX в. 67-70% крестьян, продававших хлеб осенью, весной вынуждены были его покупать²⁶.

Огородничество в хозяйствах удмуртов выполняло подсобную роль и носило в основном потребительский характер. Набор овощей был ограниченным: ведущее место принадлежало капусте, луку и картофелю. Их старалась сажать каждая домохозяйка. Среди других овощей, культивируемых удмуртами, были морковь, огурцы, редька, свекла, репа, брюква. Кроме того, на огородах сажали бобы, мак, подсолнечник, хмель. Уход за огородами лежал на женщинах и детях, мужчины обычно ограничивались подготовкой почвы весной и участием в уборке урожая.

Садоводство было развито весьма слабо. Фруктовые сады имелись только у священников и зажиточных крестьян, а в усадьбах основной массы удмуртов росли лишь кусты рябины, черемухи, калины, ягоды которых собирались и заготавливались впрок.

2. Животноводство

Второй по значимости отраслью в хозяйстве удмуртов являлось животноводство. Оно давало крестьянам тягловую силу, продукты питания, сырье для изготовления одежды и хозяйственных предметов, позволяло получать удобрение для полей.

На рубеже XIX - XX вв. удмурты держали в основном те же виды скота и птицы, что и соседние народы Прикамья и Приуралья: лошадей, коров, овец, коз, свиней, кур, гусей, уток, изредка индеек. Каждая семья старалась разводить скот в достаточном количестве, но у основной массы крестьян его явно не хватало. В

конце XIX в. в Удмуртии насчитывалось 27,9% удмуртских и 60,4% русских безлошадных и однолошадных хозяйств, к 1912 г. доля таких хозяйств среди удмуртов возросла до 38,8%, среди русских до 65%. Имеющийся скот у бедноты был не породистым, мелким и слабосильным²⁷.

Социальная дифференциация сказывалась и на качестве поголовья скота. Когда не было возможности держать одновременно лошадь и корову, удмурты предпочитали расстаться с коровой, чем с лошадью, ибо отсутствие последней означало потерю хозяйственной самостоятельности.

Содержание скота в пастбищный сезон не требовало особых усилий. Лошади обычно паслись на лугах или на паровом поле; в пору напряженных сельхозработ их пасли ночью, что входило в обязанности подростков. Весь остальной скот пасли в огороженных выгонах-поскотинах или на полях, в лесу, на арендованных пастбищах. Большинство общин обходилось вольным выпасом, но в конце XIX в. для мелкого скота овец, коз, свиней стали практиковать наем пастухов. Оплата труда пастуха и одного-двух подпасков была денежной, кроме того, каждый домохозяин обязывался в порядке очереди и пропорционально количеству скота кормить их.

В зимнее помещение, хлев (гид), скот загоняли только глубокой осенью, после наступления постоянных холодов. Хлева представляли собой срубные помещения с небольшими волоковыми окнами и деревянным полом. Днем скот часто находился в крытых загонах или под навесом; в сильные морозы молодняк и птицу заносили в дом.

На зиму оставляли самый необходимый минимум скота. Большая доля уходила на питание, часть - на жертвоприношения, остальная оставлялась для воспроизводства. Большое количество скота могли содержать в зимний период только экономически состоятельные хозяйства.

Основной корм скота зимой сено и солома. Солома давалась как в сухом нарезанном виде, так и в виде мешанины (суралтэм) с добавлением муки, отрубей, соли, замешанных на воде. Сначала старались скормить мякину и солому проса, гороха, гречихи, затем ржаную и овсяную. Сено давали лошадям, стельному скоту и молодняку, а овес только лошадям в дни особо напряженных сельхозработ, так как с их работоспособностью связывались успех весеннего сева и судьба будущего урожая.

Как только сходил снег, скот выгоняли в поле на подножный корм; где не хватало или совсем не было пастбищ, он кормился на паровом поле. После сенокоса животных пускали на луга, после жатвы на убранные поля. Нехватка выгонных угодий и

попеременный вольный выпас на участках севооборота вынуждали крестьян огораживать поля, чтобы не допустить потравы. Полевая изгородь (кенер) требовала постоянного надзора, поэтому за каждым домохозяином закреплялся определенный участок изгороди, за исправность которой он отвечал. Ранней весной изгороди ремонтировались, и затем староста или уполномоченный от общества крестьянин проверяли их состояние. Во многих селениях, чтобы удержать скот от потрав, въезд и выезд из деревни обносились забором или плетнем и ставились ворота.

При вольном выпасе скот, оставаясь без присмотра, подвергался травмам, нападению зверей, укусам насекомых, часто терялся. Чтобы предотвратить его потери, уберечь от болезней, травм, удмурты прибегали к различного рода обрядам, магическим приемам, в которых имелаась и рациональная основа. К примеру, при выпуске скота со двора и по возвращении давали кусочек хлеба с солью, чтобы приучить к возвращению домой. Примером магического приема, направленного на сохранение скота, может послужить обряд ньёр васьтыр: в великий четверг (четверг перед пасхой) женщины стегали овец ивовыми прутьями, высказывая пожелания здоровья скоту и большого приплода.

В общинах, где нанимали пастухов, они несли полную ответственность перед обществом и отдельными крестьянскими хозяйствами за пропажу скота или потраву полей. Если потрава все же происходила, пастуха подвергали штрафу в пользу пострадавшего домохозяина. Сумму убытка от потравы определяло общество.

В пореформенный период удмуртское крестьянство испытывало большой недостаток сенокосов и выгонов: в Елабужском уезде сенокосы удмуртов составляли всего 8,1%, а выгоны - 2,0% от всех земельных угодий, в Малмыжском 10,0% и 3,0%, в Сарапульском 11,2% и 1,3%; в несколько лучшем положении находились глазовские удмурты: 13,0% сенокосов и 2,4% выгонов²⁸. Нехватка кормовых площадей вынуждала крестьян прибегать к аренде частновладельческих и казенных участков.

В Елабужском уезде дефицит кормовых площадей привел к появлению категории так называемого “испольного” скота. Не имея достаточных кормов, крестьяне отдавали свою скотину (особенно коров) “исполу” в другие хозяйства на следующих условиях: “взявший корову крестьянин обязуется кормить ее в течение условного времени, за что в плату пользуется ее продуктами и кроме того в его же пользу поступает приплод”. Среди удмуртов количество испольных коров по уезду достигало 1,2%²⁹.

Уборка сена удмуртами начиналась в первых числах июля, в пору массового созревания земляники. Кроме названных уже выше кос-литовок, грабель, вил, во время сенокоса использовались еще

косы-горбуши, которыми убирали травы с кочковатых, болотистых участков (рис. 4).

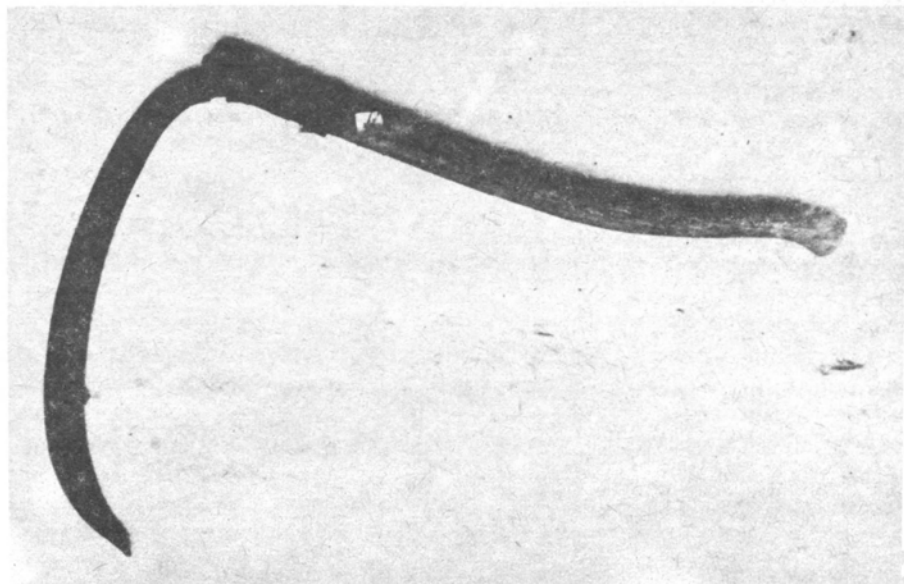

Рис. 4. Коса-горбуша; д. Лонки-Ворцы, Игринский р-н, 1959 г.
(фотоархив УРКМ)

Скошенная трава в течение 1-2 суток сушилась, затем сено сгребалось в валки и копнилось. Из копен оно сметывалось в кабаны или стога прямо на лугах, а осенью-зимой по санному пути по мере надобности перевозилось во двор и складывалось под навесом или на сеновале.

Отсутствие достаточного количества кормов, теплых хлевов часто приводило к болезням, падежу скота. Настоящим бичом для животноводства были эпизоотии, наносившие огромный ущерб крестьянским хозяйствам. Никаких эффективных мер борьбы с падежом скота крестьянство не могло предпринять, единственным средством были попытки ограничить распространение эпизоотий путем изоляции очага³⁰.

3. Пчеловодство, охота, рыболовство

В немногочисленных письменных источниках XII, XIII, XVII вв., упоминающих об удмуртах, содержатся сведения о том, что “край изобилует медом, дикими зверями, рыбами”, что “в нем охотятся

на бобров, горностаев и превосходных белок...”, что местные жители “платят великому князю дань, большею частью мехами”³¹. Эти данные позволяют судить о том, что пчеловодство, охота и рыболовство в течение длительного времени занимали в хозяйстве удмуртов значительное место.

Пчеловодство было одним из древнейших и любимых занятий удмуртов. Оно прошло в своем развитии три этапа: дикое (бортовое), колодное и рамочное. В первое время оно сводилось к непосредственному сбору меда и воска в естественных дуплах деревьев. В дальнейшем люди стали устраивать искусственные бортни или приспособлять естественные дупла. Бортные деревья отмечались семейными знаками тамгами (подзем пус) и считались наследственной собственностью. Повреждение бортни или присвоение чужого меда влекло за собой весьма суровое наказание.

Разбросанность бортней, требовавшая от пчеловодов много сил и времени, вырубка лесов, сокращение бортных ухажив привели к постепенному переходу к пасечному пчеловодству, пчелы стали содержаться в колодах на лесных пасеках или около дома, на приусадебных участках. Колоды выдалбливались из толстого обрубка дерева высотой около 150-200 см и диаметром 30-50 см. Дно и потолок ее забивали досками и сверху закрывали лубом, берестой. Вдоль колоды вырезали щель, закладываемую двумя брусками (рис. 5). Уход за пчелами и применяемый при этом инвентарь не имели каких-либо этнических особенностей: использовался роевник, сетка, дымарь и т. д. Среди удмуртов переход к пасечному пчеловодству произошел в XVIII в.³²

Пасеки (муштор) обычно устраивались на полянах, в защищенных от ветра ложинах. Для зимнего содержания пчел здесь устраивалось небольшое помещение в виде срубной постройки или землянки. Иногда на пасеке объединялись ульи нескольких хозяев, как правило, родственников. Во второй половине XIX в. частым явлением становится содержание пчел на усадьбах; в деревнях обычно имелось по 2-3 хозяйства, державших несколько ульев при огородах.

Многовековые традиции пчеловодства выработали у удмуртов внимание и прилежность к этому древнему занятию, любовь и почтительное отношение к пчелам. В устном народном творчестве пчелы олицетворяли трудолюбие, мастерство, усердие, бескорыстие, дружбу и взаимопомощь. По мнению народа, пчеловодством могли заниматься только достойные в морально-этическом плане люди. На пасеку пчеловоды всегда приходили в чистой белой одежде, так как считали, что пчелы чувствительны к грязи, запаху пота. По обычному праву считалось великим грехом убить пчелу ради забавы, не поощрялась купля-продажа и раздел пчел.

Исследователи второй половины XIX в. отмечали сноровку и

мастерство удмуртов-пчеловодов. По словам В. Кошурникова, удмурт “всегда вовремя предупредит все случайности, вредные для пчелы в своей пасеке, как то холод, излишнее тепло и недостаток воздуха...”³³.

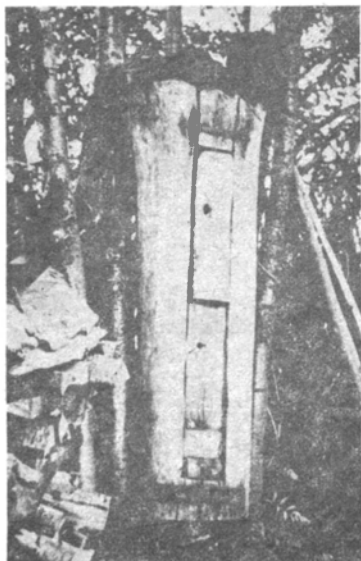

Рис. 5. Колодный улей; д. Пышкет, Юкаменский р-н (фотоархив УРКМ)

Удмуртский мед высоко ценился на ярмарках, особенно славился сарапульский мед бортовой. Известно, что продукты пчеловодства - мед, воск - уже в XVII - XVIII вв. в больших количествах вывозились за пределы края, в частности, в Устюг, на Ирбитскую ярмарку.

В XIX в. значение пчеловодства в хозяйстве удмуртов постепенно сокращалось, количество пчеловодов уменьшалось. Во второй половине XIX в. в Глазовском уезде пчеловодством занималось всего 1716 удмуртских дворов, в Сарапульском 1827, из общего количества пчеловодов уезда только у 9 пчеловодство имело промысловое значение³⁴. Основная масса удмуртов не находила ни времени, ни возможности заниматься пчеловодством, требовавшим серьезного внимания. Промысел все в большей степени сосредоточивался в руках состоятельной части населения - кулаков, отдельных середняков, которые, имея небольшой капитал, увеличивали количество ульев, приобретали медогонки, культивировали медоносные растения, строили помещения для зимовки пчел. Большая часть

пчеловодов ограничивалась 1-10 ульями, и только имущие хозяйства позволяли себе содержать 25 и более ульев. Так, в Елабужском уезде 1673 удмуртских двора имели лишь от 1 до 10 ульев, 44 двора от 26 до 50, а 8 домохозяйств владели более 50 ульями³⁵.

Важной отраслью хозяйства удмуртов являлась охота. В более древние периоды охота имела потребительский характер, но постепенно с развитием торговли, уже в ананьинскую эпоху (VIII III вв. до н. э.), пушнина становится продуктом обмена с племенами Юга и Востока³⁶.

В XVIII XIX вв. удмурты продолжали уделять значительное внимание этому традиционному занятию. Ученые-путешественники XVIII в. отмечали высокое искусство удмуртских охотников, вооруженных примитивными орудиями лова, но добывавших значительное количество дичи и пушнины; с восхищением о мастерстве удмуртов в охотничьем промысле отзывались и исследователи второй половины XIX в.³⁷

Удмурты охотились на мясных и пушных зверей - зайцев, белок, лисиц, волков, лосей, оленей, куниц, бобров, выдру, норку, медведей, росомах. Из птиц везде встречались глухари, рябчики, куропатки, тетерева, а в болотах и озерах утки, гуси. На куниц, бобров, лисиц, выдру, норку, белок велась промысловая охота.

Большинство способов и орудий охоты у удмуртов были сходны с таковыми у народов Поволжья и Приуралья. Они явились продуктом коллективного творчества их предков, населявших лесную зону Волго-Камья. Наиболее древние орудия лова были самодельные: луки и стрелы (пукыч, ньол); капканы; корытообразные захлопывающиеся ловушки (нальк); ловушка из бревен (кечкор); спиралеобразные ловушки-клетки; тенета (казь). Устраивали разнообразные ловчие ямы. На птиц ставили силки из конского волоса, веток, прутьев, ловушки из кольев и мелких досок. Имеются описания разных видов силков (си, вы, сикыч, пижны), четырех видов ловушек (турморда) (рис. 6). Ловили птиц на смолу, намазывая ею ветки деревьев. Удмурты-охотники прекрасно подражали птичьим голосам и, кроме того, для заманивания птиц пользовались манками (чипсон)³⁸. Ружья (пычал), известные среди удмуртов еще с XVIII в., встречались только у наиболее состоятельных крестьян.

Многовековые занятия охотой выработали у удмуртов такие качества, как наблюдательность, знание повадок зверей, выносливость, настойчивость, выдержку. В охоте удмурт "настойчив, терпелив и ловок. В простой походке его уже много хитрости и лукавства, он ходит как-то крадучись, избочась и едва поднимая от земли ноги, носки его лаптей прежде устраняют встретившуюся на пути преграду, а потом следует опускание ноги". Искусство охоты передавалось из поколения в поколение, дети 7-9 лет ходили с

отцами на охоту в качестве учеников и помощников, учились “всем приемам скрадывания птицы и схаживанья зверя”, знакомились с местами их гнезд и логовищ по следам и перелету³⁹.

Рис. 6. Установка ловушки для тетеревов; с. Полом, Кезский р-н
(фотоархив УРКМ)

Продукция охоты имела значительный вес в бюджете удмуртской семьи: использовалась в пищу, шла на уплату государственных податей, излишки охотничьей добычи вывозились на рынок. Охота была необходима и как средство защиты от хищных зверей (волков, медведей), наносивших ущерб скотоводству и пчеловодству. На пасеках на медведей ставились специальные лабазы - срубы высотой 2-2,5 м в форме усеченного конуса с приманкой внутри; под

деревьями с бортиками устраивались ловушки с острыми кольями, на яровых полях устанавливались наблюдательные вышки (рис. 7). На волков проводились облавы, ставились спиралеобразные загоны с живой приманкой.

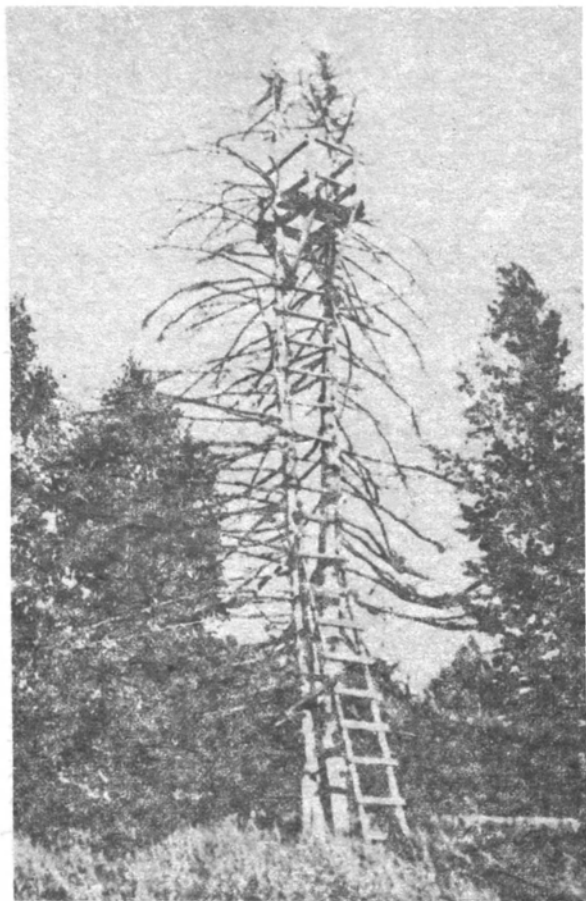

Рис. 7. Наблюдательный пункт при охоте на медведей; д. Коршуново, Глазовский р-н, 1979 г. (фотоархив УРКМ)

На рубеже XIX XX вв. в связи с сокращением охотничьих угодий и уменьшением количества промысловых зверей число занимающихся охотой удмуртов сократилось, большая часть их охотилась в свободное от основных работ время. Так охота постепенно превращалась в своего рода промысел, профессиональное занятие, на котором специализировалось ограниченное количество

лиц. По данным Вятского губернского земства, в 1891 г. в Глазовском уезде охотничьим промыслом занималось всего 419 удмуртов, в Сарапульском (1890 г.) 10740.

Одна из древнейших форм хозяйственной деятельности удмуртов - рыболовство. Найденные при раскопках в бассейне реки Чепцы разных размеров железные и бронзовые рыболовные крючки, остроги, грузила от сетей, позвонки рыб свидетельствуют о том, что рыболовство у населения этого района занимало существенное место в хозяйстве.

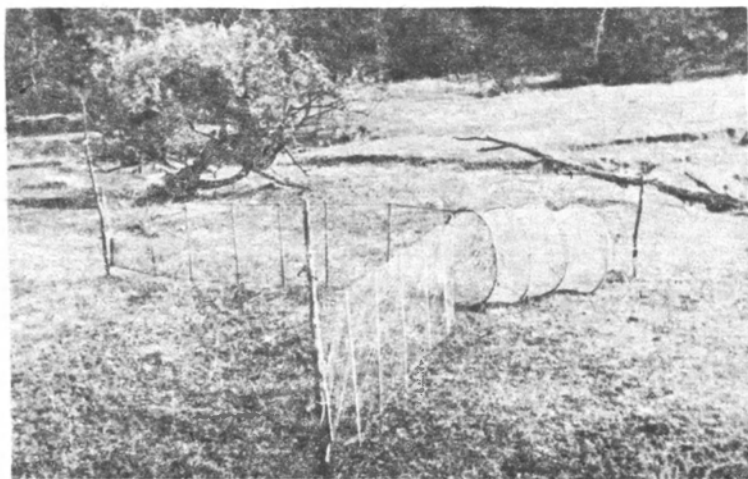
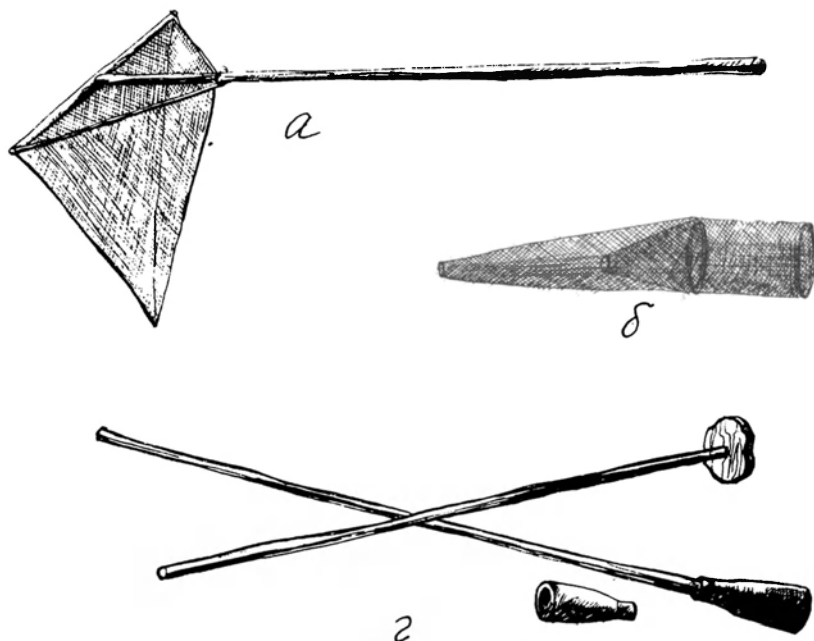
В XVIII в. водоемы Удмуртии изобиловали рыбой. В рр. Кама, Вятка, Белая встречались ценные породы рыб - стерлядь, осетр, белуга. В многочисленных реках, речушках, озерах водились лещ, линь, судак, голавль, язь, карась, щука, окунь, плотва, пескарь и др. В камской рыбе, которая, по мнению П. С. Палласа, далеко превосходила волжскую по своим вкусовым качествам, были заинтересованы купцы самых различных районов России⁴¹.

Орудия и способы рыболовства у удмуртов в целом не отличались от таковых у соседних народов, ибо они сложились здесь издавна ввиду общих рыболовных традиций (рис. 8). Большинство рыболовных снастей были самодельными. Ловили крючками (визнан), бреднями (калтон), переметами (чилеп), сачками (сак), сетями (сеть). Устраивались самоловные снасти - "морды", верши (мурдо). Наиболее распространенным способом была ловля сетями, дававшая большой эффект при малой затрате времени. Сети вязались из сученых конопляных ниток, морды плелись из прутьев. Саками обычно ловили рыбу весной, когда спадал паводок и рыба поднималась на нерест. Удочками, бреднями, мордами и сетями больше ловили летом или ранней осенью. Острогами в основном пользовались осенью для ночного лова, когда вода становилась прозрачной, а рыба менее подвижной. Источником света служили горящие смолистые дрова или палки, обмотанные засмоленной паклей, крепившиеся на носу лодки на железной решетке. Один рыбак, сидя на корме, медленно и осторожно вел лодку, другой, стоя на носу, бил острогой спящую в воде рыбу.

В прикамских дворцовых волостях, населенных русскими, рыболовство довольно рано приобрело товарный характер, но большинство рыболовных угодий принадлежало монастырям, либо содержалось на оброке купцами и другими предпринимателями.

У удмуртских крестьян рыболовство имело потребительский характер. Рыболовные угодья, содержащиеся ими, были незначительными и мало доходными. Более или менее заметным явлением продажа рыбы удмуртами становится лишь в конце XVIII в. Однако в конце XIX - начале XX в. рыбаков, занимавшихся поставкой рыбы на рынок или скупщикам, среди удмуртов было мало. К примеру,

в Сарапульском уезде в 1890 г. было всего 38 удмуртов, для которых рыболовство являлось промыслом⁴².

в

Рис. 8. Орудия рыболовства:

а сак (фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН); б морда. Завьяловский р-н, 1949 г. (фотоархив УРКМ); в - вентерь. Завьяловский р-н, 1981 г. (фотоархив УРКМ); г - ботала (фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН)

4. Промыслы

В замкнутом, слабо связанном с рынком хозяйстве удмуртов почти все необходимые бытовые и хозяйственные предметы, орудия труда изготовлялись членами семьи домашним способом из древесины, земледельческого и животноводческого сырья.

Археологические материалы свидетельствуют, что многие виды домашних промыслов, распространенные среди удмуртов в период капитализма, имели древние традиции. Лен и конопля издавна использовались удмуртами для выработки тканей; овчина для изготовления зимней одежды; кожа - для производства обуви, сумок, ремней; шерсть - для вязания теплых вещей и изготовления тканей; кость и рога для различных поделок.

Обилие лесов в избытке обеспечивало древесиной, лубом, берестой, смолой, дегтем. Из местного сырья в домашних условиях добывались клей, дубильные и красящие вещества. О том, что удмурты достигли высокого уровня деревообработки, говорят сохранившиеся изделия XVIII-XIX вв.

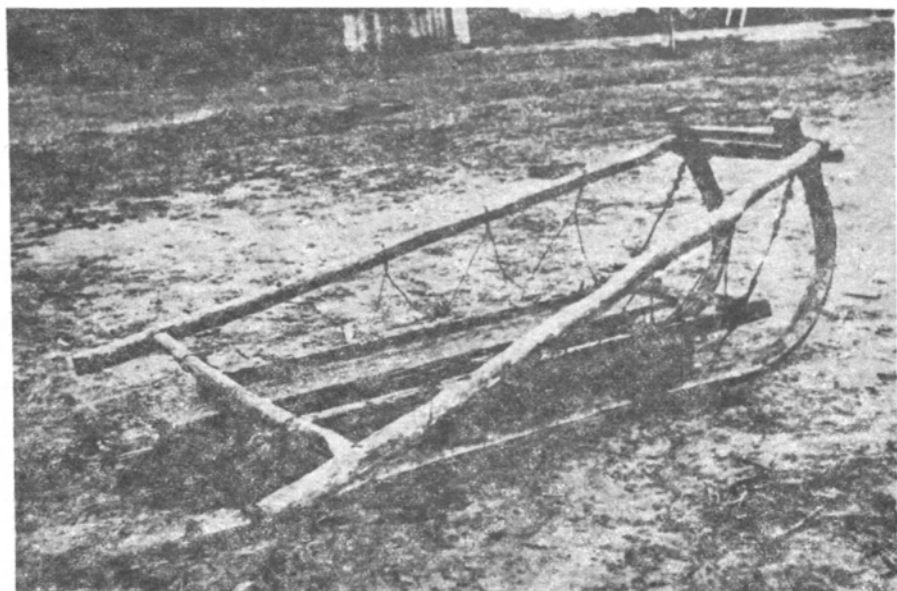
Излюбленным материалом для различных поделок у древних удмуртов являлась кость. Использование ее в качестве сырья для изготовления оружия, разнообразных орудий труда, бытовых вещей и украшений вошло в быт прикамских народов еще в эпоху камня.

Изучение изделий из черного металла, орудий металлурга и литейщика показывает, что в среде удмуртов выделялись ремесленники, не связанные или слабо связанные с сельским хозяйством, занимавшиеся кузнечным ремеслом. В начале II тыс. н. э. уже сложился весь технологический комплекс кузнечного ремесла. Древнеудмуртские кузнецы владели большинством приемов и способов обработки металла: свободной ручной ковкой, скручиванием, рубкой, прошивкой, умели сваривать не только однородный по качеству металл, но и с разным содержанием углерода, что свидетельствует о высоком мастерстве⁴³.

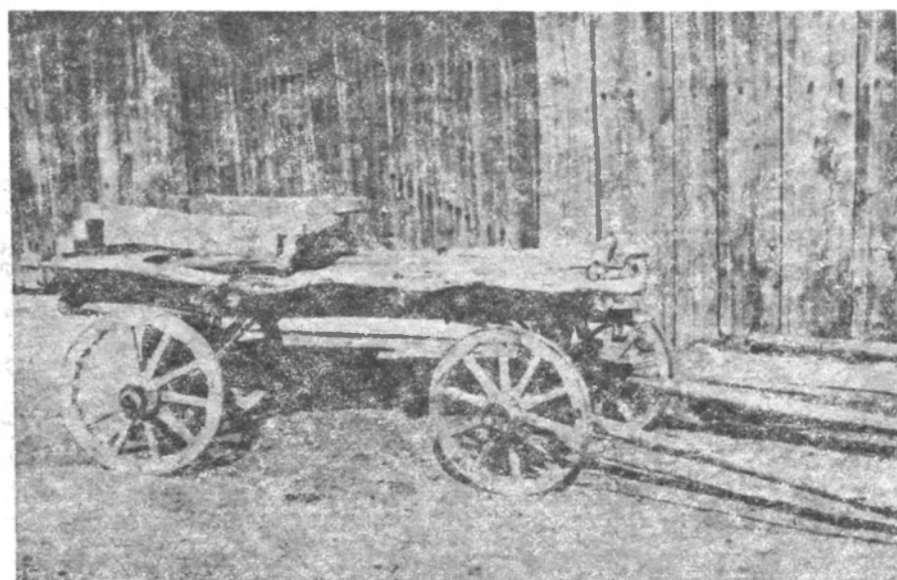
В XIX в. наиболее развитыми домашними промыслами у удмуртов являлись ткачество, изготовление рогож, плетение лаптей, обработка дерева, шерсти, кожи; на уровне домашней промышленности оставалось винокурение.

Большинством видов домашней промысловой деятельности занимались мужчины: плели лапти, выделявали кожу, плели кули и рогожи, изготовляли нехитрую мебель, сельскохозяйственный инвентарь (бороны, вилы, рукоятки для топоров, кос, серпов), транспортные средства волокуши, сани, лыжи, лодки (рис. 9), кадки, бочки, чашки, различные тески, лукошки. Техника была несложной, мастера располагали самым простым инструментарием: в основном нож, долото, скобель, игла.

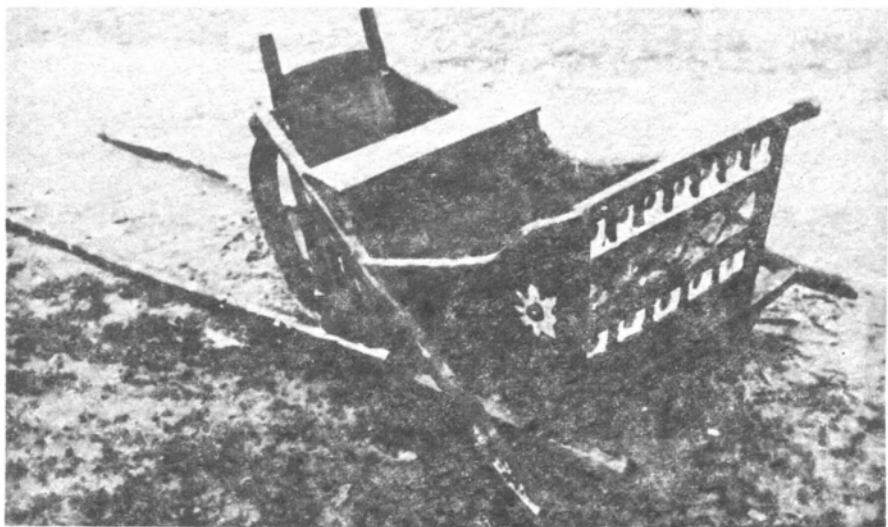
a

6

в

г

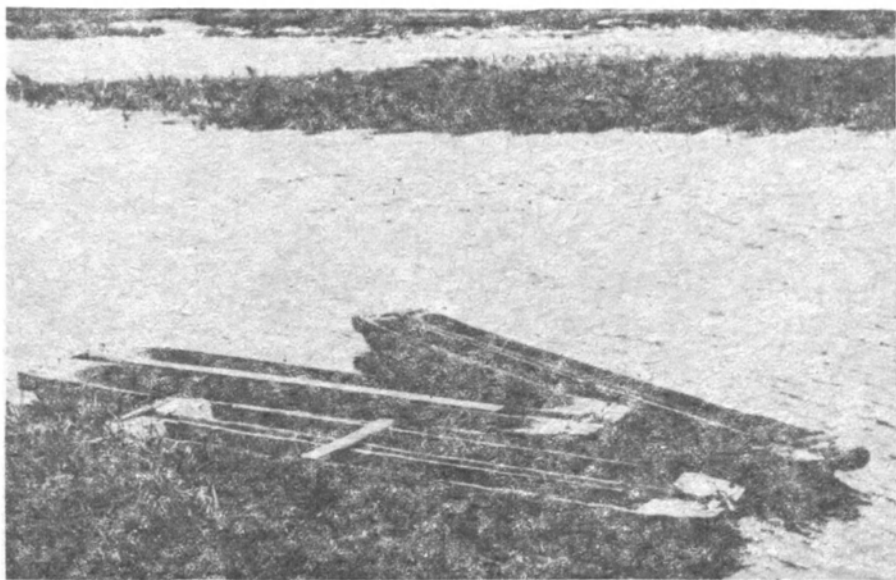

Рис. 9. Транспортные средства (фотоархив УРКМ):
 а - грузовые сани. Глазовский р-н, 1979 г.; б - телега для перевозки бревен.
 Малопургинский р-н, 1981 г.; в - выездные сани "кошевка". Завьяловский р-н,
 1981 г.; г - лодка-долбленка. Увинский р-н, 1983 г.

Плетением лаптей преимущественно занимались старики и подростки, плели их для личного потребления и только изредка на заказ или продажу на ближайшем рынке. Для плетения удмурты употребляли липовое лыко, женские праздничные лапти плели из 11 и 9 лык, обычные из 7 и 5. Удмуртские лапти имели острый приподнятый носок треугольной формы с прямым переплетением лык.

Очень давно была известна удмуртам выделка сыромятных кож. Кожи, предназначенные для квашения, промывали в реке или погружали в большие чаны с квасом, который делали из яровой или ржаной муки и отрубей. После квашения шерсть с кожи очищали самодельными скребками. Высушенную кожу мягчили мялкой, а затем завертывали в тряпку и клали на некоторое время под тяжелый камень. Размягченную кожу мазали несколько раз березовым дегтем. Выделка сыромятных кож в пореформенный период не выходила из рамок домашнего производства и носила случайный характер. Сыромятные кожи употребляли на шлеи, гужи и различные домашние поделки⁴⁴.

Женские промыслы у удмуртов были связаны с весьма трудоемким и длительным процессом обработки растительного волокна из конопли и льна, производством из них и из шерсти пряжи, ниток, холста, пестряди, домашнего сукна (рис. 10). Удмуртки занимались вышивкой, шили нательную одежду, головные уборы, выделявали отдельные части и элементы украшений костюма и т. п.

Тканье, вышивка, вязание требовали большого творческого подъема; при изготовлении одежды, различных бытовых вещей уделялось внимание не только их функциональным качествам, но и эстетическому уровню. Сохранившиеся образцы тканей свидетельствуют, что удмуртские женщины были искусными мастерицами, овладевшими разнообразными, очень сложными приемами тканья браным, многоремизным, переборным, закладным, пестротканым. При этом использовались станки двух типов: на юге был распространен простейший трехподставной стан без навоя и рамы, северные удмурты пользовались усовершенствованным станом русского типа (кросно). Работа на ткацком станке требовала большой усидчивости и за 12 часов позволяла выткать не более четырех метров холста.

Образцы тканей, найденных в археологических памятниках, свидетельствуют о высоком искусстве крашения тканей природными красителями: из плавуна удмуртки получали синюю и сиреневую краску, из подмаренника - красную, ольховой и дубовой коры - коричневую, крапивы - зеленую, для получения черного цвета к натуральным красителям добавляли железные квасцы и т. д.⁴⁵

Почти вся продукция женских промыслов шла на удовлетворение семейных нужд и редко вырабатывалась на заказ. Лишь эпизодически

на местных рынках появлялись изделия удмуртских мастериц. Ткацкий промысел удмуртов как никакой другой вплоть до конца XIX в. и даже в начале XX в. сохранял натуральный и полунатуральный характер, хотя необходимо заметить, что с развитием товарно-денежных отношений в удмуртской деревне появлялись хозяйства, заведомо готовившие часть тканей, вышитых и др. изделий на рынок⁴⁶.

Рис. 10. Плетение из соломы. Кезский р-н (фотоархив УРКМ)

Развитие капиталистических отношений в деревне способствовало упадку натурального хозяйства. Многие крестьяне начинали специализироваться на выделке продукции, имевшей спрос на рынке, превращаясь в кустарей-ремесленников. Наиболее предприимчивые из них переходили к посреднической торговле, скупке и перепродаже

кустарной продукции. В обработке шерсти, овчин, в бондарном, рогожном, скорняжном, кожевенном, валяльном и некоторых других промыслах увеличилось число лиц, изделия которых поставлялись на рынок. Наиболее распространенным товарным промыслом среди удмуртов был рогожно- кулевой; кули удмуртских мастеров на рынке пользовались большим спросом. На базе традиционных домашних промыслов и ремесел получили развитие кузнечный, плотничный, столярный промыслы, немало удмуртов занималось смолокурением и гонкой дегтя, изготовлением саней. Был распространен извоз, поденщина, возка лесоматериалов, пилка леса и т. п.

В целом на рубеже XIX XX вв. экономическая организация деревенской промышленности Удмуртии представляла довольно пеструю картину. Большая масса заведений носила мелкотоварный характер (гончарные, веретенные, веялочные и др.), не исчезло еще ремесло (швейное, скорняжное, красильное, войлочное-валяльное), довольно распространенным явлением была домашняя форма промышленности (ткацкий, лапотный, изготовление кухонной утвари), сложилась простая капиталистическая кооперация (мебельный, рогожно-кулевой, экипажный). Таким образом, крестьянская промышленность была представлена всеми формами домануфактурной промышленности и насчитывала более 90 видов промыслов. Их развитие и расширение шло как за счет роста старых, традиционных видов, так и в результате появления новых, заимствованных в кустарно развитых районах благодаря усилившимся торговым связям и увеличению миграции населения.

Как видим, среди удмуртов так же, как и среди русских, промыслы нашли широкое распространение, но проникновение капиталистических отношений в среду удмуртского населения было более слабым, в результате чего товарной промышленностью оно было охвачено меньше. Причинами такого положения, по-видимому, являлись несколько лучшая обеспеченность удмуртов землей, замедленные темпы социального расслоения, особенности национальных традиций, сравнительно удаленное расположение от Камского торгового пути, промышленных и торговых центров.

Таким образом, в хозяйственной деятельности удмуртских крестьян в конце XIX - начале XX в. ведущая роль принадлежала земледелию. На протяжении довольно длительного исторического периода земледелие развивалось равномерно, без особых скачков и резких изменений. Состав культур, системы полеводства, размеры пахотных земель находились в состоянии устойчивого единства. Другие формы хозяйственной деятельности или непосредственно вытекали из земледелия (домашние промыслы, ремесла), или играли подчиненную роль (охота, рыболовство, пчеловодство). Второстепенную роль в системе удмуртского хозяйства занимало и

животноводство. Весь цикл сельскохозяйственных работ был обусловлен земледельческим календарем.

Хозяйственные традиции и навыки удмуртов по существу были такими же, как и у их соседей - татар, русских, мари. Всю систему их хозяйства можно рассматривать как результат тесного хозяйственно-культурного сотрудничества тюркских и финноязычных народов Урало-Поволжья. Влияние русского земледелия на удмуртское начинается со второй половины XVII - начала XVIII в. и особенно усиливается во второй половине XIX в.

Наличие у удмуртов архаических черт хозяйствования элементы перелога, подсеки, особенности в ассортименте культивируемых растений (к примеру, высокий удельный вес конопли), приемы обработки почвы, способы уборки урожая и т. д. свидетельствуют о том, что в хозяйстве на протяжении длительных исторических периодов могут сохраняться древние этнокультурные традиции.

5. Преобразования в хозяйстве в советский период

Послереволюционные социально-экономические преобразования привели к коренному изменению хозяйственного облика удмуртской деревни.

В начале 20-х гг. по инициативе крестьян стали появляться сельскохозяйственные производственные объединения: коммуны, артели, ТОЗ-ы. Преобладающим видом коллективных объединений были артели. В них обобществлялся сельскохозяйственный инвентарь, приобреталась новая техника (сеялки, жатки, сенокосилки, сортировки), строились общественные хозяйственные постройки (амбары, молотильные сараи, зерносушилки и т. д.), открывались подсобно-производственные заведения (маслобойные, кирпичные заводы, кузницы, шерстобитки и т. д.); в отдельных коллективах проводились мероприятия по улучшению стада: приобретались породистые орловские рысаки, быки симентальской и швицкой породы, романовские и черкассовские овцы⁴⁷.

На селе появлялись потребительские, сбытовые, кредитные и другие объединения. Хозяйства удмуртских крестьян, как и русских, вовлеченных в кооперативное движение, претерпевали значительные изменения. По мере проведения землеустроительных работ наделные участки объединялись и обобществлялись, на них внедрялась более интенсивная система полеводства: трехпольный севооборот вытеснялся сложными севооборотами с правильным чередованием культур (наиболее распространенным было девятиполье).

Вместе с тем патриархальные пережитки в быту обусловили более медленные темпы кооперирования среди удмуртов: в 1926 г.

удмуртских хозяйств в составе артелей было всего 22,3%⁴⁸, хотя удмурты составляли большинство сельского населения автономной области.

В 1929 г. по всей Удмуртии прошли переделы земли, в результате которых около 60 тыс. га земель было передано беднякам и середнякам, организовано более 300 новых колхозов. Однако неоправданно ускоренные темпы коллективизации, принудительное обобществление скота, жилых построек, птицы, раскулачивание нанесли огромный вред сельскому хозяйству, привели к миграции некоторой части удмуртского крестьянства в Сибирь, где оно надеялось вести индивидуальное хозяйство. Пагубные последствия административно-казарменных методов коллективизации проявились на последующих этапах развития сельского хозяйства.

В 1933 г. коллективизация охватила около 70% крестьян Удмуртии, накануне войны здесь было уже коллективизировано 97,2% крестьянских хозяйств с посевной площадью 99,9%⁴⁹.

В послевоенный период были определены основные направления специализации колхозов (полеводство, животноводство, овощеводство и т. д.), вводились новые культуры, породы скота, агротехнические приемы. Однако утвердившийся административно-командный подход к сельскому хозяйству пагубно сказывался и в это время. К негативным последствиям привели внедрение пропашной системы земледелия вместо вполне оправдававшего себя в условиях Нечерноземья травополья, глубокая вспашка, распашка лугов до уреза рек, насильственное внедрение кукурузы, укрупнение колхозов, сселение “неперспективных” деревень, ориентация на экстенсивное развитие хозяйства. С началом освоения нефтяных богатств Удмуртии с конца 60-х гг. из оборота были выведены огромные посевные площади, загрязнены многие реки, поля и луга испорчены тяжелой техникой.

Преобразования в сельскохозяйственной технике у удмуртского населения, как и у других народов СССР, в советский период пошли не столько по линии усовершенствования существующих типов орудий, сколько по линии внедрения новой техники, вытеснения тех, которые не отвечали по своей производительности новым потребностям. В результате основной комплекс традиционных земледельческих орудий был вытеснен машинами. Однако непродуманное использование мощной техники привело к деградации пахотных земель, к снижению урожайности. При обилии техники в колхозах механизация сельскохозяйственного производства до сих пор остается частичной. Различными видами тяжелого физического труда занято большинство сельского населения республики⁵⁰.

Сохранение неквалифицированного физического труда во многом обуславливает и употребление народной земледельческой техники, как, например, кос, серпов, грабель, вил, лопат.

Широко используются традиционные орудия труда в подсобных хозяйствах сельских жителей. Несмотря на наличие некоторых технических средств, механизировать агрофизические процедуры в приусадебных хозяйствах довольно сложно, а порой просто невозможно, поэтому процессы обработки земли, возделывания и уборки картофеля и других культур, разбрасывания навоза, прополки огородов, уборки урожая, заготовки кормов остались традиционными. Вместе с тем в приусадебных хозяйствах удмуртских крестьян появилось много новшеств, продиктованных временем: теплицы, парники, новые огородные культуры (редис, ревень, кабачки и др.), плодово-ягодные деревья и кустарники, цветы.

Ведение личного подсобного хозяйства колхозников было гарантировано Уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. Однако развитие приусадебных хозяйств было заторможено в 60-е гг. Последствием волевых решений тех лет можно назвать тот факт, что в республике в конце 80-х гг. более половины семей, живущих в сельской местности, не имели коров и свиней, а 26% вообще обходились без какого-либо скота⁵¹.

В настоящее время в общественном хозяйстве республики практически отсутствует этническая специфика, основные группы сельского населения удмуртская и русская имеют в принципе одинаковые социальные и демографические показатели. Однако особенности социально-экономического развития национальностей в прошлом, их хозяйственные и культурные традиции в некоторой степени продолжают определять сферы приложения труда удмуртского и русского сельского населения: например, по данным переписи населения 1979 г., в колхозах, совхозах и на других сельскохозяйственных предприятиях было занято 85% удмуртского сельского населения значительно больше, чем среди русских. Сохранялись отличия и в личных подсобных хозяйствах различных этнических групп республики. По данным статистико-этнографического обследования, подсобные хозяйства имели подавляющее большинство сельских жителей (отсутствовало оно лишь у 3% удмуртов и 5% русских), однако хозяйства удмуртских крестьян более продуктивны: к примеру, коров содержали 59% удмуртов и 41% русских, овцы и козы имелись в 57% удмуртских хозяйств и лишь у 27% русских, 81% удмуртов выращивали домашнюю птицу и лишь 66% русских. К тому же среди русского населения была больше доля людей, желающих сократить размеры своего приусадебного хозяйства (11% против 6% у удмуртов).

Урбанизация, проникновение индустриальной технологии, удовлетворение нужд сельского населения продукцией промышленного производства привели к тому, что из деревни ушли или уходят в прошлое многие виды традиционных ремесел, промыслов. Так,

совершенно исчезли из быта удмуртов такие виды промыслов, как крашение, изготовление рогож и кулей, мебели, смолокурение, плетение лаптей; сильно уменьшилось количество деревенских кузнецов, пимокатов, печников, мастеров санного, тележного, бондарного дела; во многом утратили свое значение охота, рыболовство, пчеловодство. Можно сказать, что перечисленные виды занятий носят теперь в основном любительский характер. Сократились художественные промыслы удмуртов, однако богатые народные традиции еще не утрачены полностью. Узорное вязание, ковроткачество, резьба и роспись по дереву, тиснение бересты, вышивание продолжают бытовать, свидетельствуя о никогда неиссякающем источнике творческих сил народа. Необходимо отметить, что в современных условиях происходит определенное переосмысление народного творчества: утилитарная роль изделий продолжает сохраняться, но на первое место выдвигается их декоративно-художественная ценность.

Роль удмуртов в процессе градообразования и в промышленном производстве до революции была ничтожно мала: на рубеже XIX XX вв. рабочих-удмуртов, полностью порвавших с сельским хозяйством, насчитывалось всего 554 человека⁵². Большинство удмуртов-горожан принадлежало к крестьянскому сословию, хотя не все из них были заняты в сельском хозяйстве (см. гл. III).

На Ижевском и Воткинском металлообрабатывающих заводах (поселках, не причислявшихся тогда к категории городских поселений) насчитывалось 10,3 тыс. удмуртов⁵³. Они относились к категории сельских обывателей и были тесно связаны с землей и сельским хозяйством. Значительное число удмуртов трудилось на сезонных вспомогательных работах заготовке и подвозке дров, угля, извести, транспортировке заводской продукции.

В настоящее время в городе живут 44,7% удмуртов республики, большинство из них работает в промышленности. В целом в промышленном производстве удмуртов занято приблизительно столько же, сколько русских, однако распределение их между отраслями промышленности ведущих и неведущих направлений имеет некоторые особенности: русские несколько более сосредоточены в ведущих отраслях, нежели удмурты. Доля удмуртов довольно высока в строительных организациях, лесном хозяйстве, здравоохранении, социальном обеспечении, заготовках (см. гл. XV).

Подавляющее большинство удмуртов-горожан ограничивается только одним основным занятием в сфере общественного производства, но как дополнение к заработку они иногда используют такие виды занятий, как вязание, вышивание, шитье на заказчика или на продажу, выполнение машинописных работ, производство различных мелких предметов, необходимых в хозяйстве, и т. д.

Подспорьем в домашнем хозяйстве горожан являются подсобные хозяйства, которые включают в себя участок земли, засаженный фруктово-ягодными деревьями и кустами или обработанный под овощи. По данным статистико-этнографического обследования, 20% удмуртов жителей городов и поселков городского типа имели подсобные хозяйства. Содержание домашнего скота и птицы мало распространено среди городских семей, однако часть горожан (особенно в поселках городского типа) не отказывается от содержания мелкого домашнего скота (коз, овец, свиней), а также птицы. В целом подсобные хозяйства в том или ином виде больше развиты у той группы городского населения, которая живет в индивидуальных домах.

Часть горожан имеет садово-огородные участки, причем среди удмуртов их доля ниже, чем среди русских. Объясняется это тем, что каждый второй нынешний горожанин-удмурт по происхождению крестьянин, поэтому естественно, что большая их часть поддерживает связи с сельскими родственниками, помогает им вести подсобное хозяйство, взамен получая по мере необходимости картофель, овощи, молочные и мясные продукты. Занятие сельским хозяйством таких горожан можно рассматривать как один из видов семейной взаимопомощи.

В последние годы среди горожан заметно возросло число желающих обзавестись садово-огородными участками, что продиктовано стремлением людей обеспечить семью в условиях складывающейся рыночной экономики надежным источником существования.

Как в городе, так и на селе определенное развитие получили новые формы хозяйствования: создаются арендные, акционерные, кооперативные, частные и другие предприятия, расширяется индивидуальная трудовая деятельность в различных сферах производства, но масштабы этих форм хозяйствования в республике пока не велики. По данным на начало 1992 г., в Удмуртии насчитывалось 45 тыс. кооперативов, 28 коммерческих, 8 совместных, 35 частных, 8 акционерных с инофирмами предприятий. Их удельный вес в народном хозяйстве республики составлял 10-11%. На селе идет процесс создания фермерских (крестьянских) хозяйств, разукрупнение колхозов, ликвидация нерентабельных коллективных хозяйств. На начало 1992 г. в Удмуртии насчитывалось 956 фермерских хозяйств (1134 семьи), в их владении находилось 29418 га сельхозугодий, в том числе 25436 га пашни⁵⁴.

В целом хозяйство удмуртских крестьян в советский период претерпело радикальные изменения, связанные с коренным переустройством жизни всего советского общества. На хозяйственные занятия сельского и городского населения решающее влияние оказали развитие общественного производства, углубление общественного

разделения труда, создание крупных специализированных и высокомеханизированных предприятий, формирование агропромышленных комплексов, рост материального благосостояния, культурного уровня людей и т. д. Как и все колхозное крестьянство страны, удмуртское крестьянство пережило немало сложных исторических поворотов и трудностей, отразившихся на аграрном секторе. Административно-бюрократические методы управления сельским хозяйством нанесли вред не только в экономическом, экологическом отношениях, они привели к снижению нравственного здоровья людей, подорвали основу воспроизводства рабочей силы на селе, вытравили у крестьян врожденное чувство хозяина земли.

Задача сегодняшнего дня состоит в создании таких экономических условий, которые позволили бы преодолеть отчуждение труженика от средств производства. Для решения этой проблемы необходимо учесть не только современный мировой и собственный опыт хозяйствования, важно обратиться и к практике прошлых поколений, искавших оптимальные условия развития данного вида хозяйства в конкретной природной среде при определенном уровне развития производительных сил и производственных отношений. Изучение традиционного опыта имеет не только историко-этнографический интерес, отношение к нему как целиком бесполезному никоим образом не оправдано⁵⁵. Современная практика показывает, что многие звенья систем земледелия прошлого - пар, чистый пар, травопольная и т. п., применение навозного удобрения, безотвальная вспашка земли и другие агротехнические приемы могут быть использованы в современном аграрном производстве республики гораздо эффективнее. Большую помощь в сельскохозяйственной практике может оказать и использование положительного опыта традиционной агрометеорологии, ряд орудий и приспособлений народной земледельческой техники.

Из года в год в Удмуртии остаются неиспользованными богатые медоносные ресурсы, неудовлетворительно ведется заготовка продуктов питания с естественных угодий (по грибам, например, используется 1,5% ресурсов), в рыбохозяйственный оборот вовлечено лишь 700 га из 2,8 тыс. га площади колхозных и совхозных прудов⁵⁶. Думается, эксплуатация этого богатого резерва для расширения производства сельскохозяйственных продуктов с учетом рациональных навыков и традиций местного населения принесла бы только положительные результаты.

- 1 Бушуева В. Л. Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII - XVIII вв.//Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 392, с. 325.
- 2 Гришкина М. В. О состоянии земледелия в Удмуртии во второй половине XVIII в.//Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2. С. 228-229.
- 3 Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1981. С. 230.
- 4 Туганаев В. В. Агрофитоценозы современного земледелия и их история. М., 1984. С. 78.
- 5 Туганаев В. В. Там же. С. 54.
- 6 Материалы по статистике Вятской губернии (далее - МСВГ). Вятка, 1892. Т. 6. Ч. 1. С. 48.
- 7 Новиков А. Краткое сельскохозяйственное описание шести уездов Вятской губернии. Вятка. 1892. С. 12.
- 8 См.: МСВГ. Т. 8. Ч. 1. С. 12; Т. 6. Ч. 1. С. 31; Т. 7. Ч. 2. С. 240; Т. 1. Ч. 1. С. 179.
- 9 МСВГ. Вятка. 1892. Т. 7. Ч. 1. С. 59.
- 10 См., например: Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 42-43.
- 11 МСВГ. Т. 7. Ч. 1. С. 74.
- 12 Там же. С. 76, 81.
- 13 Иванова М. Г. Чепецкие древности. Устинов. 1985. С. 18.
- 14 МСВГ. Т. 8. Ч. 1. С. 178; Т. 7. Ч. 1. С. 104, 112.
- 15 Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 64.
- 16 Краснов Ю. А. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы//Советская археология. 1968. № 2. С. 19-20.
- 17 Иванова М. Г. Чепецкие древности. С. 18.
- 18 МСВГ. Т. 1. Ч. 1. С. 39.
- 19 Рычков П. И. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие... СПб, 1758. С. 419.
- 20 Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Очерк истории русской земледельческой культуры//Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 год. Вятка, 1908. Разд. 4. С. 57.
- 21 МСВГ. Т. 7. Ч. 1. С. 94.
- 22 Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. С. 100.
- 23 МСВГ. Т. 6. Вып. 1. С. 56.
- 24 Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография народов Среднего Поволжья. Казань, 1984. С. 59.
- 25 Садаков М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. до октября 1917 г.)//Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. С. 141.
- 26 Статистический ежегодник Вятской губернии за 1901-1902 гг. Вятка, 1902. Ч. 1. С. 241-242.
- 27 Садаков М. А. Указ. соч. С. 168.

- 28 МСВГ. Т. 12. С. 222, 236.
- 29 Там же. Т. 6. С. 92.
- 30 *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. С. 86.
- 31 Хрестоматия по истории Удмуртии. Ижевск, 1973. С. 17, 10, 21.
- 32 *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. С. 71.
- 33 *Кошурников В.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 12.
- 34 МСВГ. Т. 8. Ч. 2. С. 761.
- 35 Там же. Т. 7. Ч. 2. С. 535.
- 36 *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху// Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 30. С. 50.
- 37 См.: *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб, 1791. С. 24; *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб, 1778. Ч. 3. С. 33; *Кошурников В.* Указ. соч. С. 25.
- 38 *Верецагин Г. Е.* Остатки первобытных приемов охоты у удмуртов Вотской области//Труды Научного Общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1930. Вып. 6.
- 39 *Кошурников В.* Указ. соч. С. 12, 13.
- 40 МСВГ Т. 8. Ч. 2. С. 825; Т. 7. Ч. 2. С. 579.
- 41 *Паллас П. С.* Указ. соч. С. 48.
- 42 МСВГ Т. 7. Ч. 2. С. 601.
- 43 *Завьялов В. И.* Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I начале II тысячелетия н. э.//Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 137.
- 44 *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. М., 1951. С. 29.
- 45 *Иванова М. Г.* Иднакар. Ижевск, 1988. С. 56.
- 46 *Пугаева Н. П.* К вопросу о развитии крестьянской промышленности в Удмуртии во второй половине XIX в.//Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1973. Вып. 3. С. 165, 166.
- 47 Сельскохозяйственные коллективы Вотской области. Ижевск, 1927. С. 29, 18, 25.
- 48 *Шибанов К. И.* Надежные и верные друзья//Пропагандист и агитатор. Ижевск, 1972. № 21-22. С. 45.
- 49 Колхозное крестьянство//Пропагандист и агитатор. 1972. № 19. С. 22.
- 50 *Белорукова Г. П.* Социально-классовые группы сельского населения Удмуртской АССР//Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. Устинов, 1983. С. 30-31.
- 51 *Ануфриев В.* Сполна использовать местные ресурсы//Пропагандист и агитатор. 1988. № 11. С. 10.
- 52 *Вахрушев А. Н.* Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России (1861-1895 гг.)//Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 126-127.
- 53 *Мартынова М. М.* Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX в.//Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX начале XX в. Ижевск, 1981. С. 20.

- ⁵⁴ Неделя Удмуртии. 1992, 14 февраля. С. 5; Удмуртская правда. 1992, 13 марта. С. 1.
- ⁵⁵ Вайнштейн С. И. Использование традиционного народного опыта в современном сельском хозяйстве//Современные этносоциальные процессы на селе. М., 1986. С. 77-78.
- ⁵⁶ Ануфриев В. Указ. соч. С. 10.

Глава V. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

1. Традиционные поселения и жилища

Сельские поселения формируются под влиянием географической среды, направления хозяйства этноса, его истории и других факторов.

Площадь расселения удмуртского этноса сравнительно невелика, тем не менее удмурты расселялись на этой территории весьма неравномерно, образуя несколько арсалов, формирование которых в значительной степени связано с природными условиями, в частности, с качеством почв.

В конце XIX начале XX в. удмурты постепенно втягивались в общероссийское капиталистическое развитие, однако в среде удмуртского населения, где в целом происходили те же процессы, что и у остальных народов страны, наблюдалось отставание в развитии отдельных социально-экономических явлений¹. Особенности экономической и культурной жизни накладывали заметный отпечаток и на развитие сельских поселений, способствовали сохранению архаических черт в их структуре. Они проявлялись в формировании и эволюции сельских населенных пунктов, обусловили их специфику в формах расселения, величине и людности поселений, в архитектурно-планировочной структуре и т. д.

Для поселений удмуртов характерен приречный тип заселения населенные пункты (гурт) располагались цепочкой вдоль рек. Преобладающим было расположение поселений вдоль мелких речек, более удобных для строительства мельниц, что имело важное значение при почти исключительно земледельческом хозяйстве населения. В середине XIX в. более 60% селений имели подобное месторасположение. Там, где реки имеют широкие долины, поселения располагались, отступая от рек на ширину поймы, а в местах, где долины слабо выражены, селения строились на крутых берегах. Вдоль крупных рек поселений было мало (около 5% от числа всех населенных пунктов); берега их в основном заболочены, они не имели рыбопромыслового значения, не служили путями сообщения. К тому же вдоль сплавных рек было запрещено рубить леса на постройки и расчищать его под пашню.

Вместе с тем, увеличение населения и недостаток пахотных земель принуждали изыскивать новые площади под посевы, создавать населенные пункты на водораздельных участках. Наибольшее распространение такой тип заселения получил в северных районах расселения удмуртов, где поверхность сильно изрезана оврагами и нет возможности создать достаточный пахотный участок в одном месте. Под поселения выбирались места с неглубоким стоянием грунтовых вод, у оврагов в местах выхода ключей, на лесных полянах. Заселение водоразделов в Удмуртии характерно для середины и второй половины XIX в., однако доминирующим оставалось все же прибрежное расселение. Такое расположение населенных пунктов характерно и для других народов Урало-Поволжского региона, что объясняется сходными физико-географическими условиями.

В исторических источниках упоминаются следующие типы поселений, в которых проживали удмурты: село, деревня, починок, выселок, мельница. Наиболее древними по происхождению были деревни. Еще в XVII в. деревня понималась не только как поселение, но и как весь комплекс земельных угодий². В конце XIX в. деревни составляли треть от числа населенных пунктов Удмуртии.

Меньший исторический возраст имели починки: в XIX в. в Удмуртии оставалось еще много незаселенных земель (особенно в первой половине века), происходило их интенсивное освоение, этот процесс отражался в образовании множества починков, особенно в северных и западных районах территории, заселенной удмуртами. В некоторых волостях (Селтинской, Сюмсинской, Дебесской, на правобережье Чепцы) доля починков в конце XIX в. достигала 80-90% от общего количества населенных пунктов. Починки образовывались на свободных казенных землях. В отличие от деревень они не имели полного комплекса хозяйственных угодий.

Выселки, как и починки, свидетельствуют о продолжающемся освоении территории, но в отличие от последних они основывались на разработанных землях, находившихся вблизи деревень, на окраинах ее полей³. Выселков в Удмуртии отмечено немного (около 2% от числа населенных пунктов). Их образованию препятствовало общинное землевладение, затруднительность выдела земли под новые селения.

Селом принято считать селение, в котором располагалась господская усадьба. В Удмуртии практически отсутствовало помещичье землевладение, поэтому еще в первой половине XIX в. в местностях, населенных удмуртами, почти не было сел, - одного из основных типов поселений у русских⁴. Здесь населенный пункт получал статус села только после возведения в нем церкви. Во второй половине века в связи с их строительством количество сел стало

быстро расти. Церкви строились в крупных деревнях, но во второй половине века они стали возникать и в мелких, и даже на открытом месте.

По людности поселения удмуртов были весьма разные, наблюдались довольно значительные порайонные различия. Более трети от числа всех населенных пунктов имели менее 100 жителей, большое количество селений, в основном починков и выселков, не имели и 25 человек. Мелкие населенные пункты находились, как правило, в северных районах, в местах интенсивного освоения, более крупные в южных, в бассейнах р. Иж и Вала. Многолюдные поселения имелись и в бассейне Чепцы, правда, их доля здесь была невелика. Многолюдность населенных пунктов в южных районах связана с более благоприятными природными условиями, обширными пашнями с хорошим качеством почв; в северных же районах удобная для пашни земля располагается небольшими участками на значительном расстоянии друг от друга. Нужно отметить, что в местностях, населенных удмуртами, их поселения в целом были многолюднее поселений русских как более ранние по времени возникновения.

Удмуртские населенные пункты не отличались разнообразием форм. Исследователи XVIII и XIX вв. единодушно отмечали их беспорядочную планировку (рис. 1): дома и хозяйственные строения располагались без всякого плана, между домами существовали пространства засеянной пашни⁵, расстояния между усадьбами составляли 200-250 м. В дальнейшем эти участки застраивались отделившимися родственниками. Разрастаясь, селения сохраняли ту же планировку, однако между дворами появлялись проезды, которые, будучи вторичным явлением, повторяли конфигурации и размещение усадеб. Менее распространенный путь развития селений с беспорядочной формой — увеличение площади под населенным пунктом: некоторые из них занимали площадь в несколько квадратных километров.

Беспорядочная планировка населенных пунктов на определенном этапе исторического развития была характерна для всех народов Поволжья и Приуралья. Распространенность таких форм селений кроется в уровне социально-экономического развития этноса, в физико-географических условиях региона и в системе землепользования. Однако, поскольку подобная форма селений в северо-восточной России сохранялась во второй половине XIX в. только у удмуртов, она воспринималась как этнодифференцирующий признак.

По мере развития производительных сил и социальной дифференциации крестьянства населенные пункты с беспорядочной формой перестраивались в уличные. Первоначально изменили форму

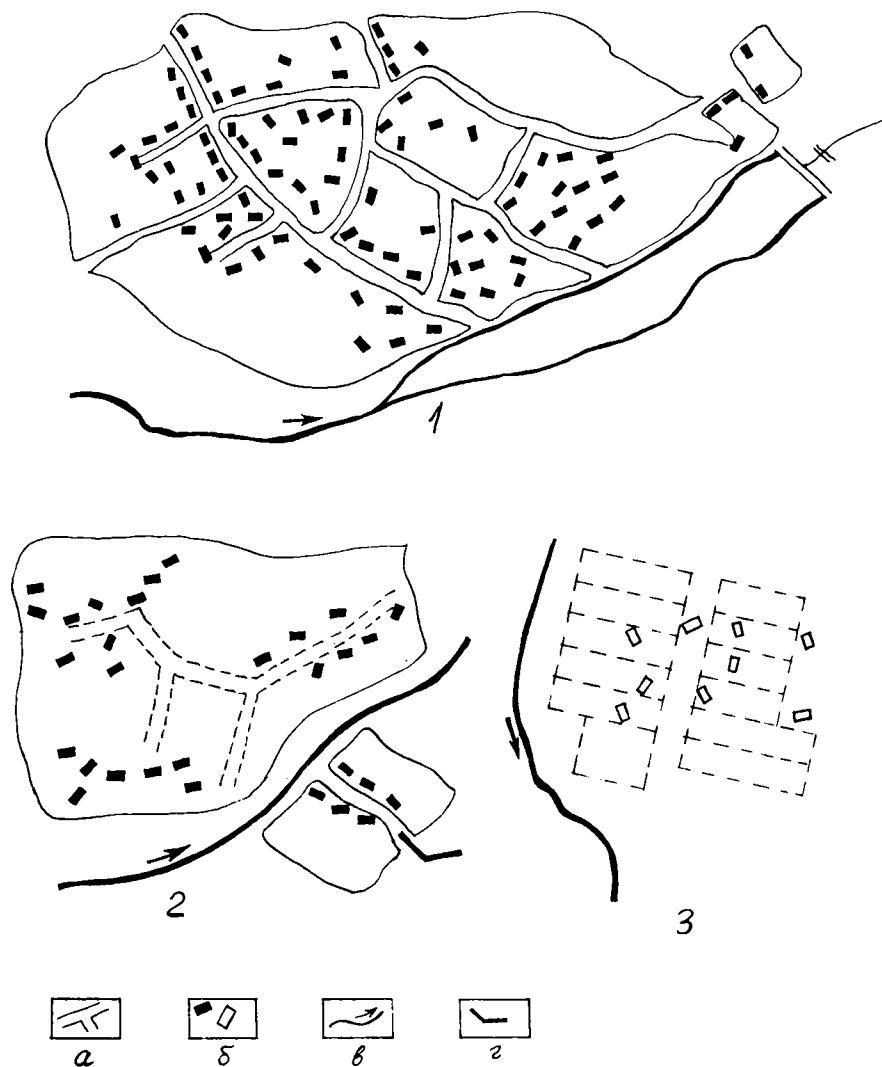

Рис. 1. Развитие планировки удмуртских поселений:

1. Беспорядочно-гнездовая планировка; д. Костымская, Глазовский у. 1845 г. (ГАКО, ф. 712, оп. 1, д. 32); 2. Переходная планировка. Притрактовая часть уличная; д. Костромская, Глазовский у. 1845 г. (ГАКО, ф. 712, оп. 1, д. 36); 3. Схема государственной планировки селения; д. Бодино-Можга, Сарапульский у., 1879 г. (ГАКО, ф. 712, оп. 1, д. 34): а проезды; б жилые строения; в река; г дорога

селения вдоль трактов (середина XIX в.), при этом сначала перестраивалась примыкающая к тракту часть селения. К концу XIX в. большинство селений с беспорядочной формой было реконструировано; стали преобладать населенные пункты с уличной планировкой. Кроме того, сохранялось небольшое количество селений с рядовой планировкой, когда усадьбы располагались вдоль рек и оврагов. При этом в удмуртских селениях, как правило, огороды располагались позади домов, у русских - впереди, через дорогу или улицу.

При беспорядочной застройке к проезжей части выходили заборы и ворота, а избы стояли внутри усадеб. Выносить жилые дома к улице начали во второй половине XIX в. с распространением уличных форм селений. Однако четкой фасадной линии улицы первоначально не имели. Преобладающей стала постройка дома перпендикулярно улице, хотя встречались населенные пункты с параллельно стоящими к улице домами.

Для удмуртов была типична в прошлом локализация группы родственников в одной части поселения. С внедрением уличной планировки расселение родственными коллективами в значительной степени сохранялось, что нашло отражение в патронимических названиях отдельных концов и улиц. Группы родственников, сохранявших элементы хозяйственной, общественной и идеологической общности, существовали в среде удмуртского крестьянства еще в начале XX в.; в отдельных случаях они сохраняли наследственное право на усадебные и пахотные участки земли, широко использовали обычаи взаимопомощи⁶. Такое единство обуславливало наличие в селении, наряду с постройками, принадлежавшими одной семье хозяйственной ячейке, также построек, являвшихся собственностью всей деревни или группы родственников. К ним относились молитвенные строения (быдзым куа), общественные склады. Кроме того, группа родственников имела одну баню, располагавшуюся обычно у водоемника; группа таких бань придавала своеобразный вид удмуртской деревне.

Удмуртские деревни имели много зелени; основные породы деревьев для озеленения черемуха, рябина. Правда, озеленялись только усадьбы, что связано со способом содержания скота удмуртами: летом скот во дворы не загоняли, а держали на улице.

Особенностью удмуртского жилища, отличавшего его от подобных строений других народов было то, что его функции выполняли несколько строений: изба (корка), клеть (кенос), молитвенная постройка и летняя кухня (куа). Не отрицая в целом внешних влияний, которые сказались на отдельных деталях жилых построек, можно утверждать, основываясь на археологических данных, что развитие удмуртского жилища шло на основе местных традиций.

В конце XIX - начале XX в. корка (рис. 2) представляла собой избу срубного типа. Основанием дома служили сосновые “стулья”, ставившиеся под углы и под середины бревен первого венца. В этот период еще отмечен и наиболее архаичный способ постановки дома без фундамента: первый венец, обмазанный смолой, укладывался непосредственно на грунт. В начале XX в. среди наиболее зажиточных крестьян появляются дома на сплошном каменном или кирпичном фундаменте.

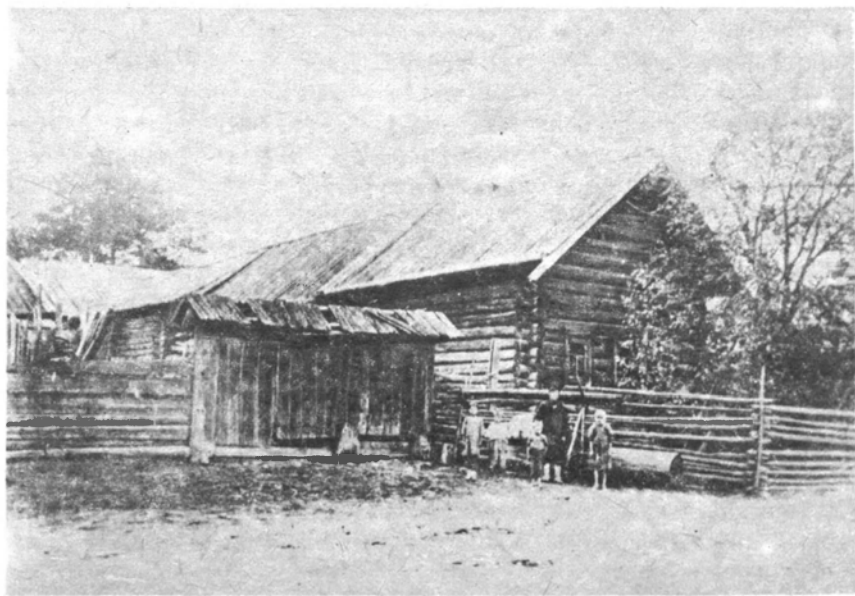

Рис. 2. Жилой дом; д. Итчигурт Малмыжского у. Начало XX в.

Во время строительства дома широко бытовал обычай устраивать помочи (веме). Наем плотников со стороны носил эпизодический характер.

В конце XIX в. при возведении стен применялся наиболее древний способ рубки углов “в обло” с вырубкой чашки в нижнем бревне⁷. Пазы прокладывались мхом и паклей. Удмуртские мастера выработали оригинальный способ вырубki пазов: снаружи венцы вплотную прилегли друг к другу, мшение производилось после подъема сруба и только с внутренней стороны. Преимущество этого способа состояло в том, что такой сруб практически не давал осадки.

Избы повсеместно строились одноэтажные. В северных и центральных частях Удмуртии они строились на более высоком

подклете, чем в южных. Внутри подпола (гулбеч) вдоль стен сооружалась завалинка: внешней завалинки у удмуртов не отмечено. Пол и потолок укладывались по направлению от входной двери к противоположной стене; они изготовлялись из толстых плах, теса или полубревен; в конце XIX в. встречались еще потолки из круглых бревен.

Крыша (липет) возводилась двускатная, на сомцах. Крыши на стропилах получили распространение только в текущем столетии. Повсеместно материалом для кровли служил тес, солома использовалась крайне редко, хотя для покрытия хозяйственных строений она применялась довольно широко; для этой же цели широко использовался луб. Сверху крыша укреплялась охлупнем из выдолбленного бревна, которое привязывалось веревкой к князевой слеге. Такая крыша является, по-видимому, результатом влияния русских, для которых эти элементы были обязательными⁸. Встречалось крепление крыш гнетом - рамой из двух жердей, концы которых скреплялись доской с двумя отверстиями. Снизу крыша поддерживалась потоками и курицами. При креплении гнетом один скат крыши вверх был длиннее другого, нависал над ним, причем тесины были разной длины, что придавало крыше своеобразный вид. Такой тип крыш является наиболее древним. Трех- и четырехскатные крыши не получили широкого распространения и иногда встречались только на избах-пятистенках.

В середине XIX в. большая часть жилищ имела только одно косячатое окно с одной рамой, остальные были волоковые и располагались несимметрично, ближе к одному из углов, и чаще выходили во двор. Позднее волоковые окна исчезают с фасадной стороны, но продолжают сохраняться в боковой стене. Рамы вставлялись наглухо, лишь одно устраивалось раздвижным: одна половина сдвигалась вбок по горизонтальным пазам; рамы на петлях появились лишь в XX в. Вторые рамы появились также сравнительно поздно, еще в начале 20-х гг. в холодное время окна на ночь прикрывались снаружи соломенными матами.

В планировке жилых помещений преобладал северно-среднерусский тип, характерный для всего Русского севера, средней полосы и Поволжья: печь располагалась у входа, чаще на правой стороне, устьем к фасадной стене. Изредка встречалась так называемая западно-русская планировка, при которой печь обращена устьем к боковой стене (рис. 3).

Как правило, печь ставилась вплотную к стенам, задней и боковой, либо к одной из них. Такое положение печи до настоящего времени сохраняется у сибирских удмуртов, следующих традиции, принесенной со старого места жительства⁹. Позднее печь постепенно "отходит" от стен, за нею появляются проходы. Для хранения

кухонной утвари и других вещей над этим пространством стали сооружаться маленькие полаты. Устройство печи у северных и южных групп удмуртов несколько отличалось: на севере налево или направо от устья печи устраивался очаг с подвешенным котлом, южные удмурты сооружали печь со вмазанным котлом. Печь предназначалась только для выпечки хлеба, пища готовилась на очаге. Под печью зимой держали мелкий скот и птицу.

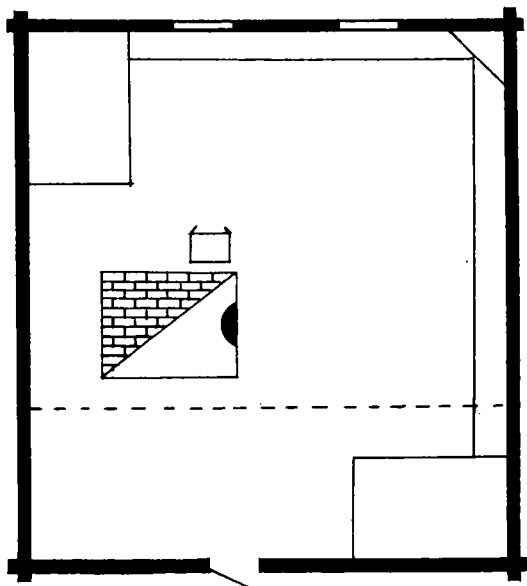

Рис. 3. Схема внутренней планировки жилища. Однокамерный дом. 20-е гг. XX в.; д. Такагурт, Дебесский р-н

В северной части Удмуртии вплоть до 20-х гг. нашего столетия сохранялись печи с топкой по-черному. Высота изб составляла около 3,5 м, поэтому дым держался выше головы взрослого человека и не мешал ему находиться в помещении. В южных районах курные избы исчезли раньше, однако здесь отмечено бытование печи с заслонкой на чердаке, которую местное население называло удмуртской печью.

В противоположном от печи углу находилась божница, под нею стол. Над третью площади избы в задней ее части сооружались полаты, на которые взбирались по лестнице у дверей; лишь в некоторых районах юга Удмуртии полаты не отмечены. Вдоль стен устраивались массивные широкие лавки, над ними по всему периметру стен, кроме задней, подвешивались полки. По углам, кроме переднего, устраивались нары, позднее замененные деревян-

ными кроватями. У южных групп удмуртов под влиянием татарского населения нары располагались вдоль всей передней стены; днем постели убирались и нары служили для хозяйственных нужд. Подвижной мебели было очень мало: стол, стул, редко шкаф для посуды.

Внутри изба не имела перегородок, однако отдельные углы, по обычаю, закреплялись за женатыми членами семьи, здесь располагались их нары или кровать, здесь же они могли принимать гостей. Хозяин дома, как правило, не имел преимущества в выборе лучшего места. У северных групп удмуртов дом не разделялся на мужскую и женскую части; у южных - пространство перед печью, хотя и не огораживалось, называлось женской половиной (кышно пал). Передний угол считался почетным, однако его "святость" определялась не столько религиозными воззрениями (удмурты, несмотря на официальную христианизацию, не отличались особым почитанием икон, там находившихся), сколько его светским значением, что нашло отражение в термине "төр сэрэг" (төр - вождь, старейшина; сэрэг - угол).

По устоявшейся традиции, удмуртский крестьянин считался зажиточным не по качеству строений, а по количеству скота и скирд¹⁰. Это проливает свет на вопрос о домостроительных традициях удмуртов и некоторую их консервативность по сравнению с подобными традициями соседних народов: известно, материальная культура развивается интенсивнее, если ее элементы имеют престижную ценность. Пережитки общинно-родового строя в общественных отношениях, сохранившиеся в удмуртской среде с большой устойчивостью, не позволяли выделяться своим богатством среди остальных членов общины. Однако элементы капиталистических отношений, проникавшие в удмуртскую деревню, приводили к расслоению крестьянства, к разрушению старых традиций, что, в свою очередь, способствовало появлению новых типов жилья.

В начале XX в. среди зажиточной части населения, особенно в северных районах, получили распространение избы-пятистенки. Они состояли из двух половин - зимней и летней. Зимняя половина сохраняла ту же планировку, что и однокамерная изба; летняя не имела печи и выполняла роль клетки: служила местом летнего обитания и хранения одежды. Такая функциональная роль отличала их от подобных изб соседнего русского населения. Наиболее богатыми крестьянами, купцами, священниками возводились и двухэтажные дома, первый этаж нередко возводился из кирпича.

С наступлением теплых дней (с апреля по октябрь) семья переходила на жительство в кенос: количество их в хозяйстве составляло 2-3, а иногда и более (рис. 4). Обычно они были двухэтажными, с галереями. Первый этаж использовался для хранения продуктов, второй предназначался для хранения одежды,

а в летнее время служил жильем. Кенос - одна из наиболее древних построек, притом претерпевшая наименьшие изменения в ходе исторического развития. По своим конструктивным, а особенно функциональным особенностям она схожа с аналогичными постройками скандинавских народов, что говорит о тесных связях предков удмуртов с ними еще в глубокой древности. Клетки характерны и для других народов, однако если у русских уже с XV в. они использовались лишь как хозяйственное строение¹¹, у удмуртов сохранили функцию жилья до настоящего времени.

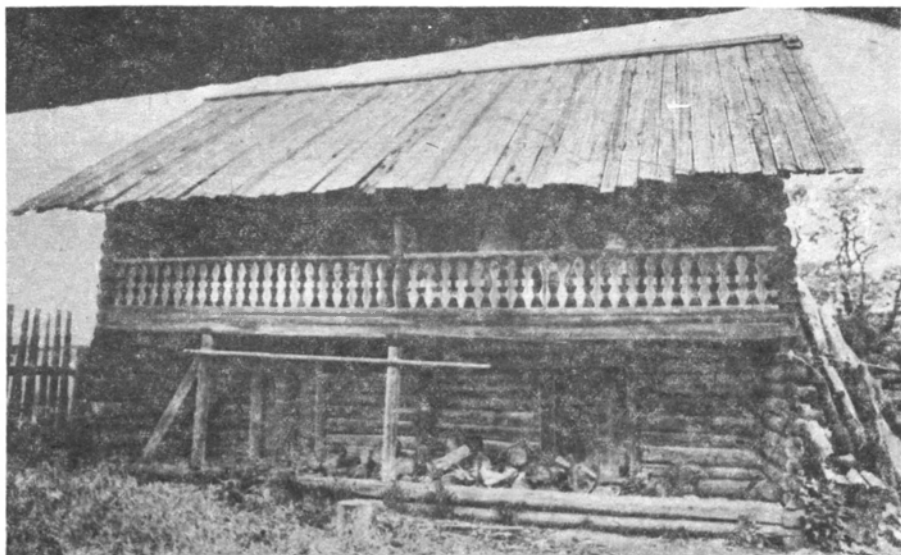

Рис. 4. Клеть (кенос). Начало XX в.; с. Полом, Кезский р-н.
(Фото Егорова М. В.)

В зависимости от числа брачных пар клеть разделялась бревенчатыми или холщовыми перегородками. Вдоль одной или двух стен устраивались деревянные нары, закрывавшиеся пологам; вдоль других подвешивались жерди, на которых висела одежда. В клетях хранились различные предметы, связанные с женским трудом: ткацкий стан, прялки и т. д. Женщины были полновластными хозяйками в клетях, мужчины не могли туда войти без ее разрешения. Каждая считала своим долгом угостить гостя в своей клетях или на своей половине¹².

Своеобразным строением была куа (куала), имевшаяся на каждом дворе и служившая местом отправления семейного культа и одновременно летней кухней (рис. 5); до XIV - XV в. была местом постоянного жилья. Куа строилась квадратная в плане, с крышей

на сомцах, один скат которой был длиннее другого и нависал над ним, защищая от дождя и не препятствуя выходу дыма. Внутри вела низкая, открывавшаяся (как и у клетки) внутрь, дверь. В середине из камней складывался очаг, над которым на деревянном крюке висел котел. Вдоль стен стояли лавки, а в левом переднем углу и у двери стояли столы. В переднем углу сооружалась полка для семейной святыни — воршудной коробки и короба с посудой для жертвоприношений. Пола, потолка, окон в куа не было. У южных групп удмуртов встречались куа с пристроем для хранения продуктов.

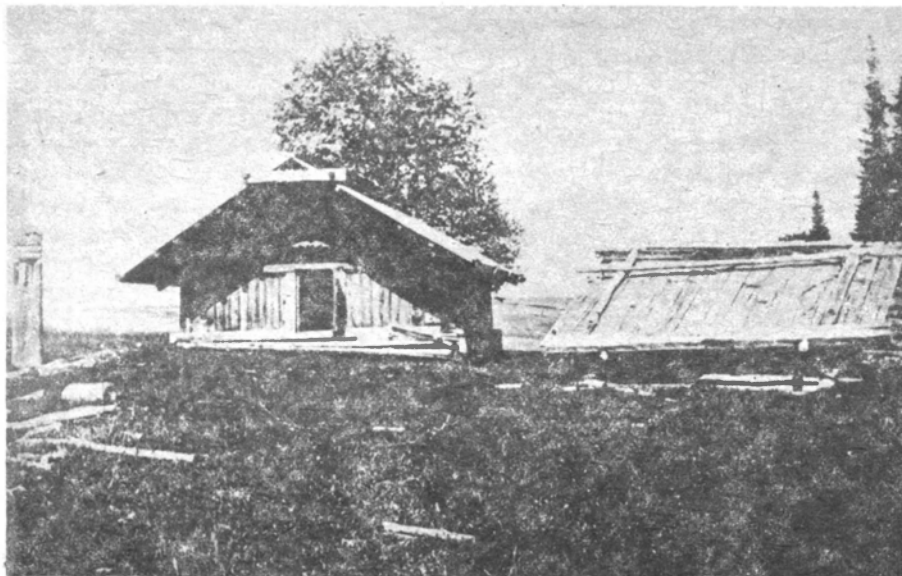

Рис. 5. Куала; д. Безменшур, Малмыжский у. Вятской губ. 1915 г.
(фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН)

Кроме избы, клетей и куа, на дворе располагались и другие строения (рис. 6). Дворы удмуртов в отличие от соседнего русского населения занимали довольно большую площадь, особенно в северной и центральной Удмуртии. Дворы окружали хлебные амбары, помещения для скота, навесы для дров и хозяйственного инвентаря (рис. 7).

Хозяйственные постройки, включавшие также навесы, пристройки и т. д., располагавшиеся между клетями и животноводческими строениями, создавали различные связи комплекса усадьбы. Преобладал так называемый вятский подтип среднерусской планировки усадьбы: покоеобразная связь с избой, стоящей перпендикулярно улице. При обширности дворов замкнутые с трех

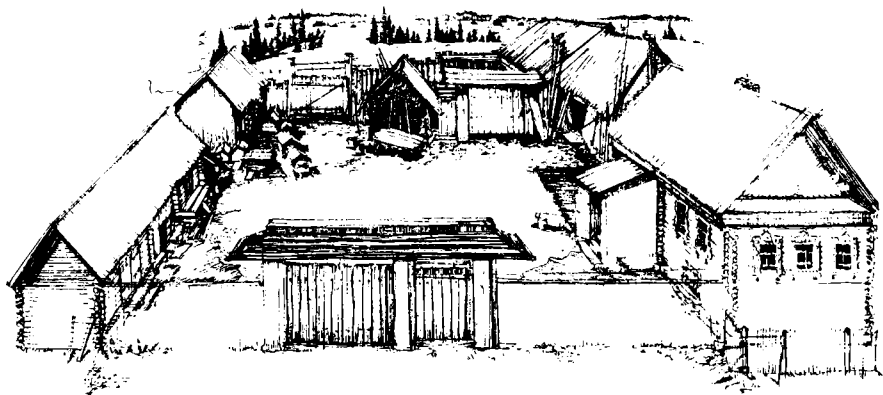

Рис. 6. Удмуртская усадьба. Центральные удмурты. 1968 г.
Рис. Семашкевич М. Р.

сторон постройками дворы имели только зажиточные крестьяне. В менее обеспеченных хозяйствах строения располагались в один или два ряда, имели Г-образную связь. Расположение клетей по отношению к избе имело несколько вариантов. В северных районах они ставились параллельно дому и выходили торцом на улицу; сохранились и клети, поставленные в глубине усадьбы. В центральных и южных районах они располагались в один ряд с избой

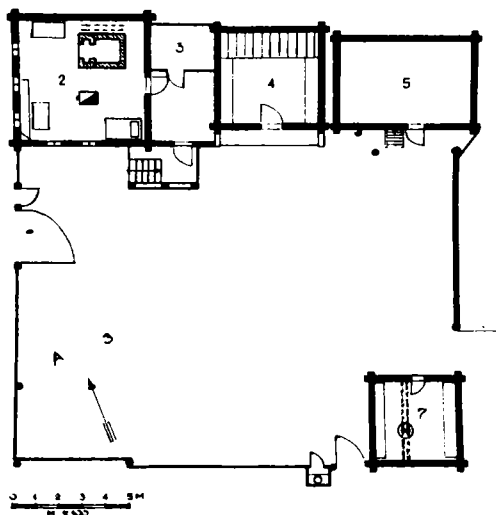

Рис. 7. План крестьянской усадьбы:
1 сени; 2 изба; 3 чулан; 4 - клеть; 5 амбар; 6 двор; 7 куала

через сени под одной крышей. Сохранялась и рассеянная планировка усадьбы с отдельно стоящими клетями и хозяйственными постройками. При такой застройке в центре двора стояла, как правило, куа, рядом обычно клеть, по другую сторону погреб, вокруг них группировались остальные постройки.

Уличная сторона двора замыкалась воротами и бревенчатым забором. Ворота играли важную практическую и художественно-эстетическую роль. На территории Удмуртии встречалось несколько типов ворот. Конструктивную основу их составляли массивные врытые в землю столбы, на которые навешивались тесовые полотнища, перекрывавшиеся двускатной крышей. Встречались у удмуртов и многостворчатые ворота, объединенные одной крышей, хотя практически использовались только две створки и одна калитка, остальные несли лишь декоративную нагрузку. Ворота в жилищном комплексе в таком виде появились сравнительно недавно - в начале XX в., являясь отражением социального положения хозяев в обществе. Народные мастера выработали и другую форму ворот, которая не встречается больше нигде и может быть названа специфически удмуртской, так называемые срубные ворота с выступающими по бокам бревенчатыми срубами-опорами, в середине которых делалась прямоугольная или овальная выемка с декоративной колонкой (рис. 8)¹³. Удмуртские ворота, однако, несмотря на свою монументальность, не были призваны изолировать жизнь двора от внешнего мира. Об этом свидетельствует отсутствие запоров на воротах, примыкающее ограждение делалось из жердей или низкого заплота.

У незначительной группы удмуртов, проживающих в современной Кировской области (Унинский и Слободской районы), бытовали крытые дворы. Среди них можно выделить два основных типа связи: однорядный и Г-образный. Первый предполагает жилье типа "изба сени - изба", второй тип, более распространенный, включает в себя хозяйственный двор, пристроенный к жилью типа "изба сени клеть".

В XIX в. внешнему оформлению жилищ удмурты не уделяли большого внимания. Бревна сруба часто были неодинаковой длины и редко обрубались; наличники представляли гладкую обкладку, не украшались ни резьбой, ни рисунком. Редко в украшении жилища встречались скульптурная обработка дерева, в частности, охлупень имел на конце изображение коня или птицы, большее внимание уделялось клетям - искусно обрабатывались столбы, поддерживающие галереи клетей, украшались ограждения. Наиболее распространена была для этой цели диагональная решетка, образующая ромбический узор. Украшенные наличники и ворота появились уже в текущем столетии, сначала у наиболее зажиточных крестьян. Первоначально

применялась трехгранная выемка или долбленая глухая резьба; основной мотив круг или полукруг из радиально расходящихся лучей. Позднее для украшения наличников получила распространение пропильная резьба.

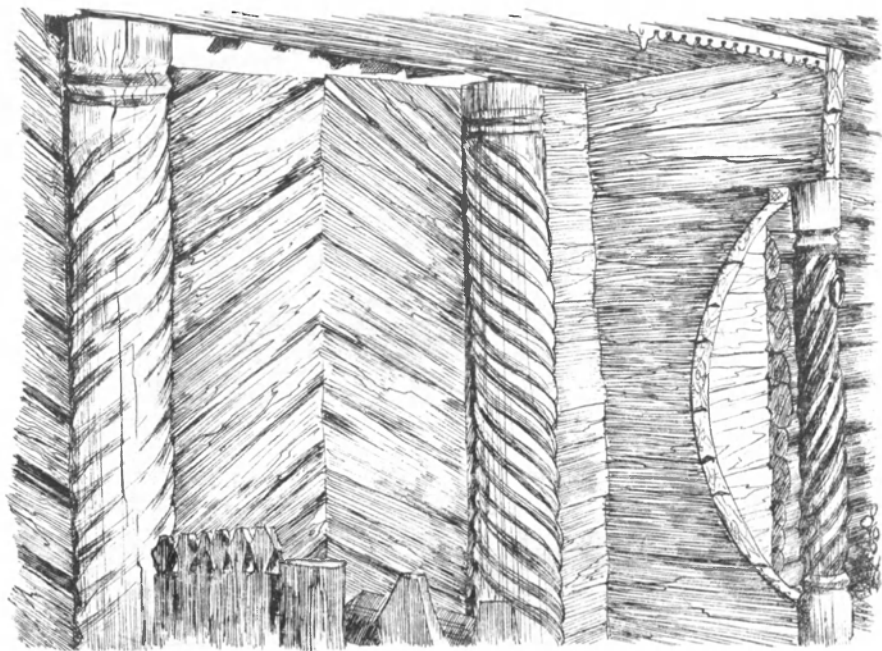

Рис. 8. Часть срубных ворот

Таким образом, комплекс жилых и хозяйственных построек отражал проникновение в удмуртскую деревню конца XIX - начала XX в. капиталистических отношений при сохранении некоторых архаических форм в общественных отношениях. Несмотря на имеющиеся заимствования, о которых свидетельствует внутренний и внешний вид построек, строительные термины, все же в строительной практике удмуртов можно выделить черты, обусловленные этническими причинами. К ним можно отнести печи с открытым очагом, устройство клетки и ее некоторые функциональные особенности, наличие на каждом дворе культовой постройки и т. д. Развитие сельских поселений и жилищ, как видим, тесно связано с уровнем экономического и социального развития региона, формами землепользования, физико-географическими условиями, а также с этническими факторами: в XIX - начале XX в. они несли в себе специфические черты, вызванные сохранением среди удмуртов остатков феодальных отношений.

2. Современные поселения и жилища

Изменения, происшедшие в экономике и культуре после революции, существенным образом сказались на развитии системы расселения, облике поселений и жилищ удмуртов.

Множественность форм землепользования в первые годы Советской власти (подворная, хуторская, общинная, артельная) привела к большому разнообразию типов поселений, количество населенных пунктов значительно увеличилось. Появились сельхозартели, причем в Удмуртии почти все коммуны и артели создавали отдельные селения; их названия символизировали наступление нового мира: "Рассвет", "Горд кизили" ("Красная звезда"), "Шонер" ("Верный путь"), "Эш" ("Товарищ") и др. С 1920 г. по 1926 г. доля удмуртских населенных пунктов выросла с 24,5 до 34,7%¹⁴.

Глубокие и разносторонние изменения в развитии сельских населенных пунктов вызвали коллективизация сельского хозяйства и индустриализация. Изменилась группировка, функциональные связи селений; сельское расселение стало определяться не только сельскохозяйственным производством, но и индустриальным. Возникли селения нового типа, связанные со строительством МТС и совхозных поселков, железнодорожных станций, специализированных поселков леспромхозов, торфодобывающих предприятий*. Значительную часть населения вновь возникших населенных пунктов составляют удмурты.

Под воздействием хозяйственных и культурных преобразований изменился внешний вид селений: появились колхозные производственные помещения, общественные и культурно-бытовые здания, формирующие общественный центр поселения. К 1940 г. в сельской местности Удмуртии было построено 1063 клуба, 568 библиотек, количество школ достигло 1119, в несколько раз увеличилось количество больниц¹⁵. Однако часто общественные и производственные здания возводились без плана, скотные дворы строились внутри населенных пунктов и уже в 30-х гг. возникла проблема перепланировки сельских поселений.

В связи с коллективизацией стала преобладать тенденция концентрации селений, происходило укрупнение мельчайших колхозов; уже к началу Великой Отечественной войны население переселилось из 329 населенных пунктов¹⁶.

Укрупнение сельскохозяйственных предприятий особенно быстро происходило в послевоенные годы: с 1945 г. по 1980 г. их количество сократилось в Удмуртии в 10 раз. Этот процесс изменил

* Впервые сельские несельскохозяйственные поселения в Удмуртии зафиксированы в 1916 г. Их возникновение связано со строительством железных дорог.

функциональные и межселенные связи большинства сельских поселений, что привело к сокращению их числа. Необоснованное причисление многих населенных пунктов к неперспективным вызвало отток населения в города и рабочие поселки: только с 1959 г. по 1989 г. количество сельских поселений в Удмуртии сократилось более чем в 2 раза. Миграция сельского населения привела к изменению людности населенных пунктов; увеличилась доля небольших селений, уменьшилось количество крупных и средних

Значительно сократилась доля селений, расположенных на водоразделах, поскольку они как возникшие сравнительно недавно и не достигшие крупных размеров были сселены в первую очередь.

В связи с более интенсивным оттоком в города русского сельского населения изменяется этнический состав населенных пунктов: постоянно увеличивается доля селений с удмуртским населением и сокращается доля населенных пунктов с русским. Так, с 1955 г. по 1980 г. она сократилась с 36,4 до 24,9%.

Развитие получает только часть населенных пунктов: районные центры, селения с административно-хозяйственными функциями. Появились селения с усложненной планировкой, новые кварталы и строения располагаются вне старых селений, происходит четкое разделение старых и новых кварталов. В строительстве общественных зданий стали широко использоваться типовые проекты. Большая часть жилых домов возведены за счет колхозов и совхозов, в основном также по типовым проектам. Однако в практике застройки сельских населенных пунктов имеются серьезные недостатки: невысокий уровень архитектурно-планировочных решений, бесплановая застройка. Указанные недостатки в значительной мере связаны с отставанием научной разработки вопросов сельского строительства¹⁸.

На изменение облика удмуртских населенных пунктов повлияло и то, что часть общественных построек исчезла например, бани, которые с конца 50-х гг. постепенно перестраиваются и переносятся на усадьбы. Сейчас баня входит в хозяйственный комплекс каждого двора. В то же время практически исчезли культовые сооружения куа.

В настоящее время наиболее распространены селения с одной улицей: они составляют половину от общего количества населенных пунктов. В большей степени такие поселения характерны для северных районов, отличающихся мелкоселенностью. Здесь же наибольшее распространение получили селения с линейно-лучевой формой. Это обусловлено рельефом местности и наличием водоисточников: улицы расположены таким образом, чтобы находиться ближе к источнику воды роднику. На юге Удмуртии выше доля многоуличных селений.

Сельские поселения, представляющие собой определенное це-

лостное образование, развиваются в борьбе двух противоположных тенденций: стремления к сохранению старой структуры и приспособления к новым условиям. В различные периоды превалирует та или иная тенденция (в многообразии вариантов), поэтому на разных этапах развития поселений в качестве этноспецифических могут выступать различные признаки. В результате социально-экономических преобразований уменьшается количество этнических признаков поселений. Так, форма, тип жилой застройки удмуртских селений лишились этнически характерных черт. Однако этническая специфика может быть выявлена статистическим путем в степени преобладания, в большей или меньшей распространенности того или иного признака. При этом сами эти элементы могут быть этнически не специфичны¹⁹. К примеру, тип заселения, характер озеленения населенного пункта по-прежнему сохраняют национальные моменты. Этническую окраску имеют и некоторые численные характеристики населенных пунктов: удмуртские селения по сравнению, например, с русскими в крас, более крупные, в них выше плотность населения и т. д.

Непрерывно изменяется и жилище удмуртов. В настоящее время оно становится все более разнообразным; кроме дерева в индивидуальном жилищном строительстве стали широко использоваться кирпич и шлакобетон, особенно в южных районах. Вместе с тем, из-за отсутствия достаточного опыта в строительстве жилья из нетрадиционных материалов, дома получаются архитектурно невыразительными, с нарушенными пропорциями. Шлакобетон очень широко стал использоваться в последние годы и для строительства нежилых построек.

Современное индивидуальное жилищное строительство в основном сохраняет те же типы жилья, что и раньше, однако соотношение их претерпело существенные изменения. Значительно сократилось количество трехраздельного жилья типа “изба сени клеть”; повсеместно ввиду малочисленности семей новые клетки уже не строятся. В результате увеличивается доля двухраздельного жилья, состоящего из избы и сеней. В новых домах увеличивается число окон, большое распространение приобретают дома с застекленными верандами, ранее не характерными для удмуртского жилья.

Происходят изменения и в планировке жилья, в него проникают городские стандарты: увеличивается число комнат; правда, не всегда они разделяются глухими перегородками, довольно часты матерчатые занавеси. Как правило, отделяется комната возле входа спальня для молодых, в результате образуется прихожая. В связи с тем, что печи стали складываться из кирпича, размеры ее значительно уменьшились, ориентация печи устьем к фасадной стене уже не является преобладающей, появляются другие варианты ее располо-

жения. В некоторых современных домах реорганизуется отопительная система: в печи монтируются котлы, в которых нагревается вода, циркулирующая через батареи отопления. С уменьшением хозяйственных функций кухни ее свободная площадь тоже увеличивается; в результате появляется возможность для отделения еще одной комнаты. Там, как правило, спят пожилые члены семьи (рис. 9).

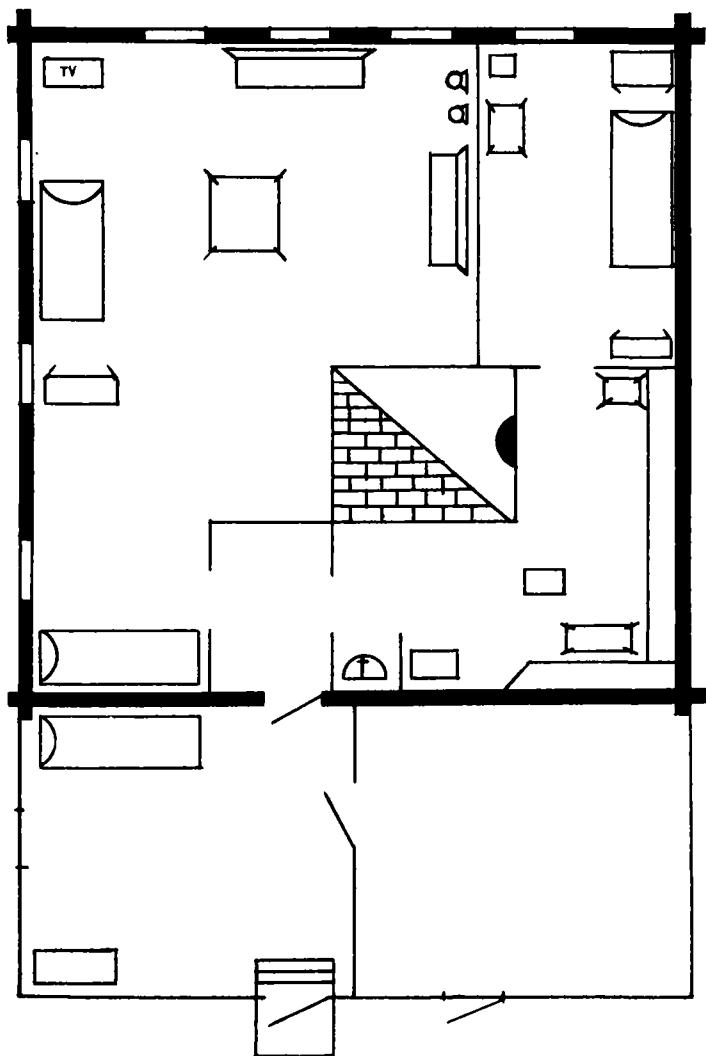

Рис. 9. Схема внутренней планировки современного жилища

Изменилось и положение стола в комнате. Он “отошел” из переднего угла к середине передней стены, исчезли лавки и полки, вместо них вдоль стен расположена мебель фабричного производства. Функция переднего угла (место для икон) в тех семьях, в которых есть верующие, перешла к одному из углов кухни.

В настоящее время, подавляющее большинство сельских удмуртов продолжает проживать в индивидуальных домах традиционного типа. Однако в них преобладает уже так называемый городской стиль обстановки, лишь у немногих жителей преобладает традиционный стиль в убранстве жилья. Однако он полностью не исчезает. Традиционная обстановка в значительной степени сохраняется на кухне, где остаются лавки и полки вдоль стен, в некоторых домах сохраняются и деревянные кровати, приделанные к стене. Отдельные предметы традиционной культуры имеются у многих, они высоко ценятся, но не меняют в целом нетрадиционного стиля обстановки жилья. Традиционный интерьер чаще встречается у северных удмуртов. В основном это связано с тем, что здесь медленнее обновляется жилой фонд.

Изменяются способы внешнего украшения жилища. В украшении наличников пропильная резьба сочетается с накладной. В настоящее время удмурты стали больше уделять внимания их раскраске. Обычно применяется сочетание двух, реже трех контрастных тонов: чаще всего встречается сочетание белого с синим и голубым, часто применяется окраска в один цвет, как правило, белый.

В застройке усадьбы применяется тот же принцип, что и раньше, однако в связи со значительным уменьшением числа хозяйственных построек, сократились размеры дворов. Очень редко встречаются два двора хозяйственный и чистый.

Что касается жилища удмуртов-горожан, то относительно конца XIX начала XX в. о городском жилье удмуртов не может быть речи, так как они в то время в городах практически не проживали. В настоящее время большинство удмуртов-горожан живет в благоустроенных квартирах; лишь 13% живет в индивидуальных домах (включая жителей поселков городского типа). В основном эти дома перевезены в свое время из села и возведены в соответствии с традициями сельского домостроительства. Как правило, это жилье типа “изба сени”, развитие его характеризуется приделкой различных пристроек, оборудованием теплых сеней и т. п. Практически не отличаясь по внешнему виду от домов сельской местности, в их внутренней планировке имеются отличия: дома, разделяясь на несколько комнат, стремятся приобрести черты городского жилья. Это обусловлено тем, что они функционируют в иных социальных и культурных условиях, не сходных с теми, в

которых они возникли. Из надворных построек имеются только сарай для дров, гараж, выходящий фасадом на улицу, и баня.

Использование мебели фабричного производства обуславливает примерно одинаковый принцип организации жилой площади. Однако часть горожан в своих квартирах сохраняет национальный колорит, используя некоторые предметы традиционной утвари. Часть их ковры, покрывала используют по прямому назначению, другая в качестве этнических символов. Это особенно характерно для удмуртской творческой интеллигенции, среди которой наблюдается все возрастающий интерес к национальной материальной культуре. Однако в целом предметы традиционной утвари постепенно вытесняются изделиями индустриального производства.

Таким образом, преобразования, осуществленные за годы Советской власти, подъем материального благосостояния сельских жителей, особенно заметный с середины 60-х годов, оказали существенное влияние на изменение жилищного комплекса удмуртов. Изменения произошли в планировке, конструктивных особенностях жилья, стали применяться нетрадиционные материалы, изменилось функциональное назначение отдельных построек. Наряду с этим, наблюдалась и другая закономерность: унификация, выработка новых черт сопровождалась утратой этнических особенностей. Вместе с тем, многие элементы традиционного зодчества могут быть с успехом использованы в современном строительстве, как в селе, так и в городе.

¹ См.: Садаков М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. до октября 1917 г.)//Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2.

² Владыкин В. Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов//Дисс. канд. ист. наук М., 1969. С. 210.

³ Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII первой четверти XX в. М., 1976. С. 78.

⁴ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения)//Востоочнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 33. (Труды/Институт этнографии, новая серия. Т. 31.).

⁵ Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов//Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 35.

⁶ Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов//На удмуртские темы. М., 1931. С. 13.

⁷ Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 68.

⁸ Там же. С. 107.

9 Материалы этнографической экспедиции в Сибирь 1974 г.//Рукописный фонд УИИЯЛ УрО РАН, оп. 1Н, № 185

10 *Верещагин Г. Е.* Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда //Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1896 г. Вятка, 1895. С. 100.

11 *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 21.

12 *Семакин А. Н.* Северо-восточная часть Вотской области//Труды научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1928. Вып. 5. С. 47.

13 *Шумилов Е. Ф.* Архитектура удмуртской крестьянской усадьбы//Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып. 1. С. 220.

14 *Шкляев Г. К.* Об изменениях в поселенческой структуре Удмуртии в советское время//Сельские поселения Удмуртии в XIX - XX вв. Ижевск, 1981. С. 60.

15 20 лет автономии Удмуртии. Ижевск, 1940. С. 156, 183.

16 *Шкляев Г. К.* Указ. соч. С. 62.

17 Там же. С. 66.

18 *Павлов Н. П.* Крестьянство Удмуртии. 1946-1970. Ижевск, 1975. С. 154.

19 *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.

Глава VI. ОДЕЖДА

1. Традиционная одежда и украшения

В традиционном народном костюме удмуртов, бытовавшем повсеместно еще в XIX - начале XX в., выделялось три комплекса северный, южный и бесермянский, соответствовавших крупным этнографическим подразделениям удмуртского народа (рис. 1).

Северный костюмный комплекс, по мнению В. Н. Белицер, теснейшим образом связан с культурой древнего аборигенного населения лесной земледельческой полосы Восточной Европы. Женская одежда северных удмуртов близка к костюму мордвы, чувашей и особенно марийцев, с которыми предки удмуртов соприкасались в течение многих столетий. Отдельные элементы североудмуртского комплекса (рубашка, головные уборы) имеют аналоги в одежде коми¹. Определенное влияние на его оформление оказали и русские.

Ссеверный костюмный комплекс бтовал у удмуртов, живущих в бассейне Чепцы, и подразделялся на два локальных варианта верхне- и нижнечепецкий. Различия между ними объясняются тем, что ядром нижнечепецких удмуртов явились создатели пьяноборско-азелинской культуры, средне- и верхнечепецких население полумской и выросшей на ее основе чепецкой археологических культур с включением родственного населения с Вятки и Нижнего Прикамья, а в полумское время, возможно, и пракоми - пермяков².

Североудмуртский женский костюм представлял собой один из наиболее древних типов одежды пермских народов: белый домотканый холст, туникообразный покрой, вышивка, как основной способ орнаментации. Основу костюма составляла рубаха (дэрем): прямое полотно шириной 32-37 см перегибалось пополам, к нему по бокам пришивались более короткие холстины, согнутые по продольной нитке; рукава прямые с квадратной ластовицей; шйный вырез в форме треугольника или овала без воротника. Рубаху обычно шили с подоплекой из сурового холста.

Рукава и подол рубашки украшали вышивкой шелком-сырцом и шерстью. Наружная вышивка поперечная с восемью ушками-

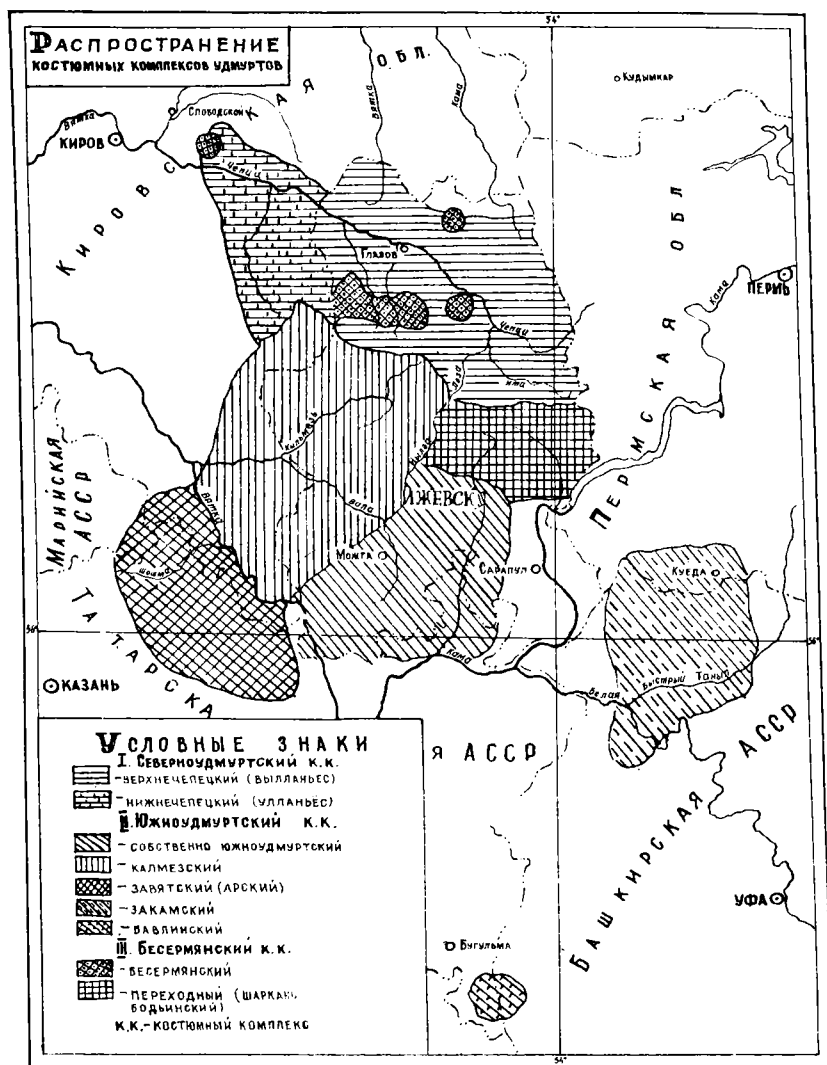

Рис. 1. Распространение костюмных комплексов удмуртов

розетками (колтырмач) и продольная с ромбическим рельефным узором (гордэн) дополнялась полосками кумача (рис. 2, а, б, в). В XVIII - начале XIX в. белые вышитые рубахи такого типа бытовали еще у всех северных удмуртов, а в более позднее время (вплоть до 50-х гг. XX в.) сохранялись у нижнечепецких удмуртов. Верхнечепецкая же женская рубашка претерпела значительные

изменения: на рубеже XIX XX в. вышивка сменилась узорным ткачеством, к подолу стали пришивать тканую узорную тесьму, а рукава шили из узорной трехкомпозиционной домотканины, выполненной хлопчатобумажными нитками по белой основе (рис. 3, а).

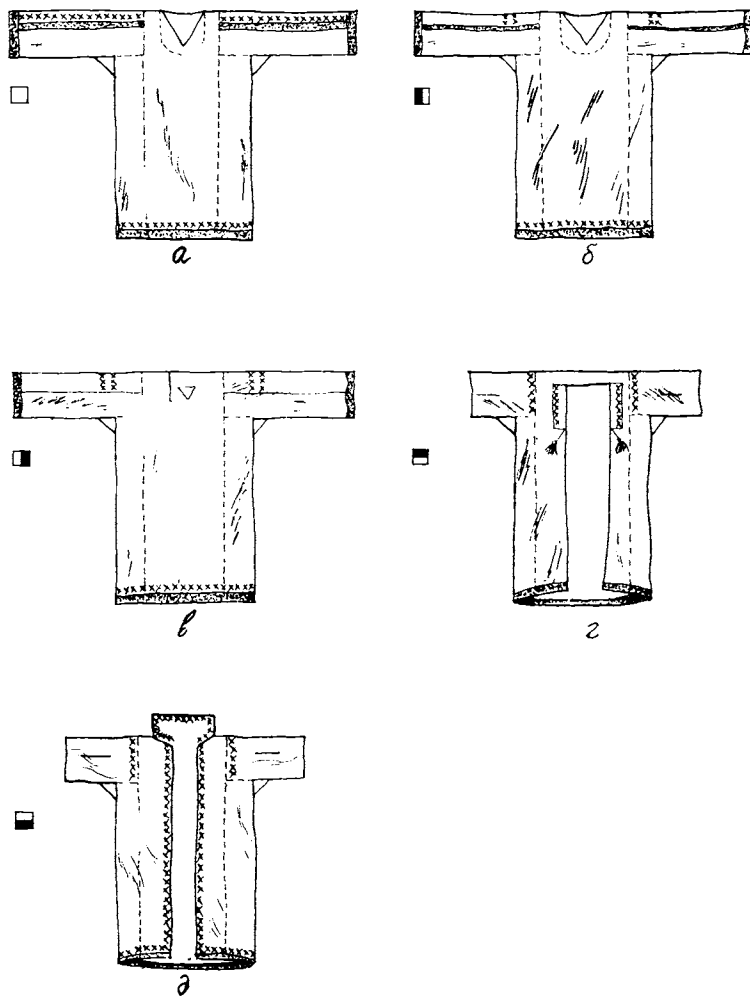

Рис. 2. Покрой нижнечепецких женских рубашек и распашных кафтанов: а рубашка с продольной вышивкой на рукаве; б рубашка с поперечной вышивкой на рукаве; в девичья рубашка; г женский распашной кафтан с отложным воротником; д девичий кафтан с воротником матросского типа

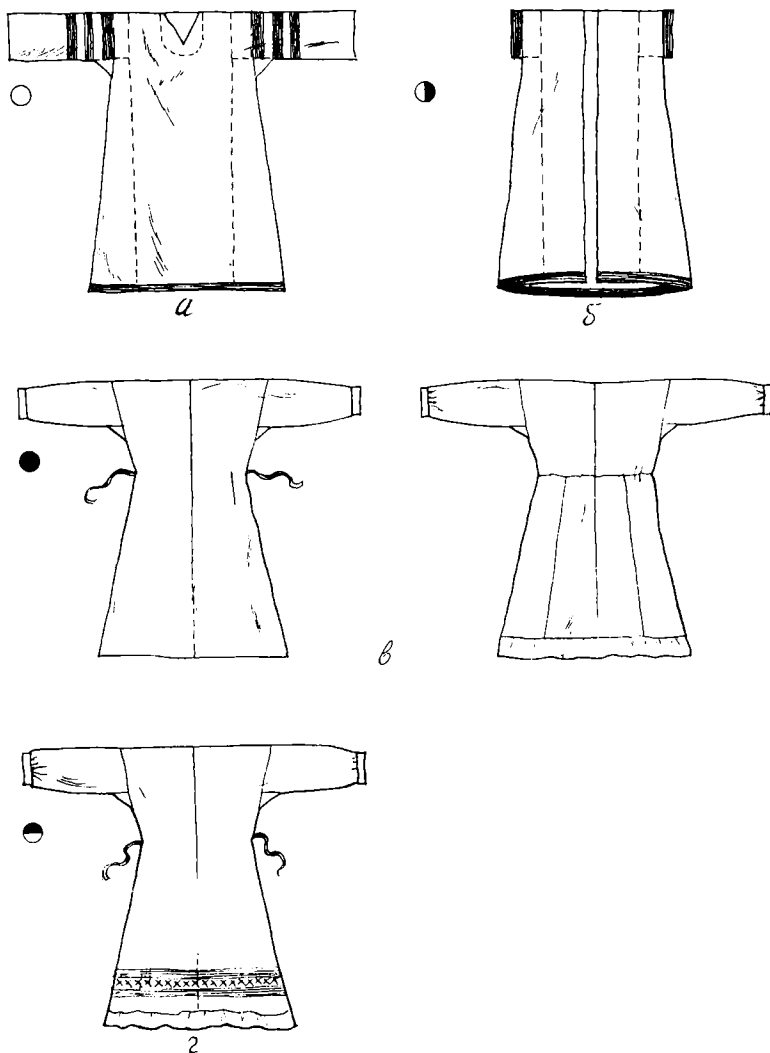

Рис. 3. Покрой верхнечеченских женских рубашек и распашных кафтанов:
а рубашка с красными рукавами с браным тканым узором; б летний распашной кафтан туникообразного покроя; в зимний кафтан из клетчатой домотканины с отрезной спинкой, присборенный в талии (вид спереди и сзади); г праздничный кафтан из белой домотканины с богато орнаментированным подолом

Рубаху обычно носили в паре с распашным кафтаном (шортдэрем). Его кроили как и рубаху, с отложным четырехугольным воротником и короткими рукавами с продольным разрезом на плече,

через который продевался богато вышитый рукав рубахи (рис. 2, г, д). Полы, воротник, подол шортдэрема украшали вышивкой, иногда пришивали бусы, мелкие монеты, раковины каури; вышивка сопровождалась полосой кумача. В зависимости от способа украшения, цвета отделочных тканей, количества используемого кумача распашные кафтаны назывались по-разному: биньыса, сирсо дйськут назван по технике вышивки, при которой полы и воротник вышивались двухсторонней гладью и шитьем по выдергу; зёк кумач понэм отличался отделкой большим количеством кумача; пичи кумач понэм небольшим количеством кумача; котыр кумач понэм отделялся кумачом по кругу; кóтуло полосками красных лент до низа живота; у котрак тачкиё - плечи, подол, полы отделялись вышивкой в сочетании с полосками кумачовых лент, вожен шырем отличался зеленой отделкой по подолу; гордэн шырем красной отделкой.

Самым нарядным считался шортдэрем типа зёк кумач понэм. Его надевали на свадьбу, в первый день рождества, масленицы, пасхи. На второй день этих праздников более подходящим считался кóтуло шортдэрем. Тот и другой надевались в комплексе с рубашкой типа гордэн.

Кафтаны нижнечепецких удмуртов имели большое сходство со свадебными кафтанами крайне южной - завятской группы удмуртов (тот же туникообразный покрой, вдоль стана полосы ткани или лент в сочетании с полосками вышивки, оборка или атласная лента вместо нее). Это позволяет предположить, что кафтаны нижнечепецких удмуртов являются более поздним вариантом кафтанов завятских. Короткие рукава слободских удмуртов скорее всего рудимент длинных ложных рукавов, бытовавших у южных удмуртов. Эту мысль подтверждает и манера ношения рубахи: рукава продевались в прорези кафтана.

Родство в одежде северных и южных удмуртов можно объяснить их единой этнической основой, восходящей к пьяноборско-азелинскому населению; среди нижнечепецких и завятских удмуртов выявлены совершенно одинаковые воршудно-родовые группы (Чола, Чабья, Дурга, Турья, Чипья и т. д.), что свидетельствует об их древних генетических связях³.

В кафтанах верхнечепецких удмуртов в конце XIX начале XX в. исчезли воротник и ложные рукава, к подолу нередко стали пришивать ситцевые оборки. Широкое распространение получили кафтаны из клетчатой домотканины, передние полы которых были прямыми, а спинка отрезная и присборенная в талии (рис. 3, б, в, г).

Каждая пара женской одежды имела свой вариант вышитого нагрудника (кабачи), который представлял собой четырехугольный

кусок ткани размером 20х30 см, сплошь вышитый шелком. Кабачи составляли принадлежность костюма замужней женщины, надевались они поверх рубахи, закрывая грудной разрез.

Повседневные нагрудники вышивались терракотово-красным шелком-сырцом или льняными нитками только в технике “набор”. Праздничные кабачи вышивались в технике “косой стежок” шелком-сырцом терракотово-красного цвета, который оживлялся зелеными, синими, черными нитями. В конце XIX в. на смену вышитым нагрудникам пришли аппликативные (муресазь), сшитые из разноцветных кусков тканей в сочетании с вышивкой. Иногда к ним пришивали монеты, пуговицы.

Неотъемлемую часть женского костюма составляли передники (азькышет) без груди, их отделявали кружевами, тесемками, вышивкой. Узорные завязки к передникам плелись или ткались на специальных дощечках. В будни подпоясывались только фартуком, а в праздники надевали еще узорный пояс, к которому подвешивали полотенце или платок (урдэс кышет букв. боковой платок).

Теплой верхней одеждой служили длинные кафтаны из толстого сукна (дукес). Праздничные кафтаны шили из черного сукна с отрезной спинкой, с большим количеством сборок, будничные из некрашенного сукна, приталенные, без сборок. Зимой носили шубы из дубленой овчины обычно желтого цвета; праздничные шубы, нагольные или крытые тканью, были черного цвета.

Большим разнообразием отличались женские головные уборы: повязки, покрывала; шапки, полотенца и т. д. Самым распространенным девичьим головным убором была холщовая шапочка (такья), обшитая кумачом и монетами. Девочки 10-12 лет носили круглую такью (котрес такья), 14-15 лет продолговатую (кузялэс такья); невеста на свадьбу надевала обе такьи сразу. Головной убор богатых девушек обычно обшивался серебряными монетами и назывался узыр такья (богатая такья).

Головные уборы типа такьи зафиксированы на памятниках азелинской культуры (I тыс. н. э.). Позднее они распространились среди всех групп удмуртов, но такого разнообразия, как у северных (особенно нижнечепецких), не обнаружено ни у одной группы удмуртов.

В 30-40-е гг. нашего столетия такья у удмуртов выходит из употребления повсеместно.

Кроме такьи, девушки носили головные повязки из кумача или холста, украшенные вышивкой, блестками, позументом, лентами, а также платки из белого холста, ситца, в праздники - из кашемира и шелка. У северных, а также части центральных удмуртов бытовал треугольный платок (куиньсэргэ) с кистями, обшитый кумачом, цветным ситцем и кусочками сукна. Будничные платки-косынки

изготавливались из домотканых материалов, праздничные - из шелка. Замужние женщины, кроме налобных повязок и платков, носили головное полотенце (весьяк кышет, йыр котыр), концы которого украшались вышивкой и красными ткаными полосками. Надевали его поверх платка, завязывая на затылке или на темени. В первом случае концы полотенца свободно свешивались на спину, во втором торчали в виде рогов. Головное полотенце впервые надевали на женщину во время свадьбы после первой брачной ночи.

В праздничный наряд женщины входило значительное количество украшений из бус, бисера, раковин каури, пуговиц, монет и т. д. На руки надевались бусы (суйвесь), через плечо перевязи (кусильвесь), на уши - серьги из серебра (угы), к серьгам с цепочкой (угыкал) приклеплялся пушок птичьего огузка (быгы), на шее носили ожерелья из бус (весь), монет (кироскал).

Наиболее распространенной обувью удмурток были лыковые лапти (кут), обычно русского образца. Лишь по торжественным случаям надевали удмуртские лапти с трапециевидной формой носка, украшенные расщепленными гусиными перьями (рис. 4). С лаптями носили чулки из толстого белого льняного холста (чүглэс), украшенные в верхней части вышивкой или узорным тканьем; край чулок оторачивался полоской кумача. Узорные чулки надевались поверх портянок и шерстяных чулок, укреплялись с помощью красно-черных обор.

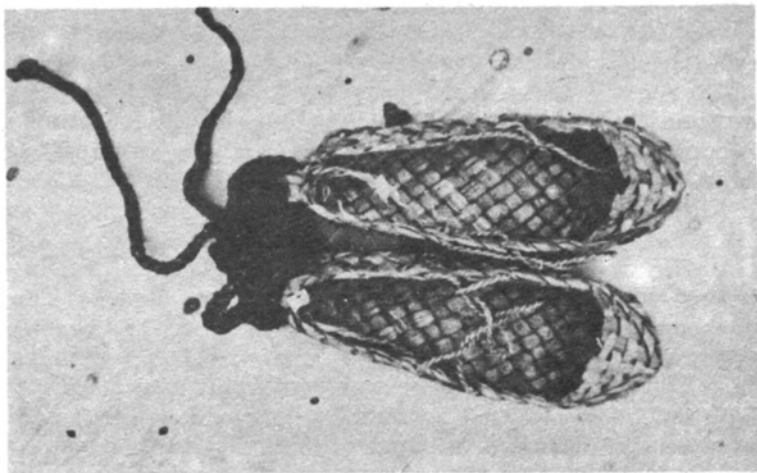

Рис. 4. Удмуртские лапти (фотоархив УРКМ)

Мужская туникообразная рубаша (дэрэм) шилась из белого холста, имела правосторонний разрез на груди. Носили ее навыпуск, подпоясываясь узорным плетеным поясом (кускерттон) или ремнем

(е). В праздники и на моления надевали широкий тканый пояс (путо).

Штаны (эрезь) шились из двух загнутых по продольной нитке полотен темных расцветок со вставленными между ними клиньями. В отличие от женских штанов мужские были не на шнурках, а на пуговицах.

Верхней одеждой мужчин служил приталенный холщовый шортдэрем с отложным, стоячим или шалевым воротником. В холодное время года носили сукман из полшерстяной домотканины, суконный дукес и шубу из овчины; все они шились прямые или приталенные с отрезной спинкой и сборами, подпоясывались широким кушаком или ремнем. Отправляясь в дорогу, надевали длинный суконный или овчинный тулуп с большим шалевым воротником.

В конце XIX в. в мужской одежде, как и в женской, распространилась пестрядь (рис. 5).

Традиционным головным убором мужчин был сшитый из домашнего сукна колпак цилиндрической формы. В XIX в. получили распространение валяные шляпы с полями. Зимой носили шапки из овчины, круглые или в виде малахая (изы). Летней обувью служили лапти, зимней валенки. Лапти носили с белыми портянками (бинялтон).

Южноудмуртский костюмный комплекс сформировался, по мнению В. Н. Белицер, среди населения, жившего на стыке лесной и степной зон, где значительно сильнее ощущалось влияние степных скотоводческих культур. В этом комплексе сохранились древние культурные элементы, берущие начало с ананьинской эпохи (VIII III вв. до н. э.), когда местные племена находились под влиянием скифо-сарматской культуры. В более позднее время на южноудмуртский костюм оказали влияние тюрки, вначале – булгары, затем татары и башкиры⁴.

В южноудмуртском костюмном комплексе условно можно выделить пять локальных вариантов (собственно южноудмуртский, калмезский, завятский или арский, закамский и бавлинский), территория распространения которых охватывала бассейн Кильмези, Валы, среднего и нижнего течения Камы, Вятки и Белой⁵.

Традиционная женская рубаха южных удмуртов конца XIX начала XX в., в отличие от североудмуртской, шилась из пестряди, имела по два боковых скошенных клина, широкие рукава с клиньями, суживавшиеся к кистям, небольшой стоячий воротник. Вдоль грудного разреза нашивались полосы ситца в виде нагрудника (муресазь). Украшенный аппликацией съемный нагрудник (муресшет, мурескышет) напоминал кабачи северных удмуртов, но в отличие от него надевался под рубаху, непосредственно на грудь. Известен еще один вид нагрудника кыкрак, который тоже надевался под рубаху. Он

был аналогичен татарским и башкирским кукряча. К подолу пришивали оборку (сöзул, итэт, карта) в 12-15 см, а между нею и станом - узорную полоску (рис. 6, а, б, в, г). Позднее ширина оборки увеличивается, появляется и вторая (рис. 6г), что, по-видимому, можно объяснить влиянием татар и башкир. Наиболее сильному тюркскому влиянию подверглась одежда закамских удмуртов.

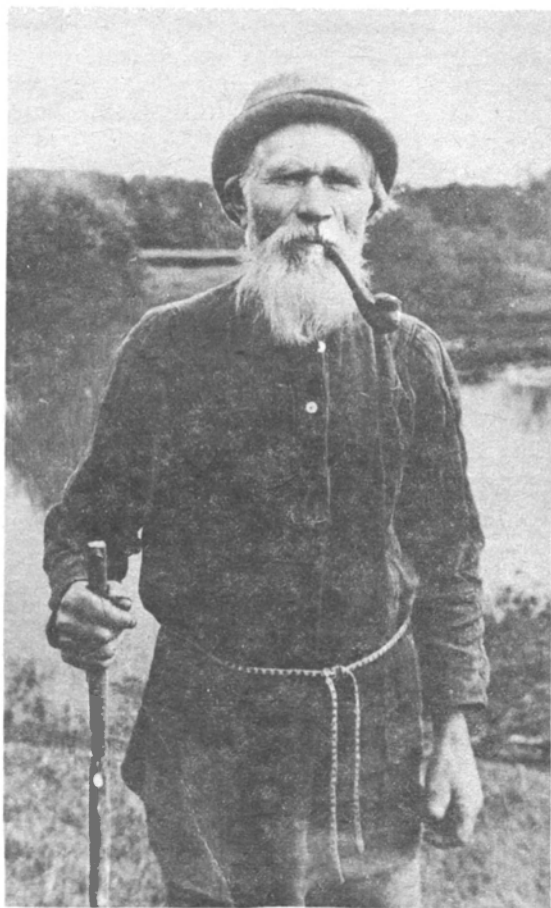

Рис. 5. Старик в национальной одежде. Шарканский район, 1930 г.
(фотоархив УРКМ)

Из распашной одежды южные удмуртки носили зыбын, камзол или саестэм, дйсь, поньток, зйлян, дукес, шуба. Зыбын, напоминающий русский зипун, шили из красной или синей в черную

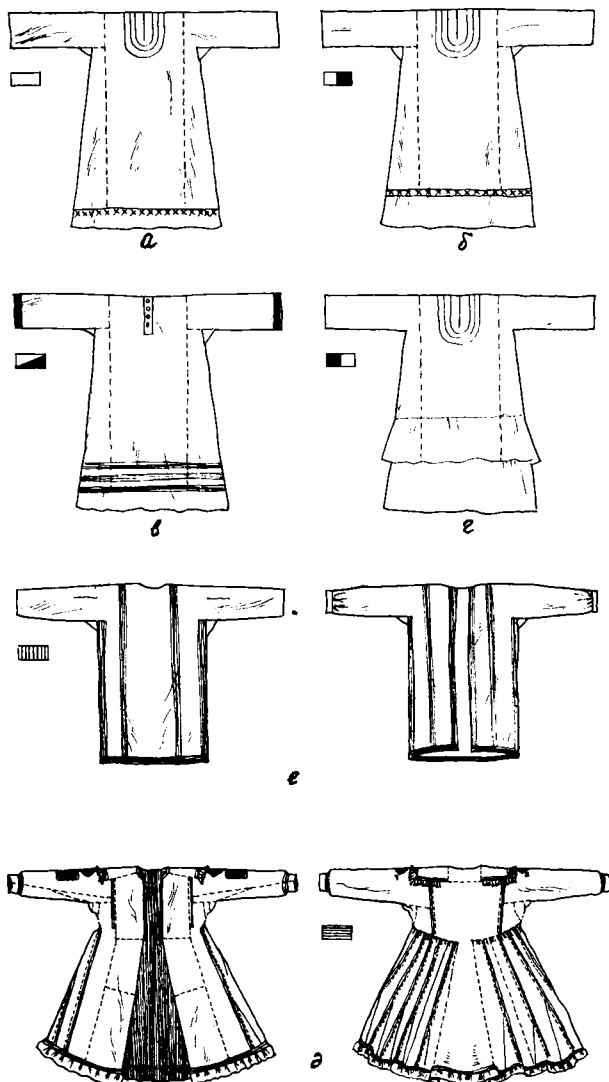

Рис. 6. Покрой южноурдмуртских женских рубашек и кафтанов:
 а женская рубашка из клетчатой домотканины с узкой оборкой и пришитым нагрудником муресазь; б рубашка с широкой оборкой; в рубашка из клетчатой домотканины с узкой оборкой, с тремя рядами тесьмы (лент), с короткими рукавами; г рубашка с двойной широкой оборкой; д распашной кафтан с длинными ложными рукавами; е кафтан с ложными рукавами с восьмью продольными бордовыми полосами

полоску шерстяной домотканины с отрезной спинкой и присборенной талией. Рукава у кисти обшивали полосками черного сатина. Праздничный кафтан - дйсь, аналогичный зыбыну, шили из плиса или китайки, полы и подол украшали тесьмой. У завятских удмуртов был известен также своеобразный кафтан с длинными ложными рукавами, которые свешивались по бокам или затыкались за пояс. Камзол шили из красной шерсти или белого холста; идущие от талии клинья отделявали белой, зеленой или черной тесьмой, к подолу пришивали оборку. Камзол подпоясывали вышитым (позднее - аппликативным) поясом зар (рис. 6, д, е). Поньток (от русского пониток) шили из полушерстяной домотканины, по крою он был приталенным, без оборок. Это повседневная одежда.

Рис. 7. Удмуртская семья; д. Большие Сибь, Можгинский р-н, 1930 гг.
(фотоархив УРКМ)

Свадебный распахной žилин бавлинских удмуртов шился из темного сатина, тонкого сукна или плиса, грудь, полы, подол, талия со спины украшались позументом. Кроме свадеб, žилин надевали на весенние хороводы.

Женские фартуки (ашшет, айшет), в отличие от североудмуртских, шились с высокой грудкой, арские к подолу пришивали оборки.

Из головных уборов девушки обычно носили платки и налобные повязки (укотуг, тятяк). Укотуг состоял из полосы позумента, нашитого на холст или кумач, густой бахромы с блестками и деревянных подвесок, обвитых позументной нитью (рис. 8). Во время свадеб бавлинские девушки завязывали платки в виде большого банта бабочки (серок) (рис. 9).

Налобная повязка женщин (йыркерттэт), в отличие от девичьей, украшалась по нижнему краю бусами и монетами. В северных районах налобные повязки, и девичьи и женские, вышли из употребления в XIX в., в южных встречаются до сих пор. Налобные повязки носились в сочетании с головным полотенцем (чалма, йыркышет), конусообразным убором типа кокошника (айшон) и платком-покрывалом (сюлык). Концы белой льняной или хлопчатобумажной чалмы украшались узорным тканьем, вышивкой, лентами, оборками из фабричных тканей, кружев. Сложенная вдвое по длине она закреплялась на голове булавками или нитками, на спине - пояском фартука. Чалму носили только замужние женщины. В 50-55 лет ее заменяли холщовой шапочкой (пелькышет) с пришитыми к ней ситцевыми закругленными концами в виде полотенца, которые оторачивались кружевами или оборкой.

Удмуртский айшон был аналогичен русскому кокошнику, мордовскому панго, марийскому шымакшу. Его высота колебалась от 7 до 35 см. Берестяная основа айшона обшивалась холстом или кумачом и спереди украшалась монетами, бусами, бисером. Через три года после свадьбы на айшон пришивали так называемый бырттос (от слова бырттыны - вдеть, продеть) из кусочка ткани с пришитыми бусами и монетами.

Поверх айшона надевался сюлык. Он представлял собой белый квадратный холст с вышитым или аппликативным узором. Свадебный сюлык украшался черной ковровой вышивкой с древовидным орнаментом, исходящим от углов к центру, края обрамлялись массивными кистями из бордовых или черных ниток. Повседневный сюлык был красного цвета с зелеными шерстяными кистями, вместо вышивки - аппликация из разноцветного материала (рис. 10).

Черный сюлык женщина носила в течение трех лет после свадьбы (или до рождения первого ребенка), после чего меняла его на красный, который носила примерно до 50-55 лет. В конце XIX в. айшон стал выходить из употребления, а сюлык в качестве свадебного покрывала бытовал до 40-х гг. XX в.

Женщины центральных районов Удмуртии носили холщовую шапочку (подурга, йыршет), присборенную на темени. Налобная ее часть украшалась полосой кумача и бисером. По виду она напоминала русский повойник, коми-пермяцкий моршень.

Рис. 8. Девушки в национальном наряде; д. Чумойтло, Можгинский р-н, 1925 г.
Фото Гладких А.

Украшения южных удмуртов в основном состояли из серебряных изделий, разнообразных жетонов, накладок, подвесок. Широко были распространены шейные украшения (чыртыкыч, чыртывесь, чыртыкерттэт) и чересплечные перевязи (камали, бутьмар) из серебряных

монет, которые нашивались на основу попеременно с бусами, раковинами каури, кораллами; их носили вместе с цепью (жилы) из мелких монет с подвесками. Необходимым дополнением к костюму были запястья, браслеты, медальоны, серьги, кольца, у девушек - накосники. Дорогие серебряные украшения сохранялись столетиями как семейная драгоценность и переходили от поколения к поколению.

Рис. 9. Девушка из Бавлинского р-на Татарии
(фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН)

Обувь, как мужская, так и женская, была аналогична североудмуртской, но у южных удмуртов дольше бытовали лапти со специфическими чертами удмуртского плетения. Женские праздничные лапти плели из 11 и 9 лык, будничные - из 7 и 5.

Мужские рубахи шились из клетчатой пестряди со скошенными боковыми полотнищами, прямым разрезом на груди и отложным

воротником с завязками. Штаны “с широким шагом” напоминали марийские, татарские, чувашские. Обязательным элементом мужского костюма был передник с грудкой из белого холста, который носили и в будни, и в праздники.

Рис. 10. Невеста в головном уборе айшон с покрывалом суклык; д. Новый Канисар, Кукморский р-н Татарии (фотоархив УРКМ)

Теплая верхняя одежда (суконные дукесы, овчинные дубленые полушубки, шубы, тулупы) была сходна с североудмуртской. Мужские шляпы с полями имели цилиндрическую или конусообразную форму.

Убесермянский костюм занимал как бы промежуточное положение между северным и южным костюмными комплексами (с перевесом в сторону южноудмуртского). В нем заметно определенное влияние

со стороны кочевников южнорусских степей иранцев, угров и болгар-чувашей⁶.

Дэрем бесермянок по крою напоминал южноудмуртскую пестрядинную рубашку: четыре скошенных клина попарно пришивались с боков к центральному полотнищу, подол заканчивался ситцевой оборкой, рукава ниже локтя отделялись красными ткаными полосами с вышивкой и сквозным узором по выдержку. Вышивка располагалась также на груди, по бокам грудного разреза и заканчивалась на конце треугольником. Рубашка имела невысокий стоячий воротник и завязки вместо крючков. Верхний шортдэрем шился короче рубашки и имел более короткие рукава (рис. 11).

Рис. 11. Девушка-бесермянка в национальном костюме
(фотоархив УРКМ)

Бесермянская такъя представляла собой круглую, обшитую бисером шапочку, с шишечкой в виде столбика на макушке, обшитую мелкими монетами, по краю - раковинами и красными бусами. По внешнему виду она была близка к девичьей тухие чувашей-анатри.

Молодые женщины в течение года после свадьбы покрывали голову шерстяным или ситцевым платком с бахромой, после рождения первого ребенка - белым полотенцем (кышон), обертывая голову таким образом, что один конец ложился на спину, второй на грудь. Поверх кышона надевался ситцевый платок, концы которого завязывались на затылке. Для более торжественных случаев женщины надевали кашпу холщовую шапку шлемообразной формы, украшенную спереди серебряными монетами, край убора и полоса, проходящая под подбородком, обшивались красными бусами. Кашпу по названию и форме напоминал головной убор чувашей (хошпу), башкир (кашмау), мордвы терюхан (венец)⁷.

В качестве украшений употреблялись раковины каури, сохранявшие одновременно и значение амулета, шейные ожерелья из раковин, бус, серебряных монет (качек, лага), чересплечные перевязи (камали, касыта).

Мужская одежда бесермян - рубашки, штаны, пояса, сукманы была аналогична удмуртской. Зимой носили тулупы, шубы, на ногах онучи и лапти русского и татарского плетения.

Таким образом, традиционный удмуртский костюм рубежа XIX XX вв., будучи типологически сходным с одеждой соседних народов, имел возрастные, функциональные различия, а также локальные особенности. Праздничный женский костюм, благодаря вышивке, узорному ткачеству, оригинальным украшениям из бус, монет, раковин, выглядел весьма красочно.

В костюмных комплексах четко обнаруживались социальные различия их носителей: одежда зажиточных слоев отличалась более добротными, высококачественными тканями, богатой отделкой, значительным количеством украшений из серебра и большим функциональным разнообразием. В конце столетия в удмуртскую деревню проникли анилиновые красители и фабричные ткани, что отразилось на общем облике одежды.

2. Эволюция одежды и ее современное бытование

В послеоктябрьский период эволюция одежды удмуртов шла по двум направлениям: с одной стороны, развивались национальные черты, проявлявшиеся в бытовании рациональных традиционных форм и элементов, с другой в одежде появились многочисленные общесоветские, интернациональные формы и элементы.

Ощутимые изменения в одежде произошли уже в 20-30-е гг. Они связаны с социально-экономическим и культурно-бытовым переустройством деревни. Развитие в республике промышленности и вызванная им миграция удмуртов в города повлияли на быт сельского населения, в том числе на традиционную одежду: удмурты, переселившиеся в города, постепенно отказывались от национального костюма. Одежда сельских жителей продолжала оставаться в основе традиционной, однако новые веяния были вполне ощутимы и здесь, особенно в мужской и молодежной одежде.

В середине 30-х гг. среди удмуртов распространилась одежда из фабричных тканей. Считаясь более престижной, она функционировала в основном в качестве праздничной; при оценке приданого девушки особое внимание обращали на наличие в нем вещей из фабричных материалов.

Использование нетрадиционных промышленных материалов внесло изменения в покрой рубаш. Под влиянием городской одежды в нем постепенно появляются новые элементы: кокетка, воротник, манжеты, оборки. В пригородных деревнях и районах стали шить платья, отрезные по талии, используя для верхней и нижней частей разные по рисунку ткани. Иногда верхнюю часть шили из фабричного материала, а нижнюю из домотканины. От таких платьев уже нетруден был переход к платью городского покроя.

Приспособление фабричных тканей к национальному крою значительно легче происходило у южных и части центральных удмуртов, так как здесь широко бытовала пестрядь и население было готово к восприятию полихромных тканей. При этом предпочтение отдавалось клетчатым и полосатым тканям, напоминающим домашнюю пестрядь. Северные удмурты, у которых сохранялась белая холщовая одежда, из фабричных тканей в основном шили платья русского кроя. Они стали носить юбки с кофтой, причем юбки часто шили с оборкой. Верхнюю одежду шили по типу городских пальто и называли дукес пальто.

Перемены в крое рубашки повлекли за собой другие изменения. Так, глухой ворот с пуговицами сделал лишним съемные нагрудники кабахи, муресазь. Из повседневного употребления вышли также женские головные полотенца - чалма, оставаясь при этом элементом праздничного наряда.

Верхнюю одежду традиционного покроя - суконные кафтаны, зипуны, шубы - продолжали носить и мужчины, и женщины. Вместе с тем у мужчин начали появляться прямые полупальто и полушубки, летние кафтаны стали вытесняться пиджаками.

В 30-е гг. в качестве будничной и рабочей обуви все еще широко бытовали лапти. В праздничном наряде их сменила обувь фабричного изготовления: резиновые лаковые галоши, ботинки, полуботинки,

тапочки, которые носили с вязаными узорными чулками и носками. Мужчины стали чаще носить кирзовые, яловые, реже хромовые сапоги. Зимней обувью оставались валенки.

Женский костюм традиционно продолжал дополняться разнообразными украшениями. Более или менее полный набор традиционных украшений надевался с праздничным нарядом, в будни носили лишь отдельные элементы.

В довоенные годы одежда удмуртского населения приобретает, таким образом, новые черты, выразившиеся в большем употреблении фабричных тканей, в заимствовании элементов одежды городского покроя и стремлении к разнообразию костюма за счет этих новых элементов; наметилась тенденция к упрощению традиционных костюмных комплексов, приспособлению их к новым условиям.

Вместе с проникновением в удмуртскую среду одежды городского типа удмуртский национальный костюм, может быть, впервые начинает осознаваться как этнический символ. Этому способствовали официальные мероприятия - конференции, торжественные собрания, на которые удмуртки, как и представители других народов, приходили в своих национальных нарядах. Это было демонстрацией идеи свободного развития народов на официальном уровне.

В период Великой Отечественной войны в условиях острого недостатка товаров народного потребления наблюдается возврат к одежде из домотканины, причем более грубого качества, чем традиционная. Довоенные запасы одежды расходовались не всегда по прямому назначению. Так, головные полотенца использовались как лицевые или для шитья детской одежды, из их узорных концов и вышитых изделий шили школьные сумки. Значительная часть серебряных украшений была сдана в фонд обороны, пошла на уплату налогов и на приобретение облигаций. Большая часть мужчин, особенно отслуживших в армии, носила тогда одежду армейского образца: она встречалась в ту пору чаще, чем более привычные рубашки, брюки, пиджаки.

Нехватка тканей, готовой одежды, обуви остро ощущалась и в первое послевоенное время. Ватная стеганая телогрейка стала в те годы универсальной одеждой.

С послевоенным восстановлением и дальнейшим развитием народного хозяйства домотканые материалы снова постепенно вытесняются промышленными. К концу 50-х гг. одежда из фабричных тканей стала у удмуртов преобладающей. Престиж национальной одежды продолжал снижаться, круг ее приверженцев суживался. Порою ее ношение расценивалось как признак отсталости. Мужская одежда в этот период полностью утратила национальное своеобразие. Национальная одежда оставалась предпочтительной лишь среди женщин среднего и старшего возрастов, но и среди них верхняя одежда начала заменяться жакетами и полупальто.

Современное удмуртское население в большинстве носит одежду городского типа.

Одежда, обувь, головные уборы городского и сельского населения однотипны. В удмуртской деревне, как и в городе⁸, ныне носят платья, юбки, кофты, жакеты, плащи, куртки, пальто, шубы и т. д. Но при типологическом единстве одежда сельского населения несет на себе печать "провинциальности", которая проявляется в некотором отставании от моды, в разнородности элементов костюма, в упрощенных его формах, в предпочтении определенных тканей и видов одежды. Из головных уборов в селе преобладают у мужчин фуражки, у женщин платки, полushалки, шали; из обуви резиновые и суконные сапоги, валенки, туфли из вельвета и джинсовой ткани, галоши, спортивная обувь. Низкий уровень благоустройства улиц и дорог ограничивает возможности носить модельную обувь.

Отличия в одежде различных групп современного удмуртского населения обусловлены социально-экологическими, демографическими и социально-профессиональными факторами. Национальная одежда удмуртов в настоящее время бытует в трех вариантах. Наиболее распространенное платье шьется на кокетке. Разрез на груди прямой, ворот, стоячий или отложной, застегивается на пуговицы, рукава на резинке или с манжетами. К подолу пришивается оборка, на которую пришивают 1-2 ряда лент. Ширина оборки колеблется в пределах 20-50 см. Швы на плечах, кокетке и оборке украшаются защипами или строчкой (рис. 12, д). Платья такого типа шьют комбинаты бытового обслуживания в селах Малая Пурга и Алнаши. В прилегающем к Ижевску Завьяловском районе в 50-е гг. отказались от оборок, ограничиваясь пришиванием 1-2 полос узких лент или 2-4 рядов защипов. В последнее время здесь снова распространяется платье с оборками.

Платье дополняется передником с нагрудником или без него, головным платком, туфлями, капроновыми или хлопчатобумажными чулками, а также современными украшениями из бус, перстней, серег. В целом современный удмуртский костюм отличается от традиционного материалом, элементами кроя, колоритом, художественным оформлением и составом элементов (рис. 13).

В современном национальном костюме характерно использование элементов городского наряда, что неизбежно при неполном его сохранении. На платье, например, надевается жакет, вязаная кофта или болоньевая куртка. С другой стороны, одежда городского типа, не имеющая этнической специфики, иногда дополняется аксессуарами, придающими облику костюма некоторый национальный колорит.

Второй вариант это сохранившиеся комплексы традиционных

костюмов из домотканых материалов, используемых сегодня в основном фольклорно-этнографическими ансамблями: пестрядинные рубахи с узорными фартуками, вязаные узорные чулки и носки, лапти или галоши, головные полотенца с налобной повязкой, платки, традиционные нагрудные украшения из монет или металлических жетонов. При беседе с пожилыми участницами ансамблей выясняется, что в повседневной жизни они не любят надевать такие наряды, “так как они тяжелые и старинные”. Надевают их, чтобы показать нынешней молодежи облик старинной удмуртской одежды и большую трудоемкость ее изготовления. Выступления таких коллективов молодежь воспринимает с большим одобрением.

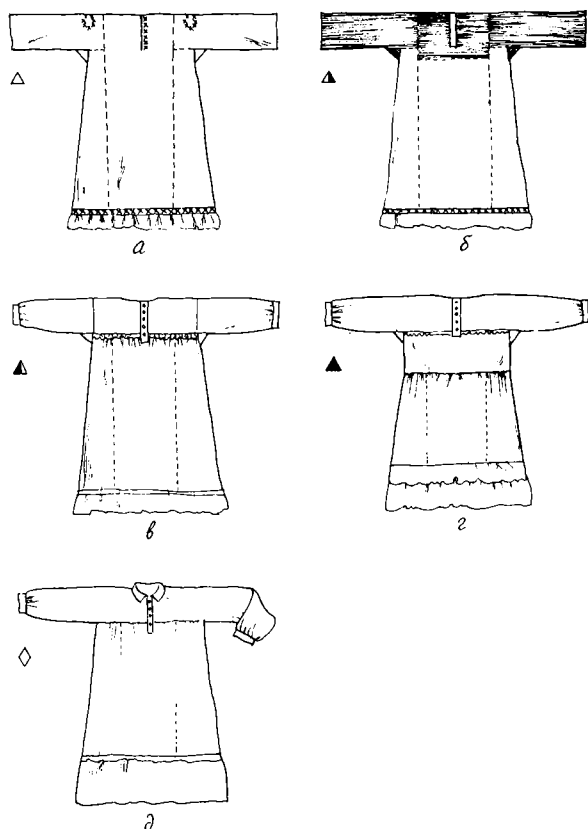

Рис. 12. Покрой туникообразной рубашки южных удмуртов (группа калмез):
 а - рубашка из белой домотканины с вышивкой на груди и рукавах;
 б - рубашка из клетчатой домотканины, грудь и рукава обшиты кумачом;
 в - рубашка из клетчатой домотканины на кокетке, с оборкой, кокетка и рукава - из хлопчатобумажной ткани; г - рубашка присборенная в талии, кокетка из хлопчатобумажной ткани, юбка из домотканины, с двумя оборками;
 д - современная женская рубашка

Рис. 13. Девушки в национальном наряде; д. Варклет-Бодья, Агрызский р-н Татарии, 1986 г. (фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН)

Третий вариант национального костюма - сценический. Творческие поиски по созданию сценического костюма, стилизованного под удмуртский национальный, начались с организацией Государственного ансамбля песни и танца Удмуртской АССР и продолжают до сих пор. Современные костюмы ансамбля "Италмас" в известной мере отражают исторически сложившиеся локальные варианты удмуртских костюмных комплексов. Костюмы ансамбля "Италмас" в свою очередь послужили толчком к дальнейшим поискам и привели к созданию стилизованных сценических костюмов и для наиболее популярных фольклорно-этнографических коллективов: "Чипчирган" (свирель), "Зангари" (василек), "Тюрагай" (жаворонок) и др. (рис. 14). К сожалению, не всем коллективам, в том числе и ансамблю "Италмас", присущи такт и внимание к художественному опыту народа: нередко случаи слишком вольных вариаций на тему народного костюма. Повышению культуры сценического костюма помогло бы издание альбома с эскизами разнообразных вариантов (локальных, половозрастных и пр.) народного костюма с рекомендациями для швейных мастерских.

Современное удмуртское население привыкло к бытующему ныне костюму и далеко не каждый представляет себе облик традиционного народного костюма XIX в. Материалы двух массовых обследований удмуртского населения показывают, что в 1960-70-е гг. знание

Рис. 14. Участники ансамбля "Чипчирган" в ВНР, 1984 г.
(фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН)

национальной одежды удмуртским населением понизилось и в селе, и в городе; бытование его за это время сократилось только в селе. По данным обследований, прослеживается тенденция превращения национального костюма преимущественно в праздничный наряд: численность людей, надевающих его только в будни, сократилась, а доля тех, кто надевает национальный наряд только в праздничных случаях, в селе осталась примерно на том же уровне, а в городе выросла. Особенно это характерно для молодых возрастных групп, которые стали осознавать этническую значимость народной одежды.

В бытовании национального наряда заметны возрастные различия. Они состоят в том, что пожилые женщины носят в основном хлопчатобумажные платья темных расцветок, тогда как девушки предпочитают однотонные шелковые, атласные и т. п. У пожилых женщин это и праздничная, и повседневная одежда, а у девушек праздничная. Национальную одежду носят ныне женщины южных и части центральных районов, в северных районах ее надевают лишь участницы художественной самодеятельности.

Современная одежда удмуртского населения характеризуется в целом сочетанием общесоветских и традиционных этнических черт. В ее развитии наблюдается, с одной стороны, обусловленная массовым промышленным производством тенденция к нивелировке этнических черт, с другой к их сохранению, поддерживаемая реальным бытованием национальной одежды. Сохранение этнического своеобразия одежды в настоящее время все более зависит от сферы

общественного производства, от активности действий в этом направлении специалистов и руководителей⁹. Некоторый опыт по выпуску изделий с этническим своеобразием, накопленный Ижевской фабрикой художественных товаров, районными комбинатами бытового обслуживания (сс. Алнаши, Малая Пурга) заслуживает более широкого распространения. Следовало бы расширить ассортимент и объем выпускаемой продукции с учетом этнокультурных и эстетических потребностей населения. Творческий союз ученых, художников, музейных работников, модельеров мог бы дать эффективные результаты при создании современных моделей одежды, украшений, элементов головных уборов, сценических костюмов, решенных в лучших национальных традициях. В этих целях важно использовать художественно-творческий потенциал и самого народа путем вовлечения людей в различные традиционные кустарно-промысловые занятия и ремесла, посредством организации кооперативов. Тенденция превращения национального костюма в праздничный свидетельствует об осознании его как этнической ценности, этнического символа и предполагает в этом смысле его дальнейшее сохранение.

¹ Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. М., 1951. С. 80-81.

² Лебедева С. Х., Атаманов М. Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом//Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 137.

³ Атаманов М. Г. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов// Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 119.

⁴ Белицер В. Н. Указ. соч. С. 28.

⁵ Лебедева С. Х., Атаманов М. Г. Указ. соч. С. 115.

⁶ Там же.

⁷ Белицер В. Н. Указ. соч. С. 104-105.

⁸ Никитина Г. А., Трофимова Е. Я., Шкляев Г. К. Традиционное и новое в материальной культуре городского населения//Современное городское население Удмуртии. Ижевск, 1986. С. 55-63.

⁹ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и в настоящем. М., 1977. С. 242.

Глава VII. СИСТЕМА ПИТАНИЯ

Система питания этноса складывается на протяжении длительного времени и представляет собой сложную биосоциальную систему, в которой находят отражение особенности природно-экологической среды, хозяйственной деятельности народа, его история, межэтнические взаимодействия.

Пища наиболее стойкий и этнически окрашенный элемент материальной культуры этноса. В системе питания длительное время сохраняются набор основных продуктов питания, способы обработки, хранения продуктов и приготовления блюд из них, состав блюд, периодичность приема пищи, застольный этикет, предпочтения и запреты и др.

Основу традиционного комплекса питания удмуртов составляли зерновые продукты: они входили в большую часть блюд народной кухни в качестве основного или существенного компонента. Ведущая роль принадлежала ржи, ячменю, овсу, полбе, просу, в незначительной степени пшенице. Наиболее любимыми и разнообразными были кушанья из ржи и ячменя.

Зерновые продукты употреблялись после предварительного дробления (рис. 1) в виде крупы (кеньыр) или муки (пызь). Крупу готовили в основном из овса, полбы и проса. Из ячменя делали два вида крупы: путем обдирки - перловую; последующее дробление давало ячневую крупу. Крупы были предпочтительными продуктами в повседневном и праздничном питании. Для приготовления муки использовали рожь, пшеницу и в меньшем объеме - овес и ячмень.

Среди незерновых преобладала репа, которая была полевой культурой. В пищу применяли семена масличных растений льна и конопли. Из семян отжимали масло (кенэм вй, етйн вй); льняным маслом заправляли толченый картофель и овощи. Из конопляного семени, кроме того, готовили начинки для ватрушек, подливки для блинов, сладости. Широко культивировался горох; им заправляли супы, из него варили кисель, формовали колобки, иногда добавляли в кашу. Поджаренный горох (пирсатэм кѳжы, пушкытэм кѳжы) считался лакомством у детей. Много блюд готовилось из овощей: редьки, брюквы, капусты, моркови, хрена, лука.

Рис. 1. Ручная крупорушка (фотоархив УРКМ)

Животноводство было необходимым звеном в крестьянском хозяйстве и выполняло ряд задач, среди которых одна из важнейших — получение продуктов питания. В пищу в основном использовалась говядина, баранина и свинина; редко ели конину, ее употребление носило скорее обрядовый характер. Домашнюю птицу: кур, гусей и уток, в меньшей мере индеек разводили повсеместно. Однако вследствие низкой продуктивности скота мясной и молочный компоненты в рационе питания удмуртов занимали незначительное место и имели сезонный характер — блюда из них готовили, как правило, в осенне-зимний период.

Дни забоя скота превращались в праздник: “Если заколют барана, быка или свинью, то созывают гостей из родных и знакомых, для которых варят по полпуду мяса, а те в свою очередь, считают неременной обязанностью отпотчевать таким же мясом досыта”¹.

После забоя животного в первую очередь в пищу шли внутренности и кровь: субпродукты использовали для приготовления начинки, кровь — для кровяной колбасы, каш, супов и ватрушек. Головы и ноги забитого скота оставляли для поминальных жертвоприношений. Мясо, подлежащее длительному хранению, в замороженном виде держали в амбарах.

Редко употреблялось в пищу коровье молоко и масло. “Отсутствие молока составляет большое место вотского хозяйства”, — писал

И. Смирнов². Масло, как отмечают исследователи, было лакомством из лакомств. Молочные продукты использовались прежде всего в праздничной и обрядовой пище. Молоко редко употреблялось в свежем виде, чаще в квашеном, делать которое удмурты научились, по-видимому, у татар, судя по его названию - арьян (ср. тат. эйрэн). Молоком забеливали постный суп, иногда варили кашу (йöло жүк) для детей.

Более существенное место в удмуртской кухне занимали яйца, в основном куриные, изредка гусиные и индюшινные (последним приписывались лечебные свойства). Яйца ели в вареном виде, запеченными в золе (пыжем курегпуз), готовили яично-молочные смеси с различными добавками: толченым картофелем, луком, мясом, овощами, рыбой, грибами и т. д.

Пищевой рацион разнообразили продукты охоты и рыболовства. Мясо дичи (белки, зайца) в сушеном виде добавляли в супы и каши, запекали целиком в печи. Из свежей рыбы варили уху (чорыг лым), запекали с топленым маслом (пыжем чорыг), в тесте (чорыген нянь). Значительно реже рыбу солили и сушили. Северные удмурты начиняли пирожки икрой и молоками, предварительно отварив и смешав их с яйцом. Рыба также была празднично-ритуальным блюдом, подавалась на свадьбах и поминках.

Добавлением к повседневному и праздничному столу в весенне-летний период были дикорастущие травы, грибы, ягоды, орехи, мед.

Дикорастущие съедобные травы: молодые побеги полевого хвоща, крапиву, осот, дягиль, щавель, борщевик, свербигу, сныть, дикий чеснок и другие - собирали с ранней весны, их ели в свежем виде, использовали для заправки супов и холодных похлебок, начинки ватрушек, пирогов, пельменей. Для заварки чая сушили травы, обладающие приятным запахом и вкусом: душицу, зверобой, иван-чай, смородиновые и малиновые листья. Для этой же цели использовали и ягоды черемухи. Широко употреблялись в пищу главным образом в свежем виде - ягоды малины, земляники, клубники, брусники, костяники. Клюкву и калину замораживали, затем из них готовили кисели, начинки для пирогов. Ягоды черемухи после сушки измельчали в муку, которая шла на приготовление начинки. Съедобные травы и лесные ягоды были в рационе питания в течение короткого периода, в то время как грибы ели практически круглый год. Предпочтение отдавалось груздям, которыми запасались на всю зиму³, высоко ценились белые грибы, рыжики, опята, вязывики.

В удмуртской традиционной кулинарии, помимо непосредственного употребления пищи в сыром виде (травы и ягоды), использовались три способа приготовления блюд: термический, ферментационный и механический. Приготовление пищи посредством

ее тепловой обработки может быть отнесено к разряду древнейших. Удмурты большинство продуктов и растительных, и мясных, и молочных - предварительно варили, томили в русской печи или запекали. Характерной чертой удмуртской кухни было отсутствие такого распространенного у других народов способа приготовления пищи, как жарение. Отсутствие в удмуртском языке соответствующего термина говорит о том, что последний относится к разряду инноваций и привнесен в удмуртскую систему питания в новейшее время.

В удмуртской традиционной кухне существует несколько путей ферментации исходных продуктов. Учитывая большое разнообразие печеных кушаний, к одному из самых распространенных следует отнести приготовление кислого теста. Для получения солода специально проращивали ячмень и овес.

Некоторые продукты подвергались механической обработке, например, дроблению зерно, рубке мясо и овощи. Молоко обрабатывали всеми вышеуказанными способами, но по роли формирования ассортимента на первом месте стоял ферментационный. Этим способом готовили простоквашу (чырс йӧл), варенец (йӧл пыд), пахту (арьян), сметану (нӧкы, йӧл выл); путем механической сепарации сбивали масло (вӧй); в результате термической обработки получали топленое молоко (шунтэм йӧл, парем йӧл), топленое масло (шунтэм вӧй), творог (кокоря, кузятэм).

Из способов консервации продуктов удмуртами использовались сушение, вяление, засолка. Вялили мясо и рыбу, солили грибы, мясо, некоторые овощи.

Старинным способом заготовки мяса впрок была засолка его в желудке зарезанного животного, а также в длинных узких холщовых мешочках, хранившихся в подвешенном состоянии. Такими способами хранили баранину, говядину и гусятину. Иногда мясо крепко просаливали и, нарезав длинными полосками, вывешивали в амбаре, отчего оно постепенно приобретало спиралевидную форму. Сушили и реберные части (куасьтэм урд), в этнографической литературе встречается свидетельство употребления в пищу сушеного и истолченного в порошок гуся⁴. Перед употреблением солонину долго вымачивали в воде. В весенне-летний период ее добавляли в супы, похлебки и каши.

На рубеже XIX-XX вв. система питания удмуртского народа базировалась преимущественно на продуктах растительного происхождения. Продукты животноводства в рационе питания занимали незначительное место, причем в повседневном питании чаще фигурировали яйца, а молочные продукты и мясо были сезонной едой. Низкий уровень развития крестьянских хозяйств, снижение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности

животноводства, недостаток овощей и картофеля прежде всего сказывались на повседневном питании. К тому же полунатуральный характер хозяйства не давал возможности приобретать дополнительные продукты, кроме, пожалуй, соли.

Основой питания подавляющего большинства удмуртских крестьянских семей в течение всего года был хлеб (нянь). Хлеб пекли кислый из ржаной (жэг нянь) или овсяной муки, обычно бессолой, нередко пополам с мякиной⁵. Муку не просеивали, поэтому хлеб получали низкого качества, и он очень быстро черствел. Несмотря на это его ели много при каждой трапезе и почти со всеми блюдами, часто он заменял собой все другие виды пищи. Нередко хлеб заменялся пресными лепешками, которые смазывались сверху простоквашей или тестом, замешанным на крови животного. Признавая первостепенное значение хлеба для своего питания, удмурты говорили: “Нянь бадӟым” (хлеб велик).

Ежедневным блюдом была и похлебка (шyd) с ячменной крупой и горохом, которую нередко для улучшения вкуса заправляли несколькими ложками молока. Довольно часто варили суп с лапшой из кислого теста с горохом (нугылиен шyd), с разнообразными клецками (тукмач, колзо, чумер, лёлёк, шекара). Некоторые горячие супы и особенно уху заправляли взбитыми яйцами. Летом в страдную пору готовили холодные похлебki. Их основой были квас (сюкась), пахта (арьян), простокваша и капустный рассол; чаще всего квас подбивали толокном, иногда в него крошили лук, соленые грибы, борщевик, натирали редьку, заправляли вареным горохом с тертым хреном; рассол и квас заправляли вареной печенью с квашеной капустой; в арьян и простоквашу крошили зеленый лук, подбивали толокном, арьян ели просто с хлебом это была самая распространенная повседневная еда.

Наряду с похлебками, столь же частыми на столе удмурта, как и у всех земледельческих народов, были каши (жук). Обычно их варили на воде, заправляя куском сала, редко на молоке. Иногда в кашу добавляли нарезанный картофель. Широко употребительными были мучные кисели из заквашенной пшеничной, овсяной (кортчал, сезы кисаль), гороховой (кӧжы кисаль) муки; заварихи (сезыпызь, саламат) из толокна.

Картофель получил распространение в Удмуртии лишь на рубеже XIX-XX вв., хорошо вошел в систему питания удмуртского народа и очень скоро стал “вторым хлебом”. Обычно его варили, а затем толкли и заправляли маслом (вӧйын картофка, картофка пунем); разводили кипяченым молоком (картофка кисаль, картофка шyd); запекали с разнообразными добавками - луком, грибами, капустой, яйцом в русской печи; обязательно добавляли в супы, а иногда и в кашу; начинали пироги и ватрушки.

Повседневный стол не обходился без овощей, которые ели в сыром, тушеном, запеченном и сушеном виде. Излюбленным кушаньем была предварительно запеченная, разрезанная на полоски, а затем высушенная репа (паронка). В таком виде она могла храниться довольно долгое время.

Наиболее употребительными повседневными напитками были квас, пахта и чай.

Праздничная и обрядовая пища

Праздничная и обрядовая пища удмуртов состояла как из продуктов, редко бывших в составе повседневного питания масла, молока, мяса, яиц, так и из тех, что составляли его основу хлеб, блины, каша, похлебка.

Обязательными на праздничном столе были хлеб и суп; неслучайно яства на удмуртском языке передаются термином шыд-нянь (букв. суп-хлеб). Хлебные изделия по своему составу, способам приготовления, форме и названиям были чрезвычайно многообразны. Готовили их из разных сортов муки: пшеничной, ржаной, овсяной, ячменной, гречневой и гороховой; из пресного, кислого (сдобного и несдобного) теста. К числу наиболее архаичных, очевидно, относится печенье в форме колобков, коржей, небольших хлебцев, лепешки из кислого ржаного теста (уднянь, гурпельнянь), выпекавшиеся на поду печи или на сковороде (табанянь), а также хлебцы из овсяной муки (комеч, юача). Своеобразны были слоеные хлебные изделия (мушник, чашка нянь, кабартма), в которых варьировалось пресное и кислое тесто разных видов. Хлебные изделия из сдобного теста приготавливались в ограниченном ассортименте. Из высококачественной яровой муки выпекали подарочное печенье (бискыли); существовало выражение “бискыли карыны” то есть преподнести в качестве подарка. Сдобное печенье из кислого теста (тетер и юача) орнаментировались соляными символами. Праздничным угощением северных удмуртов был хворост (вöйын пöзьтэм) фигурные кусочки из тонко раскатанного теста, сваренные в масле; южные удмурты для этой цели готовили сдобные шарики чуть больше лесного ореха, запеченные в жире (шекера). Последние кушанья относятся к разряду заимствований из русской и татарской кулинарии.

Самыми распространенными и любимыми из хлебных изделий, по праву можно назвать кислые лепешки (табань). Табань употребляли с разнообразными подливками: топленным маслом, сметаной, слегка подсоленным творогом, мороженым неснятым молоком, предварительно наструганным, а затем взбитым, охлаж-

денным картофельным пюре, толченым конопляным семенем, летом с ягодами. Табань пекли обычно по утрам в воскресенье, когда вся семья была в сборе или когда в доме были гости.

В составе удмуртских праздничных угощений большим разнообразием отличались хлебные изделия с начинкой, причем значительное место среди них занимали кушанья, приготовленные из пресного теста: блинчики с маслом (мильым), блинчики с кашей (жуко мильым, пуньям), сочни с картофельным пюре и кашей (кыстыбей), ватрушки (перепеч, пересьмон), пирожки в форме полумесяца (кокрок, кукыр, когылы), пельмени и др.

Часть названных блюд может считаться специфически удмуртскими, часть заимствованы из русской (перепечи) и татарской (кыстыбей) кухни, но настолько прочно вошли в систему питания удмуртов, что осознаются ими как национальные.

Блинчики одно из популярных блюд у народов Урало-Поволжья. Их едят с традиционными подливками: топленым маслом, сметаной, медом, ягодами и т. д. Удмуртская кулинария к ним добавила кашу, сваренную на мясном бульоне и перед едой завернутую в блинчик в виде трубочки (жуко мильым). Типологически сходным с ним является кыстыбей кушанье, бытующее у южных удмуртов.

Повсеместно распространенным праздничным кушаньем были ватрушки (перепечи), ими угощали дорогих гостей. Это русское блюдо было заимствовано народами Поволжья, в том числе и удмуртами, и позднее приобрело специфические, присущие каждому из этих народов черты и во многом утратило заимствованные. В приготовлении перепечей сложились локальные различия. Северные и срединные удмурты готовили перепечи диаметром от 5 до 10 см с загнутыми краями, получающимися путем защипывания края сочня, их начинали толченым картофелем, овощами, мясом с яйцом, кровью, съедобными травами, грибами и др. Южные удмурты перепечами называли пресные ватрушки большого размера (примерно с блюдце) и более толстые, наполненные толченым картофелем или кашей. Выпекали перепечи на сковороде перед горячей печью на шестке.

Как правило, вместе с ватрушками стряпали пресные пирожки и пекли их, чередуя друг с другом. Начиняли пирожки такого типа грибами, субпродуктами (скюлэн нянь), травами, крупой, конопляным семенем (шакас нянь или кенэм нянь). Очень популярными были пирожки из пареной брюквы или репы с примесью нетопленого сала (сяртчы нянь, сяртчы кукыр).

Пельмени самое знаменитое из всех блюд удмуртской национальной кухни - имеют, судя по названию (пель - ухо, нянь хлеб) общепермское происхождение⁷. Тесто для пельменей в прошлом

делали из ржаной муки с примесью пшеничной, без яиц. Начинка состояла из трех видов мяса: говядины, свинины и баранины с большим количеством лука, но без перца и приправ. В приготовлении пельменей наблюдались локальные различия: северные удмурты для праздничного стола лепили их небольшой величины, южные довольно большого размера, более напоминающие небольшие пирожки. Пельмени ели с крепким мясным бульоном. Для удмуртской кухни характерно также употребление в качестве начинки для пельменей творога, рыбы, редьки, свежей и квашеной капусты, грибов, крапивы и других трав. В большом количестве пельмени готовили зимой.

Ассортимент праздничного печенья из кислого теста был значительно уже, чем из пресного. Помимо упомянутых лепешек табань удмуртская традиционная кухня включала пироги и пирожки различной формы и величины (кутэм нянь) из ржаного и пшеничного теста с начинкой внутри и поверх пирога. Пироги стряпали довольно большого размера; прямоугольную форму придавали рыбному пирогу (чорыген нянь) и пирогу с калиной (шуэн нянь). Для рыбного пирога начинка готовилась двумя способами: свежая потрошенная, но с чешуей рыба запекалась целиком без предварительной тепловой обработки (по-видимому, это наиболее архаичный способ приготовления рыбного пирога); рыба заранее отваривалась до полуготовности, а затем запекалась с добавлением лука. Начинка калинового пирога состояла из запаренного солода с калиной, пирог получался сладковатым на вкус.

Пирожки отличались большим разнообразием начинок. Их готовили из крупы, мяса, ливера, яиц, рыбы, лука, дикорастущих трав, овощей.

У северных удмуртов нередко были шаньги (шаньга) из пресного и кислого теста, начиненные картофельным пюре, пшенной кашей или сметаной.

Скромнее в праздничном меню были представлены похлебки и горячие блюда. Варили много мяса, на бульоне готовили суп или кашу. Самым почетным гостям подавали суп, сваренный на гусяном бульоне (быдэс шьд). Накануне праздника в печь ставили жирный суп с мясом и картофелем (гуре пуктэм).

Праздничным блюдом считались яичные лепешки (курэгпуз табань), в которые иногда добавляли мелко нарубленную капусту и шкварки. У южных и центральных удмуртов распространены были сваренные вкрутую яйца, политые топленным маслом (кукей пилем или вйын курэгпуз).

В удмуртской национальной кухне сладости занимали, пожалуй, самое незначительное место. Продукты для них изыскивались в собственном хозяйстве: брюква, репа, свекла, конопля. Из ячменя

и овса готовили солод (ҷужьем), который применялся для приготовления сусла, которое входило важнейшим компонентом в такие своеобразные удмуртские сладкие блюда как честа и кенэм пӧзьтэм.

Непременным атрибутом гостевого стола считался мед, его ели с хлебом маленькими ложечками (чечы пуньы). С медом ели свежие ягоды: малину, землянику и др., традиционные лепешки - табань; подслащали начинку для пирога с калиной. Из меда также готовили медовый напиток (мусур). Среди удмуртов существовал обычай приглашать на первый мед родственников и соседей.

Праздничными напитками были слабоалкогольные пиво (сур) и самогон (кумышка, аракы), безалкогольный варсь (сусло). Помимо солода для приготовления пива применялся и хмель.

Видное место пища занимала в обрядовой жизни удмуртского народа практически во всех ритуальных действиях одним из основных моментов были различные манипуляции с пищей и пищевыми продуктами: возлияние, зарывание в землю, воскурение, сжигание. Обязательным было коллективное поедание жертвенной пищи (рис. 2).

Рис. 2. Ритуальная еда во время обряда "Ныл кураьскон"; д. Варклет-Бодья, Агрызский р-н Татарии (фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УРО РАН)

Самыми обильными были свадебные яства: рыбный пирог, лепешки, блины, перепечи, пельмени, каша, масло, кумышка и т. д. На стол выставлялся гусь, не предназначенный, правда, для еды, так как он был только слегка обварен.

Поминальная трапеза включала в себя похлебку из птичьего мяса, мясные пирожки, блины, яичные лепешки, пирожки с яйцом и творогом, с конопляной сбиной (лөпкытэм), ватрушки, намазанные сверху картофельным пюре.

В обрядах календарного цикла в качестве ритуальных выступали каша, мясо, яйца, кроме того, на празднике Квар-Мудор (куар сур) (конец июня - начало июля) варили кровяную колбасу (виртырем).

• Благодаря сравнительно компактному расселению удмуртов, у них сложилась более или менее единая система питания. Тем не менее еще дореволюционные исследователи отметили территориальные различия в пище и питании народа, в значительной мере сохранившиеся и поныне.

Локальные различия наблюдались в составе блюд и способах их приготовления. Южные удмурты, например, к кислым лепешкам табань готовили мучную подливку (зырет), заваренную на парном молоке со взбитыми яйцами. Перед едой зырет намазывали на горячую лепешку и разрезали ее на четыре части. Северным удмуртам эта подливка неизвестна. Они намазывали лепешки сырым взбитым яйцом с зеленым луком (курепузэн табань), а затем запекали. Табань ели с солеными грибами, запивали медом или кумышкой. Ареал бытования кровяной колбасы был ограничен территорией расселения южной и отчасти центральной группы удмуртов. Узколокальный характер имело и распространение блюд, заимствованных из народной кулинарии народов Урало-Поволжья. Блюда русской кухни чаще встречались у северных удмуртов, татарская и марийская оказали большее влияние на кухню южных удмуртов. Удмуртская традиционная кухня активно включала в праздничное и повседневное питание блюда, близкие ей по способам приготовления, исходным продуктам, вкусовым свойствам, то есть относилась к заимствованиям избирательно в соответствии с устоявшимися стереотипами национальной кулинарии.

Северные удмурты готовили русскую саламату, кутью, разборный пирог, горошницу; южные варили супы с различного вида клецками, пекли марийские перепечи, татарские лепешки куймак.

Удмуртский народ создал достаточно богатую и разнообразную кухню, в состав которой входили собственно удмуртские блюда, а также блюда, однотипные с кушаньями соседних народов, но имеющие национальное своеобразие.

С развитием капиталистических отношений, усилением социальной дифференциации удмуртской деревни в конце XIX начале XX в. характер питания народа, его качественные и количественные показатели стали далеко не однородными. Малоимущие крестьяне, составлявшие около половины крестьянских хозяйств, испытывали постоянную нехватку в продуктах питания: "Питание бедняка

составляет исключительно растительная пища, а чаще сухой хлеб''⁸, которого хватало обычно только до весны. Особенно тяжелым было положение беднейших слоев крестьянства в неурожайные годы (например, с 1890 по 1905 г. 10 лет были неурожайными) и в период войн. В пищу шли разнообразные заменители: лебеда, картофельная кожура и т. д., в питании резко возрастала доля дикорастущих съедобных трав. В то же время зажиточные крестьяне имели в закромах ''муки и жита на сотню другую рублей..., да скота достаточное количество''⁹ и могли себе позволить усиленное питание, особенно в страдную пору.

Только в праздники и для обрядовых целей готовилось обильное угощение, тем самым удмурты стремились показать не только свой достаток, но и умение радушно принимать гостей.

В советское время продовольственная проблема была одной из наиболее сложных. Периоды некоторого улучшения народного питания (НЭП, конец 30-х, середина 50-х - начало 60-х гг.) сменялись периодами дестабилизации, вершинами которых были массовый голод 1922, 1932 гг. С особой остротой продовольственная проблема встала в стране с середины 1970-х гг. Принятая на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная на период до 1990 г., желаемых результатов не принесла. Более того, продовольственная проблема и сейчас остается самой болевой точкой в жизни общества.

Тем не менее происшедшие в народном питании улучшения нельзя не отметить. Традиционная удмуртская кухня претерпела значительные перемены в составе блюд, в технологии их приготовления, многие блюда из праздничных стали повседневными, увеличилось количество и качество потребляемой пищи, повысилась ее калорийность. Произошло обогащение удмуртской кухни за счет заимствований. Вместе с тем в структуре питания и городского, и сельского населения доля зерновых продуктов явно преобладает, мало овощей и фруктов, население испытывает нехватку в продуктах животноводства. Поэтому говорить о рациональном и сбалансированном питании пока рано. Проблематичным остается и вопрос выравнивания уровней потребления у разных социальных групп населения.

Несмотря на происшедшие изменения в системе питания удмуртов, традиционные продукты и блюда не утратили своего значения и продолжают широко бытовать как в среде сельского, так и городского населения. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют данные, полученные в результате массовых обследований. Употребление национальных блюд не только не сократилось, но даже возросло, особенно в городе: национальные блюда в начале 80-х гг. готовили более 80% удмуртов-горожан; в

сельской местности национальные кушанья потребляли практически в каждой семье.

Современная система питания удмуртов стала более динамичной, наиболее архаичные ее черты постепенно утрачиваются, одновременно усваиваются новые интернационализированные. Все это, однако, не мешает довольно стойкому сохранению этнического своеобразия в народном питании. Система питания удмуртского народа, безусловно, будет претерпевать и дальнейшие изменения, но процесс этот будет не таким быстрым, как, например, в жилище или одежде. Устоявшиеся традиционные вкусы и предпочтения еще долгое время будут определять национальную кухню.

Кухонная утварь

Для хранения, приготовления и приема пищи удмурты изготавливали кухонную посуду и инвентарь, количество которого прямо зависело от социально-экономического положения семьи. Археологические данные свидетельствуют о наличии у предков удмуртов кухонной утвари из кости, различных металлов, глины и дерева. Деревянная посуда изготавливалась чаще из древесины липы и березы, а также из корневищ, лыка, бересты, коры, наростов на березе чаги. Гончарные изделия первоначально лепились ручным способом, а с появлением во второй половине II тыс. н. э. гончарного круга стало возможным изготовление красивой и прочной керамической посуды: горшков, больших корчаг, различных размеров чаш и блюд¹⁰.

Стеклянная посуда у удмуртов получила распространение после строительства Сюгинского стеклозавода, который в 1845 г. начал выпуск бутылей, графинов, стаканов и другой бытовой посуды.

В XIX в. для приготовления пищи использовалась в основном керамическая, деревянная, реже чугунная посуда и инвентарь. Последние, по-видимому, стали применяться удмуртами под влиянием татар и русских.

Наиболее многочисленной была деревянная посуда (рис. 3): тарелки (пу тэркы), миски (пу тусьты), ковши для пива (сур кобы) и др. Из дерева делали долбленную и бондарную утварь: деревянные кадки (чан, вышкы), использовавшиеся при засолке капусты и при приготовлении кваса; пудовки для хранения муки, сита (пуж) для просеивания муки, днище которых делали из проволоки или конского волоса; квашни (нянь шумес) для замешивания теста и т. д. Масло сбивали в узкой долбленной кадушке высотой около 1 м со стержнем внутри, на конце которого был кружок с отверстиями или крестовиной (арьян вышкы). Для рубки капусты и мяса использовали

деревянное корыто (тусь). Для ручной обдирки зерна, производства крупы и толчения конопляного семени применялась ступа (гыр).

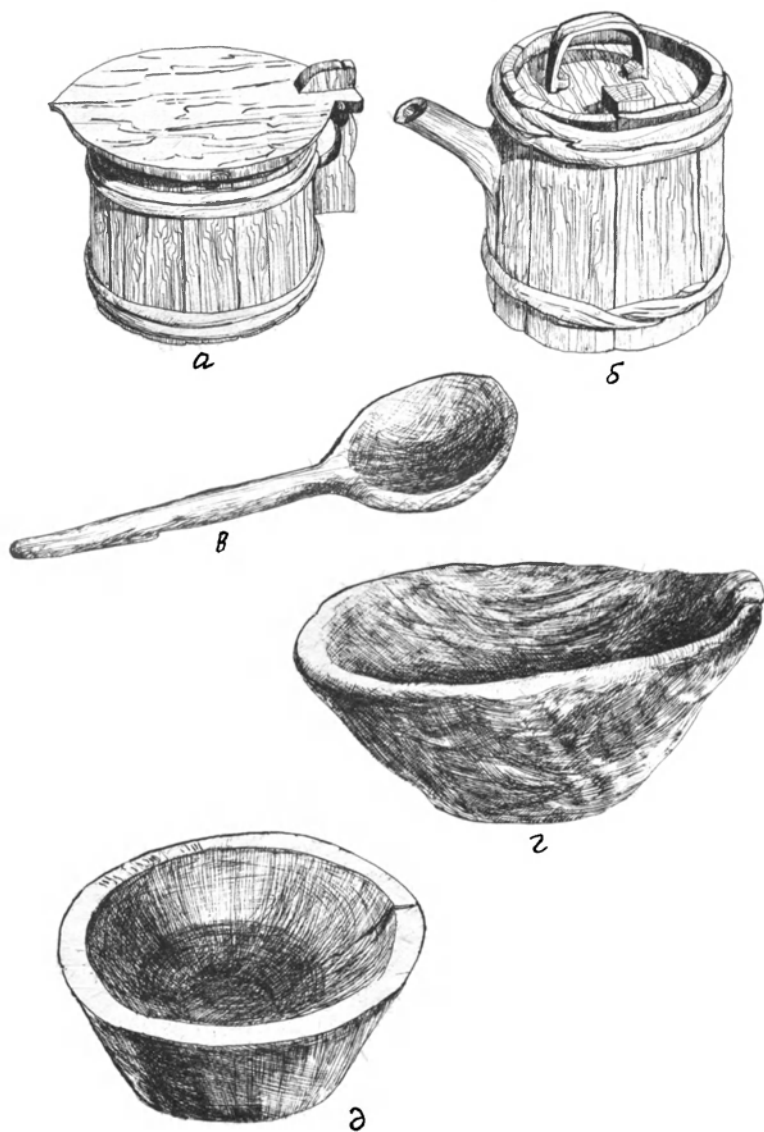

Рис. 3. Деревянная утварь:

а жбан; б кадка с носиком; в - ковш для пельменей; г - чашка долбленая;
д чашка точеная (фотоархив УРКМ)

Полки для хранения посуды (жажы) также изготавливали из дерева, лужарницы сплетали из ивовых прутьев или липового лыка.

Готовые горячие кушанья подавали на стол, как правило, в глиняной миске (сюй тусьты) довольно больших размеров, так как из них ела вся семья. Похлебки, каши, селянки и некоторые другие блюда готовились в глиняных горшках и мисках; глиняной была и корчага для приготовления пива и сусли; в глиняных сосудах держали квас, хранили в погребе молоко, сметану, масло (рис. 4).

Рис. 4. Изготовление глиняных горшков на гончарном круге (фотоархив УРКМ)

Для выпечки перепечей, лепешек, пресных пирожков, блинчиков использовали чугунные сковородки (таба). Пироги и пирожки из кислого теста сажали в русскую печь на противне (корт). Важную роль в приготовлении пищи у южных удмуртов играл вмазанный в печь котел (пурты). Среди металлического инвентаря в каждой семье имелись ухват (укват) и сковородник (табапуд) приспособление для вынимания сковороды. Нередки были чугунные горшки и самовары, получившие распространение среди удмуртов, как и среди других народов Приуралья и Поволжья, во второй половине XIX в. Большая часть кухонной утвари и посуды удмуртов (за исключением металлической) была самодельной или представляла продукцию местных промыслов.

На рубеже XIX-XX вв. постепенно стал увеличиваться удельный вес посуды фабрично-заводского изготовления. Зажиточные удмурты

все больше стали приобретать металлическую посуду: кружки, ковши, ложки, кастрюли; изредка можно было встретить фаянсовую посуду: заварочные чайники, чашки. Наличие такой посуды уже само по себе говорило о зажиточности хозяев.

Вышеописанный кухонный инвентарь и посуда оставались практически без изменений до середины 1950-х гг. С повышением материального благосостояния народа в быт стали проникать новые приборы и кухонный инвентарь; началось стирание различий между городской и деревенской утварью. Самодельная утварь повсеместно вытеснялась изделиями промышленного производства, появилась алюминиевая, эмалированная, фарфоровая, стеклянная, пластмассовая посуда.

Массовые обследования показали, что еще в конце 1960-х гг. в повседневном быту половина сельских удмуртов в той или иной степени применяла традиционную утварь, в настоящее время таковых осталось немного, особенно в городе. Имеющиеся в распоряжении горожан немногочисленные предметы традиционной утвари совершенно не применяются для практических целей, а просто хранятся. У сельских жителей по-прежнему остались в обиходе пахталки, чугунные горшки и инвентарь, используемый для приготовления пищи в русской печи. Сохранению традиционной обстановки и утвари способствует проживание в домах сельского типа.

Весьма незначительное место в быту современного удмуртского населения занимают промышленные и кустарные изделия, изготовленные в национальном стиле. К тому же лица, обладающие некоторым набором таких предметов, большей частью не воспринимают их как этнические ценности, лишь немногие стремятся использовать в своем обиходе изделия народных промыслов.

¹ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб, 1886. С. 12.

² Смирнов И. Н. Вотяки//ИОАИЭ. Казань, 1890. Т. 8. Вып. 2. С. 116.

³ Бехтерев В. М. Вотяки. Их история и современное состояние//Вестник Европы. 1880. № 8. С. 351.

⁴ Герцен А. И. Вотяки и черемисы//Труды НОИВК. Ижевск, 1927. Вып. 3. С. 38.

⁵ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 8

⁶ Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1855. С. 61.

⁷ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 332.

⁸ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда//Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 г. Вятка, 1895. С. 100.

⁹ Там же.

¹⁰ *Иванова М. Г.* Хозяйство северных удмуртов в конце IX начале XIII в.
//Северные удмурты в начале II тыс. н. э. Ижевск, 1979. С. 59.

Глава VIII. ОБЩИНА

Под терминами сельская (земледельческая, соседская, поземельная, территориальная, деревенская) община, земельное общество, мир в принципе имеется в виду одно и то же явление: исторически сложившаяся в крестьянстве форма совместного землепользования и самоуправления. Терминологические различия обусловлены средой, в которой использовалось это понятие: так, община - термин скорее научно-публицистический, литературный; крестьяне чаще употребляли слова общество, мир¹.

В законодательстве 60-х гг. XIX в. появляется термин сельское общество, под которым подразумевалось низовое звено в общегосударственной системе административного управления крестьянством. Так как законодательство предполагало слияние поземельных и административных единиц, понятия сельское общество и община отождествлялись. Однако сельское общество как административная единица не подменило поземельной общины, которая продолжала действовать и развиваться. Поэтому выражение сельское общество, употребляемое в официальных документах постановлениях, приговорах, наказах, судебных бумагах и т. д., в каждом конкретном случае могло означать поземельную или административную единицу, а если они территориально совпадали и то, и другое вместе.

В советское время Земельным кодексом 1922 г. было введено понятие "земельное общество".

Удмуртская община (бускель), подобно мирским организациям крестьянства России, представляла собой сложный хозяйственный и общественный организм, оказывавший сильное влияние на весь уклад крестьянской жизни от хозяйственной деятельности до семейно-бытовых отношений, являлась организацией, в которой происходило удовлетворение не только материальных, но и духовных потребностей общинников. Как социальное образование община на протяжении длительных исторических периодов обладала ярко выраженной функцией воспроизводства традиций, этнической культуры и играла большую роль в этностабилизирующих процессах.

Единицей территориальной организации общины являлся населенный пункт. Сравнение числа общин и населенных пунктов в

Удмуртии второй половины XIX в. показывает повсеместное преобладание количества селений над количеством общин, что свидетельствует о многоселенном составе пореформенных мирских организаций (табл. 1).

Таблица 1

Количество общин и селений на территории Удмуртии (1877-1878 гг.)

Уезды	Количество общин	Количество селений
Глазовский	267	2757
Малмыжский	247	879
Сарапульский	453	833
Елабужский	265	466

Источник: Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1885. Вып. 6. С. 12, 14, 20, 22.

Многодеревенский состав общин объяснялся тем, что население каждой отдельной общины с течением времени увеличивалось, и окультуренная площадь вблизи деревни становилась тесной, не удовлетворяющей потребности всех общинников в земле. Дальнейшее расширение площади обрабатываемой земли приводило к дальнотелью, создавало неудобства в обработке, удобрении полос, поэтому отдельные группы крестьян выезжали на окраины разработанных земель и основывали "дочернее" селение.

Складыванию сложных общин в определенной мере способствовали и общинные традиции: крестьяне считали, что раз деревни в основном состоят из родственников, то родственные выселки не могут быть отделены от материнского поселения, что все члены общины имеют равные права на пользование общинными угодьями.

Не следует сбрасывать со счетов и Генеральное межевание 1804-1835 гг., когда землемеры, не затрудняя себя обмежеванием земельных владений каждой деревни, объединяли земли нескольких общин в одну окружную межу, что также могло привести к их укрупнению.

Сложные общины для правильного распределения общинных угодий периодически устраивали земельные переделы. Землю сначала делили на участки по качеству почвы, которые распределялись между деревнями, затем уже каждое селение самостоятельно производило раздел земли между своими общинниками. Иногда вместо общего передела община ограничивалась тем, что селения, имевшие "лишнюю" землю, т. е. больше, чем следовало по числу душ мужского пола, передавали ее другим селениям, у которых земли

не хватало. В результате деревни вступали друг с другом в сложные отношения, но принцип деревенского “владения” оставался неизменным, передача земли от одной деревни другой носила условно-правовой характер, и каждая деревня сохраняла “право” на “свою” землю.

Во второй половине XIX в. среди сложных общин намечается тенденция к структурному упрощению. Начавшееся расслоение общины, малоземелье, а как следствие этого - споры и тяжбы между деревнями, не могли не повлиять на настроения крестьян, не вызвать стремления отмежеваться в самостоятельные поземельные единицы. Об этом свидетельствуют многочисленные приговоры о разделе сельских обществ. Так как на территории Удмуртии сельские общества в основном совпадали с поземельными общинами (например, в Глазовском уезде 267 общин входили в состав 266 сельских обществ), разделение сельских обществ приводило и к структурному упрощению сложных общин.

Во второй половине XVII-XVIII вв. у северных удмуртов существовали сложные общины (доли), которые одновременно являлись и административно-территориальными единицами. Все домохозяева, входившие в состав той или иной доли, собирались на “мирской совет” для разверстки причитавшейся с доли налога, выбора мирских должностных лиц, толмачей (переводчиков), ходоков по общественным делам и т. д.

У южных удмуртов общины входили в состав сотен, которые использовались Российским государством в качестве низшей административно-фискальной единицы. В сотнях ясачные земли были закреплены в наследственном владении крестьянских общин и находились под неукоснительным общинным контролем². Для русского населения края единицей административно-территориального деления была волость. В 1797 г. проведением волостной реформы все старые административно-территориальные единицы были ликвидированы и введены единообразные для всей России волости. Волость второй половины XIX в. это высшая административная единица местного крестьянского управления, в состав которой входили сельские общества, обычно принадлежавшие общему церковному приходу.

С первой половины XIX в. началось массовое проникновение русских внутрь компактных зон расселения удмуртских крестьян, что объяснялось естественным перераспределением населения между районами, ощущавшими земельную тесноту, и районами, где земли, пригодной для обработки, было еще достаточно. Русские селились как на “свободных”, незанятых местах, так и в удмуртских селениях. К появлению “чужаков” в своих общинах удмурты относились отрицательно и нередко покидали обжитые места, образовывали

новые поселения. Иногда этнический состав прежде удмуртских поселений полностью менялся, и память о прежнем населении сохранялась только в удмуртских наименованиях. Во второй половине XIX начале XX в. сокращение свободных земель привело к быстрому росту количества селений со смешанным населением. К тому же налоговая политика правительства вынуждала удмуртские общины принимать русских переселенцев на место выбывших тяглых дворов, что облегчало раскладку и уплату налогов. Переселенцы селились в удмуртских общинах в качестве половников и припущенников, арендовали земли у бедноты, пользовались наделами умерших. С 1871 г. самовольных переселенцев стали причислять к селениям, где они проживали, даже без приемных приговоров сельских сходов. Кроме русских, в отдельных удмуртских общинах проживали татары, марийцы, башкиры (на юге), бесермяне, пермяки (на севере).

Соседское расселение представителей различных этнических групп в пределах одних общин способствовало расширению их взаимосвязей, усилению взаимодействия материальной и духовной культуры, что в целом имело прогрессивное значение для развития производительных сил края. В процессе взаимовлияния доминирующее значение принадлежало русскому народу в силу его более высокой степени экономического развития и социальной организации, но, несомненно, происходил также процесс обратного воздействия. С течением времени под влиянием общих хозяйственно-экономических и социально-бытовых явлений, складывавшихся в этнически неоднородных общинах, происходила переориентация в стереотипах группового опыта, которая была тем глубже, чем длительнее представители различных народов жили бок о бок.

Внутренняя организация удмуртских общин продолжала сохранять некоторое своеобразие (частые сроки переделов земли, жесткая общинная регламентация сельскохозяйственных работ, подчинение авторитету сельского схода и т. д.). Из-за некоторого отставания в социально-экономическом развитии удмурты были более привержены общинным порядкам. Как писал И. Н. Смирнов, “вотяк весь в семье и общине и почти не имеет личной инициативы”³.

Структура общественного управления удмуртских общин включала в себя сельский сход и выборный крестьянский аппарат в составе сельского старосты, сборщика податей, сотских и десятских, смотрителей хлебозапасных амбаров, пожарного старосты и др. Сельский сход в удмуртской общине назывался кенеш. Проблема его происхождения, а равно и термина остается пока малоисследованной. Судя по материалам дискуссии 1965 г., историки К. И. Шибанов, А. Н. Вахрушев, В. Максимов были склонны относить происхождение кенеша к родовому строю, когда он

обозначал совет старейшин, с возникновением же эксплуататорского общества кенеш сохранил свою демократическую оболочку как собрание домохозяев-общинников, но изменил содержание и превратился в орган господства зажиточных крестьян над массой рядовых общинников. В. Е. Майер считал, что было бы неверно относить возникновение кенеша ко времени родового строя: "У всех европейских народов подобные общинные сходы возникли вместе с земледельческими общинами, то есть в момент разложения родового строя. Укреплялись они в период преобладания общины-марки и приспособлялись к условиям феодального строя. Так, бесспорно, происходил процесс развития кенеша и у удмуртов"⁴.

Согласно данным лингвистики, многие лексические единицы, характеризующие хозяйственную и бытовую деятельность, социально-экономические отношения удмуртов конца I начала II тыс., проникли в древнеудмуртский язык в период интенсивных булгаро-удмуртских контактов (VIII-XIII вв.). Среди таких слов были и бускель (сосед, отсюда соседская община), веме (помощь, коллективная помощь), кенеш (сходка, совет, собрание)⁵. В исторической науке Волжская Булгария считается раннефеодальным образованием, археологические материалы и сохранившиеся предания позволяют предполагать, что и у древних удмуртов в этот период начался процесс разложения родового строя, но в силу неблагоприятной социально-политической ситуации в крае в начале II тыс., процесс этот затянулся, не успев завершиться, раннефеодальные отношения не приобрели законченных форм. Так или иначе, есть основания считать кенеш порождением соседской общины и относить его возникновение к периоду разложения родового строя, становления раннефеодальных отношений. С присоединением к России удмуртский мир был включен в общefeодальную систему государства, социальный строй удмуртов своеобразно трансформировался: развитые феодальные отношения наложались как бы сверху на структурообразующие единицы иного социально-экономического порядка, в том числе на неразвитые, незавершенные раннефеодальные. К таким единицам можно отнести и кенеш.

В XIX в. на обсуждение кенеша выносились самые различные вопросы: поземельные и хозяйственные, благотворительные и страховые, податные, административно-управленческие, воспитательные и судебно-полицейские, культурно-бытовые и религиозные. Вовлечение крестьянского населения в орбиту капитализма вызвало появление качественно новых вопросов, обсуждавшихся на сходе: о деловых связях с Вятским отделением Государственного банка, введении многополья, сдаче в аренду общественных (или паевых) мельниц, маслобоек, крупорушек, необходимости обучения детей грамоте, отведении площадей под торжки, базары, ярмарки и т. д.

Подобные приговоры яркий пример приспособляемости общинного института к новым социально-экономическим условиям пореформенного времени.

Текущее, повседневное управление общиной проводилось преимущественно через поселенные сходы, а общий сход (всей общины или сельского общества) собирался главным образом для решения административно-фискальных дел.

Вопросы на сходе решались на основании норм обычного права, по сложившемуся обычаю (сям). Решения кенеша носили обязательный характер; как писал В. М. Бехтерев, “решение схода всеми исполняется обязательно, и нарушитель становится предметом общего презрения и получает прозвище “куштон”, то есть негодный человек для общества”⁶.

“На сход созывались домохозяева общины, владевшие земельным наделом, безземельные общинники на сход приглашались не всегда и при обсуждении поземельных вопросов не имели никакого голоса. Присутствие женщин на сходах было редким, они допускались на собрания, если просили о собственном деле, например, о наследстве, или заменяли домохозяина, когда на сходах обсуждался вопрос с раскладке повинностей или уплате недоимок. Новый член общества получал право голоса, если “садился на полосу”, т. е. получал земельный надел и становился домохозяином.

Общественное самоуправление опиралось на дисциплинированность общинников. Домохозяева, уходившие на заработки за пределы общины, были обязаны оставлять вместо себя замену (взрослого сына, зятя, брата, иногда - жену, соседа), о которой докладывали старосте (тöро, гурт йыр) - буквально деревенский голова).

Порядок рассмотрения вопросов на сходе зависел от степени их важности и заинтересованности общинников. Решение схода принималось большинством голосов и входило в силу, если за него проголосовало не менее $\frac{2}{3}$ домохозяев. Собрание заканчивалось вынесением письменного решения общинной сходки мирского приговора. Приговоры поселенных сходов имели силу только на территории конкретной деревни. В некоторых общинах письменные приговоры составлялись только в тех случаях, когда их следовало представить в вышестоящую инстанцию.

Периодичность созыва схода определялась необходимостью и регулировалась циклом сельскохозяйственных работ. Наиболее активно мирская жизнь проходила между ноябрем и апрелем, а в июле - октябре сходы собирались только в неотложных случаях.

В общинном быту особое место занимали старики наиболее авторитетные пожилые домохозяева, умудренные опытом жизни, чей производственный авторитет и социальная значимость объяснялись традиционностью всего уклада деревенской жизни, ролью обычая в

миру и т. д. В период капитализма значение "совета стариков" как неформального общинного органа значительно понизилось, роль стариков отходила на задний план, более весомым становился голос имущественной верхушки. Так углублявшееся социальное расслоение деревни непосредственно отражалось в формировании выборных крестьянских органов, в их действиях. Солидарность в решении мирских проблем постепенно вытеснялась диктаторством кулаческой прослойки, на сходах участились случаи принятия решений, не получавших поддержки со стороны рядовых крестьян-домохозяев. Кенеш становился ареной борьбы двух противоборствующих начал: общинного и частнособственнического.

Исполнение мирских приговоров возлагалось на всех членов общины, но в первую очередь за претворение их в жизнь отвечал выборный аппарат общественного управления во главе со старостой. Староста избирался сроком на три года на сходе домохозяев сельского общества. Эту должность, как правило, занимали зажиточные домохозяева, крестьяне-бедняки почти никогда не выбирались: имел место негласный имущественный ценз. Староста был главным организатором созыва схода, он утверждал повестку дня, разбирал крестьянские прошения, вершил полюбовное примирение, участвовал в мирском суде, следил за состоянием дорог, полевых изгородей и т. д. Он был также постоянным представителем мира при решении спорных земельных дел, но самой главной его обязанностью являлся контроль за поступлением мирской казны.

За исправный сбор государственных поборов отвечал сборщик податей (выт октябрь), избиравшийся на один год. Из всего состава сельского управления только староста и сборщик податей получали денежное вознаграждение, размер которого определялся сельским сходом.

За соблюдение порядка в общинах отвечали десятские и сотские (десятник, сотник). Представители этих должностей обязаны были осуществлять полицейский надзор в деревнях, ловить "беглых", воров и разбойников, искоренять "колдовство" и т. п.

За исправностью пожарных инструментов в общине следил пожарный староста, сохранностью леса в податном лесном участке лесной сторож, поступлением хлебных взносов в общественные амбары - смотритель хлебозапасных амбаров. Мельников, пастухов, церковных сторожей община, как правило, нанимала за плату из своих же однодеревенцев или посторонних.

В целом в действиях представителей общественного управления отражалась роль сельской общины как организующего начала всей деревенской жизни. Сельский сход, мирские должностные лица, формальные и неформальные лидеры общины являлись выразителями общественного мнения, блюстителями обычно-правовых основ

общинной жизни и в стабилизирующих процессах жизни удмуртского этноса играли немаловажную роль.

Удмуртская община, как и любая другая, представляла собой чрезвычайно сложное образование. Внутри нее складывались разные малые группы: более узкие соседские общности; родственные группы, выходящие за пределы семьи; межсемейные неродственные объединения на хозяйственной основе; возрастные, половозрастные и др. Семейно-родственную структуру удмуртских общин пореформенного периода составляли малые нуклеарные и большие неразделенные семьи, объединявшиеся в патронимии. Среди больших семей встречались иногда "гигантские" по численности, как, например, семья С. Тимофеева из с. Сосновки Сарапульского уезда, состоявшая из 71 человека и включавшая 19 брачных пар⁷.

Г. Е. Верещагин писал, что разделившимся родственникам "обычай велит селиться и жить рядом друг с другом, составляя как бы отдельное от подобных же им соседей общество"⁸, т. е. патронимию. Патронимические объединения второй половины XIX в. продолжали сохранять внутри себя элементы хозяйственной, общественной и идеологической общности. Внешним признаком таких групп родственных семей являлись патронимические названия (у северных удмуртов бече, центральных иськавын, южных - бōляк) и сохранение отдельных улиц и концов в поселении (пал). Нередки были случаи выселения в починки группами родственных семей, таким образом появлялись поселения, совпадавшие с патронимией.

Патронимические объединения удмуртов в XIX в. не являлись собственниками четко отмежеванных земель. При выделе из отцовской земли каждый новый двор заводил собственное хозяйство и пользовался общинными угодьями как самостоятельная податная и тяглая единица. Существование категории "бōлячных полей", которыми пользовались группы родственных семей из поколения в поколение и которые не подлежали переделам, оставаясь достоянием соответствующей группы хозяев, по-видимому, было обусловлено рядом причин. Чаше всего "бōлячными" оказывались угодья, образовавшиеся в результате расчистки леса, осушения болот и т. п., производившихся группой родственных семейств, которые вследствие этого считались "владельцами" новых участков. Возможно, "бōлячные" поля являлись и отголоском долевого землевладения, которое в северных уездах Удмуртии в свое время обуславливалось хозяйственными соображениями (трудности расчистки земель на начальном этапе освоения края) и традициями земельных отношений на русском Поморье, оказывавшими влияние на северные земли Вятской губернии.

Для патронимических группировок было свойственно родственное самосознание и тяготение, выражавшееся в различной форме, вплоть

до практикуемой хозяйственной взаимопомощи. По мере разрастания и сегментации семей непосредственные связи сородичей становились все более слабыми, но формы религиозно-культурных и семейно-обрядовых связей по-прежнему сохранялись и проступали даже более отчетливо.

Хозяйственная деятельность удмуртской общины осуществлялась на основе общинного землепользования, сущность которого, как известно, заключалась в том, что право собственности принадлежало не отдельной крестьянской семье, а всей общине, которая при распределении земли между своими членами руководствовалась принципами уравнительного землепользования, учитывая изменения в численности отдельных крестьянских семей, наличие мужской рабочей силы, семейные разделы и т. п. Уравнительное землепользование достигалось путем проведения переделов, которые могли быть частными (в разверстку поступала лишь часть общинной земли, переделываемой между небольшим числом домохозяев) и коренными, общими (в передел поступала вся общинная земля, а в разверстке участвовали все домохозяева). Раздел уравниненных участков проводился обычно по жребию. Переделы были неизбежно связаны с чересполосицей, так как наделы отдельных домохозяев оказывались на нескольких участках, а также дальнеполосицей, когда земля зачастую находилась за несколько верст от места жительства..

Первые известные факты переделов земли по ревизским душам среди удмуртов относятся к 70-м годам XVIII в., а широко внедряться в крестьянскую жизнь они, по-видимому, стали в первой половине XIX столетия⁹. Материалы пореформенного периода свидетельствуют уже о достаточно четко выраженном и отработанном механизме уравнительных переделов. Переделам подвергались пахотные земли, сенокосы, в общинах, имевших мало леса, переделывались и лесные участки. Усадьбы места по своему положению приближались к “частному” владению и переделам не подвергались. В некоторых общинах из передельного фонда исключались “бöлячные” земли и удобренные полосы. Как писал Г. Е. Верещагин, удобренными полосами “дорожит каждый член общины”, “одна такая полоса может прокормить семью всю зиму, тогда как 5-10 худых полос не дают столько зерна, сколько одна плодородная”¹⁰.

Развитие капиталистических отношений наложило свой отпечаток на поземельные порядки в удмуртской общине. В обстановке, когда ревизии населения прекратились, а состав семей в результате участвовавшихся разделов стал меняться, когда более быстрыми темпами происходило социальное расслоение, крестьяне были вынуждены чаще прибегать к частным переделам земель, которые увеличивали дробность наделов и задерживали развитие земледельческой

культуры: создавали неустойчивое землепользование, понижали производительность крестьянского хозяйства. И тем не менее основная масса общинников не могла обойтись без переделов, так как они продолжали оставаться наиболее рациональным средством уравнивания земли и мерой борьбы против частнособственнических устремлений зажиточных, со стороны которых ярко проявлялось стремление закрепить за собой ранее выделенные земельные наделы, особенно в плодородных местах. Желая упрочить свое экономическое положение, верхушечные слои деревни оставляли за своими хозяйствами удобренные полосы, ближние и удобные земли, меняли условия и ход жеребьевок, нарушали традиционные принципы переделов, т. е. всячески старались ослабить действие поземельно-распределительной функции общины. Необходимо, конечно, отметить, что в случаях, когда наделы по величине и качеству обеспечивали уплату денежных повинностей и насущные потребности крестьянской семьи, определенное противодействие переделам наблюдалось и со стороны рядовых общинников. Но как только наделы становились явно недостаточными для обеспечения даже скудным продовольствием крестьянских семей, где небольшие и разбросанные по разным местам участки общинной земли были к тому же обременены высокими платежами, особенно в местах с неудовлетворительным качеством почвы и слабым развитием неземледельческих промыслов, крестьяне стремились к частым переверсткам, свалкам и навалкам. Все это свидетельствовало о борьбе за землю среди различных социальных слоев сельской общины.

В пореформенный период во многих общинах наблюдался отказ от переделов по старым единицам, ревизским душам, в противовес этому появилось наделение земель по новым принципам: по наличным душам мужского пола, по работникам, едокам и дворам, более отвечающим реальной обстановке в деревне. При переделах на наличные души в некоторых общинах земель наделались все лица мужского пола, в других - начиная с 11-летних, в третьих в возрасте 15-59 лет, появилась практика наделения земель солдаток и вдов, обремененных большим семейством, прибавка на женские души того или иного возраста и т. п.¹¹. В каждом конкретном случае общины исходили из сложившихся обстоятельств: количества населения, размеров общедеревенских угодий, наличия фонда свободных земель и т. д., но, по-видимому, всегда с учетом фискальных интересов общины и платежеспособности крестьянских дворов.

В целом основной сутью поземельного вопроса в пореформенной общине становится борьба между общинной и частновладельческой тенденциями, идет процесс социального передела наделной земли,

медленной, но неуклонной концентрации ее в руках зажиточной верхушки, что вело к подрыву одного из коренных принципов сельской общины - уравнительного землепользования. Но поскольку социальная дифференциация в пореформенной удмуртской деревне не достигла той глубины и остроты, которая была характерна, например, для русской деревни, в ней продолжала действовать сложившаяся производственная традиция, основным регулятором и транслятором которой оставалась трехпольная уравнительно-передельная община. В исторической перспективе, конечно, уравнительные переделы уже не могли спасти общину от начавшегося разложения и социального расслоения.

Важное значение в жизни сельской общины имела хозяйственная взаимопомощь крестьянских семей. Обычай общинной взаимопомощи, аналогичный русским помочам, в удмуртской деревне назывался веме. Основу этого обычая составлял совместный неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения какого-либо дела у отдельных хозяев.

Общинник был вправе отказаться от участия в помочи, но фактически это не делалось, так как принудительный севооборот, жесткая регламентация начала полевых работ в ряде случаев сковывали инициативу общинников, заставляли их считаться с хозяйственным циклом соседей и, когда необходимо, прибегать к их помощи или оказывать самому таковую. Обязательность помочей глубоко осознавалась крестьянами и в нравственном плане. Не следует забывать также о том, что если помочи организовывал богатый односельчанин, крестьяне, заинтересованные в его поддержке, не могли отказаться от приглашения уже в силу некоторой экономической зависимости. Если же помочи устраивал бедняк, то общественное мнение общины решительно осуждало отказавшегося принять участие в них.

Первоначально веме, возможно, был только помощью в работе, однако постепенно установилась практика угощения за эту работу едой, пивом или кумышкой. Во второй половине XIX - начале XX в. безвозмездная (без непременно угощения) помощь общины наблюдалась только в случаях, когда, например, для того или другого общинника складывались особенно неблагоприятные обстоятельства пожар, болезнь, сиротство, падеж скота и т. п. Участие в помочах в таких случаях, по крестьянским этическим нормам, считалось самым обязательным.

С помощью веме выполнялись жатва, сенокос, вывозка навоза, возка дров, строительство дома, битье глиняных печей; формой коллективной взаимопомощи являлись и девичьи "супрядки". Обычно помочи при жатве, сенокосе, вывозке навоза и дров длились один день. Иногда на веме приезжали родственники и из других

деревень. В таких случаях их угощали лучше, так как они считались не только помочанами, но и гостями.

Помочи играли существенную хозяйственную и нравственную роль как одна из форм коллективных работ, где вырабатывались, закреплялись и передавались производственные приемы и навыки, эмпирические знания и наблюдения. Общественное мнение на помочах выделяло лиц, наиболее успешно владевших тем или иным приемом, осуждало и высмеивало неловкость, небрежность или неприемлемые новшества¹².

Таким образом, веме был формой общинной помощи трудом, оказываемой по просьбе или извещению кого-либо из членов соседской общины. Ее оказывали всем нуждающимся в ней и входившим в общину. Это была помощь, в которой мог нуждаться как богатый, так и бедный, форма взаимопомощи, которая представляла собой одновременно и привилегию, и обязанность. С развитием товарно-денежных отношений веме все более приобретал социальную окраску и чаще использовался зажиточной частью общины, нежели основной массой крестьян-общинников. Как правило, от маломощных хозяйств на веме шли сам хозяин, жена или взрослые дети, тогда как от состоятельных дворов являлся кто-нибудь из батраков. Между тем богатые хозяйства нуждались в значительно большем числе помощников, чем мелкие, ибо у крупных владельцев и земли, и построек, и скота было больше. Экономически же проведение веме для зажиточного хозяина было выгодным, так как стоимость угощения никогда не превышала стоимости полученной помощи.

Под непосредственным контролем общины находилась ее низшая хозяйственная единица, первичная социальная ячейка — семья. В тесном взаимодействии с общиной семья реализовывала аккумуляцию и межпоколенную трансляцию этнической специфики и традиций, выполняла важную функцию производства и воспроизводства членов общины. В силу названных причин община стремилась контролировать и регулировать почти все стороны семейно-бытового распорядка и хозяйственной деятельности крестьянских дворов. Особенно пристальное внимание мира привлекала хозяйственная деятельность крестьянских семей, так как именно имущественная состоятельность семей, их трудовые ресурсы являлись своего рода гарантией хозяйственных интересов общины. Общине важно было, чтобы ее члены не опускались ниже того уровня, за которым они потеряли бы свою значимость как налогоплательщики и превратились в “обузу” для самого сельского общества. С этой целью каждому новому хозяйству выделялась наделная земля, усадебное место, проверялось экономическое состояние семьи: наличие достаточного количества рабочих рук, орудий труда и т. п. В необходимых

случаях община подвергала жесткой регламентации и строгому контролю действия своих членов, запрещая, например, ликвидировать хозяйство и выезжать за пределы общины, отлучаться на посторонние заработки, продавать постройки, скот и навоз в другие селения.

Когда функционирование крестьянского двора как хозяйственной единицы оказывалось под угрозой, община в силу фискальных интересов, а также соседских и родственных связей, приходила ей на помощь; при этом необходимость оказания помощи в первую очередь ложилась на близких родственников и только потом - на общину в целом. С усилением социальной дифференциации помощь односельчанам часто превращалась в прикрытую родственными или соседскими связями эксплуатацию имущими крестьянами несостоятельных общинников.

Община держала под постоянным контролем деятельность главы семьи (кузё), взаимоотношения супругов, родителей и детей, не допускала проявления общественной активности женщин и молодежи, следила за наследованием крестьянского имущества, опекуном, призрением престарелых и нетрудоспособных членов общины, выполнением ритуалов семейной обрядности и т. д. Мир выступал как хранитель нравственных принципов, вел борьбу с мотовством, праздностью, воровством, пьянством, в его компетенции находился вопрос о высылке в Сибирь, и при необходимости он прибегал к этой мере наказания.

Среди многообразных дел, контролируемых общиной, важное место занимали семейные разделы. Среди удмуртов семейные разделы даже в период капитализма не приняли массового характера, но тем не менее имели место, и община, самым непосредственным образом заинтересованная в сохранении больших семей как более надежных тяглых и податных единиц, стремилась их как-то ограничить и держала под своим контролем.

Общественно-экономическая обстановка второй половины XIX в. в определенной мере ослабляла влияние общины на семейный быт крестьян, подменяла родственную и соседскую солидарность требованиями по обеспечению тягловоспособности общины в целом, но все же устои деревенской патриархальности, даже в условиях капитализма, разрушались очень медленно.

Регулирующая роль мирской организации четко прослеживалась и в действиях крестьянского суда, в охране внутридеревенского правопорядка. Разбирательство судебных дел происходило на сельском сходке. Обычай разрешал каждому свободно высказывать свое мнение по поводу дела, но самыми авторитетными считались суждения стариков, так называемого "суда стариков" одного из неформальных общинных органов.

По реформе П. Д. Киселева (1839 г.), сельские общины могли

рассматривать дела по искам до 5 рублей серебром включительно и имели право наказывать “за проступки” до 20 ударов розгами¹³, но на практике общинный суд распространялся на гораздо больший круг гражданских и уголовных дел.

В качестве доказательств и улик на суде выдвигались признание обвиняемого, поличное и показания свидетелей. В роли свидетеля мог выступить любой общинник; особым доверием пользовались показания тех свидетелей, которые не состояли с лицами, заинтересованными в деле, ни в родстве, ни в дружбе. При выборе свидетелей предпочтение всегда оказывалось хозяевам, известным порядочным поведением. Поличному в общинном расследовании придавалось особое значение; добывали его посредством обыска, который проводил староста с понятыми, а иногда и вся сходка. Обыскивали только те дома, на которые падало подозрение. Еще в начале XX в. обвиняемого на суд сельского схода часто представляли с поличным, подвешенным на шею или плечи, а иногда еще до начала схода подвергали публичному посрамлению: со связанными руками и с подвешенной украденной вещью водили по деревне в сопровождении толпы.

Наряду со следствием на рациональной основе, в ходу у сельского схода были и приемы, обращенные к сверхъестественным силам: ворожба, гадание, испытание хлебом, землей (например, заставляли обвиняемого съесть кусок хлеба с ножа, перешагнуть межу с горстью земли на голове, разрубить топором высушенную медвежью голову и т. д.).

Меры наказания находились в прямой зависимости от степени преступления. Наиболее часто виновные подвергались денежному штрафу, наказанию розгами, заключению в “кутузку”, высылке в Сибирь или изгнанию из деревни, отлучению от общественных молений. Старики 60 и более лет, должностные лица, крестьяне, пользующиеся уважением, солдаты, вернувшиеся со службы, если они “прослужили там беспорочно и не попали в разряд штрафованных”, от наказания розгами освобождались¹⁴. Их обычно заставляли покупать водку, которая распивалась миром. Довольно распространенным видом наказания, особенно характерным для периода капитализма, был денежный штраф в пользу мирской казны или пострадавшего. К штрафу приговаривали за неосторожное обращение с огнем, за пьянство, кражу деревьев в заповедных общественных местах и т. д. Одной из форм общественного наказания продолжала оставаться расправа (самосуд) членов общины с провинившимися без ведома официальных властей. Нередки были случаи, когда самосуд кончался убийством.

При разбирательстве исков по личным обидам, по потраве, мелочной краже суд стремился закончить дело примирением,

присуждая известное удовлетворение деньгами в пользу обиженного. Если одна из судившихся сторон не соглашалась с решением общинного суда, ей представлялась возможность обратиться в волостной суд, но подобные случаи были сравнительно редки, так как, не зная закона, не понимая русского языка, удмурт не мог защитить свое дело и не решался обратиться в суд. В немалой степени это объяснялось и укоренившимся в каждом крестьянине убеждением, что “против целого общества идти нельзя”¹⁵.

Община удмуртов была не только хозяйственным и социальным организмом, она представляла собой и религиозную общину, субъект аграрных культов. Устойчивый трудовой ритм, определенный циклом сельскохозяйственных работ, был закреплён длительной традицией, находил идеологическое обоснование в крестьянском мировоззрении.

Распорядительным органом в религиозных делах являлся деревенский сход. На нем назначалось время моления, определялось, каким богам и какие следует принести жертвы, здесь же по жребию выбирались жрецы и другие действующие лица моления. Служители аграрных культов избирались, как правило, только на время одного моления; как писал один из миссионеров Сарапульского уезда, “жрецами при языческих молениях служат сами инородцы по выбору и очереди, после которых тотчас оканчивают свое жречество. Если не каждый домохозяин из инородцев, то большинство из них бывает жрецами”¹⁶.

Сельский сход определял также количество и вид жертвенных животных, после чего вычислял необходимую для их покупки сумму денег, которая раскладывалась на членов общины. Сбором денег занимались десятники или особые выборные; деньги шли “исключительно на религиозные нужды. Их употребляли на покрытие расходов по ремонту куалы, на покупку необходимых предметов и жертвенных животных”¹⁷.

Главными авторитетами в религиозно-нравственной и обрядовой традиции были старики: они следили за правильным поведением при начале основных этапов сельскохозяйственных работ, соблюдением правил и запретов на молениях, охраной мест проведения общественных молений.

Отдельные элементы аграрных культов могли выполняться различными внутриобщинными группами - семьями, патронимиями, объединениями по полу или возрасту. Так, например, весенний праздник сохи (геры поттон, акаяшка) проходил в тесном переплетении общинного и семейного начал; забота о будущем урожае проявлялась как со стороны общины в целом, так и со стороны каждой крестьянской семьи. В молениях осеннего цикла, когда нужно было благодарить богов за урожай, семейное начало выступало более четко, ряд же благодарственных жертвоприношений (йыбырскон)

проводился исключительно только силами семейных коллективов. В целом в период капитализма в связи с большим обособлением семейно-родственных коллективов семейное начало в земледельческой обрядности, по-видимому, несколько увеличилось, но тем не менее продолжало действовать в рамках общины, на ее глазах, подчинялось определенной последовательности и неформальному контролю мира.

Таким образом, соседская община удмуртов периода капитализма представляла собой живой социальный организм, характеризовавшийся многообразием функций, охватывавших по существу все стороны жизни и деятельности удмуртских крестьян, являлась той системой, через которую человек включался в окружающую его социальную среду. При этом община-бускель не выходила за типические рамки социально-экономического бытия соседской общины земледельцев и, подобно многим крестьянским социальным организациям народов России, переживала процесс трансформации и постепенного разложения под воздействием капитализма. В сложной социально-экономической обстановке второй половины XIX начала XX в. община не ставила перед собой каких-либо новых общественных задач, она только “боролась” за свое существование, проявляя при этом в повседневной практике гибкость и приспособляемость к социальной динамике рассматриваемого периода. Говорить о том, что община удмуртов во второй половине XIX в. разложилась, не приходится. Это было лишь самое начало длительного процесса. Удмуртский бускель продолжал сохранять многие свои традиционные институты (кенеш, веме, общинный суд, аграрные моления и празднества и т. д.), что в значительной степени объяснялось некоторым отставанием в социальной эволюции удмуртского общества, слабой дифференциацией крестьянства. Удмурты были более привержены общинным порядкам и потому, что сопротивление национальному гнету, сохранение традиционных обычаев и порядков могло быть более или менее обеспечено только в территориально сплоченном социальном и хозяйственном организме.

Цементирующим средством традиционных институтов удмуртской общины были и родственные связи, которые и в пореформенный период продолжали еще широко охватывать удмуртское крестьянство. Все это придавало локально-историческую специфику и своеобразие удмуртскому бускелю.

Развитие капитализма и столыпинская аграрная реформа не успели разрушить крестьянскую общину. Октябрьская революция, освободив ее от феодально-крепостнических пут, создала условия для дальнейшей демократизации жизни общины. Вместе с тем передача части функций вновь созданным органам несколько изменила ее роль, хотя все общественно значимые дела по-прежнему обсуждались на кенеше. Его авторитет был настолько прочен, что официальные

представители, прибывшие в деревню, непременно обращались к нему, объясняя полномочия и задачи, а кенеш выносил соответствующее решение.

Вместо упраздненных сельских властей (старосты, сотских, десятских) создавались сельские комитеты или Советы, которые воспринимались крестьянами в первую очередь как органы самоуправления (мирские организации) и лишь в меньшей степени как органы государственной власти¹⁸. Чаше всего Советы избирались на сходах прямым и открытым голосованием. На сход приглашалось все взрослое население, в том числе и женщины (в 1928-1929 гг. число женщин в составе удмуртского кенеша доходило до 25%¹⁹). Однако слабость Советов (они первоначально не имели даже собственного бюджета), с одной стороны, и традиционность, нерасчлененность поземельных, хозяйственных и социально-политических отношений, еще присущая деревне того периода, с другой приводили к тому, что реальное руководство жизнью общины по-прежнему осуществлялось сельским сходом.

На повестку дня сходов стали выноситься самые различные вопросы, при этом часто выходящие за пределы интересов конкретных деревень. Так, в протоколах кенешей, проведенных в Алнашской волости в 1925 г., названы следующие вопросы: выборы сельсовета, выборы сельского комитета по борьбе с тифом, опекунство, о запасном фонде зерна, о создании крестьянских комитетов, рассмотрение жалоб о разделе имущества, доклад "Год без Ильича", о международном положении, едином сельхозналоге, заготовке дров для школы, перевозке дяконовского дома из д. Голюшурма в д. Кузубай под школу и т. д.²⁰ Сельский сход производил раскладку натуральных и иных повинностей (чрезвычайный революционный налог, продразверстка и пр.), определял жалование выборным лицам, в том числе членам и председателям Советов. Предметом особого интереса на сходах стал вопрос о ликвидации неграмотности, открытии школ, изб-читален и т. д.

По мере развертывания социалистических преобразований в деревне обострялась борьба между различными ее слоями. Сельский сход также становился ареной острой борьбы. Кулацкие элементы прилагали все усилия, чтобы использовать силу и авторитет кенеша для защиты своих интересов; партийные и советские органы использовали кенеш для политической пропаганды среди населения, для осуществления революционных, экономических, культурных и др. мероприятий, но делали это скорее стихийно, без учета особенностей удмуртской деревни. До 1930 г. в партийных организациях республики даже не ставился вопрос о специфических особенностях удмуртской деревни и их учете в проводимых мероприятиях²¹.

В 1928 г. согласно нормам обычного права крестьянами трех

деревень Советской волости Ижевского уезда была произведена порка нескольких общинников и представителей власти за неисправность полевых изгородей. Событие, получившее название “Лудорвайское дело”, стало известно во всей стране и было расценено как проявление ожесточенной классовой борьбы в деревне. Решением суда несколько крестьян, хотя вина их по сути и не была доказана, были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Их действия были классифицированы как запугивание бедняцко-середняцкой части населения с целью срыва готовившегося передела земли (его здесь не было 49 лет), препятствования созданию колхоза²².

События в Лудорвае, а также неудовлетворительное проведение в Удмуртии посевной кампании, хлебозаготовок 1928 г. послужили поводом для проверки Центральным Комитетом ВКП(б) деятельности Удмуртской партийной организации. По ее итогам было принято Постановление “О работе и состоянии Вотской парторганизации” (1930 г.). В нем кенеш переходного от капитализма к социализму периода определялся как кулацкий орган, мешающий социалистическому строительству в удмуртской деревне. Удмуртскому обкому партии предлагалось вести борьбу с кенешем вплоть до его окончательной ликвидации. В 1931 г. были приняты тезисы Удмуртского обкома ВКП(б) “О борьбе с кулацким кенешем”, после чего в административном порядке начался его разгром. На “контрреволюционную” деятельность кенеша были свалены ошибки в колхозном строительстве в 1929-1930 гг., невыполнение ряда хозяйственных планов Удмуртией в 1930 г. и т. д. С этого времени вплоть до 60-х гг. кенеш в решениях местных партийных, советских органов, на страницах газет, в исторической литературе оценивался и освещался однозначно как орган кулачества, орудие сопротивления Советской власти и коллективизации. Как кулацкий орган стал характеризоваться и дореволюционный кенеш.

Между тем документы 20-30-х гг. ясно свидетельствуют, что удмуртский кенеш так же, как и сельский сход русских крестьян, был лишь ареной, на которой происходила классовая борьба: в зависимости от конкретных условий он мог или поддержать политику Советской власти, или оказаться на поводу у кулаков²³. Кенеш как традиционный бытовой институт крестьянской жизни лишь отражал сложившуюся обстановку.

“Лудорвайское дело” стало возможным потому, что в деревне не было сколько-нибудь серьезной ни социальной, ни психологической, ни материальной подготовки предпосылок к массовому обобществлению крестьянских дворов. Сказались недостатки в организационно-массовой и культурно-просветительной работе среди крестьян, слабость местных партийных и советских органов,

неуверенность, вызванная в основной массе крестьян ломкой вековых устоев и традиций, а также недовольство размерами сельскохозяйственного налога, ростом объема государственных заготовок, принимавших обязательный характер, и т. д.

В условиях складывавшегося сталинского культа “Лудорвайскому делу” была дана громкая огласка и под него подведена политическая платформа с целью обоснования форсированных темпов сплошной коллективизации, развертывания наступления на кулачество как класс, замены всяких демократических начал в деревне администрированием и волевым директивным руководством.

Предоставив землю в распоряжение крестьянства, Октябрьская революция расширила возможность общины в пользовании национализированной землей. Земельным кодексом 1922 г. община была признана главным распорядителем в земельных вопросах. Она проводила переделы земли, распоряжалась угодьями общего пользования, решала вопросы о проведении землеустройства и о системе севооборота, определяла начало сельскохозяйственных работ. Лишь община решала вопросы о приписке к обществу новых членов и выделении им земли, о выборе формы землепользования, о выделе из общины на хутора и выселки, о переходе всем миром на общественную обработку земли. Общество решало также вопрос о выделении земли артелям и коммунам, если они создавались на землях, уже поступивших в пользование крестьян²⁴. Однако по своей сути община оставалась соседской организацией единоличных производителей, а условия землепользования, ею поддерживаемые (чересполосица, принудительный севооборот и т. п.), стесняли дальнейшее развитие сельского хозяйства.

С завершением коллективизации община как социальный организм и общественно-политический институт сошла с исторической арены (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30/VIII-1930 г. “О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации”), но ее традиции в хозяйственной и бытовой жизни сельского населения прослеживаются до сих пор! Существенную роль продолжает играть обычай крестьянской взаимопомощи (во время посадки картофеля, возведения дома и других хозяйственных построек и т. д.), хотя круг участников обычно ограничивается родственниками и близкими друзьями, соседями. Традиции коллективизма и взаимопомощи находят проявление в обрядах семейно-бытового характера, в проведении общешкольных и деревенских праздников, в оказании помощи односельчанам, попавшим в экстремальную ситуацию (пожар, тяжелая болезнь и т. д.); остается регулирующая роль общественного мнения в соблюдении норм морали. Но в целом административно-командные методы руководства сельским хозяйством, волевое решение

социально-политических вопросов в деревне привели к тому, что общественное мнение отошло от контроля за осуществлением хозяйственной жизни, использованием средств производства и распределением произведенного продукта, за состоянием общественного порядка.

Возрождение авторитета сельского схода, роли деревенского самоуправления заслуживает всяческого одобрения. Благоустройство села, обеспечение каждой семьи хорошим домом, развитие личных подсобных хозяйств, повышение культуры, борьба с пьянством и другими антиобщественными явлениями - вот немногие из вопросов, которые могут быть успешно решены миром.

Демократизация управления социально-экономическим развитием и общественно-политической жизнью села одно из необходимых условий для внедрения новых форм хозяйствования, развития арендных отношений, возвращения земле полноправного хозяина.

¹ Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община//Исторические записки. М., 1984. Вып. 3. С. 102.

² Гришкина М. В. Историческое значение вхождения Удмуртии в состав русского государства//425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск, 1983. С. 42.

³ Смирнов И. Н. Вотяки//ИОАИЭ. Казань, 1890. Т. 8. Вып. 2. С. 257.

⁴ См.: Материалы дискуссии "Кенеш демократический орган самоуправления удмуртской деревни"//Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 42, л. 1-32.

⁵ Атаманов М. Г. К вопросу о прародине удмуртов по данным языка//Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, д. 367, л. 135.

⁶ Бехтерев В. М. Вотяки. Их история и современное состояние.//Вестник Европы. М., 1880. Т. 8-9. С. 644.

⁷ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 2779, л. 46 об.-50.

⁸ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда//Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 123.

⁹ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 123.

¹⁰ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 93-94, 134.

¹¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 581, л. 1; Там же. д. 578, л. 7; Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 131; Качоровский К. Русская община. М., 1906. С. 258.

¹² Громыко М. М. Обычай помочей у русских крестьян в XIX веке//Советская этнография. 1981. № 5. С. 46.

¹³ Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений. СПб., 1853. С. 4-18, 77-87, 165-168.

- 14 ГАКО, ф. 674, оп. 1, д. 834, л. 58.
- 15 Календарь Вятской губернии на 1880 год. Вятка, 1879. С. 49-50.
- 16 ГАКО, ф. 811, оп. 1, д. 656, л. 3 об.
- 17 Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921. Вып. 3. С. 68.
- 18 Кабанов В. В. Указ. соч. С. 108.
- 19 Шибанов К. И. Кенеш орган самоуправления удмуртской деревни//
Пропагандист и агитатор. Ижевск, 1988. № 12. С. 24.
- 20 Рукописный фонд УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 42, л. 12.
- 21 Там же. Л. 59-60.
- 22 См.: Куликов К. И. Лудорвайское дело и коллективизация в Удмуртии//
Материалы к серии "Народы Советского Союза". Вып. IV. Удмурты. М., 1990.
- 23 См. об этом: Шибанов К. И. Социалистическое преобразование удмуртской
деревни. Ижевск, 1963.
- 24 Кабанов В. В. Указ. соч. С. 102-103.

Глава IX. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Семья представляет собой микроячейку общества и этноса. Играя важную роль в социализации личности, она вместе с тем участвует в формировании, сохранении и передаче молодому поколению этнической культуры и этнического сознания, следовательно, и в воспроизводстве этноса.

1. Социально-демографическая характеристика семьи

Удмуртская семья в прошлом по демографическим, нравственно-психологическим и социальным характеристикам существенно отличалась от современной. Семья в XIX в. это социально-однородная крестьянская семья. Земледельческий труд и годовой сельскохозяйственный календарь определяли весь образ жизни удмуртской крестьянской семьи, ее повседневный быт, влияли на формирование и поддержание обычаев, проведение обрядов и праздников, обуславливали систему воспитания подрастающего поколения и передачу этнокультурных традиций. Семья функционировала в рамках поземельной общины. Община, заинтересованная в сохранении платежеспособности отдельных семей, контролировала почти все стороны семейной жизни: создание новых семей, семейные разделы, наследование имущества, воспитание детей в духе уважения общинных традиций¹.

Если социальный состав удмуртской семьи длительный период оставался достаточно стабильным, то в размерах и поколенном составе происходили заметные изменения. В XVII-XIX вв. у удмуртов отмечены семьи, связанные как прямым родством (родители, их женатые дети и внуки), так и боковым (2 или более женатых братьев с холостыми или женатыми детьми)².

Распад больших неразделенных и образование малых семей приняли у удмуртов массовый характер уже в конце XVII - начале XVIII в. По данным переписи населения 1716-1717 гг., называемой ландратской, удмуртская семья отличалась небольшой численностью даже по сравнению с семьей русского населения той же территории:

75% семей южных удмуртов имели 1-5 человек обоего пола (у русских около 62%). Семьи с 6-7 членами составляли 17-19%. Даже неразделенные семьи удмуртов имели до 10 человек обоего пола; лишь 5,3% семей состояли из 11 и более человек (у русских 11,6%). Семей численностью до 20 человек отмечено менее одного процента³.

Однако в середине XIX в. происходит регенерация неразделенных семей: по данным ревизий-переписей населения XVIII-XIX вв. отчетливо прослеживается тенденция уменьшения численности малых семей (46,3% в 1762 г., 43,1% в 1811 г. и 22% в 1858 г.) и увеличение доли сложных, особенно братских семей⁴. К этому времени изменился также поколенный состав семей: если в 1762 г. трех- и четырехпоколенные семьи составляли около 30%, то к 1858 г. их стало почти 40%. Усложнение структуры семей сопровождалось увеличением их людности. Так, в начале XVIII в. преобладали семьи средней численностью в 3-6 человек, а по данным X ревизии (1858 г.), 53% семей состояли из 6-10 и 11-15 человек, 13% - из 16-20 и 21-25 человек⁵.

Увеличение доли неразделенных семей объясняется, прежде всего, исчерпанием резерва свободных земель, в связи с чем семейные разделы стали невыгодны. Кроме того, разделы сдерживались и общиной, экономически несостоятельные семьи становились обузой для нее. Развитие товарно-денежных отношений также выявляло преимущества многолюдных семей, которые могли сочетать земледелие с промысловыми занятиями⁶.

При выделе взрослых сыновей с родителями, по обычаю, оставался младший сын. Идущего в раздел сына отец наделял всем необходимым имуществом: землей, домом, скотом, одеждой и утварью. Раздел имущества совершался, как правило, полюбовно, в спорных случаях вмешивалась родня и даже община.

Главой семьи (кузё) чаще всего был старший в доме мужчина. Однако им мог быть и другой, моложе по возрасту, если считалось, что он лучше защитит интересы семьи: "Кто умнее, находчивее, говорит по-русски, неробок на сходке и перед начальством, тот и может быть кузё"⁷. Кузё представлял семью на сельском сходе, был распорядителем хозяйственных работ, имущества и семейной кассы.

Взаимоотношения супругов в удмуртских семьях строились на основе согласия: "... в домашней жизни вотьяк кроток и тих, с женой живет в согласии, во всех делах советуется с ней", - писала В. Н. Харузина⁸. Это отметил и М. О. Косвен: "В настоящее время муж всегда и во всех делах советуется с женой, и все хозяйственные действия совершаются в удмуртской семье по обоюдному согласию мужа и жены"⁹ (рис. 1).

Домашними делами, распределением продуктов, приготовлением

Рис. 1. Удмуртская семья. Начало XX в. (Мордовский краеведческий музей)

пищи руководила старшая женщина жена кузё (кузё кышно). Женщины выполняли все работы по дому: ухаживали за скотом (кроме лошадей), готовили ткани, шили одежду, воспитывали детей.

Полностью в их ведении (кроме вспашки) был огород. Не освобождались они и от полевых работ. Трудовой вклад удмуртской женщины обусловил ее участие в решении всех хозяйственных вопросов семьи¹⁰. Удмуртская женщина, как писал М. О. Косвен: “С изумительной стойкостью сумела сохранить, в известной, конечно, мере, свое равноправное и независимое положение в различных областях жизни и быта”. Она “никогда не знала того приниженного, полурабского состояния, которое так характерно для многих отсталых народов”¹¹. Тем не менее, в условиях полунатурального хозяйства “независимость женщины была весьма относительной, ибо удмуртка была “значима” лишь при муже”¹². Право на развод за женщиной не признавалось. После смерти мужа над хозяйством вдовы община устанавливала опеку, вторичное замужество она должна была согласовывать с общиной. Права голоса на сельском сходе женщина не имела, от участия в общественной жизни была отстранена.

Важнейшая функция семьи - передача накопленного опыта, всей культурной информации молодому поколению. Родители считали своим долгом подготовить детей к жизни; в семье ребенок не только усваивал трудовые навыки, но и познавал деревенские обычаи и обряды, многие произведения устного народного творчества, получал нравственное и эстетическое воспитание. Школьное образование для удмуртских детей было малодоступно; в лучшем случае отец старался отдать в школу хотя бы одного из сыновей, которого забирал обратно, как только тот выучивался читать и писать. Обучение девочек было редким исключением.

Взаимоотношения членов семьи регламентировались обычаем (сям). Младшие слушались старших, а те должны были заботиться о младших. В семейном общении мало пользовались именами. Супруги называли друг друга местоимениями второго и третьего лица: тон, со (ты, он), к детям обращались: пие, эте (сынок), нылы, дыды (доченька). Младшие дети, обращаясь к старшим сестрам и братьям или говоря о них, называли их агай или нюню (старший брат, дядя), апай (старшая сестра, тетя)¹³. Если их было несколько, то перед термином родства ставили имя. Так же звали они братьев и сестер своих родителей. Родителей мужа сноха называла в третьем лице: анайзы, атайзы (их мать, их отец).

Ослушание отца и матери осуждалось общественным мнением, поэтому их волеизъявления и поручения не обсуждались. Родители решали и вопрос о браке взрослых детей, выбирая им брачных партнеров чаще по своему усмотрению. Женили сыновей или выдавали замуж дочерей, строго соблюдая очередность по старшинству. По обычаю, девушку, у которой есть незамужняя старшая сестра, сватать не шли, зная, что получат отказ. Еще в

начале текущего столетия более молодыми в супружеской паре были мужья, так как родители, стремясь получить в дом работницу, старались женить сыновей пораньше, тогда как дочерей из этих же соображений не спешили выдавать замуж.

Круг брачных связей определялся в прошлом воршудно-родовой организацией удмуртского общества. Родственные объединения, поклонявшиеся одному воршуду (божеству, покровителю рода), были экзогамны. В больших селах, население которых состояло из нескольких воршудных объединений, браки заключались и между односельчанами. Однако большинство удмуртских деревень были небольшими, и невест, как правило, брали из других деревень округа.

Отмечено соблюдение обычаев левирата, когда вдова выходила замуж за младшего брата умершего мужа, и ссората, согласно которому вдовец женился на младшей сестре умершей жены (термин бултыр в удмуртском языке означает сестру жены и вторую жену).

Разводы в удмуртском обществе считались крайне нежелательными, родители всячески старались уладить отношения в семьях своих детей.

Малые индивидуальные семьи, имеющие общего предка, были тесно связаны между собой, что проявлялось в хозяйственной взаимопомощи, в совместном проведении семейных торжеств и праздников, а также молений, похорон и поминок. Патронимический коллектив играл важную роль в передаче семейно-родовых традиций.

Октябрьская социалистическая революция и последующие социально-экономические и культурные преобразования с неизбежностью отразились и в сфере семейно-бытовой жизни удмуртов. Утверждение Советской власти, образование государственности удмуртского народа, культурная революция вовлекли удмуртов в культурно-просветительную деятельность, в государственные и партийные органы от низовых звеньев управленческого аппарата до центральных. Индустриализация народного хозяйства втягивала удмуртов в процесс урбанизации, стимулируя миграцию части сельского населения в города. Болезненные изменения в жизни удмуртской крестьянской семьи, как и других народов страны, связаны с коллективизацией сельского хозяйства, с репрессивными методами ее проведения: раскулачивание, ссылки разорили, разрушили многие семьи. Сохранившиеся к тому времени большие неразделенные семьи распались. Коллективизация изменила традиционные принципы организации труда, ритм жизни крестьянских семей.

Серьезные деформации семьи связаны с Великой Отечественной войной и ее последствиями. Большие людские потери в войне почувствовала на себе каждая семья. Тысячи женщин остались вдовами; многие девушки даже по окончании войны не смогли

создать свои семьи, одни остались одинокими, другие становились матерями-одиночками. Экономическая слабость колхозов, трудность ведения без мужчины личного подсобного хозяйства вынуждали одиноких матерей покидать деревню. Процесс миграции усугублялся административно-командными методами руководства колхозами, подавлявшими в крестьянине чувство хозяина на земле, это, в свою очередь, воспитывало у детей негативное отношение к земле и к труду земледельца. Многие родители-колхозники ориентировали детей на учебу в городах и городскую жизнь.

В настоящее время более трети удмуртских семей проживает в городах. Усложнение социальной структуры народа создало предпосылки для образования социально неоднородных семей; проживание в городах с многонациональным населением (удмурты в них составляют меньшинство) привело к возникновению национально-смешанных семей. Развитие образования, рост культурного уровня населения постепенно привели к изменениям в социальных функциях семьи, к демократизации внутрисемейных отношений, сокращению деторождения и размера семьи.

По данным обследования 1979/80 г. брачный возраст женщин был на 1-3 года ниже, чем у мужчин. 53% женщин в городе и столько же в селе вступили в брак в возрасте 19-22 лет, тогда как большая доля браков мужчин приходилась на возраст 21-24 года. Преобладающий брачный возраст неодинаков среди сельских и городских жителей. Браки половины сельских удмуртов заключались в возрасте 19-22 лет, горожан в возрасте 21-24 лет. В целом, в течение XX в. заметна тенденция сокращения количества относительно ранних браков. Так, среди лиц старшего возраста, чьи бракосочетания совершились в 1920-е гг., значительна доля вступивших в брак в возрасте 16-18 лет. В более молодых возрастных группах их доля меньше, зато больше доля вступивших в брак в 21-22 года. Надо также заметить, что уходит обычай придерживаться строгой возрастной очередности вступления в брак братьев и сестер.

Характеристика семейного положения удмуртского населения в самом общем виде, по данным массового опроса 1979/80 гг. выглядела следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Семейное положение удмуртов, %

Массив информации	Женат (замужем)	Вдов(а)	Разведен(а)	Не состоял(а) в браке
Село	63,8	16,9	6,0	13,3
Город	65,1	8,4	6,1	20,4

Различия между городским и сельским населением в семейном положении в целом небольшие: они наблюдались по количеству вдовых и не состоявших в браке. В связи с тем, что брачный возраст в селе чуть ниже, лиц, не вступивших в брак, здесь было меньше, чем в городе, куда уезжает сельская молодежь. Зато доля вдовых в селе вдвое больше; они начинают появляться уже среди 22-24-летних, а в группе 25-29-летних их численность становится заметной и возрастает в каждой последующей группе так же, как и количество разведенных.

Вдовых среди женщин значительно больше, чем среди мужчин: в селе, например, 27% вдов и 2% вдовцов, в городе соответственно 13 и 0,8%. Дело, по-видимому, не только в том, что мужчина, оставшись вдовцом, быстрее вступает в повторный брак, а у женщины с детьми таких возможностей меньше, но и в том, что мужчин по разным причинам гибнет больше.

Преобладающий тип семьи у современных удмуртов — простая двухпоколенная семья, состоящая из брачной пары с детьми. Такие семьи составляли в 1980 г. 38% в сельской местности и свыше 45% в городах. Среди простых семей заметную роль составляли бездетные брачные пары (9,5% в селе и 7,5% в городе), такова же доля неполных семей, включающих одного из родителей с неженатыми детьми. Бездетных брачных пар в селе больше за счет тех, чьи взрослые дети выехали на учебу или на работу.

Значительную долю, особенно в сельской местности, составляли трехпоколенные семьи, состоящие из брачной пары с неженатыми детьми и одним из родителей супругов (16% в селе и 10,5% в городе), а также прочие сложные семьи, включающие и боковое родство: почти 16% среди сельских и свыше 10% среди городских удмуртов.

Встречались также семьи с двумя брачными парами, однако их немного (в селе и в городе около 5%), гораздо меньше, чем бессемейных одиночек, которых в городе было вдвое больше, чем в селе (14 против 7%). При этом среди одиночек в сельской местности преобладали пожилые люди (свыше 84% из их состава), в городе три четверти всех одиночек составляла молодежь. Большую, по сравнению с селом, долю молодых одиночек в городах можно объяснить сосредоточением в них молодежи, приехавшей из села и еще не создавшей своих семей: лишь двадцатая их часть являлась городскими уроженцами, остальные приезжие, причем половина из них жила в городе менее 5 лет.

Таким образом, различия между городскими и сельскими семьями состоят в том, что последние более традиционны, среди них больше семей усложненных типов, включающих одного из родителей супругов, чаще мать мужа, а также других родственников (младших братьев и сестер мужа).

Сельских семей усложненных типов в северных районах республики больше, в южных распад неразделенных и образование малых семей уже с начала XVII в. проходил сравнительно интенсивнее. Среди городского населения доля сложных семей также выше в северной части республики (Глазов, Яр. Базезино, Кез), так как их население формировалось в значительной мере за счет населения близлежащих районов.

Для удмуртов, как и других народов страны, характерна тенденция увеличения численности семей при уменьшении их людности (табл. 2). При этом "общая по стране тенденция снижения величины семьи как городской, так и сельской, в Удмуртии выражена более отчетливо: если за период 1970-1979 гг. средний размер сельской семьи уменьшился в СССР на 0,2 пункта, РСФСР на 0,4, то в Удмуртии - на 0,6 пункта"¹⁴. Однако при общей тенденции к уменьшению среднего размера семьи многодетные семьи в сельской местности имеют еще заметный перевес над городскими.

Таблица 2

Динамика людности удмуртской семьи, %

Семьи	Годы	Доля семей с числом членов			Средний размер семьи	Общее количество семей
		2-4 чел.	5-6 чел.	7 и более чел.		
Все	1970	58,0	28,0	14,0	4,3	100764 123138
	1979	72,0	21,7	6,3	3,8	
Городские	1970	72,3	23,3	4,4	3,7	
	1979	83,6	14,7	1,7	3,4	
Сельские	1970	53,3	29,5	17,2	4,5	
	1979	66,3	25,2	8,5	4,0	

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1974. Т. 7. С. 275-279; Вестник статистики. 1983. № 6. С. 72-75.

В послевоенный период среди удмуртов началось снижение рождаемости, и к концу 1970-х гг. они "приблизились к народам с низким уровнем рождаемости". По данным обследования 1968 г., в среднем на каждую замужнюю удмуртку приходилось по 3,1 ребенка. Согласно материалам обследования НИИ ЦСУ СССР в 1978 г., среднее ожидаемое число детей у замужних удмуртских женщин 18-59 лет равнялось 2,67¹⁵. Реальное количество детей в семье колеблется в зависимости от ее проживания: в городе или сельской местности, а также от социально-профессиональной принадлежности и возраста родителей.

Наряду с уменьшением числа членов семьи и упрощением ее поколенного состава, увеличивается доля социально-смешанных семей. По данным обследования 1979/80 г., 79% крестьян состояли в браке с крестьянами же, брачными партнерами остальных являлись рабочие (13%), служащие (7%) и прочие (2%); супругами сельских служащих являлись 42% служащих, 34,5% рабочих, 23% колхозников и 0,7% прочих. В городах у 73% опрошенных рабочих супруги были рабочие, у 26% - служащие; половина городских служащих состояла в браке с рабочими. Семей, в которых оба супруга относились к одной и той же социально-профессиональной группе, было больше в среде специалистов с высшим образованием и среди работников квалифицированного ручного труда, а в селе, кроме того, в среде неквалифицированных работников физического труда. Отмечено немало семей, все взрослые члены которых принадлежали к разным социально-профессиональным группам. Усложнение социально-профессиональной структуры населения является предпосылкой для дальнейшего роста доли социально неоднородных семей.

Отдельные случаи вступления удмуртов в брак с лицами других национальностей отмечены в начале XVIII в.¹⁶; с массовой христианизацией смешанные браки участились, и в XIX в. уже встречались во всех волостях. В настоящее время лишь небольшое число удмуртов межэтнический брак считают нежелательным. Это большей частью лица старших возрастных групп. В межэтническом браке в 1980 г. состояли 19% сельских и 59% городских удмуртов в возрасте 20-24 лет; в группе 40-44-летних - соответственно 7% и 38%; среди лиц 70 лет и старше 3 и 29%. Межэтнические браки чаще совершались в среде служащих (24% в селе и 57% в городе), в среде рабочих их доля меньше (9 и 43% соответственно), еще меньше (6%) среди колхозников.

По ряду характеристик национально-смешанные семьи отличаются от национально однородных удмуртских. Средний размер смешанной семьи в Удмуртии составил в 1989 г. 3,7, удмуртской - 3,5 человека; среди первых несколько выше доля простых семей¹⁷.

Для взаимоотношений членов современной удмуртской семьи характерно сочетание традиционных и новых черт. Главой в полных семьях по традиции считается муж, однако в решении и обсуждении общесемейных дел участвуют все взрослые члены семьи. В молодых семьях нередко нет безоговорочного признания чьего-либо главенства.

Деление домашней работы на мужскую и женскую, учитывающее тяжесть труда, не утратило своей целесообразности, особенно в сельской местности. Заготовка дров, плотницкие работы, вспашка огорода и т. п. являются делом мужчин, тогда как стирка и починка одежды, приготовление пищи, уход за малыми детьми, уборка жилого помещения и т. п. выполняются обычно женщинами. Вместе с тем

былое отношение к жесткой регламентации работ по полу основательно поколеблено, все чаще можно встретить, особенно в молодых семьях, совместное выполнение супругами некоторых считавшихся традиционно женскими видов труда. В городских семьях, живущих в благоустроенных квартирах, это происходит сравнительно легче, так как объем традиционно мужских занятий здесь намного меньше.

При родителях и посторонних супруги обращаются друг к другу по имени, чего раньше не допускалось. Говоря о муже в его отсутствие, женщина старших и средних лет называет его или по имени, или хозяином (кузее). Мужчина при людях называет жену стряпухой (пöрась), хозяйкой (козяйка) или по имени.

Принятые в прошлом формы обращения младших детей к старшим братьям и сестрам в городских семьях ныне не соблюдаются, как, впрочем, и в большинстве сельских семей. В современных семьях, кроме южных районов, дети называют друг друга по именам независимо от возраста. В то же время традиционные формы обращения к родственникам по материнской и отцовской линиям соблюдаются и поныне. Во многих семьях изменилась форма обращения детей к родителям, которых стали называть по-русски: мама, папа или тятя с соответствующей удмуртскому произношению перестановкой ударения на последний слог.

Значение семьи в трудовом воспитании детей сводится в настоящее время к привитию некоторых навыков, необходимых в домашнем хозяйстве и ориентации на ту или иную профессию. Дома сельские подростки имеют гораздо больше обязанностей, чем их городские сверстники. Кроме того, в дни летних каникул они вместе с родителями или в составе школьных производственных бригад участвуют в сельскохозяйственных работах.

Вместе с тем недостаток трудового воспитания (считается, что этим занимаются и семья, и школа, а фактически каждая из сторон больше рассчитывает на другую) порождает отрицательные явления: пьянство, хулиганство, особенно в городах, где дети приобщаются к труду позднее сельских сверстников.

Многие современные удмуртские семьи не способны дать детям знания о национальной культуре, привить им чувство уважения к своему народу. В течение десятилетий традиционная культура считалась устаревшей: родители не стремились передать детям фольклор, обычаи и обряды, учить их удмуртскому языку.

В современных условиях в связи с усилением миграции молодежи из села соблюдение обычаев минората* перестало быть безусловным. С родителями живет тот из сыновей, который остался в деревне,

* Минорат — обычай, согласно которому с родителями остается младший сын.

он же наследует родительское хозяйство. Нередко родители остаются одни, о чем свидетельствует наличие значительной доли бездетных брачных пар. Наиболее трудоемкие работы в хозяйстве оставшихся вдвоем родителей (или одного из них) выполняют сообща все дети. Родители в таком случае стараются наделить всех детей равной долей наследства.

При выделении сыновей в самостоятельное хозяйство традиционный раздел имущества теперь не проводят, а покупают новую обстановку и инвентарь. Родители помогают отделившимся деньгами и участием в строительных работах. Если родители и выделившиеся сыновья живут в одной деревне, они помогают друг другу повседневно: родители присматривают за хозяйством сына, за их детьми, семья сына, в свою очередь, помогает родителям в их хозяйственных делах.

Для выполнения работ, требующих одновременно большого числа работников, по традиции организуются помочи (веме), на которые приходят не только родственники, но и соседи, и друзья. В связи с миграцией сельского населения и перестройкой поселений бывшее локальное расселение родственников в деревне нарушено. С соседями принято поддерживать добрые взаимоотношения и помогать друг другу в повседневных делах, а также участвовать в семейных торжествах. Связи удмуртской семьи с родственниками в современный период заметно сузились. Сейчас тесные контакты поддерживаются в основном лишь с наиболее близкими родственниками (родными и двоюродными братьями и сестрами, племянниками; братьями и сестрами родителей, дедушками и бабушками). Вместе с тем, в круг тесного семейного общения вошли близкие друзья, которых зовут на помощь в хозяйственных делах и на семейные праздники.

Дружеские связи возникают чаще всего на работе. В ходе обследования, например, 51% городских и 43% сельских удмуртов своими близкими друзьями называли товарищей по работе или учебе. Такие события семейной жизни, как юбилеи, свадьбы, новоселья проводятся при активном участии трудовых коллективов, в составе которых работают люди разных национальностей. Это способствует интернационализации семейного быта.

Процессы, происходящие в семейно-бытовой сфере удмуртов, сходны с соответствующими процессами у других народов региона и страны.

2. Традиционные семейные обряды и их современное бытование

Существенную сторону семейного быта народа составляли связанные с ним разнообразные обряды. Они организационно и эстетически оформляли наиболее значительные события семейной жизни – рождение, вступление в брак, смерть, а также передавали и поддерживали определенные навыки общения членов семьи между собой и с окружающими. В выполнение важнейших обрядов вовлекался практически весь круг родственников, которые, помимо непосредственного участия в обрядовых действиях, оказывали и материальную поддержку.

Наиболее значительным из всей семейной обрядности был и остается свадебный ритуал. В конце XIX в. свадьба у удмуртов представляла собой яркое народное зрелище и собирала много зрителей. Здесь происходили знакомства, присматривали женихов и невест. Каждая свадьба была предметом обсуждений, сравнений с другими; про иные свадьбы, наиболее веселые, удачные вспоминали долго. Проводимая по принципиально сходному сценарию, каждая свадьба тем не менее отличалась своими участниками, слаженностью их действий и пения, исполнительским умением.

Браки у удмуртов совершались чаще по сватовству, но нередки были и случаи умыкания как с согласия невесты, так и без него. У удмуртов, живущих на территории современного Башкортостана и Татарстана, невест брали только умыканием, которое соблюдается до сих пор.

Сватать (кураны, юаны) ездили несколько раз, так как давать согласие с первого раза при самом благоприятном отношении к жениху считалось неприличным. На сватовство брали нюхательный табак и в ходе разговора предлагали его отцу невесты. Похвала табака означала благоприятное отношение к сватовству, в знак чего на стол стелили белую скатерть. За столом назначался день окончательного сговора (тупан, вада пуктон, нянь шорон). В северных районах перед сговором родители невесты ездили еще посмотреть дом жениха.

Присутствие жениха на сговоре было необязательным, случалось, что он впервые видел невесту лишь на свадьбе. На сговоре обсуждали сумму платы за невесту (йырдон) и состав приданого (пирдан), сроки свадебных пиров и число участников с каждой стороны.

Свадебное действо состояло из двух частей, проходивших в доме невесты (сюан) и в доме жениха (ярашон или бõрысь).

В назначенный день женихова родня отправлялась за невестой. Родители жениха на свадьбу не ездили, поэтому назначали старшего поезжанина (бадзым вайсь), который отвечал за поведение всех

поезжан со дня отъезда до возвращения. В доме невесты их ждали и выходили встречать с хлебом и с маслом или с яичными лепешками, которыми угощали каждого. Поезжанам представляли предводителя и главного распорядителя свадебного торжества и запевалу - торо, каковым назначали кого-либо из родственников или крестных невесты. Поезжане во всем повиновались торо, оказывали ему разные почести.

После застолья начиналось пение свадебных песен. Как бы проверяя знание родственниками жениха свадебных мелодий, торо запевал нужную мелодию лишь на третий раз. С этого момента до отъезда они все время должны были петь. Свадебное гуляние, начавшись в доме невесты, поочередно продолжалось у всех ее родственников, в том числе и у живущих в соседних деревнях. Жених и невеста в нем не участвовали.

Незадолго до отъезда невеста скрывалась. Жених с друзьями шел на ее поиски и приводил домой. Поезжане пели песни прощания девушки с домом (ныл келян). У северных удмуртов песни прощания с невестой исполнялись при отъезде поезжан из дома жениха, то есть в следующей части свадебного торжества. Прощаясь с домом, невеста обходила все надворные постройки.

Важным моментом был вынос приданого, из-за которого устраивалась небольшая потасовка. Жениху приходилось откупать от братьев и друзей невесты и сундук, и перину с подушками; надо было платить и за ворота, иначе односельчане невесты их не открывали.

Венчание не входило в свадебный ритуал удмуртов, поэтому от невесты сразу ехали в дом жениха. Венчались или до свадьбы, а большей частью после нее; многие вообще не венчались.

В доме жениха их встречали родители жениха и родственники, оставшиеся дома. Невесте под ноги бросали подушку, "чтобы мягко жилось в новой семье", "чтобы невеста была мягкой и покладистой". Еще в середине прошлого века ее вели сначала в семейное святилище куалу, где трижды обводили вокруг очага, прося у предков покровительства новому члену семьи, только после этого вводили в избу и усаживали на женской половине на приготовленные для нее подарки. Свекровь с пожеланиями благополучной жизни подносила ей хлеб с маслом. Уложив молодых на первую брачную ночь, поезжане расходились по домам.

Наутро собирались на обряд купания молодой (кен пылатон). Он состоял из нескольких элементов: разглядывания и оценки развешанного напояз приданого, одевания молодой в женский наряд, хождения к роднику за водой, испытания хозяйственных способностей невестки и угощения ею присутствующих, представления ей ближайших родственников жениха.

Каждую часть свадебного пира приурочивали к праздникам. Если, к примеру, сюан прошел в рождество, то ярашон или бõрьсь назначали на масленицу. В назначенный день в дом жениха приезжал свадебный поезд со стороны невесты. Ярашон начинался в доме жениха и продолжался, как и сюан, поочередно в домах его родственников. Тексты песен могли повторяться те же, что и на сюане, но пелись они на другую мелодию, которая таким образом выполняла знаковую роль.

Поведение поезжан на сюане диктовалось стремлением создать о себе, о родне жениха хорошее впечатление. Они держали себя строго и серьезно. На ярашоне поезжане вели себя раскованно, свободно, порой вызывая, различными действиями требовали к себе повышенного внимания. Они били посуду, во время пения все враз сильно притопывали ногами, разбирали в бане каменку, а камнями, если жених прозевает, закладывали дымоход, заводили в дом лошадь, как бы грозясь ее зарезать и т. п. Своими проделками поезжане хотели проверить расторопность жениха, а при его промахах подчеркивали, что хорошую девушку отдали за худого жениха.

Среди свадебных обрядов есть такие, которые зародились в глубокой древности. К их числу можно отнести заведение в дом лошади, которое, вероятно, связано с древним культом коня, известным у финно-угорских народов. Его реликтом является, очевидно, и обряд йыр-пыд пõзьтон, выполнявшийся на второй или третий день ярашона: группа поезжан варила в куале голову и ноги лошади. Первоначальный смысл этих обрядов к началу XX в. был уже почти забыт, а в последующем они стали уже развлекательным моментом.

Для заключительного дня ярашона было характерно ряжение (пõртмаскон), распространенное у многих народов. Название ряженных в северных районах “вожо баба” свидетельствует о древности обряда, т. к. представления о вожо относятся к дохристианским верованиям удмуртов. В начале XX в. ряженные на свадьбе своими действиями лишь забавляли присутствующих.

Свадебные торжества являлись кульминационным моментом всего ритуала. Обряды, проводившиеся после них, были направлены на утверждение и дальнейшее закрепление отношений между породнившимися коллективами, вхождение невестки в родню мужа, включение ее в трудовой процесс в новой семье. Здесь и взаимные визиты родителей новобрачных в сопровождении пожилых родственников, не ездивших на свадебные торжества, причем первые визиты той и другой стороны сопровождалось пением свадебных песен. Сюда относится поочередное приглашение новобрачных родственниками жениха для знакомства молодой с новой родней (кен

отчан); обряд дарения ей прялки одним из ее родственников (кубноун), в отдельных районах, кроме того, был обряд дарения грабель и косы (мажес нуон), которые перед началом сенокоса привозила ей мать. В первый день сенокоса выполнялся обряд купания молодухи в реке (сялтым), по-видимому, дань древней языческой традиции приобщения к воде, задабривания духа воды. Цикл обрядов, связанных с образованием новой семьи, завершался осенью увозом обещанной в приданое скотины.

Снискать себе доброе отношение в новой семье сноха могла трудолюбием, покорностью и послушанием. Ей запрещалось показываться перед старшими мужчинами семьи мужа босиком и с непокрытой головой.

Основные моменты свадебного ритуала одинаковы у всех удмуртов, однако в деталях на севере и юге республики, а также за ее пределами имеются различия. В структуру северно-удмуртской свадьбы вошли заимствованные элементы русской свадьбы: ритуальное мытье невесты в бане накануне свадьбы (встречавшееся в некоторых деревнях), покупка отцом жениха сундука для невесты, свадебное покрывало невесты ширимка, свадебный персонаж ведун, возмась с знахарской функцией дружки и др. У удмуртов, живущих, например, в Башкортостане, в отрыве от основного этнического массива, больше сохранилось архаических элементов свадебной обрядности.

Проведение полной свадьбы со всей обрядностью требовало больших расходов и было под силу далеко не всем. Однако, соблюдая обычай, старались все же провести ее, хотя бы в сокращенном варианте, сознательно отказываясь от выполнения отдельных обрядов.

С начала XX в. свадебный ритуал во многом изменился.

В наше время сватовство в традиционной форме не соблюдается. Вопрос о браке молодые люди решают между собой, после чего их родители обсуждают вопрос об организации свадьбы и устройстве быта молодой семьи.

Традиционные обряды в большей мере сохраняются на свадебных торжествах, но и здесь их остается все меньше. Так, с возрастной унификацией одежды исчез обряд переодевания невесты в женский наряд, обряд перемены прически, забыты послесвадебные обряды адскон, сюлык кыскон. Не соблюдаются обычаи избегания.

У удмуртов центральных и южных районов свадьба, как и прежде, проходит с гулянием в домах родственников жениха и невесты. Бытуют свадебно-обрядовые песни, купание молодухи, включая и испытание ее хозяйственных навыков. Вместе с тем, наряду с традиционными, на современной свадьбе звучат и необрядовые песни, причем они все больше вытесняют обрядовые. Более того, на современной удмуртской свадьбе можно услышать и русские песни, популярные в стране или округе.

В прошлом в проведении свадеб наблюдалась сезонность: большая их часть игралась в январе-феврале (от рождества до великого поста) и летом около Петрова дня. Теперь они распределяются более или менее равномерно круглый год, за исключением мая, когда количество бракосочетаний заметно меньше; видимо, действует суеверная примета, необоснованно связывающая название месяца с глаголом маяться ("свадьбы в мае весь век маяться", также и родившихся в мае считают несчастными, обреченными маяться). Следует еще заметить, что в сельской местности, по традиции, летом свадеб проводится меньше, чем в другие времена года, а в городе напротив, наибольшее количество свадеб падает на июнь - сентябрь.

Усиление миграции населения способствует заимствованиям некоторых элементов и унификации ритуала в пределах этноса. Особенно наглядно это проявляется в городах, удмуртское население которых постоянно возрастает. Унификации свадебных обрядов способствует и то, что в современной свадьбе большую роль играют друзья, трудовые коллективы, а они, особенно в городах, как правило, многонациональны. Таким образом, изменился количественный и качественный состав действующих лиц: участников свадьбы стало больше, но без определенных ролей.

Сложился единый для всех ритуал торжественного бракосочетания, который и в удмуртских поселениях проводится только на русском языке. Очень редки попытки использования национальных элементов. А они, как правило, встречаются народом одобрительно. Повсеместно распространился унифицированный брачный костюм молодых: белое платье с фатой у невесты и костюмная пара у жениха. В белое платье невеста одевается только в первый день свадьбы, на второй день надевает цветное. В южных и центральных районах республики для второго дня свадьбы шьют удмуртское платье из цветного шелка.

Опросы удмуртского населения в 1968 и 1979/80 г. показали сокращение численности людей, знающих традиционные свадебные обряды, и положительное отношение к новой социалистической обрядности. Самый распространенный тип бытующей сегодня свадьбы состоит из сочетания торжественной регистрации брака и свадебного торжества с элементами традиционного ритуала.

Традиционный удмуртский свадебный ритуал в текущем веке претерпел ощутимые изменения, проявляющиеся как в содержательном составе обрядов, так и в их количественном выражении. Помимо сокращения всего ритуала, происходящего за счет отмирания отдельных отживших обрядов или некоторых их элементов, изменилось и отношение к выполнению бытующих ныне обрядов: манера их выполнения, утратившая свой серьезный, иной раз религиозно-магический смысл, приобрела игровой, шуточный

характер. Свадебный ритуал наших дней включает в себя традиционные удмуртские обряды, русские заимствования и общесоветские элементы.

Изменения свадебной обрядности продолжают и в наши дни.

Одной из основных функций семьи является продолжение рода. Семья не мыслилась без детей, поэтому одним из главных повторяющихся пожеланий новобрачным было иметь полон дом детей. Поэтому еще на свадьбе совершали ряд обрядовых действий, нацеленных на обеспечение деторождения невестки. Быть бездетной считалось не только несчастьем, но и постыдным.

Обряды, связанные с родами, были обусловлены желанием иметь здорового ребенка, обеспечить его благополучие, а также стремлением сохранить женщине-роженице дальнейшую способность к деторождению. Некоторые из них порождены суеверными представлениями о природе болезней, большой смертностью детей и стремлением сохранить их. В родильных обрядах сказывается влияние дохристианских языческих верований: беременной женщине запрещалось перешагивать через коромысло, веревки, оглобли, пинать, бить животных, не рекомендовалось ходить на похороны и пр.; мужчину в период беременности жены отстраняли от участия в копании могилы.

Роды обычно происходили в бане. Их принимала повитуха (гогы мумы), при трудных родах для облегчения мук роженицы она прибегала к различным приемам, в том числе и магическим. Приняв ребенка, повитуха перерезала пуповину, нарекая его при этом банным именем. По поводу рождения ребенка в этот же день устраивали благодарственное моление (вöй вöсян).

После родов три дня подряд для роженицы с новорожденным топили баню, где повитуха массажировала их. В конце XIX - начале XX в. удмуртские женщины придавали еще серьезное значение обрядовым действиям с пуповиной и детским местом, которые, по их представлениям, могли повлиять на здоровье, черты характера ребенка и роженицы, а также на ее способность к деторождению.

Незащищенность, слабость новорожденного породили различные поверия о его подмене домовым, о влиянии на него "дурного глаза" и пр. Для их предотвращения под подушку ребенка клали ножницы, к детской шапочке пришивали амулет, к ручке привязывали яркую нитку, оберегали новорожденного от посторонних глаз, мазали ему темя сажей или посыпали солью и т. п.

Роженица, по суеверным представлениям, также была подвержена опасности, поэтому ей следовало соблюсти некоторые меры предосторожности: не есть принесенное ей угощение, пока его не отведают кто-либо из членов семьи; отправляясь из дома, класть в карман луковицу или дольку чеснока в качестве оберега и т. д.

Из-за отсутствия медицинского обслуживания при заболеваниях детей, как, впрочем, и взрослых, прежде всего топили баню, где парили больного. Если баня не помогала, обращались к знахаркам, которые лечили заговорами в сочетании со средствами народной медицины; молились семейно-родовой святыне - воршуду.

Здоровье ребенка связывали и с именем, которому приписывали магическую силу. В семьях, где умирали дети, придерживались обычая скрывания имени (ним ватон); при частых болезнях ребенка выполняли обряд перемены имени (ним воштон), чтобы ввести в заблуждение "нечистую силу".

У удмуртов, как и у других народов, был распространен обычай угощать роженицу. Узнав о рождении ребенка, родственники и соседи приходили в дом с угощением, высказывали благопожелания новорожденному и роженице. По ее выздоровлении устраивался праздник родин (нуны сюан). С распространением обряда крещения его стали приурочивать к крестинам. На празднике отца новорожденного кормили пересоленной кашей, заставляли его плясать под звон печной заслонки. Исполняли соответствующую обрядную песню.

Традиционная обрядность, связанная с рождением ребенка, претерпела в советский период еще большие изменения, чем свадебная. Этому способствовали рост культуры и образования населения, коренное улучшение медицинского обслуживания.

Роды в наше время происходят в родильных домах, поэтому обряды, связанные с пуповиной и детским местом, забыты. Ребенок обязательно регистрируется в ЗАГСе или в сельсовете. При заболевании ребенка обращаются в больницу, а не к обряду перемены имени. Правда, в сельской местности многие еще верят в различные приметы, в "сглаз", которым объясняют плаксивость ребенка, и для "лечения" от него брызгают в лицо ребенка водой.

Подавляющее большинство удмуртского населения отказалось от церковного крещения детей. Однако традиция назначать ребенку крестных, как их продолжают называть, или нареченных родителей, многими сохраняется. Живет добрый народный обычай ходить к роженице с поздравлениями и гостинцами. В ряде районов бытует еще обычай на празднике родин бить в печную заслонку, однако он утратил прежний магический смысл и приобрел шуточно-игровой характер. На родины, кроме родственников, приглашаются члены трудовых коллективов, друзья. Приглашенные теперь почти все приносят подарки новорожденному или его матери, что прежде было не принято.

Новую струю в обрядность внес разработанный в 1960-е гг. ритуал торжественной регистрации новорожденных, который стал

внедряться в республике. Как показывают массовые обследования, новая обрядность одобряется населением и требует более широкого распространения, в том числе и на удмуртском языке.

В традиционной родинной обрядности, таким образом, произошли большие изменения: некоторые элементы традиционных обрядов (прежде всего религиозно-магические) близки к исчезновению, другие сохраняются, но теряют прежний смысл, переосмыслиются, приобретая шуточный характер (например, игра на заслонке), третьи остаются без изменения (угощение роженицы) и, наконец, наблюдается появление новых элементов (принесение подарков, торжественная регистрация). В результате родинная обрядность выглядит во многом по-новому.

Содержание традиционных погребальных обрядов определялось представлением о смерти как о переселении в “потусторонний” мир (сопал дунне). Они состояли в различных действиях, которые, согласно религиозному мировоззрению, должны были облегчить умершему переход в “загробный” мир, устранить возможные препятствия на его пути, обеспечить ему благополучие. С представлением о загробной жизни был связан известный и у других народов обычай снабжать покойника разнообразными вещами (одеждой, рабочими инструментами, предметами туалета) и едой.

Погребальные обряды были мотивированы не только заботой о душе покойного, но и о будущем живых: считалось, что соблюдение необходимых обрядов над умершим гарантирует его доброжелательное отношение к живым. Суеверный страх смерти, неумение объяснить ее причины породили множество примет и поверий, будто бы предвещающих смерть: вой собаки, крик курицы по-петушину, крик совы во дворе, каравай, оставшийся в печи при снятии хлебов, сновидения с копанием земли или рубкой дров и т. п.

В воззрениях на смерть отражена мысль о ее неизбежности, поэтому старые или долго болевшие люди заранее готовили “смертную” одежду (обычно светлых тонов, ту, в которой ходили на моления или венчались), договаривались об омовении тела и о месте захоронения.

Смерть связывалась с понятием о душе (лул), считалось, что она наступает, когда душа покидает тело. Сразу после смерти оповещали родственников и соседей, которые принимали участие в подготовке и процедуре похорон и в поминках. Идя прощаться с покойником, несли продукты (сырые яйца, муку или крупу), которые использовались для приготовления поминального обеда.

Тело покойника мыли березовым веником теплой речной водой, укладывали в гроб, в отличие от русских, головой к дверям. В стенке

гроба или крышке проделывали дырку-оконце (урт* ветлон пась), чтобы душа умершего могла выходить на свободу.

Считалось, что до выноса покойника душа незримо находилась в доме. Поэтому в это время запрещалось в доме пользоваться режущими и колющими предметами, “чтобы не поранить душу”. В этом проявляется нечеткость и двойственность представления о душе: она и материальна и в то же время как бы нематериальна. Она могла якобы пить и есть, поэтому с наступлением смерти на стол или подоконник ставили воду. После похорон на могиле устраивали небольшую трапезу, кусочки пищи оставляли на могиле для умершего, “угощали” и ранее умерших родственников. Дома устраивался поминальный ужин, на котором для умершего ставили посуду, куда бросали кусочки поминальной пищи.

Как и у других народов, у удмуртов бытовало представление о нечистоте покойника; от соприкосновения с ним могли быть нежелательные последствия, поэтому обмывали покойника старые люди, чтобы молодые не страдали. Вредоносное действие приписывалось и вещам, соприкасавшимся с покойником, их сжигали или выбрасывали в специальное место по пути на кладбище. Это место (кур куян, шелеп куян) также считалось нечистым и опасным. С подобными представлениями о покойнике связан ряд очистительных обрядов (мытьё полов после выноса покойника, разжигание костра перед уходом с кладбища, проведение лопатой или топором черты поперек дороги, мытьё в бане после похорон и т. п.), выполнение которых якобы ограждало живых от мира мертвых и очищало от соприкосновения с ними. При этом очищающие свойства удмурты, как и другие народы, приписывали огню, воде и металлу.

Умершим приписывали свойство возвращаться с “того света” и пугать людей. Для предотвращения этого при выносе гроба снимали дверь с петель (реликт обычая выносить через пролом в стене), во дворе гроб ставили на чурку и поворачивали кругом, чтобы сбить с дороги. Перед выносом прикасались к ногам покойника, приговаривая: “Не пугай”; после выноса многие садились на то место, где стоял гроб, с той же просьбой. Из этих же соображений после установления гроба на повозку заглядывали из-под телеги или саней на копыта лошади; по возвращении с похорон вокруг дома сыпали трехлетний мак и т. п.

Таким образом, в погребальных обрядах прослеживается двойственное отношение к покойнику: с одной стороны - страх перед ним, желание как-то оградить себя от мира мертвых, с другой -

* Урт - душа умершего. М. Г. Атаманов, В. Е. Владыкин. Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX-начало XX в.)//Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 135.

почтение к ним и надежда на их помощь. Оказанием погребальных почестей надеялись снискать расположение умерших.

Стремление вызвать доброжелательность умерших было характерно и для поминальной обрядности (кисьтон). Поминали в день похорон, затем на седьмые (или девятые) и сороковые сутки и через год. В дни общих поминовений весной и осенью ходили на кладбище. Свообразны были поминки йыр-пыд сётон, которые устраивались в честь умерших родителей через 3-5 лет после их смерти.

Характер погребальных обрядов, как и других семейных обрядов, в советский период заметно изменился. Традиционные обряды, связанные с представлениями о загробной жизни, определяемые страхом перед умершим, во многом забыты. В их соблюдении теперь уже нет былой четкости и регламентации, нарушение прошлых установлений не осуждается.

Смысл ритуала похорон в наше время состоит в том, чтобы отдать дань уважения гражданину, труженику, оказать ему соответствующие почести и проводить в последний путь. В содержании похоронного ритуала религиозные мотивы уступают место общегражданским. Хотя роль религиозных обрядов в советский период значительно ослабла, они еще не исчезли совсем. Отпевание (правда, чаще заочное) практикуется еще довольно многими, у гроба старого человека поют молитвы. У части населения еще не изжиты суеверный страх перед покойником и объясняемое этим соблюдение некоторых обрядов с целью оградить себя от его недобрых "действий" (прикасание к ногам покойника, приседание на скамью, где стоял гроб; по аналогии с заглядыванием под сани заглядывание под машину, на которой увозят гроб, и т. д.). Но делают это, надо заметить, с некоторой долей иронии над собой.

В северных районах, как и в прошлом, исполняют похоронные мелодии (шöй крезь) и песни (курекьян мадь), в том числе и русские типа "Прощайте, все мои родные", "Ходила я в лес по малину", "Сижу я в темнице, лежу я в сырой" и т. п.

На проведении похорон сказалось и улучшение материального благосостояния населения в 70-80-е гг. Покойника стараются одеть как можно лучше, часто во все новое, но одежду и другие вещи в гроб не кладут. Гроб обивают тканью, чего раньше не делали. Если в прошлом в день похорон при прощании с покойником раздавали его вещи, то теперь ношенные им вещи отдают только пожилым людям, а для раздачи специально покупают платки, головные и носовые, полотенца, отрезы ткани и т. п. Многие не только в городах, но и в деревнях в 80-е гг. старались нанять духовой оркестр. Теперь это стало не по карману.

В организации похорон, как и других семейных обрядов, участвуют представители трудовых коллективов. Предприятия

выделяют транспорт, оказывают материальную помощь. Известным людям устраивают гражданские похороны.

Поминки отмечаются и поныне, кроме йыр-пыд сётона, который устраивается эпизодически в отдельных районах. На похороны и поминки, как и в прошлом, все идут с продуктами. Поминают также в выходные дни, когда готовят не будничный обед.

Единичные случаи организации дней памяти на кладбищах встречают одобрение народа и сожаление по поводу их эпизодичности.

При всех происшедших изменениях современная похоронно-поминальная обрядность выглядит более консервативной, чем свадебная и родильная. Сравнительно более архаичной выглядит обрядность удмуртов, живущих на территории Башкортостана, Татарстана, Кировской и Пермской областей, а также в ряде деревень южной Удмуртии.

Таким образом, семейная обрядность удмуртов за советский период, особенно в последние десятилетия, значительно обновилась: из обрядов постепенно выпали религиозно-магические элементы, они наполнились новым содержанием, соответствующим советскому образу жизни. И этот процесс продолжается¹⁸. Протекает он сложно, что объясняется усложнением, по сравнению с XIX в., социально-классовой, профессиональной, социально-культурной структуры этноса.

Активное участие в семейных обрядах широкого круга родственников является и стабилизирующим, и трансформирующим фактором. Участие пожилых способствует сохранению традиций, передаче их молодым поколениям. Социально-профессиональная, социально-культурная, даже национальная неоднородность молодых поколений родственников, способствует обновлению, изменению традиционной обрядности, приведению ее в соответствие с воззрениями сегодняшнего дня. Последнее происходит также под активным влиянием общественности и трудовых коллективов.

Краткое рассмотрение развития удмуртской семьи и семейных обрядов выявляет немало проблем как теоретического, так и практического плана, в числе которых изучение национально-смешанных браков, разводов, воспитание молодого поколения, совершенствования современной обрядовой службы.

¹ Никитина Г. А. Регулятивная функция общины в сфере семейного быта удмуртов в пореформенный период (1861-1900)//Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII-XX вв. Устинов, 1985. С. 53.

² Гришкина М. В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в последней четверти XVII - первой четверти XVIII в.//Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 69.

³ Там же. С. 93-97.

⁴ Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII первой половине XIX в.// Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII-XX вв. Устинов, 1985. С. 10.

⁵ Там же. С. 10-12.

⁶ Там же. С. 15-16; Никитина Г. А. Указ. соч. С. 62-66.

⁷ Никитина Г. А. Указ. соч. С. 56.

⁸ Харузина В. Н. Вотяки. М., 1898. С. 9.

⁹ Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов//На удмуртские темы. М., 1931. Вып. 2. С. 29.

¹⁰ Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 10; Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб, 1886. С. 5.

¹¹ Косвен М. О. Указ. соч. С. 23, 29

¹² Семенова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций (по материалам села Ляльшур Удмуртской АССР)// Советская этнография. 1981. № 1. С. 76.

¹³ Федотов М. И. Термины родства бесермян//Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII-XX вв. Устинов, 1985. С. 129-130.

¹⁴ Чеснокова З. П. Тенденции формирования и развития сельской семьи в Удмуртии//Статистико-этнографические исследования в Удмуртии. Устинов, 1985. С. 130.

¹⁵ Васильева Э. К. Семья и ее функции: демографо-социологический анализ. М., 1975. С. 65; Белова В. А., Бондарская Г. А. Сколько детей собираются иметь наши женщины//Наши женщины. М., 1984. С. 39-40.

¹⁶ Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Вятка, 1901. С. 295.

¹⁷ Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР (статистический справочник). М., 1991. С. 57.

¹⁸ Христолюбова Л. С. Традиционное и новое в обрядовой жизни села// Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. Ижевск, 1983. С. 72-87.

Глава X. ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

1. Традиционные праздники и развлечения

Важное место в жизни деревни наряду с семейными торжествами играли календарно-обрядовые праздники. Они сопровождались праздничными народными гуляниями и развлечениями, в которых нередко участвовала вся деревня от мала до велика. Подготовка и проведение их санкционировались и контролировались общиной.

Народные праздники представляли яркую демонстрацию народного творчества: устно-поэтического, музыкального, хореографического, прикладного, театрального. Они выполняли не только развлекательную функцию, через них подрастающее поколение приобщалось к установившемуся укладу жизни, усваивало эстетические взгляды народа, морально-этические нормы поведения и культурно-идеологические ценности.

Возникновение и бытование календарных обрядов связано с хозяйственной деятельностью народа, периодичностью и повторяемостью основных видов занятий. Календарные обряды удмуртов, как и других народов, занятых преимущественно земледельческим трудом, носили ярко выраженный аграрный характер.

Наиболее значимыми периодами в обрядовом календаре считались дни зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия, а также дни, связанные с определенными фазами луны, вокруг которых группировались традиционные обрядовые циклы. В них отразились "древние взгляды на природу и попытки воздействовать на нее, повседневные думы и заботы крестьянина о хлебе насущном, об урожае, от которого зависело благополучие семьи"¹. Приуроченные к важнейшим этапам сельскохозяйственных работ (начало и конец сева, сенокос, начало и окончание уборки урожая и т. п.) календарные праздники представляли собой сложные комплексы, включавшие, помимо обрядовых действий, молитвенных и песенных заклинаний, гадания, приметы и суеверия, благопожелания и табу на какие-либо действия в те или иные отрезки времени, а также разнообразные виды развлечений, одни из которых приурочивались к определенным праздникам (игры с яйцами и

качели в пасху, ряженье осенью и в святки), другие были неотъемлемой частью любого праздника (песни, пляски, игры).

Возникшие в глубокой древности как аграрно-магические действия календарно-обрядовые праздники, начиная с XVIII в., испытали заметное влияние христианства, и в конце XIX начале XX в. их проведение нередко приурочивалось к дням церковных праздников (рождеству, крещению, пасхе, троице и т. д.), названия которых постепенно заменяли традиционные или использовались как синонимы наравне с дохристианскими названиями. При всем том они сохранили существенную часть дохристианской обрядности, в том числе и связанные с культом предков, что было весьма характерно для удмуртской аграрной обрядности².

Годовой цикл обрядов и праздников, отмечавшихся в удмуртской деревне, как и у других земледельческих народов, можно разделить на весенне-летние, связанные с подготовкой к сельскохозяйственным работам, направленным на обеспечение хорошего урожая, и осенне-зимние, основой которых были благодарственные мероприятия в честь собранного урожая, утверждение дальнейшего благополучия.

Зимний цикл календарной обрядности удмуртов начинался в дни зимнего солнцестояния, называвшегося вождыр, что означает переходное время³.

Первоначально это слово обозначало, очевидно, запретное, табуированное время, так как в этот период запрещалось работать, особенно строго соблюдался запрет на стирку. Объясняли это тем, что якобы в эти дни по земле гуляют страшные духи (вожо), приносящие человеку беды и несчастья. Под влиянием христианства в быту удмуртов утвердились элементы рождественско-новогоднего праздничного цикла, объединенного традиционным названием вождыр, которым стали именовать период от рождества до крещения.

Первый традиционный зимний праздник (толсур, ымусьтон) со временем приурочился к рождеству. В первый его день снималось табу на пищу, наложенное после осеннего праздника сйзыл юон, проводившегося в конце ноября начале декабря. К празднику прибирали в доме, готовили пиво, кушанья, приглашали гостей, назначали свадьбы. Готовясь к празднику, взрослые узнавали, у кого из деревенской родни намечаются званые гости: по обычаю, их следовало пригласить к себе для угощения, поэтому в ожидании гостей к празднику готовились лучше, и он проходил с большей торжественностью.

В этот день начиналось ряженье (пöртмаськон, пензаськон, вожояськон, чокморскон). Считалось, что ряженные отпугивают злых духов, изгоняют болезни, приносят удачу в различных делах, способствуют урожаю конопли, увеличению поголовья скота. Поэтому их встречали радушно в каждом доме: ряженные пели, плясали, за

что получали угощение. Каждому из них давали что-нибудь съестное, обычно какое-нибудь хлебное изделие: кусок хлеба, коврижки, пирога или даже просто горсть муки. Все это впоследствии ряженные скармливали своему скоту.

Для святочных игр молодежь подыскивала отдельный дом (старый нежилой дом или новый, но еще не заселенный), где можно было бы проводить вечера. Там в эти дни рассказывали сказки, загадывали загадки, разыгрывали комические сценки с колодником и урядником, с бабой-ягой и солдатом, пели, плясали, играли в жгуты, жмурки, лодыжки, горностая, стрельбу в рябчика, отгадчика и др.⁴; молодежь гадала о суженых по поленьям (если из поленницы вытянуто ровное, гладкое полено, значит муж или жена будут с ровным характером и наоборот), по колосьям (из кучи соломы находили колос и считали, сколько в нем зерен: чем их больше, тем богаче будет муж), по овцам (в темноте ловили овцу и по ее масти судили о цвете волос нареченных) и т. д.

Более верным считалось гадание в новогоднюю ночь; в это время гадали и взрослые, загадывая о семейном благополучии и достатке, о покойниках и свадьбах. Первый день нового года, по народным поверьям, мог предсказать, как сложится год, надо только все - от погоды до действий людей - примечать. Определенными действиями (например, детям давали поддержать деньги, причем чем крупнее, тем лучше) в этот день стремились содействовать благополучию. Женщины, опережая друг друга, скатывались на санках с горы, считая, что у первой лен будет длиннее.

Ряжение и гадания заканчивались на крещение (йö вылэ султон). Накануне, как и перед рождеством, в домах наводили чистоту и порядок, готовились принимать гостей. Всякие работы в этот день также запрещались. С утра шли к реке, топором чертили на льду крест и на этом месте рубили прорубь: по народным воззрениям, в этот день все злые духи уходили под воду.

После завершения официальной обрядовой части взрослое население деревни гуляло, сгруппировавшись по родственному, патронимическому признаку; переходя поочередно из дома в дом, гостили понемногу у всех. Между угощениями время проводили в разговорах, беседах о хозяйстве, семейных делах, рассказывании побывальщин, разных происшествий и, конечно, пели, главным образом застольные, а также плясовые песни. Хозяева угощали своих гостей не только кушаньями и напитками, но и песнями. В ответ гости тоже пели, получался своеобразный песенный диалог. Мелодию понравившейся песни гости старались запомнить, чтобы спеть потом в своей деревне. Такое гостевание было традиционной частью любого удмуртского праздника. По замечанию К. И. Герда, в праздники удмуртские деревни представляли собой песенное царство. "Гости,-

писал он,- въезжают к вотяку с песней, угощаются песней и провожаются всей деревней с песнями до полевых ворот”⁵.

На праздниках пели все желающие: кто-то запевал, остальные подхватывали. В каждой деревне были свои песенники, известные или знанием большого количества песен, или красивым звонким голосом, искусством пения. При этом в народе бытовало мнение, что песенным даром судьба наделяла несчастливых. Такой взгляд на трудное искусство пения отразился и в записанной К. Гердом песне:

...Пичиисен кырзән усто луи,-
Шудтэм луэме туж тодмо.

С малых лет научился хорошо петь,-
Очень заметно, что буду несчастным.

(Перевод К. Герда)⁶

Хорошую певунью сравнивали с соловьем, а человека, искажающего мелодию, на́зывали паллян кырзась, то есть поющий влево, уводящий мелодию.

Через семь-восемь недель после нового года, в конце февраля начале марта праздновалась масленица (вõй дыр, вõй пырон-потон, вõй келян, масленча), которая завершала зимний цикл календарной обрядности и была началом весеннего цикла. Постоянной даты у масленицы не было, она приурочивалась к неделе, когда луна убывала и нарождалась новая; как говорили в народе, мытье посуды в этот праздник “должна увидеть” и старая, и молодая луна⁷. Всю масленую неделю удмурты, как и русские, пекли блины. Праздновать обычно начинали в четверг и кончали в воскресенье.

Последний день день проводов масленицы был наиболее красочным, звонким, наполненным весельем. В нем участвовала вся деревня. Как и в другие праздники, на масленицу назначали свадьбы, приглашали гостей, которые по народной традиции ходили по всей родне. При переходах из одного дома в другой непременно старались повалить друг друга в снег, особенно дети и молодежь.

Другим развлечением в масленицу было катание. По улицам катались на разукрашенных лошадях, запряженных в праздничные сани-кошевки. Прокатывались даже до соседних деревень. Если катание с гор было повседневным зимним развлечением детей, то в масленицу катались и взрослые, причем не только на санках, но и на санях, куда садились в большом количестве, а то и на пряхках, корытах и пр. В некоторых деревнях на горах устраивали шесты, наподобие рельсов железных дорог; шесты эти клали на поленья на расстоянии одного аршина один от другого и соединяли посредством зарубок; внизу бросали солому, чтобы катающиеся не могли ушибиться в случае падения; а чтобы шесты были гладкими, по утрам поливали их водой. Скатывались по ним обычно по двое,

парень с девушкой, или молодые супруги, стоя и держась за руки⁸. Позднее это стало развлечением детей.

Катание в масленицу, валяние в снегу, обрядовая трапеза с патронимическим коллективом или соответствующей половозрастной группой, “угощение” умерших сородичей знаменовали конец долгого и трудного зимнего периода, наступление весны с ее заботами. Первоначально они имели магический характер и были призваны обеспечить получение нового урожая. Впрочем, в XX в. над магическим смыслом этих обрядов уже не всегда задумывались, а просто развлекались, веселились.

На масленой неделе или даже после нее в дни поста устраивали мытье мотов пряжи (шорт миськон), для чего созывали родню. Моты пряжи, замоченные в зольном щелоке, возили мыть к реке. Вернувшись оттуда, переодевались, и начиналось угощение, после чего сидели и пели песни. Как всегда, собирались и зрители посмотреть гостей, послушать песни. Когда мытье заканчивалось во всех домах, устраивали деревенский праздник. Женщины при гулянии из дома в дом носили с собой прялки орудие для изготовления пряжи.

После проводов масленицы наступал семинедельный великий пост, в течение которого крестьяне готовились к полевым работам.

Приятным для молодежи занятием в эту пору было беление холстов (дэра гужатон), ассоциировавшееся с веселым времяпрепровождением. Сотканые зимой холсты ранней весной стелили на снег. Время от времени их переворачивали и смачивали водой, мыли и снова стелили. Это продолжалось в течение двух-трех недель. Все это время ночами молодежь караулила их, проводя время неподалеку, развлекаясь играми - традиционным репертуаром устного народного творчества⁹.

В прошлом веке к последней неделе поста приурочились обряды, отмечающие пробуждение природы, начало года земледельца и связанные с ними очистительные обряды. В ночь на вербное воскресенье, великий четверг или пасху выполнялась процедура изгнания шайтанов, колдунов и прочих злых духов и болезней. Например, у удмуртов Сосновской волости этот обряд проходил в ночь на вербное воскресенье. Дождавшись темноты, парни и девушки, взяв ивовые прутья, с шумом проходили из конца в конец деревни и заходили в последний дом. Хозяин дома зажигал лучину, выходил вместе с пришедшими во двор и бросал ее. Кто-то подхватывал лучину и бросал в товарища, а тот в другого и так далее до тех пор, пока та совсем не потухнет. Упавшую лучину били прутьями. Когда лучина гасла, хозяину говорили, что шайтана выгнали и он может идти домой, а сами, захватив обгоревшую лучину, отправлялись в следующий дом. Процедуру повторяли во

всех дворах, после чего все лучины уносили за деревню, сжигали и расходились по домам¹⁰.

В Глазовском уезде, по наблюдениям Н. Г. Первухина, обряд исполнялся в великий четверг утром мужчинами, которые обходили все строения своего хозяйства, ударяя можжевельными ветками, потом верхом выезжали за ворота и вместе с другими проезжали до конца деревни, где втыкали свои ветки и возвращались домой¹¹.

Подобные обрядовые игры под названием пучы шуккон и сорем шуккон* Б. Гаврилов записал у южных удмуртов, в Мамадышском уезде Казанской губернии¹². В вербное воскресенье удмурты приносили домой и ставили в передний угол к иконам ветки вербы, которые, как и у русских, использовали при первом выгоне скота.

Насыщен был обрядами великий четверг (кулэм потон уй, кулыш уй, поркуш уй, - ночь выхода мертвых, или чук мунчо уй, - ночь перед утренней баней, так как в ряде мест утром в этот день принято мыться в бане). Его удмуртские названия свидетельствуют об очистительном характере обрядов этого дня, их связи с культом предков и глубокой древностью. Ряд обрядов, приуроченных к великому четвергу, в прошлом были, очевидно, новогодними: гадания о будущей судьбе, различные обряды продуцирующей магии для обеспечения благополучия в новом году. Г. Верещагин писал, что "первым днем новолетия у удмуртов считался великий четверг"¹³. Возможно, что на удмуртские традиционные новогодние обряды наслонились заимствования типологически сходных обрядов русских**, благодаря чему четверговая обрядность этих народов приобрела общие характеристики. Со сменой года, подготовкой к новому севу связаны, очевидно, и очистительные обряды, выполняемые в этот день. Наиболее широко признанными способами очищения (от грехов, болезней, злых духов и пр.) у многих народов было омовение, окуливание и очерчивание металлическим предметом магического круга¹⁴. Все эти способы достаточно широко применялись в великий четверг и в удмуртской среде.

По повериям, в эту ночь по земле гуляли мертвецы, всякая нечисть (жобьес), которые могли наслать болезнь, порчу. Страх перед их вредоносными действиями породил различные магические приемы: с вечера усадьбу очерчивали топором, косой или ножом, на окна и двери клали металлические предметы (шило, нож, топор и т. п.), рисовали дегтем или углем кресты, втыкали ветки можжевельника,

* Сорем шуккон - не переводится, очевидно, неточная запись. Правильно сурен шуккон, что означает битие колдунов (сурен - диал. колдун; шуккон - удар, битие), т. е. изгнание злых духов, шайтанов.

** Д. К. Зеленин считал, что с великим четвергом у русских совпал прежний день нового года. См.: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. ПГ., 1916. Вып. 1. С. 222.

терновника, пихты или рябины; дымом можжевельника окуривали избу. В полночь ходили с трещотками, стреляли из ружей, жгли порох, ударяли палками по углам домов.

Стремясь узнать, каким будет год, что он принесет в семейной и хозяйственной жизни, ходили гадать: ночью на перекрестке дорог или сидя на крышах домов, внимательно прислушивались ко всем звукам, которые толковали применительно к своему ближайшему будущему. Рано утром, до восхода солнца, считали деньги, чтобы их было больше, умывались, опустив в воду серебряную монету, чтобы лицо было чисто, как серебро, окуривали углы избы можжевельником, сжигаемым на заслонках; разводили во дворе костер и прыгали через него сами и прогоняли скот; некоторые мылись в бане, после чего веник выбрасывали, чтобы ушли болезни. После бани ели хлеб с солью, оставленные на ночь на столе. Веря в целительную силу этой соли, ее употребляли и для лечения. Девочки-подростки ходили по домам, выпрашивая разноцветные нитки, которыми обвязывали кисти рук и поясницу всех членов семьи, чтобы те не уставали в дни сенокоса и жатвы.

Выполнением различных магических обрядов стремились обеспечить здоровье членов семьи, приплод скота и успех в хозяйственных делах: утром до восхода солнца выходили в хлев и окликали скот, чтобы он размножился, с этой же целью скармливали ему веники, обсыпали овец муравейником, чтобы агнyat было так же много, как муравьев и т. д.¹⁵ Как видно из вышеизложенного, в последней четверти XIX в. на языческую обрядность наслоились кое-какие христианские (рисование крестов), однако первые все же заметно преобладали. Четверговые обряды удмуртов типологически сходны с таковыми у русских и многих других европейских народов¹⁶ это очищение и подготовка к весенним работам.

Как только появлялись первые проталинки и начинала зеленеть трава, проводился праздник встречи весны, называемый гуждор или йö келян. Молодежь и старики шли в этот день в отведенное для молений место и варили собранные для этого случая яйца, кашу или суп. Затем все жители деревни отправлялись к реке и совершали ей жертвоприношение, “чтобы весна была тихая, чтобы разлив не принес убытков, чтобы вместе со льдом ушли болезни животных и людсй, чтобы не тонули ни люди, ни скот”. Девушки с песнями шли по берегу, провожая лед, парни стреляли. Затем начиналось общее веселье с песнями, плясками. Элементом этого праздника у северных удмуртов был обряд сялтым - обрызгивание водой молодежи, вступивших в брак зимой.

В конце XIX в. этот праздник был перенесен на более поздний срок и стал составной частью праздника первой борозды (геры поттон)¹⁷.

Большим событием в деревне всегда было начало весенних полевых работ (гырыны /кизыны потон, геры/ кидыс поттон, акашка), которое сопровождалось различными обрядами и народным весельем. Этот праздник был, по-видимому, самым важным в календарном цикле. Об этом свидетельствует и отдельный напев (акашка-гур), обслуживавший только этот обряд, тогда как все остальные календарные обряды обслуживались практически одним типизированным напевом, называемым вóсь гур, обозначающим мелодию обряда гостевания в честь какого-либо календарного праздника.

С внедрением православия этот важный сельскохозяйственный праздник приурочился к пасхе (быдзым нунал, великтэм, паска, акашка), особенно в те годы, когда пасха была поздней. Поэтому в ряде мест у южных удмуртов пасха именуется акашкой или же акашка входит как составной элемент в празднование пасхи. Но, если даже пасха не совпадала по сроку с акашкой, обрядовое содержание этого дня было дохристианским, это были обряды встречи весны, а пасхальным было лишь известное словесное приветствие людей при встречах. Даже обязательные в пасху крашеные яйца издревле были символом плодородия и как таковые являлись элементом календарной обрядности. В пасху, как и в русских деревнях, водили хороводы, качались на качелях, катали яйца, позднее к ним добавились шары и кольца все это должно было, по поверьям, способствовать будущему урожаю.

Постоянного срока проведения праздника гырыны потон, акашка, не было, он зависел от погодных условий и готовности земли к посеву, поэтому каждый раз назначался советом домохозяев. В назначенный день с утра, чаще в понедельник или четверг, всей деревней осматривали лошадей, лучшую выбирали для выполнения обряда. Первую борозду поручали уважаемому старику, человеку “с легкой рукой”. В некоторых деревнях первую борозду каждая семья начинала на своей полосе (но все же на одном поле), потом собирались все вместе. Обязательным было жертвоприношение божеству земли: в борозду опускали горбушку хлеба и яйцо, а также кусочки от всех принесенных видов еды и напитков, прося у него содействия в проведении посевной и обеспечения хорошего урожая. Засеяв вспаханный участок, вместе с зерном бросали крашеные яйца, “чтобы зерно уродилось с яйцо”. Дети и молодежь наперегонки собирали их. Если при этом кто-то падал, это считалось хорошим предзнаменованием: значит, колос будет тяжелым.

После выполнения обряда все возвращались в деревню. Взрослые проводили время в традиционном гостевании, угощаясь в честь праздника плуга. При этом в каждом доме сначала пели обрядовую песню акашка гур, а потом и другие. Молодые люди совершали

объезд дворов, разыгрывая моление¹⁸. По улице ехали с песнями. Пели, например, песню “Поттод меда” (Вынесешь ли).

Поттод меда
Сьод валэлы
Горд лемта?
Пуном ке пуном
Аршинэн но жыныен...

Вынесешь ли
Вороному коню
Красную ленту?
Заплетем так заплетем
В полтора аршина...¹⁹

После этого они присоединялись к девушкам и проводили время на лужайке где-нибудь на склоне горы за деревней, забавляясь песнями, плясками, играми. Игры шли под песни, спокойную игру сменяла подвижная. Играли в третьего лишнего, в горелки, мышки, лодыжки, бабки, были различные варианты игры в умыкание невесты, в женитьбу. Так, в игре “Ожо, ожо, венья тарык” играющие вставали в две шеренги, обращаясь к другой, кричали:

- Ожо, ожо, венья тарык!

Другая отвечала: Кому чего надо?

Им называли одного из игроков. Игрок, чье имя назвали, бежал в сторону другой шеренги: он должен был разорвать цепь их рук. Если это удавалось, забирал одного из ее игроков в свою группу. При неудаче он оставался в этой команде. Возможно, что “в таких игровых песнях отражены (хотя бы и в пережиточных формах) различные способы приобретения невесты и заключения брака”²⁰. В одних играх невесту похищают, в других меняют на какую-нибудь ценность. Играющие переходят из одной шеренги в другую, т. е. “в состав другого рода”.

Шумные игры сменяли спокойные песни, которые пели, стоя кругом, держа друг друга за руки, за талию и раскачиваясь из стороны в сторону - манера исполнения, характерная почти для всех финно-угорских народов. Особенно было удобно так петь песни, объединяемые под названием ай-кай гурьёс. Это четырехстрочные песни, каждая из которых заканчивается укачивающим припевом ай-кай:

Гурезь но бамын
Векчи но шалы:
Чале, лэзьяськыса,
Шудоме, ай-кай...

На склоне, да, горы
Тонкая да палочка:
Идемте, кидаясь,
Играть, ай-кай... и т. д.²¹

Потом пускались в пляс под звон гуслей или других инструментов, а то и просто под пение. Популярными были хороводы (бергаса шудон): песенные (кырзаса шудон), когда после шумной игры или пляски ходили с песней по кругу, плясовые и игровые, когда содержание песни как-то инсценировалось, показывалось

действиями, например: “Учке али бакчамес” (Посмотрите наш огород), “Ойдолэ, эшъёсы, гуждоре султоме” (Пойдемте, друзья, встанем на лужайку) или “Тон, эше, садэ пыр” (Ты, подружка, в сад войди) и много других. В последней один из играющих становился в центр круга. Игроки с пением двигались по кругу:

Тон, эше, садэ пыр,
Тйни озы садэ пыр.
Тон сэре сясъка бича,
Тйни озы сясъка бича.

Ты, подружка, в сад войди,
Вот так в сад войди.
Потом цветы собирай,
Вот так собирай.

Игрок в кругу имитировал сбор цветов. Все слова песни сопровождалось движениями. После слов:

Тон сэре экты али,
Тйни озы экты али.

Ты потом попляши-ка,
Вот так попляши-ка²²,

сплясав и выбрав себе замену, становился со всеми и игра начиналась снова.

Среди северных удмуртов было известно много русских хороводов “А мы просо сеяли”, “Со вьюном я хожу”, “Селезень утку ловит”, “Александровская береза”, “Белый снег”, “Жала дева”, “Из Сибири, из Казани”, “Ехал парень молодой”, “Во поле березонька стояла” и др. А некоторые из них (“А мы просо сеяли”), переведенные на удмуртский язык, были известны почти повсеместно.

Надо сказать, что в праздничных хороводах нередко участвовали и взрослые, приходившие посмотреть развлечения молодежи. Да и молодежь, уйдя с лужайки, могла прийти в любой дом, где собирались взрослые, чтобы повеселить, развлечь их песнями и плясками, показать свои наряды, а значит и свое искусство рукоделия, посмотреть приезжих гостей, если такие были, послушать их песни. Поразвлекав взрослых в нескольких домах, молодежь уходила на свое традиционное место гуляния, где, меняя виды развлечений, проводила время до поздней ночи.

Так забавлялась молодежь не только в праздники: песни, пляски, разнообразные игры, хороводы были их повседневной забавой с первых весенних праздников до завершения летнего праздничного цикла.

Обрядовые праздники, проводимые после окончания весенней пахоты, также занимали важное место в календарном цикле. Существовали разные термины для их обозначения, чаще всего узколокальные. Разными были и сроки их проведения, которые зависели от погодных условий. Наслоение христианской терминологии и деталей обрядов усложнили их выделение. По-видимому, обряды окончания пахоты и сева (гырон быдтон, ю вось, бусы вось) и троицы (куар басьтон, куар вёсян, трочин) нужно рассматривать как

локальные проявления единого предствления о необходимости проведения обрядов благодарений в честь окончания сева и обеспечения будущего урожая, которые слились с троицей. Эти праздники проводились в начале дней летнего солнцестояния. Так же, как и во время праздника первой борозды, одним из главных моментов праздника гырон быдтон являлись скачки на лошадях. К этому дню по деревне собирали яйца, у молодухек головные полотенца и кисеты, чтобы вручить их в качестве призов победителям скачек и других игр-соревнований. Лошадь-победительницу на скачках кормили кашей. Обязательным моментом празднеств были моления: семейные и коллективные патронимические или деревенские. Именно в этот период проводились крупные моления (булда вось, дэмен вось, ошпи сиён), на которые собиралось около десятка деревень. Развлекательная часть была традиционной: песни, хороводы, игры, пляски репертуар которых был достаточно разнообразен, хотя частично и повторялся.

В местах шумного праздничного веселья обычно находились и дети. Они наблюдали за играми молодежи, копировали их сами: игровые песни и хороводы в праздники среди детей были также распространенным явлением. Постепенно они разучивали весь игровой и в целом развлекательный репертуар своей деревни.

В последние дни летнего солнцестояния, период между троицей и Петровым днем, называемые, как и в дни зимнего солнцестояния, вождырь или инвожо, устраивался летний праздник, называвшийся в разных местах гербер, гужем юон, куарсур, Петрол, Петров день. Названия говорят о приуроченности традиционных праздников к Петрову дню церковного календаря. Гужем юон или гербер считался последним праздником земли в году (музьемлэн берпуметй праздникез), последним летним праздником: до этого дня заканчивали все весенние сельскохозяйственные работы, в которых применялся плуг; отсюда и название праздника гербер, что значит: после плуга. Другое его название куарсур (праздник пива в честь травы) связано с буйным распусканием зелени к этому времени. После него начинался сенокос. Как и в другие календарные праздники, происходило традиционное праздничное гостевание взрослых и молодежное гуляние.

Во многих деревнях в это время игрались свадьбы, а также проводился обряд купания тех молодухек, чьи свадьбы сыграны зимой.

В этот праздник устраивался также молодежный обряд под названием бусы сюан или пинал мудор, то есть полевая свадьба. Он состоял в проведении молодежью подобия моления в поле или на лугу. В некоторых деревнях проводилась имитация свадьбы: собравшаяся молодежь делилась на две группы, изображая “поезжан”

со стороны жениха и невесты, поочередно пела свадебные песни. Поезжане ехали на поля соседней деревни и крали там колосья, которые оставляли на полях своей деревни.

Во всех разновидностях обряда главным мотивом выступала вера в магическую связь детородной функции человека с плодородием земли. Об этом говорит и то, что среди участников обряда присутствовала одна пожилая женщина, переодетая в мужской костюм. Отголосками этих верований, восходящих, очевидно, к древнему культу плодородия, являлись также предписания кататься по земле во время первого весеннего грома, дергать лен и коноплю полуобнаженными, скатываться с пригорков во время весеннего праздника гуждор, валяться в снегу в масленицу.

Осенний цикл календарных праздников начинался с праздника в честь нового урожая (выль жук), слившегося затем с Ильиным днем. В этот день всю пищу приготавливали из продуктов нового урожая. Специально к этому дню или непосредственно в этот день резали барана или хотя бы петуха, пекли хлеб из муки свежего помола, варили овсяный кисель. С поля приносили колосья ржи, ячменя, стручки гороха, листья капусты, клали все это на край стола и совершали обряд куяськон в честь умерших. Колосья окунали в суп и освящали их, прося у бога и воршуда хорошего урожая. Пучок из разных колосьев подвешивали в семейной куале. Этот день отмечали семьей, но с приглашением соседей, которые в свою очередь, когда сами отмечали выль жук, приглашали тех, к кому были званы²³.

В четверг после Ильина дня выходили жать. Перед отправлением в поле хозяин освящал во дворе масло, которым смазывали серп, “чтобы жатва прошла хорошо и споро”. В поле раздавливали в руке ком земли и потирали им руки, чтобы они не болели. В день зажина выжинали только три снопа и больше не работали²⁴.

Перед паровой пашней праздновали малую акашку. Обрядовая часть, выполняемая молодежью, носила преимущественно игровой характер. В дом, назначенный для проведения обряда, девушки несли испеченные дома коврижки (бискыли), сюда же собирались все парни. Четыре-пять парней, распределив, кому кого поминать, с хлебом в руках совершали молитву, после чего, отрезав от каждой коврижки по кусочку, возвращали их хозяйкам. Отведав хлеба, крошили в чашки и шли за реку, где, помолившись, съедали. Возвращаясь, зачерпывали в чашки воду и обливали девушек. После этого молодежь уходила гулять, а старики, угощаясь и распевая песни, сидели в этом же доме²⁵.

На обжинки оставляли добрую полосу. Заканчивая жать, соблюдали некоторые обычаи, направленные на обеспечение урожая в будущем. Так, в Сосновской волости последние снопы жали молча,

а связывая их, глава семьи говорил: “Сюда связываю богатство вятского, казанского, московского купцов”. Положив серпы на последний сноп, вставали лицом к востоку и произносили: “Пусть таким же образом господь сподобит начать и кончить полевую страду и в будущем лете”. По наблюдениям Б. Гаврилова, закончив жать, садились на последние снопы, лицом к югу, жали горсть жнива и бросали через плечо. Потом съедали кусок хлеба, прося силы на будущее. После того, как все снопы свозили на гумно, пекли коврижки-бискыли с конопляным семенем и угощали деревенских в честь окончания жатвы (аран быдтон)²⁶.

Из осенних праздников необходимо также отметить обрядовую игру ряжения (пёртмаскон), которая проводилась после Покрова, в конце октября начале ноября, с участием Осени в виде бородатого старика в темном зипуне и его молодой жены Зимы в белом одеянии со свитой из двух казаков с саблями, роль которых обычно играли девушки, и еще нескольких ряженных²⁷.

Накануне праздника девушки изготавливали шляпы из соломы, которые украшались лоскутками ткани, гусиными перьями, бумагой. Шляпу делали не всем участникам обряда, а одну на группу. Число групп (5-6) колебалось в зависимости от размеров деревни: надо было за ночь успеть обойти всю деревню, заходя во все дома. Обход дворов начинался на исходе дня и продолжался до утра. В каждом доме для встречи процессии накрывали стол. Посещение дома состояло из нескольких этапов, каждому из которых соответствовала своя песня. Вначале ряженные спрашивали разрешения войти, потом исполняли песни при входе в дом, далее во время застолья и во время пляски, потом при выходе из дома. Структура песен и их образы находились в тесной зависимости с обрядом, с верованиями и представлениями народа. Фривольный характер некоторых песен объясняется, по-видимому, снятием табу на исполнение произведений отдельных жанров до Покрова (как, например, в случае с загадкой), с представлениями человека о магическом влиянии детородной функции человека на плодородие земли и т. д. В целом же обряд символизировал успешное завершение полевых работ и должен был, согласно верованиям, повлиять на природные силы, от которых зависели успехи в хозяйственной деятельности на будущий год.

Обряд с ряжеными зафиксирован лишь у небольшой локальной группы удмуртов-калмезов, проживающих в бассейне Кильмези. В других местах окончание полевых работ отмечали устройством молодежного гуляния (пинал куно). Молодежь одной деревни (а в большой деревне одной улицы) приглашала в гости своих сверстников из другой деревни (улицы). В назначенный день гостей встречали и вели в дом к одному из участников гуляния, куда собиралась вся молодежь. Повеселившись здесь, шли в другой дом.

К приходу в дом молодых гостей родители уходили из дома, оставив всё для угощения. Гости же в роли хозяйки принимала девушка. Гуляние в целом проходило как традиционное гостевание взрослых, однако участвовала в нем только молодежь, которая с песнями, весельем обходила дома всех участников гуляния. Иногда их приглашала бездетная семья, чтобы молодежь повеселила их дом.

Завершал годовой цикл календарных обрядов осенний праздник сйзыл юон, отмечающийся в конце ноября начале декабря. В семейной куале после обеда, “чтобы солнце увидело”, проводилось моление о том, чтобы был хлеб, размножался скот, семья пребывала в здравии²⁸. Как и в другие праздники, ходили друг к другу в гости.

В тесной связи со сроками проведения полевых работ и представлением о кругообороте солнца находились весенние и осенние поминки (тулыс но сйзыл кисьтон) и обряд поминовения умерших предков (йыр-пыд сётон). По обычаю весенние поминки нужно было проводить до благовещенья, осенние - до Покрова дня. Смещение сроков весенних поминок на более позднее время (вторник на Фоминой неделе) связано с приспособлением к церковному календарю, что отразилось в удмуртском названии этих поминок жуч кисьтон, то есть русские поминки. Большой разницы в проведении весенних и осенних поминок нет; отличие их лишь в том, что весной к умершим предкам обращались с просьбой помочь в весенних и летних полевых работах, а осенью благодарили за собранный урожай.

Таким образом, свод календарных обрядов и праздников был связан с годовым кругооборотом солнца и сельскохозяйственным трудом. Их обрядовое содержание состояло из ряда однородных действий - жертвоприношений, заклинаний, различных магических действий, способных, согласно верованиям, обеспечить плодородие, отворотить несчастья и неудачи.

Однако никакой праздник не ограничивался обрядовой стороной. За их выполнением, составлявшим как бы официальную часть праздника, следовала развлекательная, на которой распахивалась душа народа, в полной мере раскрывалось его разностороннее творчество. В начале XX в. и официальная часть нередко имела уже тенденцию к превращению в игру, свидетельствуя об эволюции обрядов, являющейся отражением эволюции мировоззрения их исполнителей. Такие обряды выполнялись как бы и в шутку и всерьез: от них совсем еще не отказались, но и былой серьезности в их отправлении не сохранилось. Их исполняла молодежь, для которой это было скорее игрой, нежели серьезным мероприятием, но в соответствующие дни игрой обязательной. Такие забавы молодежи в отличие от других видов развлечений И. Н. Смирнов назвал играми с религиозным значением, подчеркивая таким образом

их первоначальный смысл²⁹. Постепенно их переставала соблюдать и молодежь, они переходили в детский репертуар.

Однако, являясь важной частью народного быта и творчества, календарно-обрядовые праздники не могли исчезнуть полностью. Некоторые из них, претерпев заметные изменения, в сельской местности продолжают бытовать и поныне.

2. Советские праздники и общественный досуг

Процесс создания новой праздничной обрядности начался сразу после Октябрьской революции. В жизни населения постепенно место большей части старых календарных обрядов заняли советские праздники. Они широко распространены и среди удмуртов. Часть их целиком привнесена в обрядовый календарь в советское время и не имеет народных традиций; другие, например, земледельческие, сочетают прогрессивные народные традиции с элементами нового. Они наполнены новым общественным содержанием и сохраняют лишь отдаленную связь с прошлыми обрядами народа. Часть новых праздников уже имеет длительную традицию, сформировались каноны их проведения, другие находятся в стадии формирования и поисков путей совершенствования их проведения. В современных праздниках сочетаются семейные и общественные начала, в одних доминирует общественная сторона, в других семейная.

Как и среди других национальностей нашей страны, основу праздничного календаря удмуртов до недавнего времени составляли праздники, посвященные революционным событиям и памятным политическим датам. Часть удмуртов общесоветские праздники 1 Мая и праздник Октября называли уже в качестве национальных.

Ритуал проведения этих праздников был вполне устоявшимся. Основу составляли торжественная часть, содержащая в некоторой степени национальные черты, проявлявшиеся в музыкальном, изобразительном оформлении торжеств. В последние годы все больший вес приобретала бытовая сторона этих праздников, усиливались функции отдыха и развлечений. К этим датам, как правило, приурочивались различные семейные торжества, хождение в гости и посещение родственников. Неофициальная часть имела тенденцию приобретать черты, свойственные ранее праздникам, посвященным календарной обрядности. Среди городских удмуртов в эти дни было принято посещать сельских родственников, сельская родня приезжала в города значительно реже. Иногда для хождения в "удмуртские" гости использовалась национальная одежда или ее элементы³⁰.

Особое место в ряду современных праздников занимает День

Победы. Это праздник с ярко выраженной общественной стороной, бытовая не получила развития. Ритуал его проведения в целом одинаков: в столице республики в этот день проходят торжественные манифестации к местам захоронения воинов, умерших в госпиталях города, возлагаются венки к монументам воинской славы. В сельской местности проводятся митинги, собираются ветераны войны возле памятников в честь погибших односельчан. В настоящее время формируются локальные варианты празднования Дня Победы³¹. Происходит процесс его обогащения, наполнения национальными элементами, изменения значения отдельных обрядовых символов, что ведет к возникновению нового эмоционального содержания. Праздник уже несет не только первично заложенную в него функцию (почитание погибших на войне), но и впоследствии возникшие и наслоившиеся на первую.

Одной из тенденций в развитии современной праздничной обрядности стал процесс возвращения народных традиций. Представителями творческой общественности с участием специалистов ученых на безрелигиозной основе с использованием старых традиций, профессионального и самодеятельного творчества разрабатываются и совершенствуются праздничные обряды и увеселения.

В начале марта в городах, рабочих поселках, а в сельской местности на центральных усадьбах колхозов и совхозов обычно организуются проводы зимы. Сельским населением этот праздник осознается как замена масленицы. Его неизменными атрибутами являются катание на разукрашенных тройках, торговля на улице горячими блинами и пельменями, чаем из самовара. Как правило, перед собравшимися выступают участники художественной самодеятельности.

Более популярным этот праздник стал в городе. Его популярность здесь связана с привлечением к его организации высококвалифицированных специалистов (членов творческих союзов, профессиональных режиссеров, артистов), коллективов художественной самодеятельности с высоким уровнем исполнительского мастерства, использованием материальной базы культурно-просветительских, спортивных и других городских организаций и учреждений. Однако несмотря на то, что праздник является массовым, в нем преобладает ярко выраженная зрительно-развлекательная сторона.

Менее выражен общественный характер в праздновании Нового года. Встреча Нового года является по преимуществу семейно-родственно-дружеским и детским праздником. Почти в каждом доме, во дворе и на площадках ставят в городах украшенные елки. После проводов старого и встречи Нового года в домашней обстановке после полуночи по московскому времени народ выходит на улицы и площади, где проходят народные гуляния, играют оркестры, на открытых эстрадах идут концерты.

Удмуртами в сельской местности не принято ставить в домах украшенные елки, изредка это делается лишь в тех семьях, где есть маленькие дети. Елки ставят в школах и сельских клубах, где проводят детские праздники и молодежные балы-маскарады, смотреть которые собираются не только дети, но и многие взрослые односельчане.

Из традиционных удмуртских народных празднеств в наибольшей степени сохранились весенние праздники первой борозды (гырыны потон) и окончания пахоты (гырон быдтон). Большее распространение получил праздник гырон быдтон. Однако, если в прошлом он сопровождался магическими обрядами, нацеленными на обеспечение богатого урожая, теперь это день подведения итогов важному этапу крестьянского труда, от качества выполнения которого во многом зависит судьба урожая, это чествование передовиков весенне-полевой страды. Он проводится почти во всех районах республики по хозяйствам, а кое-где и как районный праздник. Древний праздник приобрел, таким образом, новое содержание.

Однако при этом, к сожалению, были и потери. Утрата гырон быдтоном поселенческого, общинного характера, каким он был раньше, превращение его в праздник большого хозяйства (совхоза, колхоза), объединяющего несколько деревень, а тем более района, сделало его более официальным, заорганизованным, превратив людей из живых творцов праздника в пассивных зрителей. Утрата традиционных обрядовых действий обеднила его эмоционально, привела к трансформации, появлению негативных моментов в его реализации, выразившихся в чрезмерном употреблении алкогольных напитков. Может быть, поэтому в качестве общерайонного мероприятия гырон быдтон не получил широкого распространения, а остался колхозным праздником. Ожидания некоторой части населения (наиболее заметно это было в группе социально продвинутых лиц³²) о превращении гырон быдтона в национальный праздник удмуртов не оправдались.

Удмурты, и ранее не придерживавшиеся догм христианской религии, в настоящее время практически не используют в праздничной обрядности ее установлений: отмечают, особенно в сельской местности, лишь дни поминовения, весной и осенью, в эти дни посещаются кладбища; те, кто в силу каких-либо обстоятельств не может посетить могилы родственников, поминают их в домашней обстановке.

Практически ушли из быта праздники, базировавшиеся на христианском обрядовом календаре. Лишь небольшая часть населения еще придерживается старых религиозных календарных праздников, отмечают они только представителями старшего поколения в

сельской местности, в городах приверженцев такой обрядности почти нет.

В южной части республики до сих пор широко отмечается Петров день, его проведение сохраняет общественный характер. Правда, необходимо отметить, что религиозное содержание этих праздников постепенно стирается, забывается их смысл, в настоящее время в них превалирует развлекательная сторона, они приобретают характер народных гуляний. В этих празднествах широко участвует не только старшее поколение, но и молодежь, причем не только сельская, но и городская, приезжающая в эти дни в село к родственникам. Именно широкое участие в них молодежи, не разделяющей религиозного мировоззрения, способствовало изменению характера этих празднеств.

Динамически сочетая новое и традиционное, общесоветские и национально-специфические черты, эти летние празднества в сельской местности в определенной мере служат этнической консолидации удмуртов, в отличие от городских праздников, не играющих этой роли.

Последние годы были ознаменованы рождением новых праздничных обрядов, посвященных важным моментам в жизни личности: получению паспорта, завершению учебы в школе, вузе и техникуме, проводам на пенсию.

В настоящее время все более широкую популярность приобретают фольклорные праздники и вечера, проводящиеся в столице республики. Зародившиеся в середине 70-х гг. в Удмуртском государственном университете как своеобразные отчеты о фольклорно-диалектологических экспедициях, они вышли за его рамки, и сейчас проводятся регулярно несколько раз в год. Теперь в этих праздниках участвуют не только студенческие коллективы, но и другие фольклорные ансамбли республики, приглашаются удмуртские фольклорные коллективы из-за пределов республики: Татарстана, Башкортостана, Пермской и Кировской областей. Стали участвовать в этих праздниках и ансамбли, представляющие фольклор других национальностей, проживающих в республике: татар, русских, марийцев. Проходят они как яркий, красочный праздник народного искусства. Количество фольклорных ансамблей постоянно растет, подобные праздники стали проводиться и в сельских районах.

До недавнего времени популярной формой новой праздничной обрядности, общественного быта были мероприятия, демонстрировавшие успехи в труде, культуре и других видах деятельности: слеты, спартакиады, смотры художественной самодеятельности и т. д. Большой популярностью пользовались проводимые ежегодно в столице республики праздники труда, спорта и отдыха. Они привлекали тысячи зрителей, однако присутствующие на них ограничивались лишь ролью зрителей.

Продолжают отмечаться профессиональные праздники: День металлурга, День строителя, День работника агропрома и т. д. В этих праздниках преобладает общественная сторона; как правило, она состоит из торжественной части, проводящейся на предприятии, в учреждении, и массовых гуляний. В эти дни принято приглашать гостей, собираются, как правило, коллеги.

Таким образом, новая обрядность стала важной составной частью духовной жизни удмуртского народа. Праздничная обрядность послереволюционного периода от старой, связанной в основном с земледельческим календарем, отличается тематическим разнообразием. Изменение содержания народных праздничных обрядов привело к модификации форм их проведения, к разнообразию форм праздничного общения. Ориентация на те или иные культурные мероприятия во многом стала определяться возрастом, уровнем образования, социально-профессиональной принадлежностью.

Вместе с тем празднества в основном утратили народную инициативу, многие национальные традиционные элементы из них были вытеснены и заменены общесоветскими; для большинства людей участие в празднествах стало ограничиваться ролью зрителей.

Длительное время общественные праздники в городах в основном проходили на основе праздников, сложившихся в крестьянской среде, однако постепенно традиции, народные формы их проведения стали вытесняться, более того, город стал оказывать решающее воздействие на формирование и развитие праздничной обрядности села. Это явление имеет свое начало еще в периоде коллективизации; зачастую городские формы празднеств переносились в село механически. С одной стороны, этот процесс вызван естественной урбанизацией села, с другой - методами административно-волюнтаристского управления деревней. В последние годы село, как правило, копирует формы, сложившиеся в городской среде, хотя в самой сельской местности имеются богатейшие условия для создания своей праздничной обрядности, отвечающей сельской специфике и духу современных преобразований.

Характерным явлением общественного быта народа, раскрывающим его многообразную культуру, можно считать и проведение досугового времени. Его распределение в настоящее время происходит под влиянием двух тенденций. С одной стороны, повышение культуры и уровня образования, рост благосостояния населения, а также развитие общественно-организованных форм проведения свободного времени способствуют большему распространению различных видов коллективного досуга и развлечений. С другой развиваются и формы семейного досуга: к примеру, очень интенсивно расширяется индивидуальное садоводство, требующее значительных затрат времени, в этом занятии активно участвуют не только взрослые, но также молодежь и дети.

Как в отношении горожан, так и сельских жителей можно сказать, что формы проведения досуга во многом обусловлены полом, возрастом, семейным положением, уровнем образования людей и другими факторами.

Большой вес общественных форм проведения свободного времени наблюдается среди служащих, высококвалифицированных специалистов как умственного, так и физического труда. Среди работников умственного труда до недавнего времени была высока доля лиц, занятых общественной деятельностью.

Существенно различается структура занятий в свободное время в выходные и в обычные дни недели. Среди горожан-удмуртов в будние дни большая часть занята просмотром телепередач, чтением художественной литературы, т. е. преобладают индивидуальные формы проведения досуга. Однако и в эти дни использование свободного времени довольно сильно детерминировано возрастом: семейные его формы, как правило, более характерны для представителей старших возрастных групп.

В выходные и праздничные дни структура досуговых занятий существенно изменяется: преобладают общественные формы ее проведения, увеличивается доля лиц, проводящих досуг в кругу родственников, посещающих кино, парки, клубы. Общественные формы использования свободного времени свойственны, естественно, молодежи; старшее поколение как в городах, так и в сельской местности больше придерживается пассивных видов отдыха, к тому же они значительно больше времени тратят на домашнее хозяйство.

При анализе досугового времяпровождения молодежи прослеживаются его национальные аспекты: так, среди удмуртов села общественные формы характерны в основном для лиц самых молодых возрастных групп (до 25 лет) и, по-видимому, в значительной степени только среди тех, кто не имеет семьи. В следующих возрастных группах доля предпочитающих общественные формы проведения досуга резко сокращается, преобладающими становятся внутрисемейные формы времяпровождения, а также хождение в гости и посещение родственников. Здесь необходимо отметить, что в настоящее время круг семейно-родственных связей значительно сузился, особенно в городах, в гости приглашаются, как правило, только родственники по прямой линии, но в то же время возросло значение дружеских связей.

Для сравнения заметим, что среди русского сельского населения проведение досуга в общественных местах характерно и для более старших возрастных групп: лишь после достижения 35-39-летнего возраста увеличивается доля внутрисемейных форм досуга. В среде горожан - удмуртов и русских вышеуказанная тенденция прослеживается в значительно меньшей степени. Однако для

удмуртской молодежи, особенно недавно приехавшей в город, характерно проведение выходных и отпускных дней у родственников в деревне.

Большое влияние на проведение досуга, на увеличение его общественных форм оказывает развитие культуры в разных ее проявлениях. Рассредоточенность сельских населенных пунктов, небольшие возможности культурно-бытовых учреждений, ориентированность клубной и спортивной работы на показательные выступления сказываются на проведении досуга: сельские жители более ограничены в выборе форм проведения свободного от работы времени, их общение носит преимущественно домашний характер. Лишь в последние годы с ростом материальной базы колхозов и совхозов стали популярными в сельской среде организованные групповые поездки в культурные учреждения городов (театры, цирк), на спортивные мероприятия и т. д. К примеру, по посещаемости театров, различных представлений сельские жители прилегающих к столице республики районов уже не уступают горожанам.

По сравнению с городом общественные формы проведения досуга менее распространены и в рабочих поселках; и в будни и в праздники доля времени, отводимого на него, в рабочих поселках более чем в 2 раза ниже, чем в городах; в несколько раз меньше и доля участвующих в художественной самодеятельности.

Некоторые различия в распространении коллективного и семейного досуга среди удмуртов обнаруживаются и в городах с различным национальным составом. В городах с незначительным числом удмуртов (Воткинск, Сарапул) доля посещающих родственников в будние, а особенно в выходные дни значительно выше, что объясняется, по-видимому, недостатком "удмуртского" общения в других сферах жизнедеятельности. В целом встречи с родственниками, хождение в гости среди удмуртов более распространено в городах, что связано с неполной адаптацией их к условиям, отличным от сельских.

Необходимо отметить, что структура досугового времени практически не отличается у мужчин и женщин, особенно в городах. Исключение составляют занятия спортом, охотой, рыболовством, более свойственные мужчинам. Хотя городские женщины (так же, как и сельские) на домашнее хозяйство тратят значительно больше времени, чем мужчины, тем не менее, они более предпочитают общественные формы проведения досуга: чаще бывают в театре, в кино. В сельской местности наоборот, эти занятия свойственны мужчинам, нежели женщинам.

Существенным недостатком современных форм проведения праздников и досуга является то, что они рассчитаны, главным образом, на потребление культуры, предполагают пассивное участие

(просмотр, прослушивание и т. д.). Правда, в городах активные, творческие формы проведения досуга распространены гораздо больше, чем в селе: доля лиц, участвующих в художественной самодеятельности, занимающихся рационализаторской деятельностью, общественной работой, в несколько раз больше примерно каждый шестой в той или иной мере включен в эти виды деятельности, тогда как в сельской местности соответствующая доля составляет лишь 2-5%. Но и на селе в общественные формы проведения досуга вовлекается все большее число трудящихся.

В настоящее время находят сценическое продолжение и некоторые элементы традиционной обрядности в репертуаре коллективов художественной самодеятельности, фольклорных ансамблей. Однако эти формы народного творчества охватывают очень небольшое число участников; во многом это связано со слабой материально-технической базой культуры, особенно сельской: 49,5% сельских населенных пунктов Удмуртии не имеют клубных учреждений, причем среди них есть селения с числом жителей до 0,5 тыс. человек (1988 г.)³³.

Дальнейшее совершенствование советской праздничной культуры, на наш взгляд, должно идти по пути возрождения народной обрядности, развития народных игр, различных состязаний.

¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX нач. XX в. М., 1979. С. 3.

² Владыкин В. Е. Аграрные культы удмуртов//Ежегодник этнографического музея ЭССР/Вопросы этнокультуры финно-угров. Таллин, 1981. С. 148.

³ Перевозчикова Т. Г. Об удмуртской народной загадке//Удмуртский фольклор: Загадки/Сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск, 1982. С. 9.

⁴ Гаврилов Б. Обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Уресь-Учинского прихода//Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. 2. С. 101-106; Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1988. Эскиз II. С. 126-131; Перевозчикова Т. Г. Указ. соч. С. 10-11.

⁵ Герд К. Вотяк в своих песнях//Вотяки. М., 1926. С. 20.

⁶ Герд К. Там же. С. 25.

⁷ Перевозчикова Т. Г. Календарные обряды удмуртов//Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, д. 292, с. 8.

⁸ Верецагин Г. Е. Вотяки Сосновского края//Записки ИРГО. СПб, 1886. Т. 14. Вып. 2. С. 51-52; Первухин Н. Г. Указ. соч. Эскиз II. С. 108.

⁹ Верецагин Г. Е. Указ. соч. С. 65; Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 110-112; Ильин М. Игры и хороводы вотской молодежи весной//Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 3.

- 10 *Верещагин Г. Е.* Указ. соч. С. 69.
- 11 *Первухин Н. Г.* Указ. соч. Эскиз II. С. 117.
- 12 *Гаврилов Б.* Указ. соч. С. 95, 101.
- 13 *Верещагин Г. Е.* Указ. соч. С. 35.
- 14 *Соколова В. К.* Указ. соч. С. 104-105.
- 15 *Верещагин Г. Е.* Указ. соч. С. 65-67; *Гаврилов Б.* Указ. соч. С. 122;
Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 112-118
- 16 *Соколова В. К.* Указ. соч. С. 101-110.
- 17 *Первухин Н. Г.* Указ. соч. С. 41-46.
- 18 *Верещагин Г. Е.* Указ. соч. С. 35-37; *Гаврилов Б.* Указ. соч. С. 97-99;
Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 46-58.
- 19 *Жингырты, удмурт кырӟан (Звени, удмуртская песня)/Составитель П. К. Поздеев.* Ижевск, 1987. Изд. 2-е. С. 91.
- 20 *Колпакова Н. П.* Русская народная игровая песня//Русский фольклор: Материалы и исследования. М Л., 1958. Т. 3. С. 75; *Смирнов И. Н.* Вотяки. Казань, 1892. С. 122.
- 21 *Жингырты, удмурт кырӟан.* С. 97.
- 22 *Полевые материалы 1983 г./*Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 663.
- 23 *Первухин Н. Г.* Указ. соч. С. 82-85.
- 24 *Верещагин Г. Е.* Указ. соч. С. 215; *Гаврилов Б.* Указ. соч. С. 109.
- 25 *Гаврилов Б.* Указ. соч. С. 99-100; *Первухин Н. Г.* Указ. соч. С. 77-78.
- 26 *Верещагин Г. Е.* Указ. соч. С. 215; *Гаврилов Б.* Указ. соч. С. 110.
- 27 *Поздеев П. К.* Удмуртские песни проводов осени и встречи зимы//Третий международный конгресс финно-угроведов: Тезисы. Таллин, 1970. Т. 2. С. 83.
- 28 *Перевозчикова Т. Г.* Календарные обряды удмуртов. С. 31.
- 29 *Смирнов И. Н.* Указ. соч. С. 124.
- 30 *Никитина Г. А., Трофимова Е. Я., Шкляев Г. К.* Материальная культура горожан//Современное городское население Удмуртии. Устинов, 1986. С. 58.
- 31 *Христолюбова Л. С.* Пичи гуртлэн бадӟым праздникез//Молот. 1981. № 10.
- 32 *См.: Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С.* Новая жизнь древнего земледельческого праздника//Археология и этнография Удмуртии. Ижевск, 1975.
- 33 *Материалы Удмуртского республиканского управления статистики.*

Глава XI. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Религиозные воззрения удмуртов наиболее консервативная и архаическая часть их духовной культуры. В религиозных верованиях и обрядах фантастически искаженно отражается историческая действительность, в которой жил народ: природные условия, формы и виды хозяйственной деятельности, социальной организации, семейного и общественного быта, отношения родства и свойства, этнокультурные связи с другими народами и т. д. Как известно, религия не имеет самостоятельной истории, независимой от истории общества¹, следовательно, “дешифровка” системы религии может помочь в “обратном” воспроизведении ныне уже утраченной информации об этносе, его функционировании в весьма отдаленные эпохи.

О религии удмуртов, очевидно в силу ее некоторой таинственности и экзотичности, больше всего писали в прошлом и, пожалуй, именно этот вопрос более всего запутан. Даже в определении религии удмуртов у исследователей не было единства: ее определяли как шаманизм, фетишизм, анимизм и даже буддизм².

О значительной сложности и развитости древней религии удмуртов свидетельствуют многочисленный пантеон, особые служители культа, специальные места молений, детально разработанные и строго регламентированные обряды и ритуалы все это было призвано идеологически обеспечить функционирование системы “человек общество природа”, т. е. налицо построение достаточно целостной системы мировосприятия и мироосмысления традиционного удмуртского общества.

Наиболее яркой компонентой любой религии является ее пантеон. Для удмуртского пантеона характерно большое количество всевозможных богов, божеств, духов и различных существ, порой не совсем ясного происхождения, их общее число, по мнению исследователей, доходило до 40³, однако все они, как полагали верующие, так или иначе оказывали воздействие на жизнь человека и природы в целом, отдельных ее состояний или проявлений. Построение пантеона было строго иерархично, его “обитатели” имели довольно жесткую субординацию между собой, четкое определение сфер своего влияния

и функции, свои ритуалы жертвоприношений, хотя порой и конкурировали друг с другом. Низшими, “домашними”, божествами и духами были существа, “населяющие” непосредственно удмуртскую одворницу: Коркамурт (домовой), Гидкуамурт (существо, живущее в хоз. постройках), Обиньмурт (существо, живущее в овине), Мунчомурт (существо, живущее в бане). С социальной дифференциацией удмуртского общества не замедлили произойти и соответствующие изменения в терминологии и статусе божеств и духов: мурт (человек) уступил место кузё (хозяин, господин): Коркамурт Корка-кузё и т. д. Более высокое положение и более широкие сферы влияния имели Вумурт водяной, Нюлэсмурт леший, Тёлпери - божество ветра, Палэсмурт нечто бездуховное, злое букв. половинчатый человек и др.

Целая группа духов у удмуртов ассоциировалась с различными болезнями: Кыж - нечто грязное, нечистоплотное; Кыль - злой дух; Мыж болезнь, порча, требование божества жертвоприношения, которое было обещано ему кем-то; Дэй дух, насылающий фурункулы, грыжу и т. п., иногда встречается объединенное “Кыль-дэй”, очевидно, уже более позднего происхождения, все эти понятия с аналогичными значениями имеются и у других финно-угорских народов⁴. Чер (Чур) злой дух тяжелых, заразных болезней, эпидемий⁵. Иногда Чер называют божеством, ведающим лошадьми и их болезнями⁶. Обилие всех этих болезнетворных духов и божеств, их весьма подробная разработанность в религиозно-мифологическом плане свидетельствуют о постоянной актуальности этой темы в жизни удмуртов в прошлом.

Весьма характерными для древней сферы религиозно-мифологической картины мира удмуртов были их воззрения о духах праматерях: Вумумы мать воды, Пызеп-Чупчимумы мать рек Пызеп и Чепца, Вожомумы мать особого переходного времени, летнего и зимнего солнцестояния. Музьемумы мать земли, Пужмерумы мать инея и холода; к матерям небожителям относились Инумы - мать неба, Шундыумы мать Солнца, Толэзьумы - мать Луны, Гудыримумы мать грома, к ним примыкала Инвумы - мать небесной воды⁷.

На вершине удмуртского Олимпа возвышался могущественный бог Инмар, очевидно, восходящий к прафинно-угорскому божеству неба, который первоначально был просто одним из божеств, представляющих небесную сферу, было даже несколько инмаров⁸. Возвышение Инмара над другими божествами явление, несомненно, позднее. Наряду с Инмаром, в верховную триаду входили творец земли и растительности Кылдысин, который ведал и подземным миром, божество атмосферы, погодных явлений Куазь; позднее этим термином стали обозначать просто погоду, например: чебер куазь

хорошая погода, куазь зоре идет дождь и т. д. Своеобразным символом атрибутом Инмара была сосна, Кылдысина береза, Куазя ель⁹. Триада богов Инмар, Кылдысин, Куазь осознавалась как светлое, доброе начало, покровительствующее людям, природе. Их мифологической оппозицией, средоточием темных, злых, разрушительных сил воспринимались Луд, Керемет, Шайтан по существу разные названия одного и того же злого божества. Однако, строго говоря, четкой границы между добрыми и злыми духами не существует. Не случайно в удмуртской мифологии Керемет (Шайтан) вначале трактуется как брат Инмара, и лишь после ссоры он стал "специализироваться" на зле.

Перечисленными выше божествами и духами не исчерпывался пантеон удмуртов это лишь основные структурные уровни. Системой язычества удмуртов за тысячелетнюю историю было выработано или приобретено в результате этнокультурного сотрудничества такое многообразие религиозно-мифологических образов, что они заполняли практически все природно-экологические и социокультурные "ниши".

Это многообразие требовало соответствующего осмысления, интерпретации, выработки норм культового этикета всеми этими вопросами ведали служители культа, они же, очевидно, в значительной степени были и непосредственными творцами тех или иных религиозно-мифологических идей, распространителями их среди своих соплеменников, а также своеобразными посредниками между божествами и общей массой верующих. Удмуртское общество, уровень его социального развития еще не позволяли выделить из сферы производства людей, занимающихся исключительно делами культа. Удмуртский языческий клир это в основном выборные представители общины, правда, уже с элементами наследственности. Обычно удмуртский деревенский мир по названию двух центральных святилищ - куалы и луда (о них см. ниже) - по традиции делился на две эндогамные культовые группы: род куалы (куала выжы) и род луда (луд выжы)*. Соответственно для обслуживания этих культовых комплексов из каждой группы выбирались свои особые служители жрецы: в куале вöсья в значении руководитель моления, в луде - утись хранитель святилища. В помощь им выбирались или назначались служители низшего ранга: кунул кутись (тот, кто поддерживает под руки главного жреца), парчась (тот, кто закалывает жертвенное животное), тылась (тот, кто ведает священным огнем-костром), тусьты-дуры миськись (тот, кто ведает

* Впервые эти культовые группы были выявлены А. И. Пинт во время экспедиции 1930 г. в д. Улын Юри Малопургинского района (к сожалению, материалы остались неопубликованными).

ритуальной посудой)¹⁰. Главные жрецы обычно исполняли свои обязанности пожизненно или избирались на определенный срок, чаще на 12 лет (этот срок мог сокращаться по болезни, из-за смерти жены жреца: вдовец не мог быть жрецом и т. д.). Иногда главным жрецом могли выбрать и малолетнего ребенка, тогда при нем назначался своеобразный регент (вось утись - ведающий молением).

Был выработан специальный обряд избрания главного жреца. Для этого издалека приглашали туно (букв. гадатель), который обслуживал обычно целую округу. Это был могущественный знахарь-колдун, пользовавшийся шаманскими приемами. Бешеной пляской или стягиванием пояса особым кушаком он приводил себя в состояние транса и выкрикивал имя будущего жреца. Главным жрецом предпочитали выбирать человека с красно-рыжими волосами и бородой как наиболее любимого богами¹¹.

Весьма своеобразное место среди служителей культа удмуртов принадлежало торо наиболее уважаемому, почетному лицу, которое уже только своим присутствием как бы освящало молитвенные ритуалы, хотя непосредственного участия (тем более руководства) в них не принимало. Однако восьясь главный жрец все свои действия совершал как бы с позволения торо, без которого моление считалось недействительным.* О важности института торо у удмуртов говорит то, что кроме культового были еще светские торо: торо пукись - почетный гость, жоксьор торо - глава застолья, сюан торо - тысяцкий, который запевал главную мелодию свадьбы, гурт торо - старшина селения.

Удмуртские служители культа имели специальную одежду: это был длинный холщовый кафтан с широкими рукавами (иногда без рукавов) светло-лилового цвета, подпоясанный кушаком. На голову надевался вязаный колпак с кисточкой из разноцветных ниток. Для всех других участников молений обязательным цветом ритуальной одежды был белый (рис. 1).

Общение удмуртских жрецов с божествами и духами во многом осуществлялось через традиционные обращения к божествам заклинания (куриськон), называемые иногда удмуртскими молитвами. До появления у удмуртов письменности вся информация, в том числе и социально-культового характера оформлялась, накапливалась и передавалась через традиции устно-поэтического творчества. Удмуртские куриськоны как наиболее развитая канонизированная форма культового фольклора представляет

* Этот интересный образ находит аналогии у мари, у многих тюркоязычных народов, где этим термином, помимо особо почетного лица, обозначались также "место моления", "идол", "столб поклонения", "шаманское древо", "верхушка мирового древа" - полагают, что восходит к санскритскому "dharma" Р. Г. Ахметьянов. Указ. соч. С. 41-42.

Рис. 1. Служитель культа в ритуальной одежде; д. Калмияр, Куединский р-н, Пермская обл. 1971 г. (фото Владыкина В. Е.)

значительный интерес в религиозно-мифологическом и философско-этическом аспекте, поскольку отражают древнюю систему мироосмысления, комплекс этических и эстетических ценностей, поведен-

ческие стереотипы, представления об идеальном устройстве общества и природы, их будущем и т. д. В качестве примера приведем текст удмуртского куриськона, записанный в 1885 году венгерским академиком Бернатов Мункачи: “Остэ, Инмар, Воршуд, великий Мудор, Кылчин-Инмар! Полными чашами и новыми хлебами тебя вспоминаем!

Лучшая часть пусть тебе будет, остальной части пусть великому царю на подати достанет, великий царь пусть не гневается, в мире, хорошо живет; товаров моих проданных пусть для уплаты податей хватит.

Мои посеянные хлеба, как твои земляника и клубника, пусть поспевают-уродятся, если корней, так пусть будет 30, стеблей пусть будет 12, зерен пусть будет 1000, с камышовой соломой, с серебряным колосом, с золотым зерном! Чтоб это хлебное поле не обскать белке, не обежать кунице, не проскакать хорьку!

Теплые дожди принеси, южные ветра нагони, добрые года времена дай! От ночной и всякой напасти железной, медной, серебряной оградой огради, от облаков, кровавых, как костяника, сам убереги!

Когда будем свозить снопы на гумно, пусть их хватит для того, чтобы сложить скирду на 12 подставах, чтобы сверху донизу овин был так полон снопами, чтоб от тяжести кабан снизу расходился, да чтоб сверху еще не поместилось! Когда будем бить цепами, чтоб зерна было изобильно, чтоб оно наполнило все амбарные сусеки так, что ни пройти, не повернуться!

Когда пойду на охоту, приведи мою собаку прямо к дичи, чтобы она схватила ее лапами и достала зубами. В глухой лесной чаще, прямо туда, где поставлены мои западни-ловушки, легко и быстро приведи богатую дичь с пушистыми хвостами, как река легко несет лодку носом по течению!

Благополучия дай! Чтобы от восхода до захода солнца слышащему слышать, видящему видеть нашу добрую славу!

От сверху летящего, снизу ползущего дурного слова сам сохрани убереги. От злого слова, от злого языка, от злого глаза, от всякой напасти, чтоб не столкнуться нам ни с какой оглоблей на пути убереги.

Чтоб мой двор был полон проворными детьми, чтобы они сновали - летали, как ласточки перед дождем. Чтоб по ту сторону реки я отдал семерых дочерей, а на эту сторону реки ко мне пришли девять снох! Чтоб жить мне всю жизнь с той женой, которую первую увидел, чтоб жить до конца с детьми перворожденными!

Остэ, Инмар! Чтоб возле лошади был жеребенок, чтоб вырос он в доброго коня с белой звездой во лбу! Чтоб возле коровы был теленок, чтобы вырос и дал молока-масла вдосталь! Чтобы возле

овцы были ягнята, чтобы выросли они и дали шерсти шелковой! Чтоб во дворе, как щепок, было полно кур-цыплят! Чтоб вся вода была покрыта, как листьями-цветами, гусятами-утятами!

Больше я не знаю, что сказать. Ты уж сам обо всем позаботься, мой Инмар!"¹²

Тексты куриськонов содержат особые образы-символы, специфические речевые приемы-обороты, многие из них настолько архаичны по своей конструкции, что с трудом поддаются переводу на современный удмуртский язык, а смысл некоторых, причем весьма важных, опорных слов вообще уже не удастся удовлетворительно расшифровать, так как он давно утрачен.

При сопоставлении различных куриськонов, несмотря на то, что они бытовали не в строго зафиксированном письменном виде, отчетливо прослеживаются устойчивые каноны их построения (обращение ко всем божествам с их поименным упоминанием по степени значимости; умиловление их богатыми подношениями; перечисление всех просьб к божествам: от хороших погодных условий, обильного урожая, удачной охоты, богатого приплода скота до доброго здоровья и благополучия членов семьи; вновь обращение к божествам с традиционными извинениями, если "что не так сказалось"). Вместе с тем многое в оформлении текста, его художественная образность и богатство зависели от импровизационных способностей удмуртского жреца, его мифопоэтической памяти. Некоторые заклинания пропевались-проговаривались в течение 1-1,5 часов. Обращает внимание весьма прагматическое содержание текста: просьбы - приказы божествам: "Теплые дожди принеси", "От всякой напасти сам убереги", "Благополучия дай!" и т. д. (это характерно и для чувашских, марийских молитв¹³), а также достойная, без излишнего уничижения форма ведения диалога с божествами, более того, к самому великому Инмару иногда обращались запросто: "Эй, осто, Инмаре, Козма!"¹⁴

Следует отметить образный строй, высокое художественно-поэтическое оформление текста. Исследователи усматривают здесь наличие речитативного стиха как наиболее древнего вида стиховой организации, черты, свойственные эпическим музыкальным произведениям фольклора: "Все вотяки поют свои молитвы", "Слог языческих молитв напоминает эпический слог древних русских былин"¹⁵. При всей забитости и придавленности природными и социально-экономическими обстоятельствами удмуртский крестьянин-земледелец здесь выступает как художник, который вслух высказывает сокровенную мечту об идеальном устройстве своей жизни.

Языческая обрядовая жизнь удмуртов осуществлялась в особых местах-святилищах. В каждой деревне они были четко определены

и освящены: гуждор место первого весеннего моления, куяськон кыз ель, под которой отдаривались от злых духов - кутйсей; куркуян место, куда выбрасывали вещи покойного; жазег, чуньы сиённи - место, где приносили в жертву гуся, жеребенка; почитались также отдельные деревья, камни, родники, реки и т. п., имелись культовые места и для объединения нескольких, чаще родственных, деревень: Булда, эль, мер, губервось и др. На эти моления собиралась вся округа (мер мир?, губер губерния?) до 50-70 селений. Из всего многообразия мест обрядовых молений выделим два наиболее значимых собственно святилища: это куа/ла и луд. Куа/ла это особая ритуальная постройка, ведущая свое происхождение, видимо, от древнейшего типа жилья, известного почти всем финно-угорским народам.* Однако "зачаток храма мы находим лишь в молитвенной куале вотяков"¹⁶. У удмуртов было два святилища типа куа/лы, отличающихся размерами: малая семейная (покчи куа) и великая или родовая (бадзым куа) (рис. 2).

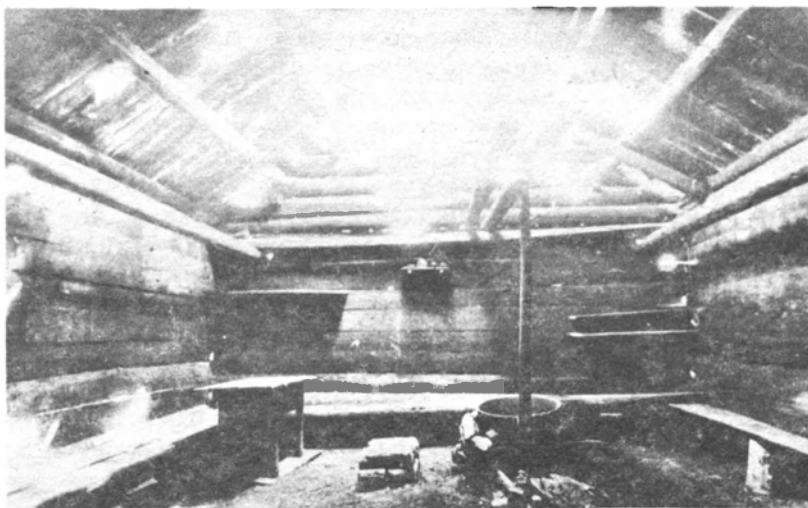

Рис. 2. Внутренний вид семейного святилища куала (покчи куала); д. Верхний Постол, Завьяловский р-н. Начало XX в. (фотодокументы Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН)

Наряду с куа, в каждой удмуртской деревне имелась священная роща луд/кереметь у южных удмуртов или вöсьяскон чäччä у северных. Рощи, в которых молились несколько деревень, назывались

* Подобные постройки известны многим народам: кудо - у марийцев, куда, кудо, куд у коми, kota - у финнов, koda - у эстонцев, карел, вепсов, води; кат, хот - у хантов, haz - у венгров, прафинноугорская форма "kota"; параллели имеются в алтайских, индоевропейских, дравидийских и других языках; возводят к ностратической общности.- Joki A. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973. SUS 151. S. 272.

быд́ым луд, то есть великая священная роща. Подобные же молитвенные рощи были в Поволжье у мари, чувашей и крышен¹⁷.

Культовые места всячески почитались: их осквернение, нарушение святынь, порубка священных деревьев, считалось, караются всенастигающим гневом духов и богов, насылающих ужасные несчастья, болезни или даже смерть на виновного.

Определенным свидетельством развитости религиозно-мифологической системы удмуртов являлась весьма сложная обрядовая жизнь. Большое разнообразие всевозможных духов и божеств требовало к себе соответствующего отношения - отсюда многочисленные моления и жертвоприношения; в году их насчитывалось до 70 (даже в гости удмурт порой не осмеливался отправляться, не заручившись поддержкой своих божеств); крупных молений было немного: около 10.¹⁸

Системой язычества удмуртов за многовековую историю были выработаны ритуалы жертвоприношений с довольно жесткой регламентацией и порой детальным предписанием: на моление/жертвоприношение отправлялись, обязательно помывшись в бане, в белой одежде; обязательный атрибут жреца головной убор: "при молитве жрец без шапки, все равно как без головы"¹⁹. При молении в родовой куа жрец в одной руке держал чашу, в другой ветку. Ветвь (березовая, еловая, пихтовая и т. д.), по многочисленным свидетельствам, была обязательной принадлежностью каждого, кто обращался с молитвой к богам, так как "без ветки молитвы не молитвы"²⁰. Здесь ясно видны элементы почитания священных деревьев, восходящего, возможно, к тотемам-деревьям. Во время моления все роли и функции были четко определены-освящены: тóро занимал почетное место, гуслеры играли на гуслих (быд́ым крезь) священные мелодии, наибольшую известность среди которых получила мелодия поисков небесной росы инву утчан гур, вóсясь руководил молением, куриськись читал молитву, парчась закалывал жертвенное животное, тылась следил за жертвенным костром и т. д. В священное место могли входить только жрецы, мужчины вставали по правую сторону, женщины по левую, внутрь куа женщины обычно не заходили.

Инмару молились под сосной, Кылдысину - под березой. Куазю под елью²¹. Что касается жертвенного животного, то здесь тоже существовал ряд обязательных правил: животное назначал туно, если это особо ответственная жертва, или его посвящали для моления уже при рождении; оно должно быть определенной масти, без изъяна, его угодность для богов определяли, поливая водой через ветви, вздрагивание животного служило добрым знаком.

Разным божествам и духам в соответствии с их рангом предписывались разные жертвоприношения, и сам ритуал был

различен. Самые торжественные и значительные ритуалы были посвящены триаде богов. При жертвоприношении Инмару кровь, кости, часть мяса жертвенного животного сжигались, “чтобы дым поднимался вверх, к богу, и он заметил, что мы молимся”, Кылдысину закапывались - “дарили” земле, Куазю шкуру животного подвешивали на ель²². Инмару жертвовали животных белой масти (быка, жеребенка, овцу, гусей), Кылдысину - черной, Куазю - красного быка с большими рогами; Нюлэсмурту жертвовали птиц: гуся, утку, тетерева, рябчика; Вумурту - утку, иногда жеребенка; Коркакүзё - черную овцу; Кереметю - коз, баранов; Шундымумы - солового жеребенка; Булде - жеребца, быка, телку, барана; Черу - гнедую старую лошадь или черных живых кур и т. д.²³

Кроме того, в состав наиболее частых подношений богам входили хлеб, крупа, соль, яйца, пиво, куски тканей, нитки, лен, шерсть животных, перья, крылья птиц, медные и серебряные монеты, т. е. практически всем, чем владели удмурты, они в символической форме делились со своими божествами. Одним из самых распространенных подарков богам была водоплавающая птица (чаще всего утка). Культ утки имеет древнейшие истоки и считается наиболее надежным религиозно-мифологическим “определителем” финно-угорских народов.

Значительное место в молитвенных ритуалах удмуртов занимала домашняя водка (кумышка, аракы), пришедшая на смену пиву (сур); подобные галлюциногенные или просто опьяняющие средства были известны в культовой практике многих народов.

Несмотря на крайнюю пестроту и разнохарактерность как по происхождению, так и по функционированию, отдельные компоненты религиозно-мифологического комплекса удмуртов могут быть объединены вокруг двух главных стержней: семейно-родовых и аграрных культов. Все прочие формы верований (тотемизм, знахарство, ведовство, шаманизм, промысловые культы и др.) входили в них в качестве исторически более ранних структурообразующих компонентов или своеобразных идеологических подсистем.

У удмуртов было две формы семейно-родовых культов: культ семейно-родовых святынь-покровителей и культ предков. Эти две формы верований стадийно соответствовали двум этапам развития древнеудмуртского общества: материнскому и отцовскому роду, однако, причудливо переплетаясь между собой, а также с новыми, иногда заимствованными представлениями, они сохранялись и в более позднее время.

Культ семейно-родовых святынь-покровителей особенно ярко проявлялся в почитании Воршуда - особого божества-покровителя рода и семьи. В Урало-Поволжском регионе Воршуд удмуртов носит

уникальный характер, поскольку этот религиозно-мифологический институт в исторически недавнее время зафиксирован с такой относительной полнотой и целостностью только у удмуртов (некоторые аналогии с ним обнаруживает чувашский йерех и марийский кудо-вадыш, возможны и сибирские параллели, например, с культом онгонов).

Оформившись, очевидно, в эпоху материнско-родовой организации в качестве тотемной группы, Воршуд, утрачивая социально-хозяйственные функции, постепенно превратился в чисто культовый институт, вошедший позднее в другие формы религиозных образований.

Все удмурты знали, к какому Воршуду они относятся. Если в деревне жили представители нескольких воршудов, соответственно столько же было и родовых святилищ - быдзым куа/ла - культовых сооружений в честь Воршуда, которые строились во дворе жреца или чаще в лесу около ручья или родника неподалеку от деревни. Это небольшая срубная постройка из тонких бревен с двускатной крышей без окон. Низкая дверь вела внутрь куалы. Посреди земляного пола из камней был сложен очаг, над очагом на деревянном крюке или цепи висел котел. Вдоль стен тянулись лавки, в дальнем левом углу от двери стояли стол и стул для торо, выдолбленный из ствола дерева и покрытый вышитой подушкой, набитой перьями жертвенных уток и лебедей; после моления внутри стула убрали ритуальные полотенца и скатерть. Над стулом устраивалась полка (мудор), украшенная ветками деревьев (березы летом, ели зимой), ритуальными полотенцами, здесь же помещалось антропо - или зооморфное изображение Воршуда, а также воршудная коробка с ритуальными предметами. Обычно это были: беличьи шкурки, крылышки или хвост рябчика, перья тетерева, ритуальная посуда, помеченная воршудной тамгой (каждый Воршуд имел свой знак), кусок специально испеченного ритуального хлеба, часть последней принесенной жертвы (косточка с мясом), ветка дерева (чаще всего береза), сушеная рыбка, клубки шерсти, льна, мука и крупа, завернутые в холстину²⁴, т. е. здесь была символически сосредоточена своеобразно материализованная, предметная информация об окружающем мире на всех его важнейших структурных уровнях.

С этим комплексом культовых атрибутов интересно соотносится миф о превращениях Кылдысина (божества-творца): люди, стоя у священной березы, долго молили Кылдысина спуститься к ним, и он появился на вершине дерева в образе красной белки. Охотники, намереваясь вынудить божество навсегда остаться на земле с ними, подстрелили белку, но она превратилась в рябчика, рябчик - в тетерева, затем - в окуня, и тот скрылся в реке. Миф как бы

оживляет содержимое воршудной коробки, тем самым происходит акт творения самого мира, обитателей его небесной, земной и водной сфер.

Большого внимания заслуживает удмуртский Мудор (букв. центр, край земли). Первоначально он, очевидно, воспринимался как центр мироздания, земли, начало начал, позднее он стал главным местом святилища, которое было построено по поводу его и буквально вокруг него: Мудор-куа. Убранство куалы, все предметы, находящиеся в ней, целиком куала считались священными, но особо почитались очаг и Мудор с Воршудом - именно их переносили при создании нового святилища, устраивали Мудор-скоан - свадьбу Мудора. Тогда же трое уважаемых стариков в течение одного дня, от восхода до захода солнца, должны были построить новую воршудную коробку²⁵.

В семейной куале было до 70 молений (йыбырскон) в год, то есть не было ни одного более или менее значительного события в жизни удмуртской семьи, по поводу которого не обращались бы к семейному покровителю - Воршуду. В родовой куале проводились собственно моления, их было всего 3-4 в год: на пасху (Быд́ым нунал), Петров и Покров день, только тогда разрешалось войти в куалу, поэтому обряд так и назывался куала пырон, то есть вхождение в куалу. Самое большое моление, длившееся почти неделю, происходило осенью на Покров (14 октября).

Если в семейной куале обряд проводил глава семьи со своей супругой, то в родовой куале были выборные жрецы-вöсьяси. Значительную роль в культе куалы играли женщины, особенно жены жрецов. Они занимались изготовлением ритуальных полотенец, скатертей, украшали куа свежими ветками, готовили хлеб, кумышку для молений.

Исследователи отмечали очень большое значение культа предков в религиозных представлениях удмуртов: "уважение к памяти умерших родителей или родственников у них развито в сильной степени", "красной нитью через всю жизнь проходит трепет по отношению к обитателям загробного мира"²⁶. Для удмуртов не было клятвы сильнее, чем клятва их предками, которых они очень боялись и всячески почитали.

Наиболее характерно культ предков выступал в похоронных и поминальных обрядах. Полагали, что смерть наступает после того, как душа (лул) покидает тело. По представлениям удмуртов, у человека две души: лул - душа живого человека и урт - душа умершего, его двойник. Считали, что последняя может превратиться в урткыч - летучую мышь или в урт бубыли - ночную бабочку (подобные воззрения были присущи не только многим финно-угорским народам, но и этносам Сибири, Ср. Азии). Глаза и лицо умершего в прошлом покрывали, по-видимому, берестяной или

кожаной маской. Загробный мир представляли как зеркальное отражение мира живых, где все делается наоборот, как вечную страну холода, находящуюся в полуношной стороне, поэтому даже летом были нередки захоронения в шубах. Первоначально, очевидно, хоронили на лубе или в долбленных колодах подобная традиция бытовала у сев. великоруссов, карел, сету, мордвы, коми²⁷, позднее в гробах. С воззрениями о загробной жизни связано сопровождение умершего различными вещами и едой: при этом практиковалось символическое “умерщвление” ритуальных предметов: керамику разбивали, ножи ломали и т. п.

В своей жизни в ее повседневности и особенно в кульминационные моменты удмурты практически ничего не решались предпринять, будь то свадьба или проводы в рекруты, поездка в гости или забота об урожае, не посоветовавшись со своими умершими сородичами, предками²⁸.

Угощения умерших - поминальные обряды - удмурты проводили на 3, 7, 9, 40-ю ночь и в годовщину. Кроме того, особенно ярко и значительно в религиозно-мифологическом комплексе культа предков проходил поминальный обряд ви́ро сётон жертва крови, позднее он стал называться у южных удмуртов йыр-пыд сётон жертва головы и ног, поскольку жертвовали только эти части животного. Иногда его называли вал сюан свадьба коня, кулэм мурт сюан свадьба умершего, уллань сётон жертва нижнему миру. Он состоял в том, что через 3 года после смерти родителей (иногда через 5, 7, 10, 20, 30 лет, но обязательно в течение жизни, иначе долг останется детям), им устраивали особое благодарственное жертвоприношение: матери посвящали корову, отцу - лошадь. Весь обряд проводился как “свадьба наоборот”, разыгрывался целый спектакль: умерших “приглашали”, “угощали”, старались, чтоб умершим было весело, как на свадьбе, их “проводжали” специальными песнями, напоминавшими свадебные, но на поминках у мужчины пели мелодии, исполняемые на свадьбе невесты, тогда как на поминках женщины пели свадебную мелодию, исполнявшуюся в доме жениха. Кости жертвенных животных развешивали на специальных деревьях²⁹. Подобные обряды были известны и другим народам Поволжья, особенно выразительно они проходили у марийцев и мордвы³⁰.

Удмурты издревле занимались земледелием, и в их религии большую роль играли аграрные культы. Корни этих культов в бессилии древнего земледельца перед силами природы. Отсюда стремление умиловить божества, связанные с плодородием, земледелием. Зародившись вместе с земледелием в виде земледельческой магии, свою развитую форму земледельческие культы приобрели лишь с появлением сельской общины, носителя этой

формы верований. У каждой удмуртской деревни или объединения нескольких родственных деревень были свои аграрные обряды.

Аграрные обряды четко делились по циклам, связанным с периодами сельскохозяйственных работ. У удмуртов их можно разделить на весенне-летние и осенне-зимние. Первые связаны с подготовкой к севу и посевом хлебов, вторые - с ожиданием и сбором урожая, с жертвоприношениями богам в благодарность за урожай. Кроме того, земледельческие обряды можно разделить на экстраординарные, проводимые по случаю града, засухи и т. д., и регулярные, канонически проводимые раз в году.

Наиболее популярными были обряды весенне-летнего цикла: гырыны потон, геры поттон, или акашка, - праздник сохи или плуга. Во время цветения ржи, когда земля считалась в тягости, строго соблюдались многочисленные запреты, чтоб не тревожить землю, в это же время отмечался весьма своеобразный обычай именовании земли, воды и грома. С поворотом солнца устраивались очень яркие ряженья (пóртмаськон), входившие, очевидно, в более широкий цикл культов плодородия.

К ежегодным молениям, входящим в систему аграрных молений летнего цикла, у южных удмуртов можно отнести моление в луде, которое проводилось на Петров день. Каждая удмуртская деревня имела свой луд священную рощу, находившуюся обычно на возвышении, вершине горы, господствующей над селением. Почитание священной рощи было широко распространено у многих финно-угорских народов и восходит, очевидно, к культу растительности, культу деревьев, что было связано с лесным охотничьим хозяйством. Постепенная эволюция этих форм верований привела их в систему аграрных обрядов. Кроме того, в поклонении удмуртами священной роще отчетливо проступают и заимствованные черты, связанные с культом Керемета.* Почитание Керемета, известное многим народам Поволжья и Средней Азии, у удмуртов как бы наложилось на культ священной рощи, что произошло, очевидно, в болгарскую эпоху через предков чуваш. Сами удмурты говорят о заимствованном характере культа Керемета. У северных удмуртов, которые не имели развитых контактов с тюрками, нет и обрядов почитания Керемета. Южные удмурты метаморфозу своих представлений о священной роще объясняют так: "Молимся в луде, но Керемету", т. е. луд стал восприниматься как место обитания злого божества Керемета.

Моление в луде отличалось от других удмуртских обрядов рядом существенных черт. Прежде всего, это система жестких регламен-

* Керемет - арабское слово, означающее "чудеса святых". Р. Г. Ахметьянов. Указ. соч. С. 31-32.

такий. Место моления в луде строго табуировано, за ограду разрешалось входить только во время моления 1-2 раза в год. Женщины и жители других деревень на моление не допускались. Впоследствии это требование, как и другие ограничения, соблюдалось не очень строго. Луд, очевидно, был одной из древних форм сакрализации пространства. Луд состоял из ряда кругов по степени святости. К самому священному месту в нем - к жертвенным кострам - могли подходить только жрецы, которых избирали из рода луда, в молении принимали участие в основном представители этого рода, остальные, т. е. из рода куалы, были лишь зрителями. В жертву Керемету приносили лошадей, овец, коз, но иногда крупный рогатый скот и птицу, как в других обрядах. Только при молениях в луде употреблялся пресный хлеб, здесь не разрешалось курить, употреблять спиртные напитки. Иначе, чем другие удмуртские обряды, проходил сам обряд моления Керемету.

К вечеру, накануне дня моления, на гору, где находилась священная роща луд, поднимались жрецы. Они зажигали костер, приносили в жертву барана или овцу и готовили ритуальную пищу, которая варилась в котлах всю ночь. К утру собирался народ из деревни. Жрецы, обратившись лицом к солнцу, приветствовали его первые лучи, обращаясь к божествам с молитвой. Все становились на колени и совершали поклоны. Молитва была традиционной, в ней в основном у богов просили благополучие и хороший урожай. Затем устраивалась общая ритуальная трапеза, после чего вновь обращались к богам с благодарственной молитвой. На этом моление в луде заканчивалось, и он закрывался до следующего года.

В системе язычества удмуртов общей для многих народов является ее наиболее древняя сфера, в частности, культ огня, воды, земли, представления о жизни и смерти, душе. Общим для финно-угров было поклонение божеству неба (Инмар - Ilmari Ioma), культ деревьев и священной рощи, наличие особой ритуальной постройки типа куа/ла. Эти компоненты обнаруживают стадиально-типологические и, вероятно, генетические параллели и берут свои истоки, возможно, в далекую эпоху уральской этнокультурной общности. С наибольшей полнотой и выразительностью они выявляются в системе верований удмуртов. В значительной степени это произошло, по-видимому, потому, что дореволюционный хозяйственно-бытовой уклад в силу ряда исторических причин развивался замедленно, это способствовало некоторой консервации и длительному сохранению в духовной культуре удмуртов весьма архаических комплексов, уже утраченных другими финно-угорскими этносами.

Замкнутость религиозной системы никогда не была абсолютной: в процессе функционирования она вступила в контакт с духовной культурой других этносов Урало-Поволжского региона. Тем не менее

это не вызвало существенной трансформации религиозных представлений удмуртов, так как контактирующие стороны находились примерно на одинаковом стадияльно-типологическом уровне развития.

Существенные изменения произошли в традиционном религиозном комплексе удмуртов при его соприкосновении с мировыми религиями - исламом и христианством, в зоне их активного противоборства. Прежде других мусульманское влияние испытали южные удмурты, наиболее тесно контактировавшие с тюркским миром и входившие в состав Волжской Булгарии (где в X в. ислам утвердился в качестве государственной религии), а позднее Казанского ханства. Именно в булгарскую эпоху, вероятно, произошло формирование весьма своеобразной этнографической группы удмуртов - бесермян, здесь существенную роль сыграл религиозный фактор (ср.: мусульмане - бесермяне). Видимо, от поволжских татар удмуртами были заимствованы такие религиозные образы, как Албасты, Акташ, Акшан, Пери, Шайтан и др. Раннефеодальные государства Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство и соответствующая им система сакрализации верховной власти содействовали началу оформления идеи единобожия удмуртов. Но этот процесс оказался весьма длительным и не получил своего полного завершения и в более позднее время.

Существенно большим было воздействие на религию удмуртов со стороны христианства после присоединения удмуртов к Русскому государству, а фактически и несколько раньше, с начала проникновения "православного язычества" вместе с первыми русскими крестьянами-переселенцами в XII-XIII вв. Массовая христианизация удмуртов началась в XVIII в., когда большинство удмуртского населения подверглось крещению. Правительством была разработана целая система мер по обращению инородцев в православие и закреплению у них новой веры. Особую известность в XIX в. получила так называемая система Ильминского, согласно которой большое внимание уделялось распространению христианского учения на родном языке. С этой целью в Поволжье открывались миссионерские школы, учительские семинарии для инородцев, переводились и издавались церковные тексты³¹. Однако догматы христианского вероучения не были поняты (и не только из-за языкового барьера) и не были приняты удмуртами во многом из-за насильственных, жестоких методов христианизации, что приводило порой к массовому бегству удмуртов, в частности, на свободные башкирские земли. Многие христиане-удмурты по существу оставались верны своей старой религии. Произошло как бы разделение сфер функционирования религии: в официальной сфере господствовало православие, в семейно-общинной сохранилась своя

“домашняя” религия. Постепенно начался процесс их взаимопроникновения, в результате чего стали складываться специфические образы религиозного синкретизма: Николай-чудотворец слился с удмуртским Нюлэсмуртом, очень популярный в Поволжье Илья-пророк с Гудыримумы, Кылчин стал ангелом-хранителем; триада удмуртских божеств Инмар-Кылдысин-Куазь стала трактоваться как тройственная сущность христианского бога; иногда религиозные обряды, начинаясь в церкви, завершались по языческим предписаниям; на языческие моления порой приглашали православных священников; в удмуртском святилище куа появились христианские иконы их стали называть мудором; вместо дэндора родового знака стали носить христианский фетиш крест и т. д.

Религиозный синкретизм удмуртов оставался живой реальностью до эпохи революционных преобразований, происшедших в удмуртской деревне (начиная с 1917 г. до периода коллективизации), с уничтожением вековой замкнутости семейно-общинного быта удмуртов были подорваны социальные корни, питавшие религиозные воззрения.

Трагические деформации, происшедшие в советском обществе в 30-е годы, не могли не отразиться и на удмуртском этносе и его духовной культуре. Под лозунгом борьбы с культурной отсталостью и замкнутостью беспощадно уничтожали традиционные религиозные институты, многие священные места были разрушены, служители культа и часто даже участники молений объявлялись врагами народа, кулацкими элементами со всеми вытекающими последствиями. Религия удмуртов приобрела почти подпольный характер, стала своеобразным «языческим сектантством», сложно деформировалась в сознании народа.

Вместе с тем было бы неверным ожидать, что столь сложное социально-историческое явление как религия, функционировавшая тысячелетиями и уже в силу этого обладающая “великой консервативной силой”³², может исчезнуть в течение короткого исторического времени.

По данным массового обследования, проведенного в 1979/80 г. НИИ при Совете Министров УАССР совместно с Институтом этнографии АН СССР, религиозная ситуация в удмуртской деревне характеризовалась следующими показателями³³: верующие составляли 23%, колеблющиеся между верой и неверием - 29%, неверующие - 55%, активные атеисты - 2%; в городе эти показатели соответственно составили 7%, 10%, 70%, 4%. Кроме того, выяснилось, что 4% верующих удмуртов (сельские и городские) придерживались древнеудмуртской религии, а 6% сельских кроме того исполняли как православные, так и собственно удмуртские религиозные обряды (т. е. они сами осознавали синкретизм своей

веры). Эти данные свидетельствуют о том, что значительная часть сельских удмуртов находится под влиянием религиозных идей или является колеблющейся по отношению к религии. Довольно широко проводятся поминальные обряды, сохранились единичные куа.

Специфика религии на современном этапе характеризуется приобретением особо сложных форм синкретизма, где порой причудливо переплетаются не только элементы собственно религии (язычества, ислама, христианства), но и фрагменты несистематизированных научных знаний; более того, появляются своеобразные спекуляции на науке, "полузнании". Модными становятся обращения к "народной", "природной" языческой религии. В то же время активизируется деятельность церкви в целом и отдельных служителей культов.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 25.

² Бехтерев В. М. Вотяки, их история и современное состояние//Вестник Европы, 1880. № 8, 9; Потанин Н. Г. У вотяков Елабужского уезда//ИОАИЭ. Казань, 1880-1882. Т. 3; Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1892; Блинов Н. И. Языческий культ вотяков. Вятка, 1898.

³ Верещагин Г. Е. Этнографические материалы. Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. оп. 1Н, № 388, с. 221.

⁴ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 96, 145, 181.

⁵ "Чур, шур" считалось тюркским заимствованием, однако к тюркам это слово пришло из славянской мифологии. См.: Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. С. 144.

⁶ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. Эскиз 1. С. 63, 64.

⁷ Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. Вып. 3. С. 132-139.

⁸ Емельянов А. И. Указ. соч. С. 132; Мифы народов мира. М., 1988. Т. 2. С. 564.

⁹ Первухин Н. Г. Указ. соч. Эскиз 1. С. 14.

¹⁰ Емельянов А. И. Указ. соч. С. 58.

¹¹ Первухин Н. Г. Указ. соч. Эскиз 2. С. 17.

¹² Munkacsi B. Votjak népköltészeti Hagyományok. Budapest, 1887. О. 152-153.

¹³ Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М., 1929. С. 55.

¹⁴ Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben, 1 L, Helsingfors, 1893. S. 126-129.

- 15 Айтуганова Л. Д. К вопросу о формировании современного удмуртского стихосложения//Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1986. С. 51; Насибуллин Р. Ш., Хрущева М. Г. О некоторых особенностях удмуртских куриськонов//Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986. С. 231-232; Первухин Н. Г. Указ. соч. Эскиз 2. С. 11, 41.
- 16 Маторин Н. М. Указ. соч. С. 47.
- 17 Там же.
- 18 Емельянов А. И. Указ. соч. С. 69; Владыкин В. Е. Аграрные культы удмуртов//Ежегодник этнографического музея Эстонской ССР. Таллин, 1981. С. 146-160.
- 19 Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб, 1986. С. 201.
- 20 Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды, поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 162; Потанин Н. Г. Указ. соч. С. 206-207; Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 202; Первухин Н. Г. Указ. соч. Эскиз 2. С. 74.
- 21 Первухин Н. Г. Указ. соч. Эскиз 1. С. 14.
- 22 Первухин Н. Г. Там же. С. 13-14.
- 23 Луппов П. Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзи-Ятчинского края Вотской автономной области//Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1927. № 3. С. 27.
- 24 Первухин Н. Г. Указ. соч. Эскиз 1. С. 18-41.
- 25 Емельянов А. И. Указ. соч. С. 51-53.
- 26 Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков//ЭО. М., 1890. Кн. 7. № 4. С. 43.
- 27 Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 74.
- 28 Елабужский М. Боги некрещенных вотяков Елабужского уезда//Вятские епархиальные ведомости. 1894. № 13. С. 410-413.
- 29 Владыкин В. Е., Чуракова Р. А. Обряд "Йыр-пыд сётон" в поминальном ритуале удмуртов//Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986.
- 30 Религиозные верования народов СССР. М., 1931. Т. 2. С. 274; Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 156.
- 31 Ильинский Н. И. О системе просвещения инородцев. Казань, 1913.
- 32 К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 315.
- 33 Рукописный фонд Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, оп. 1Н, № 610.

Глава XII. НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Неотъемлемую часть духовной культуры удмуртского народа составлял комплекс положительных знаний, используемых в различных областях быта. Представления о мире, календарь сельскохозяйственных работ и приметы о погоде, основы метрологии, способы и приемы лечения заболеваний, традиции воспитания - все это составляло бесценный, накопленный веками коллективный опыт, критическое усвоение которого в значительной степени являлось условием дальнейшего поступательного движения удмуртского общества.

1. Представления о мире и народный календарь

Представления удмуртов о строении мира составляли сложную мировоззренческую систему, в которой переплетались дохристианские и христианские воззрения. Все то, что не было связано с практическим опытом, представлялось непонятным и таинственным.

Как и у большинства народов, космическая модель мира удмуртов представлена небесной, земной и подземной, водной сферами, теснейшим образом связанными друг с другом, подтверждением чему является триада верховных божеств Инмар-Куазь-Кылдысин (см. главу XI) с четким разделением сфер их функционирования.

Верхний ряд удмуртской религиозно-мифологической системы представлен довольно многочисленными образами. Главенствующее положение среди них занимало Солнце (Шунды), образ которого получил детальную мифологическую разработку. В фольклоре оно предстает в образе “золотого клубка под сводом небесной печки”, “красным столбом ‘всего мира’”, “вселенской матерью” и т. д. Различные стадии данного мифологического образа отражены в понятии Шунды-мумы, означающем, - с одной стороны, само солнце, с другой - мать солнца, особое божество, которое отвечало за то, чтобы солнце вовремя восходило и заходило.

Другим божеством, почитаемым наряду с солнцем, являлась Луна (Толэзь, Толэзь-анай), ассоциирующаяся в удмуртской мифологии с женским началом.

Весь мировой порядок, по преданию удмуртов, находился в ведении верховного бога Инмара. С его появлением удмуртская мифология связывает творение среднего мира. Землю по приказу Инмара достал со дна мирового океана Шайтан. Разбросанная Инмаром по воде, она разрослась и образовала земную твердь.

Мотив творения земли верховным богом и его помощником, в роли которого выступает птица (утка, селезень, гагара) или младший брат бога в облике птицы, замененный впоследствии чертом, известен почти всем финно-угорским народам. Он возник на основе мифологических представлений, восходящих к эпохе общности финно-угров (III-II тыс. до н. э.).

Нижний ряд трихотомической модели мира представлен подземным миром. По поверьям удмуртов, под землей, охраняя ее, живет большой черный бык (музьем утись ош, му-ош), который стоит на спине огромной рыбы, плавающей в подземном море. Бык держит на своих рогах землю, из-за движения рогов происходят землетрясения.

С подземным миром ассоциировались и представления о воде/реке. Река была не только границей между земным и потусторонним мирами, дорогой в иной мир, но и местом обитания мертвых. Поэтому представления о низовьях реки соотносились с такими понятиями как север (уйшор, уйпал), запад (шунды пуксён пал) и воспринимались с отрицательным знаком. Им противопоставляли исток реки, ассоциировавшийся с югом, полднем (лымшор), востоком (шунды жужан).

Религиозно-мифологическая система восприятия мира не нарушила основ стихийно-материалистических взглядов народа на мироздание; фактические представления сосуществовали со знаниями, основанными на наблюдениях природы. Так, созвездие Млечный Путь (Луд жазег сюрес) служило в качестве ориентира в пространстве; удмурты выделяли также Большую Медведицу (Жок кук кизили), Плеяды (Шерпуж кизили), Орион (Тарази кизили), Венеру (Югыт луон кизили). Северное сияние (Ингорд, инмар пёртмаськон) и кометы (быжо кизили букв.: хвостатая звезда) считались предвестниками несчастья, кровопролитных войн.

Пространственная регламентированность мирового порядка воспринималась в тесном единстве с временными параметрами, в которых неразрывно переплетались линейная и цикличная последовательности.

Дифференциация линейного времени носила крайне узкий характер. Она включала в себя, прежде всего, представления о прошлом, настоящем и будущем, где детальную разработку получило лишь настоящее время, соотносимое и часто отождествляемое с основной единицей измерения своеобразным модулем времени циклом жизни отдельного человека.

Все, что было связано с прошлым, определялось как древние годы (вашкала арьёс), давным-давно, в прежние времена (кемалась, валляна дырья). Определением “древность” датировались времена первотворения и существования на земле “дочеловеков” - великанов зэрпалов и алангасаров, время появления “маленького человека” и время действия героев-богатырей национального эпоса, а также отдельных исторических личностей или собственных предков.

Будущее (лыктйсь арьёс, вуоно арьёс), как и прошлое, мыслилось чем-то общим, нерасчлененным.

Исторически обозримое время (вакыт, вапум, даур) различалось с промежутком времени, вмещающим жизнь отдельного человека улон даур, гумыр.

В отличие от линейных, циклические отрезки времени в силу обозримости, повторяемости и конкретности получили более четкую и определенную номинацию и легли в основу народного календаря.

Счет времени у удмуртов велся по сезонам года: зима (тол), весна (тулыс), лето (гужем), осень (сйзыл) - составляли отрезок временного цикла - год (ар). Год делился как бы на две половины: весна - лето и осень зима. Определяющими моментами весенне-летнего и осенне-зимнего периода были дни зимнего и летнего солнцестояния (уйвожо и инвожо; вожо-дыр, то есть переходное время), дни весеннего и осеннего равноденствия. Именно к этим моментам были приурочены самые важные календарные обряды и праздники.

В году двенадцать месяцев (толзэь). Основу удмуртского народного “календаря” составляли кругооборот природных явлений и связанные с ним сроки работ. Складывавшийся в течение длительного времени, он отражал не только работы сельскохозяйственного цикла, но и более древние занятия, связанные с охотничьим промыслом. Границы периодов года в народном календаре нечеткие, что является отражением постепенности изменений в природе.

Началом года считалось время пробуждения природы - весна. Первый месяц весны март назывался куака толзэь - месяц прилета грачей, апрелю соответствовал оштолзэь или кызыпу - месяц воды¹, месяц березового сока. Май называли куартолзэь или гуждор - месяц листвы, месяц первой травы; июнь - инвожо², лек, вожотолзэь сердитый месяц; июль - кёстолзэь, турнан - сухой месяц, сенокос; август - гудыри кошкон - месяц ухода грома; сентябрь - куарусён, ю пыртон - месяц опадания листвы, месяц сбора урожая; октябрь - выль жук - новая каша; ноябрь - коньы вуон, шур кынмон - месяц начала охоты на белок, месяц застывания рек; декабрь толсур, толмон, толзён - месяц зимнего праздника, приход зимы; январь толшор - середина зимы; завершал год февраль кион сюан - месяц волчьих свадеб.

Месяц состоял из четырех недель (арня). Дни недели в разных локальных традициях определялись по-разному: существовали собственно удмуртские названия вордйськон (рождение), пуксён (восхождение), вирнунал (кровавый день), покчи арня (малое воскресенье), бигер арня (татарское воскресенье), кёснунал (сухой, непраздний день), арня, зуч арня (русское воскресенье), а также заимствованные из русского, приспособленные к фонетике удмуртского языка (полнедельник, овторник, середа, четверик, пекинча, субота, воскресенье). Дни недели могли называться и по базарным дням, проводимым в том или ином населенном пункте: Бурай базар базар в Бураево, Кукмор базар - день базара в Кукморе и т. п.

Сутки (уй-нунал) исчислялись дневным (нунал) и ночным (уй) временем, каждое из которых делилось на менее продолжительные отрезки: сактон или зардон - восход солнца; чукна пал - время, близкое к утру; чукна - утро; лымшор - полдень, лымшор бере - послеобеденное время; жытпал - время, близкое к вечеру; акшан или жомо-югдо - сумерки; жыт - вечер; уйшор - полночь; уйшор бере - время после полуночи.

Деление дня и ночи на более мелкие единицы времени - час, минуту, секунду распространилось среди удмуртов довольно поздно, потому термины заимствованы из русского или татарского языков: час, сагат, минут, секунд.

2. Основы метрологии

Возникнув в глубокой древности из потребностей производственной деятельности человека, народная метрология постепенно усложнялась, обогащалась вместе с развитием общества и частной собственности, появлением земельных переделов и межевания угодий, расширением торговли, углублением межэтнических контактов.

В основе наиболее древних систем измерения у удмуртов, как и у многих народов мира, лежали элементарно-простые движения человека или части тела. Так, к распространенным мерам длины относились шаг (вамыш, вамыштэт), локоть (гырпум), пядь (вись), ладонь (кикур), маховая сажень (сыл, сул), косая сажень (сузьмон)³. Так как длина шага у различных людей неодинакова, при измерениях обычно пользовались средней величиной шага в 80-90 см. За длину локтя бралось расстояние от локтевого сустава до концов вытянутых пальцев, что обычно равнялось 45-47 см, пяди - расстояние между большим и указательным пальцами (малая пядь 18-19 см) или между большим пальцем и мизинцем (большая пядь 22-23 см). Под маховой саженью имелась в виду длина размаха рук по линии плеч, обычно равная 176-177 см, под косой саженью - расстояние от ног до пальцев вытянутой вверх руки, равное 216 см⁴.

В 1649 г. Соборным Уложением на Руси официально была утверждена казенная сажень, которая в переводе на метрическую систему равнялась 2 м 13,36 см, но на практике крестьяне и тогда, и в более позднее время за длину сажени, как правило, брали расстояние между большими пальцами вытянутых горизонтально рук, так называемую простую сажень, равную в среднем 150-152 см, или косую сажень⁵. По рассказам стариков-удмуртов, в конце XIX в. во время земельных переделов крестьяне пользовались деревянными палками в 1 сажень длиной (боды), что, по их словам, равнялось 2 м⁶. В практике земельных переделов часто употреблялась и 10-саженная веревка (гозы), на которой узлами или пришитыми цветными лоскутками отмечались аршины и сажени; наконец, применялась еще "оригинальная вотская сажень в виде огромной печатной буквы А, длинные стороны которой имеют по 1 сажени, а расстояние между ножками 1 аршин"⁷.

Аршин как система измерения в официальной метрологии Руси был утвержден в XVI в.⁸, у удмуртов он стал внедряться, по-видимому, только в XIX в., постепенно вытесняя гырпум и вись. Аршин делился на 4 четверти и 16 вершков, в переводе на метрическую систему он равнялся 71,12 см. Удмурты за четверть аршина брали одну пядь (вись) или 2 ладони (кикур).

При подготовке пряжи к снованию основы длину нитей отмеряли на стене в длину избы (борд). Например, на женскую рубашу сновали две стены или чуть меньше. В переводе на аршин борд мог иметь от 4 до 9 аршин. Счет ниток основы велся пасмами (лыдзем, жоктэм), состоявшими из 5 чисменок (лыдзалтэс), каждая по три нитки. Итого в пасме бывало 15 ниток. Обычно холсты ткали в 10 пасм (полотнище в 54 см); в 5 пасм (27 см) ткали только полотнища для онучей⁹.

Самой крупной единицей измерения длины у удмуртов являлась верста (иськем), равная русской путевой версте 500 сажен или 1,067 км; в настоящее время верста отождествляется с километром.

Приемы измерения поверхности у удмуртов были связаны с земледелием, практикой периодических уравнильных переделов. Перед каждым распределением земли крестьяне проводили жеребьевку, при которой все главы семейств имели свои жеребы липовые лутошки с семейным знаком - тамгой, размеры лутошек равнялись большому пальцу. После жеребьевки нарезались участки. В зависимости от ландшафта окружающей местности длина полос колебалась от 20 до 200 сажен. Ширина полосы зависела от формы кона: чем шире кон, тем шире полоса, но в конечном итоге ширина полос каждого домохозяина зависела от того, на сколько душ он получал землю¹⁰.

Земельный надел на 1 душу назывался “ним”, все другие земельные меры были его составной частью. Размер нима не был постоянным и варьировал в различных общинах от 1200 до 3600 кв. сажени в зависимости от уровня обеспеченности земель, а также от принятой для измерения величины сажени. Местами он был равен казенной десятина (2400 кв. саж.). Ним делился на 4 осьминника (черык): 60 сажени в длину и 15 сажени в ширину. Наиболее мелкой земельной мерой была ана или палана: восемь ана (палана) составляли один ним. Таким образом, если 1 десятина равнялась 2 четвертям или 4 осьминам, то 1 ним - 4 черыкам или 8 палана.

Во многих местах Удмуртии, особенно в центральных и северных районах, измерение поверхности земельных наделов производилось “переездами”, равными 40х40 саж. Переезд имел в себе “ныльдон гозы” (сорок веревок). Четвертая часть переезда называлась “гож”¹¹.

Для удобства при распашке и бороновании земельные наделы крестьянами делились на гоны (ветлос) длиной от 20 до 30 сажени¹².

В практике переделов удмурты часто сталкивались с необходимостью вычисления площадей, имевших самые различные формы. Так, в частности, при вычислении площади кона, имевшего форму прямоугольного треугольника, одна его сторона принималась за основание, другая - за высоту; их произведение, деленное на два, принималось за площадь кона. Площадь участка, имевшего форму параллелепипеда, находили умножением основания на боковую сторону. Вычисление площади круга производилось путем удвоения длины диаметра круга¹³. Разумеется, при подобных приемах вычисления площадей часто допускались погрешности (как, например, в двух последних случаях), но для практических целей это было не столь важно, к тому же проверочные переделы позволяли исправлять допущенные ошибки.

Наиболее распространенной и унифицированной мерой объема у удмуртов являлся сосуд, изготавливаемый из липы или бересты: бочка (бекче), туесок, бурак (бурак, куды, сарва, лянэс). Известны сосуды самого различного назначения: мусур бекче (бочка под пиво), вöй бурак (бурак под масло), йöл сарва (бурак под молоко), сюкась вышкы (бочка под квас) и т. п. Наиболее крупными были емкости под мед (30-35 л.), самыми маленькими - туески под ягоды (4-6 л.). Зерно мерили липовой долбленой кадушкой цилиндрической формы. Под влиянием русских подобная кадушка становится не только мерой объема, но и мерой веса: так как в нее входил 1 пуд зерна, то и сам сосуд назывался пудовкой (пудовка).

С древнейших времен удмурты использовали различные глиняные горшки, деревянные ковши (кобы), которые служили мерой жидких и реже сыпучих тел, но количественной, строго пропорциональной зависимости между ними не было.

Распространенной мерой жидкости был штоф (штоп). Штоф заключал в себе 2 бутылки, в бутылке содержалось 4 шкалика, 5 чарок. Для питья кумышки удмурты употребляли деревянные чарки (сюмык), в которые входило приблизительно 3 столовых ложки жидкости¹⁴.

Наконец, существовала еще такая группа мер объема и количества как сноп, груды снопов, копна, скирд. Все они связаны с уборкой и складыванием хлебов в поле или на гумне. В процессе жатвы снопы ставились в груды (10 снопов), бабки (10-14), суслоны (14-18). В сырую погоду для предохранения хлеба от прорастания снопы укладывали на ветвистые кольца (юс, ючис, юсись) в количестве от 20 до 45 снопов. По отзывам стариков Глазовского района, на 1 юс обычно вешалось 40 снопов ржаного или 60-70 снопов ярового хлеба. В сухую погоду снопы сразу укладывали в большие копны (чумолё) вместимостью от 50-60 до 100-150 снопов. Чумолё в 150-200 снопов умещался на 1 воз. На гумне для хранения необмолоченного хлеба снопы укладывались в скирд (кабан), куда входило 10-20 и более возов.

Культо, бабки, суслоны, юсы, чумолё, кабан обычно представляли собой промежуточные меры объема и количества; зная количество возов, вмещавшихся в овине для разовой просушки, полученный хлеб (как обмолоченный, так и необмолоченный), крестьяне считали овинами или пудами. С одного овина, как свидетельствуют многочисленные архивные документы второй половины XIX в., получали в среднем 15-20 пудов зерна¹⁵.

Сено складывалось в большие зароды (зурод) и счет накошенного сена велся в них, т. е. в зародах. При артельном или групповом скашивании сена оно делилось между членами копами по количеству душ домохозяев.

О наличии у удмуртов не только устного счета, но и определенной системы изображения цифр свидетельствуют податные, пастушьи и земельные бирки, а также нумерация бревен при возведении срубов. На бирках записывали результаты счетных операций: количество хлеба, сданного в общественный амбар; денег, уплаченных в казну, в мирской фонд, данных взаймы, отмечали количество шерсти, полотна, овчины и др., отдаваемых на работу различным мастерам. При этом бирка раскалывалась пополам, одна половинка оставалась у хозяина, другая отдавалась мастеру. Пусы считались удобными в том отношении, "что никаких записей о приеме не требуется: одна половинка бирки, приложенная к другой, ясно показывает, чья именно вещь отдана мастеру в дело"¹⁶.

До XIX в. бирки опознавались по родовым тамгам (подём пус), которые ставились на нераскалываемом конце бирки, а во 2-й половине XIX - начале XX в. на бирках стали записывать фамилии.

В древности тамги играли роль семейных печатей, так как прикладывались к актам и всем деловым бумагам. В конце XIX в. тамгами продолжали обозначать борти, межевые столбы и пр.

Как и у других народов, у удмуртов единица записывалась палочкой, два - двумя, три - тремя и т. д. Половина изображалась половиной палочки, принятой за единицу, четверть величины точкой. Существовали специальные знаки для изображения денежных единиц (рис. 1). В качестве денег употреблялись беличьи шкурки. Не случайно в удмуртском языке понятие "деньги" выражается термином "коньдон" (от "коньы дун" досл. цена белки). Счет денег велся следующим образом: 2 коп. - сизьым коньы, то есть 7 белок; 3 коп. дас коньы 10 белок; 5 коп. дас сизьым коньы - 17 белок; 15 коп. витътон кык коньы 52 белки и т. д.¹⁷.

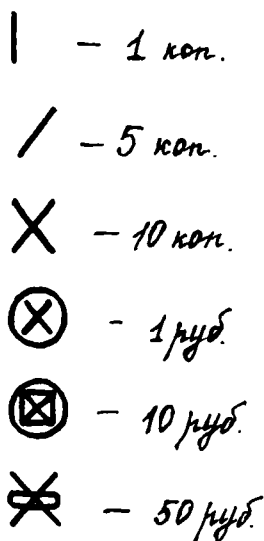

Рис. 1. Изображение денежных единиц

Особыми знаками обозначались цифры на строительном материале (рис. 2).

Во второй половине XIX начале XX в. удмурты в своей хозяйственной деятельности и быту продолжали еще широко использовать традиционные способы измерения длины, поверхности, веса, объема, изображения цифр и пр., выработанные в ходе общественной практики предшествующих поколений.

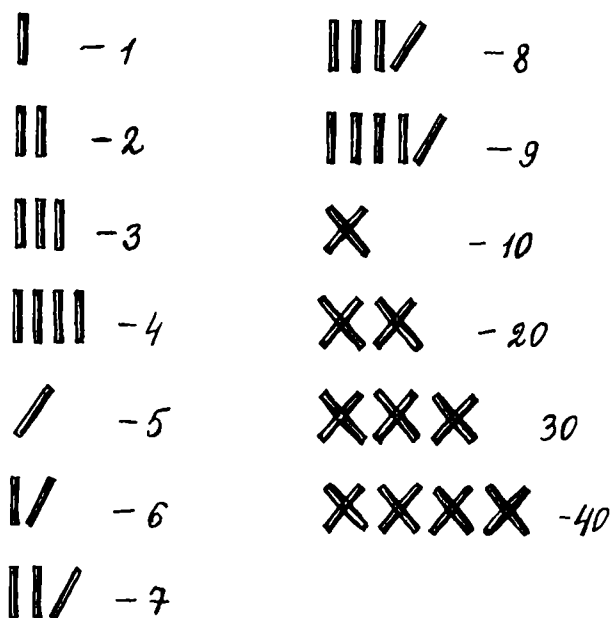

Рис. 2. Изображение чисел на строительном материале

3. Народная медицина

Традиционная медицина удмуртов, как продукт коллективного народного опыта, выработала целостную систему эмпирических способов предотвращения и лечения заболеваний, которые дифференцировались в зависимости от характера и признаков болезни. Удмурты различали болезни сердца (сюлэм висён), спазмы (булык), заболевания верхних дыхательных путей (кызэм, ым потос), желтуху (чужектон), тиф, горячку (сьёд кыль), оспу (чача пöськы), золотуху (чучы, тэсэ), лихорадку (кезег), ревматизм (кös висён), грипп (кеч кыль), чесотку (лыдон), чирьи (пöськы), грыжу (дэй) и др¹⁸.

Ассортимент лечебных средств был традиционным и обуславливался общим состоянием материальной и духовной культуры удмуртов, особенностями их быта и прежде всего способами получения основных средств существования.

Источники второй половины XIX начала XX в., полевые этнографические материалы свидетельствуют о давних традициях и широкой сфере применения в народной медицине удмуртов лечебных средств растительного характера, при этом были известны разнообразные лекарственные формы - отвары, настои, настойки, мази, а также ингаляции, компрессы, ванны. В народе в прошлом

лечебными считались все травы, кроме метлицы полевой; самыми полезными признавались зверобой и душица: “от 77 болезней лечат”¹⁹.

В качестве кровоостанавливающих средств удмурты применяли зверобой, крапиву двудомную, тысячелистник, гвоздику; болеутоляющих - пустырник, боярышник, сушеницу топяную; стимулирующих заживление ран - подорожник, донник, лопух; предохраняющих от нагноения и воспаления ран - чистотел, отвар полыни, мать-мачеху, ромашку; успокаивающих - фиалку, мак, ландыш. Страдающих куриной слепотой (курег син) поили настоем листьев подорожника, чистотела, делали из них примочки на глаза, внутрь употребляли отвары лесных ягод; при воспалении глаз промывали их настоем ромашки, череды, хмеля. В качестве отхаркивающих средств служили девясил, чернوبельник, лошаково семя; потогонных - душица, зверобой. Чесотку старались излечить с помощью чемерицы, крапивы жгучей, зубную боль снимали беленой, глистов выводили пижмой.

Направленность терапевтического воздействия трав во многих случаях находила отражение в их удмуртских названиях, например: “виртурын” (зверобой) - кровоостанавливающая трава, “сюлэмтурын” (пустырник) - от боли в сердце, “чучытурын” (чистотел) - трава от болячек, “кызонтурын” (лошаково семя) - от кашля, “пиньтурын” (белена) - от зубной боли и т. д. На практике применение лекарственных трав в народной терапии удмуртов было комплексным: одна и та же трава применялась при лечении разных заболеваний; или одно какое-нибудь заболевание лечилось набором нескольких трав.

Из огородных растений в качестве лекарственных средств применялись лук, чеснок - при нарывах, царапинах, ранах, болезнях горла и слизистой оболочки рта, зубной боли; листья капусты, свеклы при гнойничковых процессах, фурункулах, болезнях суставов, ревматизме; сок свеклы, моркови, горькой редьки при простудах. Тертým картофелем лечили ожоги, в ухо капали сок лука.

С успехом применялись в народной медицине и некоторые технические культуры - конопля, лен, из семян которых делали мази. Богатым арсеналом лекарственных средств были лесные богатства Удмуртии. Так, для предохранения ран от нагноения или воспаления использовались черемуха, кора ивы, березовый сок; при заболеваниях глаз - отвары шиповника, смородины, ягод можжевельника; в качестве потогонных употреблялись ягоды бузины, земляники, малины: при одышке - листья и ягоды рябины; при кашле - почки тополя. Широко использовалась в народной медицине калина: ее принимали внутрь при головных болях, простуде, от удушья, наружно - при выведении болячек и прыщей с лица. При желудочно-кишечных заболеваниях прибегали к помощи ольхи,

крушины; желтуху лечили черноталом; оспу, головную боль клюквой. Активно использовалась в лечебных целях береза: деготь березовый применяли для приготовления мази от коросты, настой березового сока с медом от слабости, отвар почек как мочегонное, веник чтобы париться в бане. Деготь, смола, уголь, сера, скипидар, получаемые из сосны, ели, можжевельника, также являлись хорошими лечебными средствами.

Удмуртам было известно благотворное действие на организм и некоторых ядовитых растений. Так, спорынью рекомендовали принимать женщинам при маточных кровотечениях, от преждевременного выкидыша и психического расстройства. Мухомор использовался для лечения чирьев, болячек, снятия спазм, при желудочных расстройствах.

С успехом применялись в народной медицине продукты животного происхождения. Кровь домашних животных рекомендовалась ослабленным после болезни, от туберкулеза, при болях в печени.

Мясо птицы, дичи считалось легким и полезным для кормления больных при всех болезнях. Печенью животных лечили женщин после родов, хилых и слаборазвитых детей. Гусиное и утиное сало широко применялось при лечении ожогов, обморожениях и обветривании кожи; нутряное овечье сало - при кашле и простудах; барсучье сало при туберкулезах. Хорошим целебным средством считалось молоко.

Рыбу употребляли при слабости зрения, от искривления ног и хилого развития детей; воспаленную конъюнктиву глаз, ожоги, язвы, раны смазывали желчью рыбы, золотушных детей поили рыбьим жиром.

Популярным было лечение муравьиным спиртом, которым растирали мышцы, суставы ног и рук; при болях в пояснице прибегали также к помощи пиявок, чтобы отсосать, как говорили, “дурную кровь”.

Хорошим лечебным средством считали мед. Мед пили с самогоном, с молоком после сильной простуды, при язвах и поносе; его использовали для подслащивания настоек из трав; мед, растворенный в воде, закапывали в глаза, натирались им в бане. Прополис использовался при головных болях, туберкулезе, трахоме.

В качестве лечебных средств применялись и вещества органического и минерального происхождения: соли, квасцы, краски, глина, мел и т. д. Так, из птичьего помета, болотной грязи, горячей браги делали ванны для конечностей. Золой присыпали раны, делали из нее припарки или примочки от язв, горячие компрессы на горло, зольным щелоком мыли волосы. Мел употребляли при ожогах, затяжном прорезывании зубов у детей; медный купорос для смазывания рук и ног при сыпях, чесотке, для промывания глаз.

При запорах пили мыльную воду; лишай выводили мазью из соли и меда; при зубной боли в дупло клали щепотку соли; при отравлении ели мелко растолченный древесный уголь; для выведения перхоти использовали керосин.

Любопытно отметить, что удмуртское население использовало и лечебные факторы некоторых минеральных источников. Так, жители д. Кузубаевской Елабужского уезда (недалеко от курорта Варзи-Ятчи) воду и грязь источника, находившегося в окрестностях деревни, употребляли при лечении ревматизма, чесотки, лишая и, по свидетельству уездного врача, добивались хороших результатов²⁰.

Средством предупреждения и лечения многих болезней считалась баня. После каждой простуды крестьяне сильно парились березовым веником, при радикулите и ревматизме пихтовым веником или из крапивы жгучей; старались в бане больше потеть и там же пили настои потогонных трав, вдвухали горячий пар в уши, в темя. В деревенской бане проходили роды, в ней лечили чахлах детей. Незаменимым средством считалась паровая баня для исцеления от наружных болезней; в бане правили вывихи, массажировали и натирали тело, промывали незаживающие раны. Таким образом, баня была не только местом отправления некоторых языческих обрядов, она выполняла рациональные профилактические, гигиенические и лечебные функции.

Среди удмуртских крестьян были свои носители народных знаний в области врачевания - шаманы (туно), знахари (абыз, пелляськись), массажисты, костоправы (кыскась, кӧт кыскась), бабки-повитухи (гогы мумы). В каждой деревне знали, к кому можно обратиться, чтобы вправить грыжу, пустить кровь, вывести мозоли, бородавки, удалить инородное тело из глаза, уха, остановить кровотечение, поставить горшки. Конечно, описывая их медицинскую практику, не следует забывать и о немалом вреде, приносимом ими населению, так как среди них подвизалось много невежественных шарлатанов, запугивавших крестьян и вымогавших у них большие поборы²¹.

К людям, способным излечивать болезни, относились и колдуны (ведйн, вегин): считалось, что они могут не только навести порчу, но и вылечить причиненное заболевание. К ним со стороны крестьян наблюдалось неоднозначное отношение: уважение и признательность тесно переплетались с опасениями и осторожностью в общении.

Наряду с признанными врачами существовала практика врачевания на бытовом уровне, носителем которой являлся каждый человек или семья. Всему населению были хорошо известны разнообразные средства растительного, животного и минерального происхождения, а также элементарные навыки профилактики и лечения заболеваний, приемы ухода за больными.

В тесном единстве с рационально-эмпирическими методами

лечения болезней находились иррациональные способы. Не находя и не зная истинной причины заболеваний, их связывали с влиянием сверхъестественных сил, злых духов, различного рода сглаза, порчи. Правда, в самом народе разделения медицины на рациональное и иррациональное начала не существовало. В народной практике все действия, связанные с излечением больного, были рациональны, оправданы и внутренне связаны. Психология врачей-врачевателей во многом обуславливалась религиозно-магическими представлениями народа, верой в них, поэтому с этой точки зрения иррациональные приемы лечения оказывали положительное воздействие на психическое состояние больного, будучи своего рода психотерапией. Следует брать во внимание и то, что редкие болезни лечились только рациональными средствами, большинство методов народного врачевания основывалось на сочетании рационального и иррационального. К последним средствам относились всевозможные наговоры, заговоры, обереги, жертвоприношения, магические обряды, к которым особенно часто прибегали при инфекционных заболеваниях, эпидемиях.

Итак, народная медицина удмуртов в конце XIX - начале XX в. имела богатый и разнообразный арсенал лечебных средств и приемов - фитотерапию, массаж, гидротерапию, баню и т. д. Среди них было немало древних, испытанных, свойственных другим народам Вятско-Камского края: марийцам, чувашам, татарам, что было вызвано не только сходством природно-экологических условий проживания этих народов, но и свидетельствовало о давних культурно-бытовых контактах.

Следует отметить, что в условиях экономического, социального и национального гнета, невежества и почти сплошной безграмотности эмпирическая медицина не могла быть панацеей от всех болезней. Нехватка врачей-профессионалов, фельдшеров, лечебных учреждений, суровые условия жизни и т. д. приводили к высокой смертности населения. Как писали Вятские епархиальные ведомости, “мрут вотяки, как мухи, а сообщить об этом кому следует не догадаются или сообщают об этом очень поздно”. И далее: “Редкую семью найдете не зараженную венерическими заболеваниями, обязательно с больными глазами. Кроме того, свирепствует водянка, золотуха, чахотка, горячка, понос”²²

В годы Советской власти вопросы здравоохранения, развития медицины в Удмуртии получили серьезное внимание со стороны государства, господствующее положение в вопросах охраны здоровья трудящихся заняла медицина научная. При этом последняя до сих пор впитывает опыт традиционной медицины, не отказываясь от ее еще далеко не исчерпанных возможностей. Так, к примеру, в годы Великой Отечественной войны главный хирург эвакогоспиталей Удмуртии, первый профессор-хирург из удмуртов С. И. Ворончихин,

исходя из богатого народного опыта, предложил для комплексного лечения инфицированных ран различные смеси пихтового и растительного масел, а также пихтового масла с медом. В послевоенные годы в больницах республики мазь С. И. Ворончихина стала широко использоваться для лечения гнойных ран²³. До настоящего времени среди населения, особенно сельского, остается высоким интерес к личности и медицинской практике народных лекарей, массажистов, костоправов, и интерес этот часто вполне оправдан, поскольку среди них имеются яркие представители народной медицины, опыт и знания которых нуждаются в серьезном изучении со стороны представителей медико-биологических наук.

4. Народная педагогика

Воспитательные традиции, на которые опиралось удмуртское крестьянство в XIX - начале XX в., имели свои корни в глубинах трудовой жизни народа. Воспитание детей происходило в соответствии с необходимостью наследования общественно-исторического опыта, накопленного предыдущими поколениями, с целью подготовки к жизни и труду. Народная мудрость имела в своем арсенале разнообразные методы и средства трудового, умственного, нравственного, эстетического, физического, религиозно-этического воспитания. Тут действовало и убеждение, и пример, и разъяснение, и приучение. В круг верных и испытанных методов входило упражнение, пожелание и благословение, просьба, совет, одобрение, упрек и укор. В процессе воспитания приходилось обращаться также к запрету, угрозе, запугиванию, и даже физическому наказанию. При этом эмпирический опыт подводил людей к выводу, что “ребенка розгой и криком не выучишь”, что “земля любит навоз, а ребенок ласку”, но что и “лишняя похвала только порча”²⁴.

Удмурты, как и другие народы, основную цель семьи видели в рождении и воспитании детей; бездетность ими воспринималась не только как несчастье, но и как позор. По словам Г. Е. Верещагина, удмурты “счастье полагают только в детях”²⁵. Недаром и народные пословицы гласят: “Бездетные супруги сироты”, “Дом детьми весел”, а в одной из народных песен поется:

Зарниен но азвесен мар-о бен карод?
Со интые мед луоз вордэм нылпиед.

На что злато-серебро?
Лучше вырастить детей.

В воспитании детей у удмуртов можно выделить условно четыре возрастных периода, каждый из которых характеризует определенный этап в жизни ребенка.

Первый период включал возраст с момента рождения до 1-3 лет.

На данном этапе главная цель воспитания заключалась в том, чтобы сохранить жизнь и здоровье ребенка, привить ему двигательные навыки, научить понимать речь и говорить. Дитя этого возраста называли нонйсь пинал (грудной ребенок, букв.- сосущий ребенок). Воспитание грудных детей почти полностью лежало на матери. Она заботилась о содержании тела в чистоте, пеленала, кормила, обучала ходьбе, следила за правильной посадкой; от матери малыш познавал звуки родной речи, начинал понимать обращения к нему, отдельные явления в окружающей его среде. Глубокий нравственный смысл колыбельных песен, исполняемых матерью, часто являлся тем фундаментом, на котором впоследствии строился морально-этический и эстетический мир ребенка. После того, как мать отнимала дитя от груди, оно переходило под присмотр бабушек, дедушек или сестер и братьев.

Второй период начинался с 2-3 и продолжался до 5-7 лет. Он знаменовал переход из младенческой группы в детскую. Ребенка этого возраста в народе называли нуны, пичи пинал (дитя, ребенок). На этом этапе закладывались основы мировоззрения и поведения, начиналось обучение труду.

В воспитании трудолюбия самым лучшим наглядным уроком был личный пример родителей. Под их наблюдением и помощью дети исподволь включались в круг хозяйственных забот семьи и незаметно впитывали простую и мудрую мораль: “Без работы хлеб не придет”. Мальчиков 5-7 лет привлекали уже к жатве, сенокосу, боронованию, их учили молотить, свозить снопы на ток, разясняли им секреты охоты, рыболовства, пчеловодства. Взрослые мастера (кузнецы, кожевники, плотники и др.) брали их к себе в помощники, и те, помогая им, постигали премудрости того или иного ремесла. Это был и искусный народный педагогический прием и подлинное посвящение, введение в жизнь, которое вовсе не исключало ученичества, а скорее делало его более серьезным и ответственным²⁶.

Матери начинали обучать своих дочерей полевым работам, рукоделию, приготовлению пищи. В присмотре за младшими участвовали все дети, но чаще всего эта обязанность ложилась на плечи дочерей. Поощрение, похвала были естественными последствиями детского труда, плохо выполненное дело, неуважительное отношение к чужому труду, в свою очередь, могли повлечь за собой наказание, порицание, осуждение.

Среди воспитательных приемов, которыми взрослые пользовались при воздействии на детей этого периода, были игры и игрушки. Первоначально среди игрушек преобладали предметы домашнего обихода, затем дети при участии взрослых начинали делать игрушечные орудия труда, а со временем переходили к настоящим, специально для них создаваемым. Так, для детей у удмуртов были

детские ведерки, коромысла, лопатки, грабли, вилы, прялки и т. п. Подражая старшим, дети осваивали в играх, забавах смысл трудовой деятельности, ее отдельные операции, сложившиеся стереотипы поведения; велика была роль игр и в физической закалке подрастающего поколения.

От детей 5-7 лет семья и общество начинали уже требовать выполнения кодекса неписаных морально-этических норм, таких как уважение к старшим, заботливое отношение к слабым, доброту и отзывчивость, вежливость и дисциплинированность, исполнительность и честность. Детям рано прививалась мысль, что нужно "быть как все, не выделяться среди других", с малых лет учили быть терпеливыми. В число основных этических норм и понятий входило уважительное отношение к святыням культовым местам и сооружениям, соблюдение религиозных запретов, глубокое почитание земли и хлеба, как источников жизни человека. Худое слово и обращение с хлебом считались проявлением величайшей безнравственности.

Третий период охватывал возраст от 7 до 13-15 лет. Ребят этого возраста называли пинальёс, будйсь пинальёс, быдэ вуись пинальёс (подростки, растущие, взрослеющие дети). Их положение заметно изменялось как в семье, так и в обществе. Подростки лишались открытых проявлений родительской ласки, своих былых привилегий, к ним выдвигалось больше требований, у них появлялись постоянные поручения. К 13-15 годам девочки уже в совершенстве овладевали секретами женского мастерства (вышивание, ткачество, вязание, прядение, приготовление еды), помогали родителям в домашних и полевых работах; мальчики обучались мужским видам работ. В детях этого возраста вырабатывалось умение работать в коллективе, необходимым становилось участие в общинной взаимопомощи - веме и других видах общественных работ.

Расширение умственного кругозора подростков шло в первую очередь за счет освоения хозяйственных традиций народа, впитывания эстетических идеалов и вкусов, усвоения самых различных жанров устного народного творчества. В этом возрасте в полной мере развивались певческие навыки, воспитывалась народная вокально-хоровая и хореографическая культура; в ряде зрелищных мероприятий, бытовых и ритуальных обрядов подростки из пассивных наблюдателей переходили в разряд активных участников.

Процесс приобщения ребят к социальным и культурным традициям народа в этом возрасте уже выходил за рамки отдельной семьи. Воспитательные функции возлагались также на родственников, соседей, общину. Мощным фактором само- и взаимовоспитания являлась детская среда. Внутри семьи в воспитании девочек по-

прежнему важную роль играла мать, а отец выступал больше как авторитет, на который ссылалась мать. В отношении мальчиков, наоборот, непосредственная роль воспитателя переходила к отцу, старшим братьям, дядьям.

Следующий возрастной этап начинался с 13-15 и продолжался до 17-18 лет. Это было время наступления зрелости и возмужания, период совершеннолетия. Молодежь этого возраста в народе называли быдэ, ёзэ вуэмъёс (совершеннолетние), казак пи, казак ныл (юноша, девушка). Родители готовили молодежь к семейной жизни; девушки начинали запасаться приданым. По вечерам юноши и девушки посещали посиделки, которые были местом общего веселья, возможных встреч и знакомств.

Женившиеся и начинавшие вести самостоятельное хозяйство парни становились домохозяевами и получали право голоса на сельском сходе. В неразделенных семьях юноши помогали отцам, вникая во все домашние и семейные дела, хозяйственные проблемы, но общественный статус их оставался низким: на общинные собрания они не допускались.

К 16-17 годам молодое поколение фактически было подготовлено к той жизни, которую предстояло вести в дальнейшем. К этому времени все юноши и девушки уже имели ту или иную репутацию внутри общины. Воспитание молодежи не прекращалось, оно продолжалось дальше, но при этом регулирующую и контролирующую роль все больше брала на себя община, которая в вопросах, касавшихся производственной деятельности, нравственности придерживалась твердых норм и применяла к нарушителям жесткие меры наказания, вплоть до ссылки в Сибирь, самосуда, публичного посрамления, отлучения от общественных молений, изгнания из деревни.

Краткий анализ народных педагогических воззрений и приемов удмуртов позволяет сделать вывод, что для своего времени общая культура народа была глубоко педагогична. Несмотря на наличие в ней суеверных, невежественных, консервативных моментов, главное, определяющее в духовной жизни народа шло от труда, душевного таланта, естественности и человечности.

Процесс социализации ребенка в удмуртском обществе начинался рано, самый насыщенный период в воспитании падал на возраст от 3-7 до 13-15 лет, после 15 лет фактически шел уже процесс довоспитания (в необходимых случаях перевоспитания), который брала на себя община.

Целенаправленно, систематически и настойчиво в удмуртской деревне шел процесс трудового, нравственного и религиозно-этического воспитания, именно через эти каналы и достигалась, по-видимому, "этническая устойчивость" подрастающего поколения. Что

касается физического, эстетического, умственного воспитания, то оно, на наш взгляд, носило более опосредствованный и стихийный характер. Негативным моментом в традициях народного воспитания являлось сильное подчинение личности авторитету общества, что подавляло творческие, инициативные начала в человеке.

Лучшие идеи народной педагогики были восприняты национальными просветителями-педагогами, создателями первых учебников для удмуртов Г. Е. Верецагиным, И. С. Михеевым, И. В. Яковлевым, М. Г. Можгиным. Они, ставя перед собой задачу дать народу первоначальную грамоту, стремились в то же время воспитывать его в духе гуманизма: через просвещение избавить человека от несправедливости, пороков и невежества и привить ему чувство взаимовыручки, трудолюбия, человеческого отношения к больным, нищим, воспитывать любовь к родной земле и уважение к другим народам²⁷.

В наши дни сочетание опыта советской педагогики с вековой мудростью народа (ранняя социализация, воспитание в труде и через труд, в природе и через природу, предоставление большой самостоятельности ребенку, широкий диапазон видов производственной деятельности и т. д.) должно рассматриваться как одно из необходимых условий для формирования духовно богатой, душевно щедрой, творческой, обладающей активной жизненной позицией личности.

В ходе длительного исторического развития в удмуртском обществе складывались и формировались народные представления об окружающем мире, природе, человеке, возникали стихийно-материалистические представления о мироздании, времени и пространстве, вырабатывались нравственные нормы и правила поведения, способы воспитания молодых поколений и передачи накопленного опыта, углублялись эмпирические знания лечения, и другие элементы народной культуры.

Положительные народные знания в качестве необходимого компонента вобрала в себя научная мысль. Представители различных сфер науки продолжают активно усваивать опыт предыдущих поколений, что в значительной степени является условием дальнейшего прогресса современной науки.

¹ См.: Владыкин В. Е., Перевозчикова Т. Г. К семантике и эволюции некоторых образов удмуртской мифологии и фольклора // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 169-171, 174-176.

² См.: Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921. Вып. 3.

- 3 *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Вятка, 1889. С. 71.
- 4 *Рыбаков Б. А.* Русские системы мер длины XI-XV вв.//Советская этнография. 1949. № 1. С. 70.
- 5 *Устюгов Н. В.* Очерк древнерусской метрологии//Исторические записки. М., 1946. № 19. С. 321; *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 73.
- 6 Рукописный фонд УИИЯЛ УрО РАН, оп. 1Н, д. 701, л. 23.
- 7 *Кузнецов С. К.* Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии. М., 1905. С. 34.
- 8 *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 69; *Устюгов Н. В.* Указ. соч. С. 320.
- 9 *Гринкова Н. П.* Домашние промыслы, связанные с изготовлением одежды у удмуртов Башкирской АССР//Советская этнография. 1940. Вып. 3. С. 115-116, 123-124; *Грацианская Л.* Удмуртская народная математика//Записки УДНИИ. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 214.
- 10 ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, лл. 49, 64, 100, 105, 106, 108, 111.
- 11 *Грацианская Л.* Указ. соч. С. 210.
- 12 ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, лл. 68об., 98, 104, 106, 111.
- 13 *Верещагин Г. Е.* Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда//Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 120-123; *Кузнецов С. К.* Указ. соч. С. 35-39.
- 14 *Грацианская Л.* Указ. соч. С. 212-213.
- 15 ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 346, л. 6,6 об.; д. 18, л. 68.
- 16 *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда... С. 69.
- 17 *Грацианская Л.* Указ. соч. С. 208-209.
- 18 *Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний//ИОАИЭ. Казань, 1914. Т. 22. Вып. 6. С. 341; *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края. СПб, 1886. С. 4; *Сысоева М. В.* Из истории развития здравоохранения в Удмуртии в XVIII - I половине XIX в.//Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 25.
- 19 Рукописный фонд УИИЯЛ УрО РАН, оп. 1Н, д. 726, л. 7, 28.
- 20 *Сысоева М. В.* Указ. соч. С. 26.
- 21 Там же. С. 27.
- 22 *Ардашев А.* Медицинская беспомощность Якшур-Бодьинского инородческого прихода Сарапульского уезда//Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1905. № 20. С. 1109, 1111.
- 23 *Кнелыц В. Ф.* Народная медицина в Удмуртии//Советское здравоохранение. 1983. № 9. С. 73.
- 24 Пословицы и поговорки удмуртского народа. Ижевск, 1960; Удмурт калык пословицаос, поговоркаос. Ижевск, 1961.
- 25 *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края... С. 7.
- 26 Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. М, 1985. С. 677.
- 27 *Уваров А. Н.* Гуманистический пафос книг для чтения удмуртских просветителей к. XIX- н. XX вв.//Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1984. С. 5.

Глава XIII. НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Народное искусство - особая специфическая область коллективной человеческой деятельности возникло как сложное явление, связанное общностью утилитарных и духовных задач. Оно представляет собой продукт сложного взаимодействия окружающей среды и народного творчества в их непрерывном развитии и совершенствовании.

Народное искусство удмуртов генетически восходит к календарно-обрядовой культуре; в основе своей оно было синкретично и развивалось в единстве с изображением, поэзией, музыкой.

Удмуртское народное искусство воплощает в себе память многих поколений, связывает день сегодняшний с культурным прошлым народа. Оно и сегодня остается живым творчеством со своим представлением о прекрасном, отражает национальный характер.

1. Устно-поэтическое творчество

Удмуртский фольклор в совокупности представляет собой исторически сложившуюся художественную систему, в которой все типы произведений находятся в сложных взаимоотношениях и взаимодействии. Для народа, не имевшего письменности, устное народное творчество было одним из способов передачи информации, общения и важным воспитательным средством. Жанры фольклора, возникнув в разное время, в художественных образах отразили ступени познания человеком окружающей природы и общества. Народ не выделял свои устно-поэтические произведения в отдельную область, не зависимую от повседневной жизни. Все, что воплощалось им в художественных образах, носило название мадь, мадькыл, мадиськон (от мадьны - сказывать, рассказывать, славить, петь, загадывать). Корень этого слова имеет параллели почти во всех финно-угорских языках, обозначая одновременно и основные жанры фольклора и определяя его главное назначение - учить, советовать, передавать опыт, познавать мир¹.

Жанровая система удмуртского фольклора обусловлена образом

жизни крестьянской общины. Кругооборот природных явлений, от которых зависела хозяйственная деятельность крестьянина-земледельца, неразрывно связанных с жизненным циклом человека (молодость, зрелость, старость), формировал систему фольклора и его особенности.

Самобытный пласт обрядовой поэзии составляют жанры, преследующие утилитарно-магические цели - заклинания, заклички, заговоры. К заклинаниям относятся словесные формулы, среди которых в первую очередь выделяются приговоры, произносимые при выполнении каких-либо магических действий во время обряда или вне его (переправа через реку, зачерпывание воды из источника, сбор плодов и ягод, окончание жатвы, элементарные случаи врачевания и т. д.). К необрядовым видам приговоров относятся клятвы и проклятья.

Заклички представляют собой обращения к природным явлениям, зверям и птицам. Перешедшие к настоящему времени в детский фольклор, они являются реликтом древних верований удмуртов, их поклонения природным силам. Например: “Зор, зор, Куазие, мед потоз ай сяскае” (Лей, лей, мой Куазь, пусть взойдут цветочки); или “Пот, пот, шундые, ачим вöйын нянь сёто” (Взойди, взойди, солнышко, хлеба с маслицем я дам) и др.² Близки заклинаниям и закличкам заговоры, но значимость их в сознании людей несколько выше. Это подчеркивается и условиями исполнения, и художественными особенностями, и тем, что заговоры были известны лишь отдельным лицам: ворожцам (туно), знахарям (пелляськись), языческим жрецам (вöсьась).

Заговоры делятся на хозяйственные, лечебные и любовные. Особенно развитыми у удмуртов были хозяйственные заговоры, которые исполнялись во время частных и общих молений главой семейства или специальными жрецами. Это были обращения к разного рода божествам (троице верховных богов Инмару, Кылдысину и Куазю, покровителю семейно-родового счастья - воршуду и т. д.) с просьбой ниспослать хозяйственное и семейное благополучие, здоровье и счастье.

Лечебные заговоры объединялись под общим названием “пеллянкыл”, но были и заговоры от определенных болезней (виркыл, кыжкыл - заговор от крови, син усем кыл - заговор от слеза, булык кыл - заговор от лихорадки и т. д.). Встречались и такие заговорные формулы, которые читались от нескольких болезней.

Самый большой раздел обрядовой поэзии составляют песни. Сопровождавшие календарные и семейные праздники, они отразили в себе магическое отношение людей не только к слову, но и к мелодии, что нашло отражение даже в соответствующих названиях: в северной удмуртской традиции крезь и мадь, в южной гур

и кырзэн. Крезь или гур - напев, мелодия, мотив, песня без слов является составной частью обрядов, помогающей осмыслить и прочувствовать происходящие события. Термином крезь обозначен в удмуртском языке и древний музыкальный инструмент гусли. Мадь или кырзэн - песня со словами. Под этим термином объединяются песни более позднего происхождения, исполнявшиеся повседневно вне связи с обрядами, а также современные сюжетные и русские заимствованные песни. Напев, таким образом, служил своеобразным знаком, символом ритуального празднества, являлся основой для импровизации текста или приспособления уже готовых образов, синтаксических и поэтических конструкций, целых строф для комментирования событий обряда. В связи с этим в обрядовых песнях удмуртов наблюдается полижанровость текстов: одни и те же строфы тематического цикла могут переходить из одного обряда в другой, меняя соответственно лишь музыкальное оформление. Но и напевы в зависимости от локальных традиций могут обслуживать разные обряды, то есть являются полифункциональными. Эта черта свойственна песенным традициям и других финно-угорских народов³ так же, как и отсутствие устойчивых текстов, свободная вариация строк или целых строф.

В композиции обрядовых песен прослеживаются локальные различия. В северных районах Удмуртии бытует пение на припевные слова, не имеющие содержания. Тексты песен komponуются из междометий “э, эли, я, яй” или отдельных словосочетаний типа “ох, шуисько но, ялам-а” (ох, говорю, да, всегда ли), “э, гинэ меда но” (э, только ли да...). В песнях центральных районов намечается тенденция к выделению отдельных словосочетаний, предложений, в них больше возможности для комментирования событий. Обрядовые мелодии южных районов объединяют вокруг себя циклы четырехстрочных песен, композиционной особенностью которых являются ритмико-синтаксический и психологический параллелизмы приемы, явно заимствованные из песенного творчества тюркских народов, издавна живущих в соседстве с удмуртами.

Для образной системы удмуртских обрядовых песен характерны сравнения, сравнительные конструкции образов-символов, символические ситуации, предметная символика. Например, женитьба в свадебной песне уподобляется переправе через реку, собиранию цветов; основной символ невесты - цветок, ягодка, цыпленок, жениха - коршун. Большую роль в обрядовых песнях играет метафорическая замена, в некоторых восходящая к табу, цветовая символика и сопоставительные конструкции⁴.

В формировании образного мышления большое значение имеет опора на параллелизм образов: использование тавтологии, тираднос-

ти, вариационного перечисления, синонимического параллелизма, ступенчатого сужения образов. Из композиционных форм обрядовой песни наиболее характерны диалогическое и повествовательно-монологическое построения⁵.

Повествовательный строй обрядовых песен явился органическим продолжением традиции необрядовых импровизаций, например, промысловых песен, представлявших собой ритмизированный напевом рассказ о действиях охотника при поимке зверя⁶. К этому типу относятся и песни, исполняемые бортниками. Но чаще необрядовые импровизации не имели устойчивых текстов, исполнялись без слов или на припевные слова, перемежаемые отдельными словами, предложениями по принципу "пою то, что вижу". Несомненно сходство этих песен с саамскими и карельскими песнями-йойгами, коми бытовыми импровизациями, угорскими нуранкы. Именно эти поэтические приемы стали основой в формировании стиля и необрядовой удмуртской песни (описание природных явлений, внешности, костюма и т.д. в виде кумулятивного нанизывания образов).

К обрядовой песенной поэзии восходит генезис не только поэтических приемов, но и всей лирической традиции в целом. Выделение лирического начала в обрядовых песнях - более поздняя и поэтому качественно новая ступень эстетического воспроизведения действительности, когда изображение психического состояния индивида берет верх и в определенной мере отвергает каноны, выработанные обрядовым фольклором.

Драматическая ситуация в жизни отдельного члена коллектива: смерть близкого человека, отъезд девушки из родительского дома, проводы в солдаты формируют особый песенный жанр причитания и способствуют переходу лиро-эпики в лирику. Наблюдаются разные уровни создания текстов - от напевов на припевные слова до лирических песен. В причитаниях последнего типа возможно выделение отдельных мотивов, являющихся их сюжетобразующей основой. По сути дела, это уже лирические песни, и именно поэтому легко выделяются из обряда, живут вне его и становятся основой для создания новых лирических песен⁷.

Необрядовый раздел фольклора удмуртов включает прозаические произведения несказочные и сказочные. В первую группу входят различные виды преданий, былички и побывальщины. Во вторую все виды сказок: о животных, волшебные и новеллистические. Сказания первой группы почти не содержат сказочного вымысла: всему, о чем рассказывалось, верили. Сказания второй группы воспринимались как небылицы, рассказывались для забавы, развлечения. Различная установка - на достоверность или вымысел сохранилась и в определении двух видов повествований. Первые

воспринимаются как сказания предков (выжыкыл), вторые как небылицы (пöртман кыл).

Большую часть несказочной прозы составляют предания, отражающие наблюдения народа над природой и обществом. Весьма разнообразные по содержанию, они могут быть объединены в несколько групп-циклов. Самые древние из них этиологические, повествующие о возникновении земли, неба, людей, рассказывающие об особенностях животных и птиц, об установлении определенных обычаев и обрядов народа.

Наиболее ярко эта особенность жанра стремление к передаче информации проявляется в топонимических преданиях: рассказах о названиях населенных пунктов, рек, гор, лесов. Они фиксируют внимание лишь на каком-то отдельном эпизоде, характерном явлении, послужившем основой для закрепления названия за той или иной местностью или объяснения особенностей ландшафта.

Основной темой следующей группы преданий - богатырских, или героических - является защита ими родной земли от нашествия врагов, освобождение соплеменников от чужеземного ига, борьба за землю, что характерно для периода разложения родового строя и начала этнической консолидации племенных объединений под эгидой родоплеменных вождей. Возникновение этих преданий относится к периоду соседства удмуртов с раннефеодальным Булгарским государством (IX-XIII вв.) и периоду монголо-татарского ига (XIII-XVI вв.). Образуются локальные циклы героических преданий о родоплеменных вождях: о батырах Идне и Донды у северных удмуртов, о Мардан-атае, Пазяле и Жужгесе у центральных, о батырах Можге, Янтамыре и Тутое у южных удмуртов⁸.

Удмуртский фольклор необычайно богат рассказами о представителях так называемой низшей мифологии: водяном, лешем, половинном существе, домовом, духе ветра и других мифологических существах. Рассказы о "взаимоотношениях" с ними несут на себе печать достоверности, формируя жанр быличек и побывальщин. Исторической основой появления и длительного сохранения подобных повествований явились дохристианские верования удмуртов, сохранившиеся вплоть до XX в. Побывальщины отразили разные этапы верований народа. В одних сказаниях мифологические существа одерживают верх, они покровители, и потому от них зависит спокойствие и благосостояние человека. В других победителем выходит человек.

Вторая группа повествований непосредственно может быть отнесена к сказкам. Трактовка образа мифологического персонажа и его действий здесь существенно отличается от быличек и побывальщин. Но образный строй трансформированных повествований еще несет на себе печать явного соединения двух жанров

побывальщины и сказки, что и составляет специфику этого жанра в удмуртском фольклоре.

Как и в фольклоре других народов, у удмуртов есть сказки о животных, социально-бытовые или новеллистические, в отдельную группу выделяются волшебные сказки⁹.

Сказки о животных по содержанию, характеру вымысла, композиционно-стилевым особенностям представляют собой забавные истории о повадках и похождениях зверей и одновременно подчеркнута аллегорические повествования с глубоким социальным смыслом. Они несут в себе следы тотемических представлений, мифологических воззрений предков удмуртов. На типизации отдельных персонажей ощущается некоторое влияние русских текстов¹⁰. Наиболее часто встречающиеся персонажи сказок о животных - лиса, волк, медведь, заяц, кот, петух, баран, собака имеют традиционные устойчивые характеристики, аллегоризм их образов вполне понятен читателю. С переходом в разряд детского фольклора сказки о животных по своему характеру и идейной направленности стали преследовать и назидательно-дидактические цели¹¹.

Удмуртский фольклор не знает классической формы волшебной сказки, однако возможно выделение отдельных волшебных мотивов (мотив чудесного рождения, мотив брака с животным и др.). Имеющиеся сюжеты в основном заимствованы, что доказывается образами сказок, явно не свойственных фольклорному мышлению удмуртов (многоголовые змеи, избушка на курьих ножках и т. д.). Заимствованные сюжеты большей частью переработаны в соответствии с требованиями национального фольклора, в результате чего создан своеобразный сплав волшебных сюжетов с социальными, в результате характер повествования больше походит на авантюрный или сатирический рассказ, например "Лапти-сороходы".

Своеобразный жанр удмуртского сказочного репертуара составляют новеллистические сказки. По содержанию и форме они близки к бытовым юмористическим или сатирическим рассказам. Герои этих сказок: бедный и богатый братья, мужик и барин, купцы, попы, ловкие и хитрые люди,- не совершают невероятных поступков, не борются с чудовищами, они действуют в обычной бытовой обстановке. Главное оружие социально-бытовых сказок смех: в них высмеиваются человеческие пороки - жадность, зависть, упрямство, глупость, лень и т. д. Новеллистическая сказка освободилась от признаков волшебного вымысла, от условности сказки о животных, от старинных форм мифологических понятий и представлений. Она без аллегорий и каких-либо других форм иносказаний обнажает глубокие социальные противоречия, убеждает слушателей в несправедливости существующих общественных норм¹².

К необрядовому фольклору относятся и так называемые малые жанры устно-поэтического творчества. Загадки наиболее древний из них. Они могли загадываться только после завершения полевых работ и выпадения первого снега, по народным представлениям, в остальное время закономерность развития природы могла быть нарушена каким-либо неосторожным словом. В это время проводились специальные вечера загадок (мадиськон жыт)¹³. В тематическом многообразии загадок, в образах их уподоблений предстает опыт практического освоения народом окружающего мира, они являются своеобразным выражением отношения народа к природным и социальным явлениям, школой жизни и поэтического мастерства; обучающую, познавательную функцию следует, по-видимому, считать главной социальной функцией загадок.

Основы мироздания, правила житейской мудрости, народная этика воплотились в пословицах (визькыл) и поговорках (лэчыт кыл), народных афоризмах (индылон), благопожеланиях (сйзён). Смысл произведений данного жанра - слово, пришедшее из глубины веков, мудрость, переданная предыдущими поколениями. Благодаря способности воплощать в конкретных образах абстрактные понятия, пословицы и поговорки, афоризмы вводятся в обиходную речь для характеристики тех или иных явлений, жизненных ситуаций¹⁴.

В целом жанры устно-поэтического творчества охватывают все стороны жизни народа. Раскрывая в отдельности какую-либо ее сторону, все вместе они представляют единую, целостную картину быта, нравов, обычаев и социальных институтов общества.

2. Народная музыка

Удмуртская народная музыка сложное в тематическом, поэтическом, музыкально-стилевом и исполнительском плане явление, часть общей культуры народа, сохранившая отдельные реликтовые черты, следы межнациональных и исторических напластований, вобравшая современность.

В соответствии с выполняемыми функциями и формами бытования удмуртская народная музыка может быть подразделена на обрядовую и необрядовую. Обрядовая сопровождает трудовые календарные и семейно-бытовые обряды, выполняя закликательную, хороводно-игровую, величальную, причетную функции.

Набор календарных обрядовых мелодий в разных локальных традициях неодинаков. Напев обряда проводов льда (йö келян крезь), например, характерен только для северных удмуртов. Он сохранился до наших дней, несмотря на то, что на смену остальным пришли зимние и летние циклы русских хороводных песен. Напев обряда

в честь первого весеннего праздника (акашка гур), устраиваемого в день выезда на пашню, и мелодия гостевания в честь обряда окончания весенних полевых работ (вось гур или вось нерге гур) свойственны южным районам. Ритуальные, гостевые и плясовые песни, объединенные обрядом пёртмаськон-ряжение, устраиваемого осенью после окончания полевых работ, бытуют в некоторых центральных районах.

Наибольшую сохранность и повсеместное распространение имеет музыкальное сопровождение семейно-бытовых обрядов: свадебных (сюан крезь или гур, бõрысь или ярашон гур, ныл бõрдытон крезь, ныл келян гур); похоронно-поминальных (шайвыл крезь или кõt куруктон крезь, йыр-пыд сётон гур) и рекрутских (рекрут гур).

Из обрядовых песен выделяется основная (формульная), характерная для данной деревни, или группы деревень. Во время экспедиции приходилось наблюдать, как активная исполнительница вдруг отказывалась петь свадебную, объясняя: “я не местная, у нас не поют так”. Формульные напевы не исполняются вне обряда или определенного календарного времени (“ярашон осенью спою, а то град выпадет, дак”) и отличаются наибольшей стабильностью. “Местный напев песен родни жениха или напев песен родни невесты, если он принадлежит не только своей деревне, а группе соседних деревень, сохраняется во всех деревнях почти в неизменном виде... Каждый же из нескольких поэтических текстов, поющих на один относительно стабильный местный напев родни жениха или такой же местный напев родни невесты, представляет собой мобильную композицию из одних и тех же стабильных поэтических мотивов, повторяемых в различных сочетаниях в каждой из местных версий поэтического текста”¹⁵.

Характер звучания формульных напевов сдержанный, даже суровый, чему способствует чрезвычайно низкая тесситура исполнения: пожилые женщины во время пения буквально задыхаются. Преобладает ансамблевое исполнение.

Необрядовый музыкальный фольклор - песни, инструментальная, в т. ч. танцевальная музыка - один из наиболее распространенных и художественно богатых разделов удмуртской народной культуры. Его самой представительной частью до настоящего времени народом осознается песня (огшоры кырзан). Его развитие стимулировалось социальными факторами: расслоением деревенской общины, рекрутиной, отхожими промыслами, усилившимися межнациональными контактами и т. д. В первое десятилетие XX в. необрядовая песня получила новый толчок, благодаря русской социальной песне, бытовавшей в среде политических ссыльных, а также репертуару школьно-церковных хоровых коллективов.

Необрядовая песня представлена в удмуртском фольклоре лирико-

бытовой песней, песней-размышлением, батрацкой, ямщицкой, сиротской, хороводно-игровой, песнями гражданской войны, Великой Отечественной войны, песнями о колхозной жизни. В процессе формирования необрядовой песни выявились определённые локальные традиции. При всем многообразии тематики в южной необрядовой песне преимущественное развитие получила лирико-бытовая, выделился мотив красоты, воспевалась одежда, внешние качества девушки. Песня складывалась чаще всего из нанизывания (по типу параллелизма образов) четырехстрочных построений, объединенных одной темой. При таком подходе к творчеству особое внимание обращалось на индивидуализацию свойств и признаков, необычность сравнений. Фабула и композиция оставались статичными.

Їужектэм но куарьёсыз
Вож но уд кары.
Ортчем но пинал даурез
Даур но уд кары.

Пожелтевшие листья
Зелеными не сделаешь.
Молодость свою
Вечною не сделаешь.

В северных песнях интересное развитие получили темы, навеянные размышлениями о судьбе человека, его возможной трагической гибели, о разлуке и ссылке в Сибирь. Например, в песне “Ой мугоры, мугоры”, исполняемой от лица девушки, передаются мысли о смерти, о перевоплощении в образы водной стихии.

На севере Удмуртии и в удмуртских селениях Кировской области необрядовые песни исполняются “широко”, благодаря одновременному вступлению и развитию голосов в их широком расположении. Перед исполнением поющие договариваются между собой об исполнении верхнего подголоска. В южных районах Удмуртии ансамблевое исполнение обрядовых песен более “строгое”; распространено унисонно-октавное многоголосие с эпизодическим расхождением голосов. Для периферийных южных районов (удмуртских деревень Татарстана, Башкортостана) характерно сольное исполнение. Оно интересно своеобразной носовой (гобойной) окраской звука, что связано с фонетическими особенностями речи этого региона.

Судьба локально бытующих удмуртских необрядовых песен складывается сложно: миграция населения, исполнение песен по радио и на концертах самодеятельности способствуют повсеместному распространению некоторых лирических песен, к ним относятся “Лымы тӧды” (“Снег белый”), “Вож-вож жужалоз” (“Зазеленеет”...), “Васькисько-васькисько” (“Спускаюсь, спускаюсь”), “Юг-юг жужалоз” (“Белым-бело расцветут”), “Зеч лу шуид но” (“До свидания сказал”). В то же время изменения в жизненном укладе нередко приводят к забвению песни или ее переходу в пассивный репертуар.

Большую роль в процессе обновления, изменения традиционной

необрядовой песни играет авторская песня, интонационно близкая народной: старая песня при этом забывается, новая занимает ее место. Так произошло, например, с известной песней Г. Корепанова на стихи Ашалчи Оки “Мон тодам ваисько” (Я вспоминаю вновь”), “вытеснившей” из активного репертуара близкую по мелодической интонации народную песню “Чоръялос атасэд” (“Петух запоет”).

С песенным творчеством, с характером национального песенного исполнительства тесно связана инструментальная удмуртская музыка. Она развивалась на протяжении многих веков, звучала в обрядах, сопровождала эпические произведения, была связана с некоторыми видами труда (например, охотой). В то же время проследить особенности художественного развития инструментальной музыки вряд ли возможно. Как продукт индивидуального творчества она не фиксировалась в народной памяти.

В последние 30 лет функции инструментальной музыки изменились: наряду с бытовыми формами сольного и ансамблевого музицирования, возникли сценические формы, связанные со смотрами, конкурсами, развитием самодеятельного искусства. В советское время народная инструментальная музыка развивалась неровно. В 20-е и 30-е гг. еще была жива традиция виртуозного исполнения на чипчиргане, были гусли, исполнители на волынке, на самобытной, кустарного изготовления, балалайке. В послевоенные годы инструментальные коллективы, требующие особых затрат, в сельской местности почти не создавались, мастерство кустарного изготовления инструментов тоже было утрачено и качественного роста народного инструментального искусства не произошло.

Удмуртская инструментальная музыка звучала на инструментах, которые условно следует разделить на собственно удмуртские, известные по археологическим и фольклорным материалам, имеющие общность с инструментами финно-угорских народов, и интернациональные, характерные для многих народов России. По способу звукоизвлечения можно выделить следующие группы: духовые инструменты (пеллян, узы гумы, шулан, сяла чипсон, чипчирган, быз, тутэктон); струнные (крезь, быдзым крезь, домбро крезь, балай, бандурка, куско крезь, гудок); ударные (барабан, бубен, тангыра).

Наиболее древними являются, вероятно, духовые инструменты и среди них примитивные (разового использования или сезонные) типа продольной флейты чипсон, шулан, изготавливаемые самим исполнителем. Отдельные их экземпляры обнаружены в памятниках Чегандинской культуры (III в. до н. э. - II в. н. э., найден свисток из зуба медведя) и Чепецкой культуры (X-XIV вв.).

Возникновение отдельных типов удмуртских музыкальных инструментов можно отнести к периоду древнепермской общности (конец II тыс. до н. э. - XIII в. н. э.), о чем свидетельствует родство

коми и удмуртских духовых инструментов (сходство конструкций, терминология, функционально-обрядовые параллели и т. д.)¹⁶.

Развитие удмуртских духовых инструментов, видимо, шло по пути освоения различных материалов, применяемых при их изготовлении (что давало разнообразную окраску звука): это стебли полых травянистых растений, кости птиц, хищных животных, гусиные перья, кора веток ивы, липы, черемухи, обожженная глина. Со временем совершенствовалась и конструкция: появлялись свистковые вырезы, отверстия, продольные прорезы-щели, мундштуки. Названия инструментов собирательные, функциональная определенность подчеркивается уточняющим наименованием, например сяла чипсон охотничий манок рябчиковый.

Функции духовых инструментов были разнородными, в некоторых случаях многоплановыми. Доминировали охотничьи манки (сяла чипсон), пастушьи рожки (тутэктон, туй), в отдельную группу выделились инструменты, игра на которых требовала особых навыков и художественного чутья: узы гумы, чипчирган.

Узы гумы - инструмент типа продольной флейты без игровых отверстий длиной 500-800 мм. Характер звука зависит от мастерства вдувания воздуха, подвижности губного аппарата и прикрытия (или открытия) пальцем правой руки нижнего конца трубки. В настоящее время мастерство игры на узы гумы возрождается в университетском фольклорном коллективе "Чипчирган" и Удмуртском государственном ансамбле песни и танца "Италмас".

В прошлом одним из любимых инструментов был чипчирган натуральная труба без мундштука и игровых отверстий. Изготавливали его из узкой, полый трубки стебля растения "недоспелка копьевидная" длиной более 1500 мм. Инструмент имел берестяной раструб конической формы. Звук извлекался путем втягивания воздуха исполнителем. При передуваниях на чипчиргане можно было извлекать очень высокие звуки. Мастерство исполнителя зависело от подвижности губного аппарата, умения управлять воздушной струей.

Популярным был и духовой инструмент небольших размеров (50-70 мм в длину) из веток липы чипсон, что значит свистулька, свирель, манок (глагольная форма чипсыны разливаться трелью, кричать (о птицах) уточняет назначение инструмента и несколько раскрывает характер его звучания). Делали чипсон из коры, вырезая на ней зарубку и вставляя деревянную пробку со щелью, для прохождения воздуха при вдувании. Чипсон получил распространение и среди русского населения Удмуртии как детская игрушка. Еще в 30-е гг., весной, и в городе и в сельской местности можно было слышать его резкие звуки. В настоящее время вышел из употребления.

Несколько разновидностей имел шулан. Одна из них сый шулан глиняный свисток: инструмент в виде утки с отверстиями по бокам, закрывая и открывая которые получали звуки различной высоты. Аналогичные инструменты встречаются у эстонцев, марийцев, чувашей, коми. Традиции, связанные с использованием этого инструмента как обрядового (языческий праздник изгнания душ умерших в ночь на великий четверг, ассоциировавшихся с нечистой силой шайтан ульян), позволяют поставить его в один ряд с дымковской свистулькой особого устройства, завезенной на север переселенцами из Великого Устюга и получившей известность благодаря самобытному празднику свистопляски или свистуныи потомку языческого поминального ритуала.

Тутэктон пастуший рожок из бересты или жести, состоял из конусообразной трубки длиной в 200 мм и мундштука. Звук у тутэктона сильный, немного резкий. Берестяной тутэктон изготовлялся из ленты (шириной от 100 до 150 мм), которая над огнем свертывалась в конусообразную трубку, и маленького берестяного мундштука.

К духовым инструментам принадлежал быз или кубыз - волынка. Удмуртская волынка, по описанию фольклориста Я. Эшпая¹⁷, изготовливалась из телячьей кожи. Ее шили как мешок, к нижнему концу вставляли в виде рупора коровий рог или деревянный раструб, в середину вставляли дудочки с ладами, а в верхний конец трубочку, в которую дул исполнитель. Этот инструмент, характерный для многих народов европейской части страны и Поволжья, среди удмуртов был распространен преимущественно в северных районах их проживания.

Из удмуртских струнных инструментов наиболее известны гусли (крезь). Они существовали в Удмуртии как бытовой и культовый инструмент, в связи с чем утвердилось два названия: крезь и быдзым крезь, то есть простые гусли и великие гусли. Как бытовой инструмент крезь звучал на свадьбах, во время календарных праздников, а позже, вероятно, повседневно (рис. 1).

Как культовый инструмент быдзым крезь звучал во время общественных молений. Ю. Вихманн наблюдал это явление в Можгинском районе Удмуртии и записал гусельные мелодии двух ритуальных танцев, исполняемых при жертвоприношениях¹⁸.

Изготавливались гусли местными исполнителями. Имели корпус в виде полукруга с небольшими выступами на концах и выемкой в середине; жильные струны натягивались между деревянным струнодержателем и колками. Исполнитель держал инструмент на коленах полукругом к себе, правой рукой играл мелодию, левой басы. Звукоряд гуслей диатонический. Диапазон охватывал полторы-две октавы. Партия левой руки располагалась в пределах

малой и частично первой октавы, партия правой занимала частично первую и вторую октаву. Описание инструмента впервые было сделано М. Бухом, затем Я. Эшпаем. Отдельные экземпляры гуслей ныне встречаются в быту, однако концертное, оркестровое “освоение” инструмента лишь встает на профессиональную основу.

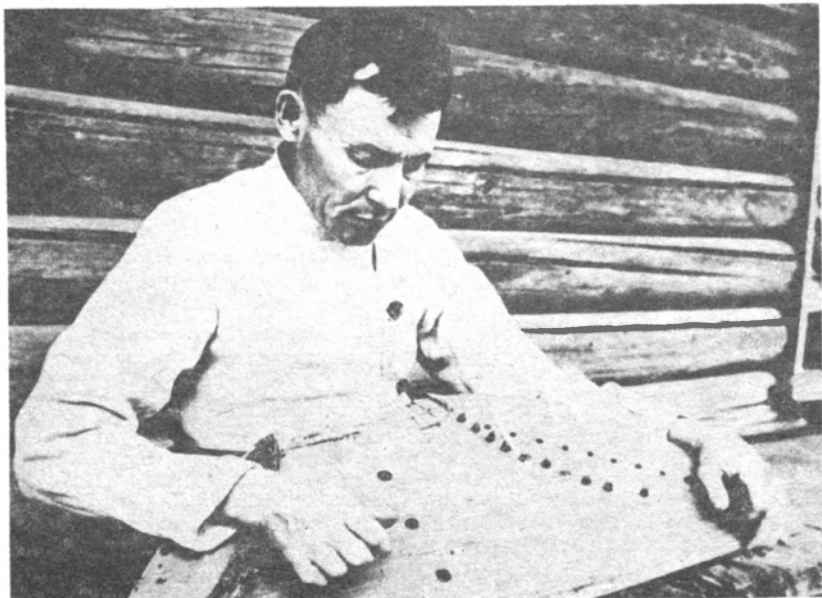

Рис. 1. Гусляр Пислегов Г. П.; д. Варклет-Бодья, Агрызский р-н Татарии (фотоархив УРКМ)

К струнным щипковым инструментам относятся также балалайка, гитара, бандурка. Балалайка, по-видимому, проникла в Удмуртию в XIX столетии, а популярным инструментом стала в начале XX в. Бытовала как сольный и ансамблевый инструмент в повседневной жизни народа: сопровождала хороводы, семейные праздники. Распространение гитары было связано с музыкальным бытом уездных городов бывшей Вятской губернии, откуда гитара попала в удмуртские селения. Под аккомпанемент гитары пелись городские песни социального и бытового содержания, которые благодаря ссыльным, довольно рано проникли в удмуртскую среду.

Для музыкального быта удмуртов более характерна скрипка. Способ игры близкий исполнению на гудке; репертуар песенно-плясовой. Известные ныне экземпляры народной скрипки - фабричного изготовления. Это же отмечают этнографы прошлого: “Я видел у удмуртов два музыкальных инструмента, обычную скрипку

и похожий на скрипку особый их инструмент...- писал М. Бух¹⁹. "По середине улицы расхаживали молодые удмурты со скрипками и самодельными гусями..."- замечает В. Кошурников²⁰.

В народном быту удмуртов использовались также многочисленные ударные инструменты, особенно в период ряжения (пöртмаськон), требовавшего большого шумового оформления и особых песен. Вот тогда-то и применялись рожденные народной фантазией инструменты в виде ложек, чугунных заслонок, бубнов и трещоток. Удмуртский бубен состоял из деревянного обруча с натянутой на него собачьей кожей, иногда он снабжался бубенчиками, нередко только один бубен сопровождал народные песни и танцы. Играли на бубне не только во время ряжения, но на свадьбах и вечеринках.

Интерес представляют древние удмуртские музыкальные инструменты: тангыра, трещотка и ымкрёзь (ымкубыз). Ымкрёзь - губная гармошка или варган, в настоящее время вышедший из употребления, был известен среди удмуртов, начиная с VII в. н. э., что подтверждается находками археологов в городищах Мыдлань-шай и Идна-кар (X в.)²¹. Удмуртский варган представлял собой бронзовую пластинку длиной 60-90 мм с вырезанным маленьким язычком. Варган известен многим народам, но найденные образцы ближе темир-комысу варгану Горно-Алтайской и Хакаской автономных областей.

Удмуртская трещотка (такыртон) также пользовалась большой популярностью. Она состояла из четырехугольной деревянной рамы с березовой пластиной посередине и ребристого валика. Когда раму вращали вокруг своей оси, ее пластинка задевала за ребристую поверхность валика и издавала звуки. В настоящее время такыртон детская игрушка. В обряде пöртмаськон, кроме того, с древности использовались шумящие подвески (чынгыли вазьытон), надеваемые женщинами во время танцев. Их идея воплощена в наши дни в замечательном танце с колокольчиками ансамбля песни и танца "Италмас".

Одним из известных с давних времен, ныне забытым музыкальным инструментом удмуртов являлась тангыра, которую можно отдаленно сравнить с деревянным народным инструментом било бытовым и сигнальным инструментом древней Руси, существовавшим в раскольничьих скитах вплоть до нашего столетия. Его название происходит от звукоподражания "тангыр" (предмет, издающий звуки). Сооружался инструмент таким образом: к стволам двух близко стоящих елей (или пихт, сосен) в 2-2,5 м от земли прикрепляли шест, к нему привязывали тонкую веревку, с помощью которой подвешивали три тюльки, разные по тону звучания. Играли на тангыре палками из сухих, крепких ветвей путем постукивания. Тангыра служила средством подачи звуковых сигналов на большое расстояние в лесу.

Как видно из изложенного, социально-экономическое развитие общества, межэтнические контакты влияли и на состав музыкальных инструментов: проникновение в удмуртский быт гармони, балалайки, мандолины, скрипки, гитары потеснило национальные инструменты более древнего происхождения, прежде всего инструменты прикладного значения, а затем и другие. Ныне в музыкальных школах во всех районах республики имеются фортепиано, баяны, аккордеоны, скрипки, домры. Намечаются попытки возрождения некоторых удмуртских инструментов крезь, кубыз, чипчирган.

3. Декоративно-прикладное искусство

Традиции прикладного искусства удмуртов нашли наиболее яркое воплощение в народном зодчестве, резьбе по дереву, ткачестве и вышивке.

Среди всех видов народного искусства зодчество ближе всех связано с климатическими условиями края, его ландшафтом. В прошлом удмуртские селения представляли собой целостные архитектурно-природные ансамбли. Народные зодчие, учитывая природный фактор, создавали также интересные, с точки зрения целесообразности, планировки жилых домов и культовых сооружений. В цельном и законченном ансамбле усадьбы удмуртского крестьянина хорошо просматривается связь внутреннего пространства двора с планировкой усадьбы.

Своеобразие удмуртской усадьбы во многом связано с воротами (џезы, капка), композиционная роль которых заключается в объединении надворных построек в единый органичный ансамбль. Для декоративного оформления ворот широко использовалась солярная символика; орнамент, выполненный в технике трехгранно-выемчатой резьбы, отличался большим разнообразием это круги, овалы, полукружия (рис. 2, 3).

Патриархальный уклад жизни, относительная этническая замкнутость определяли особое отношение удмуртов к своему жилищу. В его сложном пространственно-предметном ансамбле был заключен целый мир образов и представлений, в котором отражалась духовная жизнь народа, его мироощущение. Особенно наглядно эта связь прослеживается в оформлении жилища.

Особый интерес представляет летнее жилище без отопления кенос. Его интерьер характеризуется исключительной простотой и рациональностью. В нем, как правило, минимальное количество вещей, но каждая из них тщательно продумана с точки зрения функциональности и декоративности. В строгом и логичном отборе предметов интерьера кеноса выражен свой этнически выраженный художественный стиль.

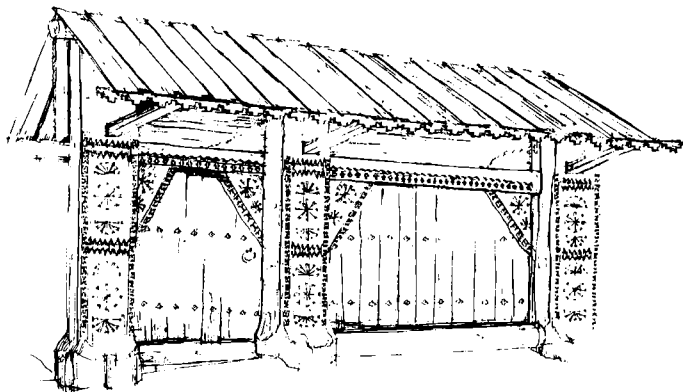

Рис. 2. Ворота усадьбы Городиловой А. Р.; д. Подшивалово, Завьяловский р-н, 1968 г. Рис. Семашкевич М. Р

Узорные ткани с различными утилитарными и декоративными качествами, сочетаясь, создавали своеобразную предметно-материальную среду кеноса. Решающее значение в его убранстве имели нарядные занавесы (катанчи) и пологи (ын) с богатой мелкоизработанной фактурой. Большим разнообразием узоров отличались тканые полотенца, использовавшиеся в качестве украшения; их вешали на стены и матицу. В декоре полотенец, имеющих много общего с рисунками занавесов, пологов, паласов (гын), сложилась своя специфическая композиция, состоящая из трех поперечных полос, украшающих их концы.

Позднее удмурты использовали сложившиеся в убранстве кеноса художественные традиции и в оформлении зимней избы (корка). Интерьер удмуртского дома, его убранство имеют две локальные разновидности, сложившиеся на севере и юге.

Представления о порядке и комфорте у северных удмуртов связаны с обилием в интерьере декоративных тканей, богатством их цвета, разнообразием орнамента. Поэтому в убранстве североудмуртского дома больше всего применялись ткани. Браный орнамент, характерный для северных тканей, отличался лаконизмом мелкоузорных геометрических форм, простотой ритмического строя, яркостью и вместе с тем цельностью колорита.

В предметно-пространственной среде жилища южных удмуртов ведущее место занимали ковры. По технике исполнения они относятся к безворсовым. По композиции ковры делятся на бескаймовые и замкнутые с центральным полем и каймой. В многообразии используемой техники узорного ткачества (выборное,

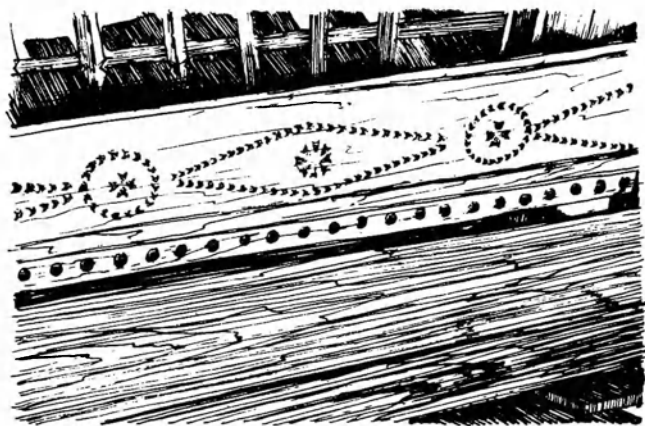
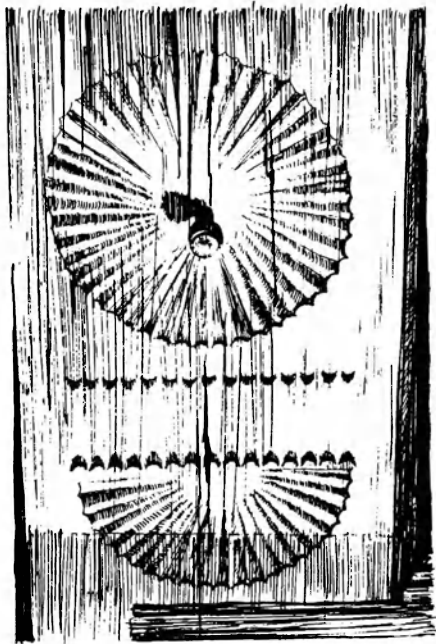
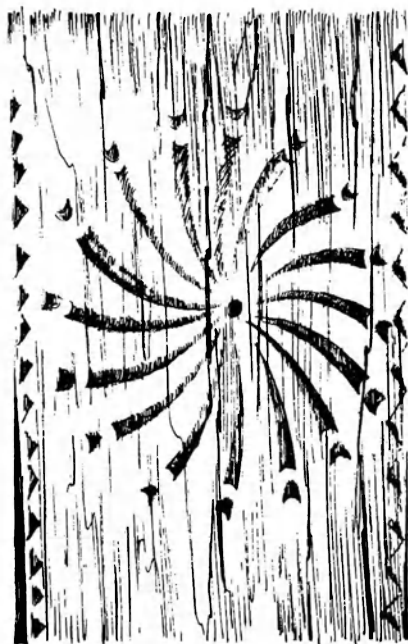

Рис. 3. Резьба на воротах. Южные удмурты (фотоархив УРКМ)

браное, закладное) проявляются специфические особенности местных тканых изделий. Южноудмуртский орнамент отличается укрупненностью и обобщенностью мотивов, что объясняется использованием в узорном утке шерстяной пряжи. В повышенной мажорности

цветовой гаммы, полихромности просматриваются ассиметрия, несовпадение линейного ритма с цветовым. Узорное ткачество южных удмуртов по своеобразие приёмов орнаментации, видам самих изделий, их эстетической значимости выделяется среди ткачества народов финно-угорской языковой группы.

Специфической особенностью удмуртского интерьера всегда было минимальное использование мебели. Вместе с тем, наряду с декоративными тканями, большое значение приобретали изделия из дерева: бытовая посуда, резные швейки и прялки (кубо), берестяные солонки и туеса (сарва, лянэс), детские люльки (кёкы) и подголовники (йыразьпул), для которых характерны тектоничность построения форм, пластическая энергия и образность силуэта, скупость в решении декора (рис. 4).

Удмуртская бытовая резная утварь и плетение не знают локальных различий, напротив, именно в этих видах народного искусства прослеживается общность художественных принципов. Многообразны по художественным приемам обработки берестяные туеса. Все они богато украшены геометрическим орнаментом: треугольниками, ромбами, кругами, которые и теперь воспринимаются как солярные знаки.

Понимание и даже подчеркивание предметной основы в художественной обработке дерева наиболее полно сказалось в искусстве плетения. (рис. 5). Несложная техника обработки ивовых прутьев, сосновой щепы, бересты, достаточное количество материала под руками, его относительная легкость и прочность делали плетение незаменимым при производстве многих предметов быта. Значительного развития у удмуртов достигло шахматное, спиральное, продольное, поперечно-скользящее плетение. Так, например, шахматное плетение использовалось при изготовлении больших корзин из сосновой щепы для хранения шерсти, пуха, в них также складывали текстильные изделия и белье.

Архаичностью форм и орнаментации отличалась ритуальная посуда, которую, как правило, резали из березы, капо-корня осины и ели. Особый интерес представляет большой женский ковш, выполненный в виде плавающей птицы или ладьи; он был знаком и символом неделимости, кровного родства и сохранения рода. На чашах на внешней или внутренней стороне мастера ставили тамги родовые знаки; они украшали не только ритуальную, но и бытовую посуду.

В стройной гармоничной системе предметно-пространственного решения жилого интерьера особая роль была отведена костюму. Он был неразрывно связан с этим пространством и являлся одним из звеньев данной художественно осмысленной среды.

Наиболее ярко принципы декорирования костюма проявлялись в

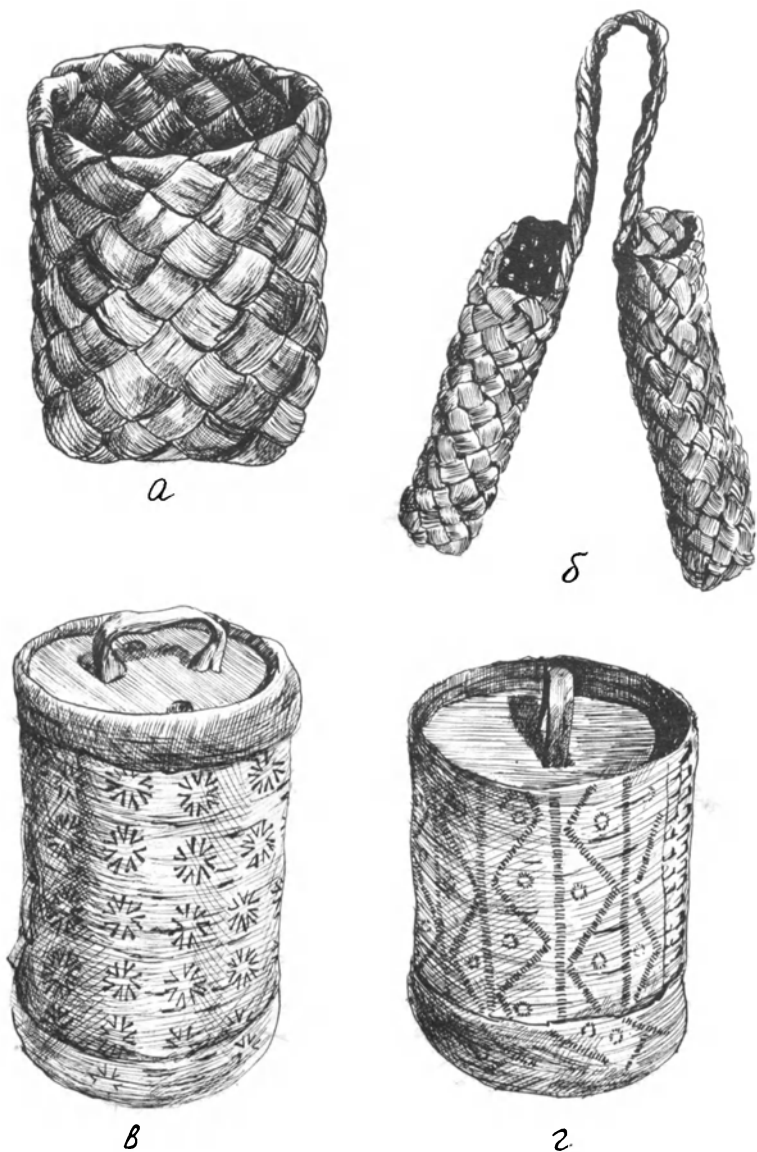

Рис. 4. Традиционная берестяная утварь:
 а солонка. Вавожский р-н, 1930-е гг.; б сумка плетеная (пестерь).
 Малопургинский р-н. Начало XX в.; в, г - туеса берестяные тисненные. Увинский
 и Глазовский р-ны. Начало XX в. (фотоархив УРКМ)

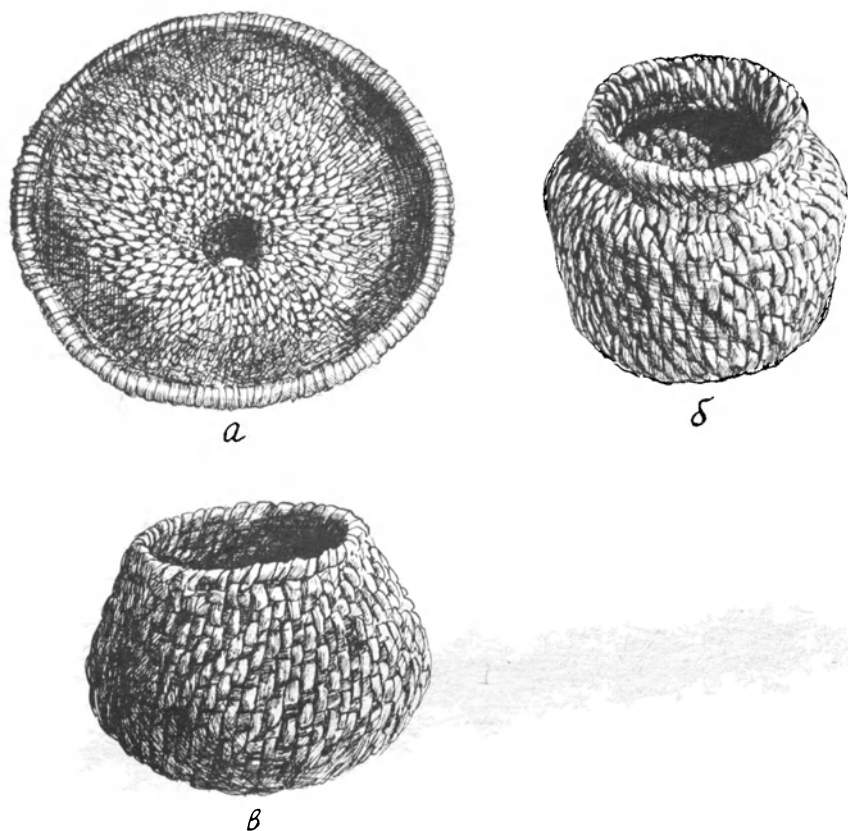

Рис. 5. Плетеные изделия:

а воронка для сцеживания пива. Завьяловский р-н. Начало XX в.; б горшочек. Завьяловский р-н. Конец XIX в.; в - горшочек для хранения мелких предметов; пос. Ижевский завод. Конец XVIII в. (фотоархив УРКМ)

женской одежде северных удмуртов. Сдержанность, простота форм, конструктивность и четкие пропорции основных частей придавали ей особую выразительность. В первой половине XIX в. в женском костюме преобладала вышивка, начиная со второй половины XIX в. вышивка заменена узорным ткачеством. Красные браные узоры распределялись, главным образом, на рукавах и подоле одежды; они отчетливо выделялись на белом фоне рубахи. При этом каждая вещь имела свой рисунок, свое масштабное и пропорциональное соотношение гладкого фона и декора. Узоры вышивки покрывали грудь, рукава, подол рубахи. В вышивке нагрудника преобладали очень трудоемкие и сложные виды счетного шитья: косая стежка,

счетная гладь, набор. Особенностью счетной вышивки является то, что каждая форма настолько близко соприкасается друг с другом, что не остается просветов фона.

В южных районах Удмуртии излюбленным способом украшения женской одежды было узорное ткачество. Здесь женский костюм имел свои ярко выраженные, только ему присущие особенности. Своеобразие достигалось использованием в костюме самых разнообразных видов узорного ткачества: браного и выборного, многоремизного и закладного. Небольшой набор геометрических форм узора в виде ромбов, крестовидных фигур, треугольников, а также растительных мотивов подчеркивал главные линии кроя и формы одежды. В одних местах их аранжировка была плотной и густой, в других разряженной и свободной, но вместе они выявляли архитектуру ансамбля костюма, пластичность его формы.

Большую роль в женском праздничном костюме южных удмуртов играли ювелирные изделия, изготавливавшиеся из серебра, иногда с нанесенной на них позолотой. В качестве украшения широко использовались серебряные монеты.

Народное декоративное искусство удмуртского народа сохраняет свое значение и в наши дни и представляет собой реально бытующую традицию. Однако сейчас оно развивается в специфических условиях возрастающей урбанизации села. Являясь неотъемлемой частью современной культуры Удмуртии, народное декоративно-прикладное искусство сохраняет высокий уровень мастерства.

В декоративном искусстве удмуртов старыми и богатыми традициями обладает художественный текстиль. Узорное ткачество, вышивка, художественное вязание и безворсовое ковроделие всегда были наиболее развитой областью народного искусства.

Ныне среди мастеров узорного ткачества и ковроделия Удмуртии есть художники самобытные, с яркой индивидуальностью. К ним относятся Г. Л. Бехтерева, О. Я. Тимофеева, З. А. Мазитова, Х. Т. Братухина и многие др. Они творчески продолжают традиции удмуртского текстильного искусства с его разнообразием и красотой орнаментальных мотивов.

Существенные изменения происходят в последние годы и в декоративно-художественном оформлении жилого дома. Никогда еще сельский дом удмуртов не украшался столь заботливо, не выглядел столь нарядно, как сейчас. В качестве декора широко используется резьба по дереву и роспись. Фигурная тесовая обшивка стен дома дополняется резными украшениями наличников, карниза и фронтона. Для жилищ, построенных в последние 10-15 лет, характерна окраска наличников. Накладные украшения сочетаются с пропиловкой, полихромной окраской в два-три цвета. Окраска в значительной степени повышает связь декоративного убранства интерьера с

внешним видом дома. В некоторых предметах из резного дерева ясно видно сходство их орнаментации с близкими по значению изделиями из текстиля (рис. 6).

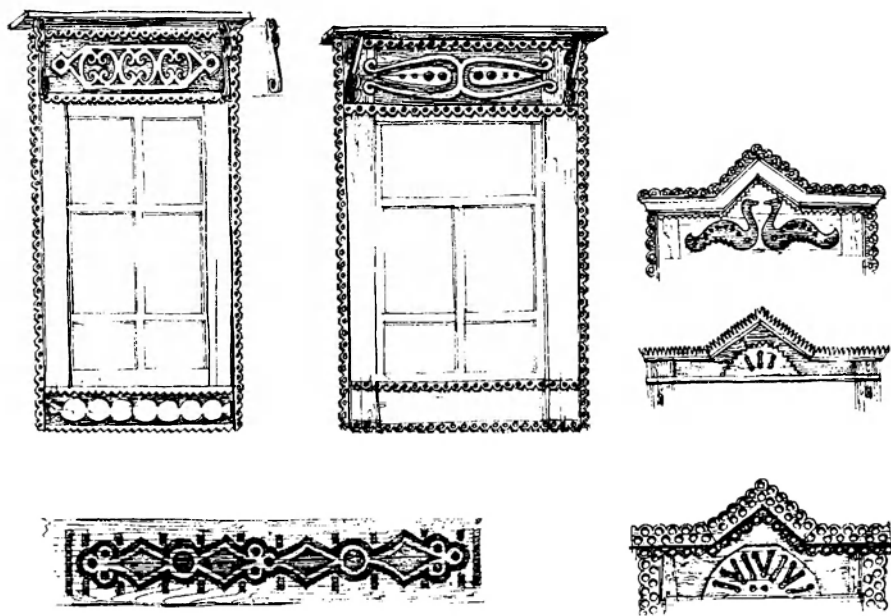

Рис. 6. Орнаментация наличников. Южные удмурты.
Рис. Семашкевич М. Р.

В организации внутреннего пространства в современных сельских домах в большинстве случаев наблюдается сочетание традиционных элементов народного интерьера с чертами нового быта, изредка можно еще встретить сохранение традиционного ансамбля. В удмуртском жилом интерьере произошло перенесение орнаментальной нагрузки с легких подвижных занавесочных тканей на мебельные. В новом ансамбле не последнюю роль играют мебель промышленного производства из фабричной ткани. Разнохарактерные, на первый взгляд, ткани фабричного производства и ткани ручной выделки не противоречат друг другу, напротив, они вступают в определенные взаимоотношения (масштабные, ритмические, цветовые, смысловые) и способствуют созданию гармоничного ансамбля жилого интерьера (рис. 7).

В настоящее время наблюдаются процессы возрождения и развития удмуртского народного искусства, но при этом существуют нерешенные творческие и организационные проблемы. Расширение

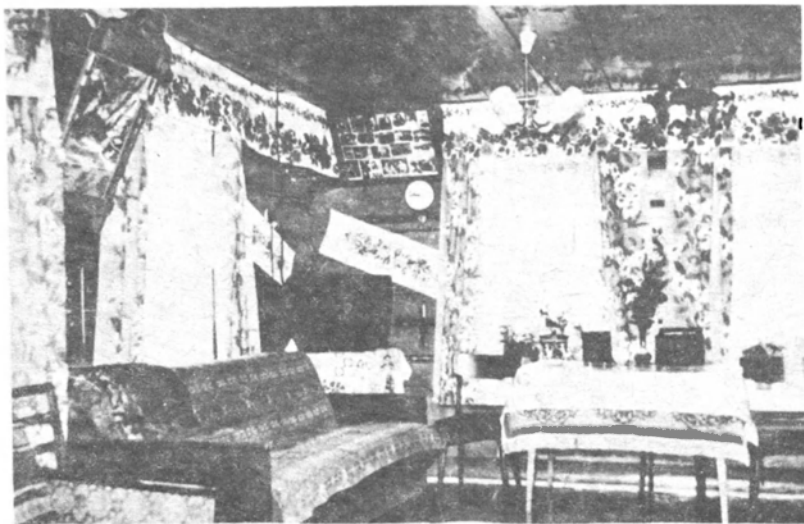

Рис. 7. Интерьер жилого дома; д. Варклет-Больша, Агрызский р-н Татарии, 1980 г. (фотоархив УРКМ)

сферы народного искусства в Удмуртии, возрождение угасших в начале нашего века ткацких центров, повышение активности существующих, развитие новых организационных форм, увеличение числа народных мастеров, рост их престижа – вот основной круг проблем народного искусства, решение которых определит широкие перспективы его развития в современности.

Удмуртское народное искусство в наши дни претерпело большие изменения, стали иными его место и роль в традиционной художественной культуре. Ушло в прошлое обрядово-магическое содержание народного творчества. Отступает на второй план утилитарное предназначение произведений декоративно-прикладного искусства, вместе с тем более активно и целенаправленно осваивается эстетическая сторона. Искусство, впитавшее народную мудрость, народный вкус, народное понимание жизни, оказалось глубоко притягательным, необходимым и современному человеку. Удмуртские села, несмотря на все усиливающуюся индустриализацию и урбанизацию, продолжают в определенной мере сохранять начала, питавшие народное творчество, и обнаруживают ныне новые стимулы для его развития и совершенствования. Однако степень сохранности и функционирования различных видов народного искусства в жизни современных удмуртов жителей села и горожан – разная.

По данным статистико-этнографического обследования, предметы декоративно-прикладного искусства сохранялись в убранстве жилья 12% сельских и только 3% городских удмуртов. Они в целом не меняли нетрадиционного стиля обстановки, но при этом высоко ценились как произведения народного искусства. Вместе с тем изделия современных народных промыслов не пользуются популярностью среди удмуртов: большая их часть, поступающая в торговую сеть, не отвечает национальным вкусам, так как изготовлена в каком-либо из стилей русского народного декоративно-прикладного искусства. Обладающие некоторым набором таких изделий, как правило, не воспринимают их как этнические ценности.

Фольклорная культура также становится достоянием немногих, несмотря на некоторое, по сравнению с концом 1960-х гг., увеличение доли людей, знакомых с произведениями народного творчества. Большое распространение получили народные сказки (причем они, как и раньше, популярнее среди горожан); знание преданий и легенд по-прежнему имеет место лишь среди незначительной части удмуртов. Тенденция роста связана с новыми формами бытования фольклора: массовым изданием произведений удмуртского фольклора, в том числе и на удмуртском языке, пропагандой его средствами радио и телевидения. Благодаря средствам массовой информации, широкому распространению фольклорных коллективов выросла популярность народных песен. Одновременно наблюдается сокращение числа людей, отличающихся глубоким знанием фольклорных произведений, исключая народную песню.

Удмуртия многонациональная республика, характеризуется многообразием видов народного творчества, что создает необъятное поле для их творческого и художественного взаимодействия, постоянного обогащения как национальных культур, так и профессионального искусства.

¹ Борисов Т. Б. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932; *Collinder Bj.* Fennou-ugris Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955; *Suomen kielen etymologinen sanakirja*, Helsinki, 1955. P.1; Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970; *Перевозчикова Т. Г.* Удмуртские термины загадки//Советское финно-угроведение. 1978. № 2. С. 128-131.

² Удмуртский фольклор. Песенки, потешки, считалки, дразнилки/Сост. Л. Н. Долганова. Ижевск, 1981. С. 34-35.

³ *Перевозчикова Т. Г.* Свадебная песня как основа воссоздания поэтических форм эпоса пермских народов//Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов, 1986. С. 24.

⁴ *Слесарева М. Т.* Метафорическая образность свадебной поэзии восточных финно-угров//Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1984. С. 100-112; Ее же. Образная система свадебных песен восточных финно-угров и их сопоставимость с эпосом финно-угорских народов//Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. С. 32-40.

⁵ *Слесарева М. Т.* Ритмические основы и звуковая организация стиха свадебных песен восточных финно-угров//Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1983. С. 26-46.

⁶ *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни//Записки УдНИИ. Ижевск, 1941. Вып. 10. С. 67.

⁷ *Перевозчикова Т. Г.* Своеобразие жанра причитаний в удмуртском фольклоре //Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов, 1986. С. 18-49.

⁸ *Яшин Д. А.* Удмурт фольклор. Пособие для учителей. Устинов, 1987. Изд. 2, перераб. С. 84-125; *Его же.* Некоторые художественные особенности удмуртских легенд//Об истоках удмуртской литературы. Ижевск, 1982. С. 124-144.

⁹ *Яшин Д. А.* Удмуртская народная сказка. Ижевск, 1965.

¹⁰ Там же. С. 75, 79.

¹¹ Там же. С. 91.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Удмуртский фольклор. Загадки/Сост. *Т. Г. Перевозчикова.* Ижевск, 1982. С. 5, 6.

¹⁴ Удмуртский фольклор. Пословицы, афоризмы, поговорки/Сост. *Т. Г. Перевозчикова.* Ижевск, 1986. С. 6.

¹⁵ *Чуракова Р. А.* Удмуртские свадебные песни. Устинов, 1986. С. 4.

¹⁶ *Чисталев П. И.* Музыкальные инструменты пермских народов. Серия препринтов. "Научные доклады". Сыктывкар, 1981. Вып. 61. С. 7.

¹⁷ ИРЛИ (Пушкинский дом). Фонограммархив. Папка 29.

¹⁸ *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. Нотное приложение.

¹⁹ *Buch M.* Die Votjaken. Stuttgart-Helsingfors, 1882. S. 80.

²⁰ *Кошурников В.* Вотский юон//Вятские губернские ведомости, 1880. № 102.

²¹ *Иванова М. Г.* Чепецкие древности. Устинов, 1985. С. 86.

Глава XIV. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Становление профессионального удмуртского искусства происходило в послеоктябрьский период. В советское время сформировалась удмуртская творческая интеллигенция, которая росла и творила, осмысливая и опираясь, с одной стороны, на богатейший опыт русского профессионального искусства, с другой — на традиции удмуртского народного творчества. За 70 лет в Удмуртии сложилась развитая система профессионального искусства, достигшая значительных успехов и находящаяся в состоянии непрерывного развития.

1. Литература

Предпосылки для возникновения удмуртской художественной письменной литературы были созданы в период со второй половины XVIII в. до конца XIX в. В 1775 г. в Санкт-Петербурге была издана первая научная грамматика удмуртского языка, созданная под руководством В. Г. Пуцка-Григоровича¹, которая положила начало удмуртской письменности и сыграла значительную роль в формировании национального литературного языка. Во второй половине XVIII в. впервые были опубликованы переводы на удмуртский язык небольших стихотворных текстов. Они не отличались значительностью содержания, однако показали, что и на удмуртском языке можно слагать стихи².

В целом, в течение XVIII-XIX вв. вышло более двухсот книг на удмуртском языке. Основную часть изданий составляли переводы религиозных текстов. Многие из них выполнялись с учетом национального восприятия удмуртов и содержали элементы творчества, способствовали зарождению национальной художественной литературы. В “Букварях” и “Азбуках” печатались небольшие художественные тексты в переводах с русского языка.

В 80-е гг. XIX в. Русское географическое общество выпустило две книги этнографических очерков Г. Е. Верещагина “Вотяки Сосновского края” и “Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии”³. Очерки, написанные от первого лица и содержащие

немало психологических наблюдений, представляют интерес не только в этнографическом, но и в литературном отношении.

Во второй из названных книг Г. Е. Верещагин под видом народной песни опубликовал на удмуртском языке (с подстрочным переводом на русский) стихотворение “Чагыр, чагыр дыдыкс...” (“Сизый, сизый голубочек...”). Оно действительно написано, основываясь на народном образном восприятии мира, но так умело организовано и по композиции, и в отношении стихового оформления, что становится очевидным его авторское происхождение. Признано, что “Сизый, сизый голубочек...” – первое оригинальное печатное художественное произведение на удмуртском языке.

Г. Е. Верещагин не только первый удмуртский ученый, но и первый удмуртский писатель, хотя полностью осознать себя во втором качестве он так и не посмел. Его поэмы, написанные на удмуртском и русском языках, пьесы, созданные на родном языке, насыщенные этнографическими деталями и вставками фольклорных произведений, остались в рукописях и постепенно публикуются уже в наши дни. Лишь небольшая часть стихотворений была опубликована им самим в начале 20-х гг.

Произведения Г. Е. Верещагина наполнены гуманистическим пафосом и носят просветительский характер. Они стали началом оригинального индивидуального творчества в удмуртской литературе.

К дореволюционному этапу истории удмуртской литературы относится не только значительная часть творческого наследия Г. Е. Верещагина, но также произведения И. С. Михеева, И. В. Яковлева, М. Г. Можгина, Кедр Митрея (Д. И. Корепанова), Кузбая Герда (К. П. Чайникова), Михаила и Максима Прокопьевых, И. И. Шкляева.

Притесненное положение удмуртского языка в царской России вынудило первых удмуртских литераторов создавать свои произведения преимущественно на русском языке. Вместе с тем, их художественное творчество от произведения к произведению все более наполнялось удмуртским материалом и удмуртским национальным мироощущением, национальной системой художественных средств (поэмы “Скоробогат-Кашей” и “Загубленная жизнь” Г. Е. Верещагина, повесть “Дитя больного века” и трагедия “Эш-Тэрек” Кедр Митрея, поэма “Над Шошмой” К. Герда).

Сильным каналом воздействия русской литературы на формирующуюся удмуртскую явились переводы с русского языка. Переводчики обращались к русскому оригиналу для того, чтобы восполнить пробел в национальной литературе, то есть обращались к тому опыту, в котором была потребность, но которого в силу определенных причин удмуртские литераторы еще не имели. Существенное значение для развития удмуртской литературы имело и то, что переводчики

проявляли интерес к демократическому направлению русской национальной культуры. На удмуртский язык переводились актуальные в социальном плане произведения: "Сказка о рыбаке и рыбке" А. С. Пушкина (Г. Е. Верещагин), притчи и короткие рассказы К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого (И. С. Михеев и И. В. Яковлев), "Раздумья селянина" А. В. Кольцова (Михаил Прокопьев), гимн "Марсельеза" (И. И. Шкляев), международный пролетарский гимн "Интернационал" (Максим Прокопьев). Ориентируясь на удмуртского читателя, переводчики вводили в переводимые произведения немало своего, национально самобытного. Поэтому принято считать, что Г. Е. Верещагин, основываясь на "Сказке о рыбаке и рыбке" А. С. Пушкина, создал оригинальную поэму "Зарни чорыг" ("Золотая рыба").

Идентичный путь насыщения социальными мотивами проходит удмуртская литература дооктябрьского периода и в произведениях, написанных на родном языке: "Сизый, сизый голубочек..." и пьесы Г. Е. Верещагина, пьеса И. С. Михеева "Эн лушка" ("Не кради"), баллада М. Г. Можгина "Беглой" ("Беглый"), поэма "Ож" ("Война") К. Герда.

Качественно новый этап развития удмуртской литературы начинается после Октябрьской революции. Характерной чертой периода, длившегося до конца 20-х гг., является то, что от полуфольклорных и подражательных произведений был сделан значительный шаг по пути укрепления реализма, отображения социальных противоречий жизни, начался процесс ускоренного развития удмуртской литературы.

В начале 20-х гг. в удмуртской литературе главенствующее положение занимали поэзия прежде всего поэтическое творчество К. Герда, Ашальчи Оки и сочинения литераторов ярко публицистической направленности Д. А. Майорова и И. Т. Дядюкова. К. Герд - неутомимый экспериментатор в литературе, пробовал, как звучит удмуртский язык в различных формах стиха. Он создавал стихотворения не только традиционной формы, привычной для удмуртских поэтов того времени, но и триолеты, сонеты, рондо и др.

К. Герд продолжил традиции двуязычия удмуртской литературы: перевел на русский язык многие свои произведения, а также стихотворения Ашальчи Оки ("О чем поет вотячка" М., 1925). Он прилагал немало усилий для распространения поэзии и других удмуртских писателей через союзные издания, имел широкие связи с советскими и зарубежными деятелями науки и литературы. Все это способствовало укреплению интернациональных основ удмуртской литературы.

В 1926 г. в Ижевске была создана Всеудмуртская ассоциация

революционных писателей (ВУАРП, впоследствии УдАПП), вошедшая в состав РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей). Первым председателем ВУАРП был избран К. Герд, однако романтическая устремленность его поэзии, ее национально-фольклорная образность вскоре послужили основанием для отстранения К. Герда от руководства этой организацией и удаления из ее рядов: известно, что национальное в то время стало рассматриваться как националистическое⁴. Началась травля К. Герда и Ашальчи Оки в печати. В 1931 г. вышел последний прижизненный сборник поэтических произведений К. Герда “Лёгетьёс” (“Ступени”); в 1932 г. он был обвинен в национализме и репрессирован (расстрелян в 1937 г.).

В начале 30-х гг. поэзия утратила ведущую роль в развитии удмуртской литературы. На авансцену вышли крупные жанры прозы. Первый роман на удмуртском языке “Секыт зйбет” (“Тяжкое иго”) Кедра Митрея вышел в 1929 г. Он явился, с одной стороны, плодом ускоренного развития национальной культуры в условиях Советской власти, с другой - был подготовлен самим ходом становления и роста удмуртской литературы: назрела необходимость реалистического осмысления исторического пути народа.

В 1934 г. создан Союз писателей Удмуртии, ставший частью Союза писателей СССР. Первый съезд советских писателей, выступление на нем А. М. Горького, призвавшего к национальному многообразию литературы, вдохновили удмуртских прозаиков и поэтов. Они стали творить, основываясь на фольклоре и народной истории. М. А. Коновалов создал роман “Гаян”, отображающий социально-освободительное движение удмуртов и других народов Поволжья и Приуралья под предводительством Е. И. Пугачева; Г. С. Медведев по свежим следам колхозного движения написал роман-трилогию “Лёзя бесмен” (“Лозинское поле”); по-своему трансформируя фольклорную поэтику, М. А. Коновалов создал роман “Вурысо бам” (“Лицо со шрамом”) о становлении национального рабочего класса в Удмуртии и о “разгоревшейся” классовой борьбе в условиях реконструкции промышленности.

Однако нападки на национальную основу удмуртской литературы продолжались. Трагедия национальной интеллигенции заключалась в том, что официальная идеология искусственно разъединяла ее на группировки и натравливала друг на друга. С нападками на К. Герда, Ашальчи Оки, Кедра Митрея (репрессирован в 1937 г., умер в ссылке в 1949 г.) и других “старых” писателей выступили молодые М. А. Коновалов, Г. С. Медведев, М. П. Петров, Т. А. Архипов, А. С. Бутолин... После разгрома “старой гвардии” под видом борьбы с буржуазным национализмом были репрессированы и наиболее талантливые молодые писатели М. А. Коновалов

и Г. С. Медведев (оба погибли в заключении в 1938 г.). Серьезную психологическую травму получили писатели, оставшиеся на свободе. Дав подписку о том, что никогда больше не будет заниматься литературным трудом, Ашальчи Оки посвятила себя медицине. На долгие годы замолчал А. Н. Клабуков...

И все же дух Первого съезда советских писателей, дух единения национального многообразия литератур нашей страны продолжал ощущаться в лучших произведениях молодых авторов. В 1940 г. вышла повесть “Катя” Ф. Г. Кедрова и роман “Улэм потэ” (“Жить хочется”) П. А. Блинова, написанные в традициях, которые начались еще в дооктябрьской литературе и продолжали крепнуть в творчестве К. Герда, Кедр Митрея, М. А. Коновалова и Г. С. Медведева. Единение людей разных национальностей на основе борьбы против социальной несправедливости показано в трагедии “Камит Усманов” и поэме “Санй” И. Г. Гаврилова, написанных на основе фольклорных материалов и раскрывающих национальную самобытность жизненного уклада и психологии героев.

В годы Великой Отечественной войны писатели воевали и своим словом, и боевым оружием. Военная пора для удмуртских писателей оказалась новой, непривычной для изображения, хотя у литературы уже был некоторый опыт художественного воссоздания гражданской войны. Как и в первые годы формирования удмуртской национальной литературы, писатели снова обратились к опыту, с одной стороны, родного фольклора (фашисты изображались в виде многоголовых змеев и других чудовищ), а с другой - к опыту русской литературы о Великой Отечественной войне (заметна переключка стихотворных писем с фронта И. Г. Гаврилова, М. П. Петрова с подобными произведениями К. М. Симонова, А. А. Суркова и других советских писателей).

В послевоенное десятилетие утверждение гармоничных отношений национального и интернационального в литературе прошло также не безболезненно. Появились такие значительные произведения, как стихотворение “Великому русскому народу” Т. И. Шмакова, “Россия” С. П. Широкова, где авторы от имени всех удмуртов низко кланяются русскому народу за то, что он сплотил вокруг себя многие народы в нерушимый союз свободных республик. Однако в них и в других подобных произведениях замалчивалась мысль об уникальной самоценности каждой нации, в том числе и своей. Такая мысль считалась в то время националистической, вредной.

Решительным шагом в преодолении такой однобокости стал роман М. П. Петрова “Вуж Мултан” (“Старый Мултан”), главной темой которого является совместная борьба удмуртов и русских против произвола царизма. Идеи братства в нем сочетались с изображением самобытности удмуртской народной культуры и народного быта. В

утверждении диалектического сочетания национального и интернационального в удмуртской поэзии тех лет много сделал М. П. Покчи-Петров. В стихотворениях о друзьях, с которыми учился в Москве, он связывал родной край, Удмуртию со многими странами, с борьбой своих иностранных друзей за социальную справедливость.

Эти произведения М. П. Петрова и М. П. Покчи-Петрова с определенной долей условности можно отнести уже к следующему периоду истории удмуртской литературы, который наметился во второй половине 50-х гг., в связи с некоторой демократизацией общества. Он характеризовался усилением внимания к человеку, отказом от риторической гладкописи в поэзии и более углубленным психологизмом в прозе. Появился ряд молодых авторов, вступивших на творческий путь (Г. Д. Красильников, Ф. И. Васильев, Н. В. Васильев, Д. А. Яшин, А. Е. Белоногов, А. Г. Волков, С. С. Иванова и др.), но не все они сумели внести ощутимый вклад в развитие родной литературы. Причиной тому, по-видимому, были не только индивидуальные возможности каждого из них, но и объективные причины: процесс демократизации общества вскоре сменился явлениями застойного порядка. Это не могло не сказаться в темпах развития и характере литературы.

Конечно, и в эти годы появились значительные произведения. Раскрылся художественный талант мастера психологической прозы Г. Д. Красильникова, поэта-лирика Ф. И. Васильева; окреп голос поэта с драматической основой мироощущения Н. С. Байтерякова. Свообразную тональность в раскрытии народных истоков в характерах героев задавало литературе короткое, но яркое творчество Р. Валишина; обрели свое творческое лицо авторы публицистически заостренной прозы С. А. Самсонов, Г. К. Перевощиков, П. К. Чернов. Создали новые произведения и писатели старшего поколения И. Г. Гаврилов, Т. А. Архипов. Как никогда раньше, национальная литература в переводах на другие языки стала издаваться за пределами республики. Укреплялась национальная основа литературы, писатели сознательно обращались к народным истокам как в оценке жизненных явлений, так и в художественных средствах. И все же художникам слова не доставало социальной наступательности, печать "дозволенного сверху" лежит даже на их лучших произведениях.

Обратный ход в демократизации общества в 60-е, 70-е гг., отсутствие динамизма в общественной мысли отрицательно сказались на обновлении творческих сил литературы молодежью. Процесс переустройства общества в 80-е, 90-е гг. несколько возбудил творческий потенциал писателей. Однако становление рыночных отношений в стране стало заметным тормозом в книгоиздании,

ослабла социальная защищенность творцов художественной литературы.

В удмуртской литературе нашли отражение наиболее значительные этапы истории народа. Она показывает развитие эстетики, этнического самосознания удмуртов и вместе с тем сама является одним из факторов их развития.

2. Изобразительное искусство

В художественной культуре сегодняшней Удмуртии профессиональное изобразительное искусство занимает видное место. От наивно повествовательных, раскрашенных акварелью этнографических рисунков удмурта Якова Васильева (1919 г.) оно пришло к произведениям художников-удмуртов 80-х гг.⁵

Уже в 20-е гг. в городах Удмуртии стали создаваться изостудии, устраивались выставки; в 1930 г. в Ижевске был открыт театрально-художественный техникум. Деятельность студий и техникума сыграла определенную роль в художественном образовании местного населения. С первых выставок были замечены работы молодого удмуртского художника, выпускника Казанского художественного училища К. И. Лекомцева, вскоре поступившего во ВХУТЕМАС⁶. Развитие изобразительного искусства Удмуртии в 20-30-е гг. привело к созданию в 1940 г. Союза художников Удмуртской АССР. Большинство его членов были русские; из удмуртов пресса отмечала скульптора С. Ф. Чиркова, создавшего несколько портретов удмуртских женщин, бюсты первого председателя Ижевского комитета РКП(б) И. Д. Пастухова, позднее первого из удмуртов Героя Советского Союза В. К. Пислегина.

Первые достижения профессионального искусства Удмуртии связаны с творчеством русских авторов, деятельность которых создала предпосылки для развития удмуртского профессионального искусства. Важнейшую роль в его становлении сыграло открытие в 1959 г. в Удмуртском государственном пединституте (ныне университет) художественно-графического факультета. Его основание открыло широкую дорогу удмуртской молодежи в искусство. На преподавательскую работу на новый факультет прибыла группа художников, получивших профессиональное образование в ведущих художественных вузах страны. Заметное влияние на развитие удмуртского изобразительного искусства своей творческой и педагогической деятельностью оказали А. П. Холмогоров и П. С. Семенов. Их творчество отмечено большим тематическим диапазоном, поисками новых изобразительных решений, вниманием к самобытной удмуртской культуре и народным традициям.

Выпускники факультета, в свою очередь, создали художественно-графическое отделение в Дебесском педучилище, детские художественные школы в Ижевске, Глазове, Можге, Уве, ставшие источниками пополнения вузов и важным фактором развития изобразительного искусства.

В 60-е гг. художники Удмуртии установили творческие контакты с художниками других автономных республик Поволжья, стали активными участниками зональных и Всероссийских выставок, таких, как "Большая Волга", "Советская Россия" и др. Художественная жизнь Удмуртии становится все многограннее и богаче, все увереннее в ней проявляется творчество удмуртских художников.

Заметным явлением в искусстве Удмуртии стало творчество С. Н. Виноградова - выпускника Московского художественного института им. В. И. Сурикова. Уроженец Алнашского района Удмуртии, он хорошо знает удмуртские народные обычаи и обряды. Круг тем и образов, избранных живописцем, необычайно широк. В то же время он очень определен и конкретен. Большое место в его творчестве занимает быт современной удмуртской деревни ("В удмуртской избе", "Ткачихи", "Пельнянь", "Табани", "Отчий дом", "Праздник весны"). В своих картинах С. Н. Виноградов ставит сложные живописно-пластические задачи, обращается к народному творчеству; он экспериментирует над соотношениями пространства и пластических форм, над фактурой полотна. Зрелый мастер, с 1980 г. Народный художник Удмуртской АССР, Виноградов успешно разрабатывает историческую тематику, через конкретные факты показывает связь с историческим движением страны ("М. А. Ульянова в Ижевске", "У истоков автономии Удмуртии").

Творчество Заслуженного деятеля искусств РСФСР Г. Е. Векшина связано с театром. Наибольшие творческие удачи художника декорации к удмуртским спектаклям, созданные на основе знания природы родного края и быта своего народа.

Одной из определяющих черт сегодняшнего изобразительного искусства Удмуртии является отношение к собственным национальным традициям. В органичном сочетании национального и общего художники ведут поиск путей воплощения национального характера, творческого осмысления черт удмуртского народного искусства, его ритмики, колорита, цветового ряда. В искусстве Удмуртии эта линия значительна и весома.

В этом ключе работает лауреат Государственной премии УАССР, с 1987 г. Народный художник УАССР П. В. Елкин. Для многих его работ характерна образность решений, эмоциональность и лиризм ("Сумерки", "Материнские думы", "Вечером"); в некоторых работах проявляется стремление к философскому осмыслению окружающей действительности ("Напутствие"). Все возрастающую

роль в творчестве художника играет портретный жанр ("Ветераны войны и труда супруги А. Ф. и П. Г. Турцевы", "Директор совхоза "Мишкинский" Э. Т. Габдулхакова", "Портрет Нади Широковой"). Наряду с образами сельских тружеников, он создал целую галерею портретов представителей национальной интеллигенции ("Удмуртский этнограф В. Е. Владыкин", "Заслуженный деятель науки УАССР В. И. Алатырев", "Профессор В. В. Туганаев", "Народный писатель С. П. Широков" и др.); взволнованным драматизмом наполнен его групповой портрет деятелей удмуртской культуры ("Слушая голос поэта"), посвященный памяти Ф. И. Васильева.

Расширяется тематика пейзажной живописи Удмуртии. Пейзаж приобретает самостоятельность, самоценность. Пейзажи А. Е. Ложкина проникновенным лиризмом напоминают многоголосные народные песни. В своих лучших произведениях и в камерно-лирических, и в пейзажах эпического плана художник стремится выразить национальный характер своего народа ("Апрель - пора подснежников", "На земле удмуртской", "Окраина Ижевска", "Осенний дождь", "Цветет калужница" и др.). Эти традиции развивают в своем творчестве и Е. Е. Скобелев и В. И. Михайлов.

Национальной самобытностью отмечены работы удмуртских графиков Заслуженного художника РСФСР М. Г. Гарипова и В. И. Веретенникова. Обратившись к удмуртскому фольклору, Гарипов убедительно передает своеобразие национального быта; его графические листы отличаются интересным решением: от условно-плоскостной трактовки изображения до пространственно-иллюзорной. Именно в графических листах Гарипова утверждается отношение к национальному быту как к яркому и радостному зрелищу.

Скульптура в Удмуртии развита менее других видов искусств. Она начиналась с разработки историко-революционной темы в работах С. Ф. Чиркова ("Начдив Азин", "И. Д. Пастухов"). В последующем тематика расширяется, наряду с историко-революционной ("Красный конник", "Знамя отцов") в творчестве удмуртских скульпторов получает развитие и начинает занимать ведущее место тема, посвященная мирной жизни и труду. Она по-разному разрабатывается в зависимости от характера дарования, индивидуальных склонностей художников. Ощущение радости бытия отличают работы А. Е. Аникина ("Матери", "Молодая колхозница"). Он умеет подметить в человеке все лучшее и выразить это в подлинно поэтическом образе.

За последние годы заметные успехи сделало декоративно-прикладное искусство Удмуртии. Его развитие связано с созданием утилитарных и декоративных предметов быта. Художники часто обращаются к национальным традициям и творчеству современных мастеров удмуртского народного искусства. К ведущим отраслям

декоративно-прикладного искусства Удмуртии последних лет следует в первую очередь отнести гобелены. Художники гобелена сохраняют связь с изначальными основами местного крестьянского ткачества. Яркостью и близостью к национальным источникам выделяется искусство супругов Г. П. и Е. Н. Емельяновых.

Стимулом для новаторских исканий разных видов декоративного искусства служит связь с архитектурой. В этом отношении рядом с гобеленами по разнообразию творческих поисков стоит керамика.

Важным событием в культурной жизни республики стало открытие в 1980 г. - в год 60-летия автономии удмуртов музея изобразительных искусств в Ижевске. Местные художники получили возможность экспонировать свои картины. За прошедшее со дня открытия время музей организовал персональные выставки всех ведущих художников Удмуртии. Музей стал центром собирания, изучения и пропаганды искусства в республике.

С каждым годом растет зрелость и мастерство удмуртских художников, расширяется творческий кругозор, растет их социальная активность. Они участвуют не только во всероссийских и всесоюзных смотрах изобразительного искусства, - в последнее десятилетие и на международной арене. Лучшие произведения удмуртских художников органично вливаются в обширную панораму многонационального искусства страны.

3. Музыка

Музыкальная культура Советской Удмуртии включает в себя профессиональное и народное творчество, исполнительское искусство и богатую событиями музыкальную жизнь.

В 20-х гг. в развитии музыкальной культуры выделились два направления: сельское традиционное музыкальное искусство, в которое вливаются современные художественные образы, и новое для удмуртов городское любительское искусство. Городское любительское искусство складывалось как многофункциональное, близкое задачам политической пропаганды: музыка звучала на митингах, собраниях, демонстрациях, субботниках. Наиболее стабильные формы: музыкальная самодеятельность при кружках ликбеза, хоровые коллективы педтехникумов, музыкальные коллективы клубов, в том числе оркестры народных инструментов, музыкально-драматические кружки, хоры.

В репертуаре коллективов появляются песни с новым содержанием: о бойце-красноармейце, о боевых машинах, о смерти солдат. Примером может служить песня "Гурт пумын Таган гурезь" ("В конце деревни под Таган-горой"), имеющая характерный для

многих народов сюжет об умирающем бойце, который посылает коня на родную землю сказать, что отдал жизнь за свободу, за Советы. Новое в песенном искусстве - переводы на родной язык песен революционного содержания "Смело, товарищи, в ногу", "Варшавянка" и др., а также песни-переделки, возникшие на основе стихов Д. А. Майорова, Ашальчи Оки, И. Г. Векшина и несколько видоизмененных традиционных удмуртских песен.

В 30-е гг. перед музыкальным искусством встали новые задачи, связанные с профессиональным исполнительским искусством, профессиональным творчеством, организацией концертной жизни и музыкального образования. Профессиональная исполнительская культура Удмуртии начала развиваться с созданием филармонии (1930 г.), Удмуртского драматического театра (1931 г.), хора Удмуртского радио (1932 г.), Государственного хора и ансамбля плясок (1936 г.), оперного театра (1935 г.), оркестра гуслей (1935 г.), симфонического оркестра (1938 г.).

Государственный хор и ансамбль плясок имел в репертуаре традиционные удмуртские песни и полуфольклорные произведения, такие как, "Горд армия" ("Красная армия"), "Пур. келян" ("Сплавная"), "Дурисъёс" ("Кузнецы"), "Колхоз сад" ("Колхозный сад") с новой тематикой. Для этого периода был характерен сложный процесс поиска соответствующих песен и создания сценических многоголосных вариантов удмуртской народной песни. Шел тематический отбор, преодолевались диалектные особенности песенной лексики. Художественный руководитель Государственного хора и ансамбля плясок А. В. Каторгин стремился к академическому исполнению народной песни, создавая обработки в плане традиционной русской хоровой школы, в то же время упорно работал над особенностями удмуртского песенного языка, над сохранением интонационного строя удмуртской народной песни.

Удмуртский драматический театр начал путь как театр европейского типа с музыкально-драматических постановок историко-бытового характера, для которых создавались простые сценические варианты народных танцев, хороводов. Ведущая актриса театра В. К. Виноградова знаток народной песни включала в спектакли песенный материал. Многие песни она создавала сама в характере народных произведений. С 1937 г. в театре работали русские композиторы Н. М. Греховодов и Н. А. Голубев, создавшие в довоенный период музыку к спектаклям "Кезыт ошмес" ("Холодный ключ"), "Камит Усманов" по пьесам И. Г. Гаврилова, "Зйбет зурка" ("Иго содрогается") по пьесе М. П. Петрова и др. Композиторы расширили возможности музыкального сопровождения спектакля, ввели хоровые сцены, ариозо, дуэты. Для них было характерно обращение к разным пластам фольклора, воссоздание его художественно-уникальных черт.

Оперный театр начал свою деятельность с постановки классики. Коллектив имел в своем составе оркестр, хор, балет и солистов, возглавлял его композитор Д. С. Васильев-Буглай. Силами театра было поставлено восемь спектаклей, в том числе опера А. П. Бородина "Князь Игорь", второе действие которой исполнялось на удмуртском языке. Театр просуществовал один сезон (1934-1935 гг.) и был расформирован.

Довоенный период музыкального искусства Удмуртии характеризуется, с одной стороны, возникновением новых любительских форм, функционирующих в музыкальных кружках, хоровых коллективах, где фольклор получил первичную, в основном хоровую обработку, с другой — открытием государственных учреждений культуры, которые стимулировали развитие национального профессионального творчества и исполнительства.

В годы Великой Отечественной войны деятели удмуртского музыкального искусства своим творчеством оказывали посильную помощь фронту. Удмуртская филармония организовала концертные бригады по обслуживанию воинов. В составе фронтовой бригады выезжала в действующую армию известная удмуртская актриса, исполнительница народных песен К. К. Гаврилова. Многократно в составе концертной бригады Московской консерватории выезжал на фронт удмуртский певец (в начале войны студент консерватории) Г. И. Титов.

В тылу музыкальная жизнь была полностью перестроена. В Государственном хоре остались только женщины; они на основе имеющегося репертуара и военных песен создали концертную программу, с которой выезжали на гастроли в Башкирию, Татарию, Свердловскую область, выступали в Домах офицеров, госпиталях, на заводах.

В творчестве военных лет существенное место занимали обработки народных песен и массовые песни Н. М. Греховодова, отражающие боевую тему и трудовые будни тыла: "Проклятому врагу смерть", "Песня о трассе" (о строителях железной дороги Ижевск-Балезино).

В послевоенные годы музыкальное творчество обогатилось новыми жанровыми разновидностями: появились романсы, хоровые сюиты, кантаты, оратории, оперы, балеты, симфонии, квартеты. Эти произведения имели разный резонанс: романсы, хоровые сочинения включались в концертный репертуар солистов филармонии, хоровых коллективов и приобретали своего слушателя, а музыкально-театральные произведения выдерживали только премьеры, практика их концертного исполнения не сложилась, известность их не велика.

В 1950-е гг. под влиянием удмуртской народной песни, в основном позднего происхождения, русской советской массовой песни и удмуртской послевоенной поэзии сформировалась как самостоя-

тельный вид удмуртская профессиональная песня. Несмотря на некоторую трафаретность поэтических образов и тематические стереотипы, песня 50-60 гг. сразу заняла центральное место в национальной культуре, органично вошла в народный репертуар и до настоящего времени не утратила своего значения.

Ведущая роль в песенном жанре принадлежит композитору Г. А. Корепанову. Он создал яркие, оптимистичные песни гражданской тематики, с ним в удмуртскую музыку вошли эпические музыкальные темы, на основе которых впоследствии возникли оперные и балетные образы. Для его песенной мелодики характерно мелодическое развитие на основе ритмического варьирования исходной интонации, близкой или даже идентичной народной. Он стремится к образным контрастам внутри куплета, к соединению маршевости и песенности, гимничности и танцевальности. В песнях 1970-х гг. заметно стремление композитора к индивидуализации поэтического образа ("У тихих рябин" на стихи О. А. Поскребышева, "Белая черемуха" на стихи С. П. Широбокова).

Разнообразны по характеру лирические песни и песни о родном крае другого удмуртского композитора Г. М. Корепанова-Камского. По содержанию и художественным особенностям текста они близки песням Г. А. Корепанова, но в музыкальном отношении некоторые из них (прежде всего с сатирическим содержанием) имеют большее ритмическое разнообразие, основанное на широком использовании народных плясовых ритмов, а также приемов, идущих от современной сатирической поэзии. В творчестве Г. М. Корепанова-Камского наметились новые тенденции в освоении национального материала: песни "Кырзаломе, данъяломе" ("Споём, восславим"), "Заной гинэ но" ("Дорогой, да") и др. написаны на народные тексты; интонационно музыка связана с фонетическими особенностями разговорной речи, что является новым для удмуртской профессиональной культуры, опирающейся в основном на "звучание" современной поэзии.

Интересны в интонационном отношении песни Н. Е. Шкляева. В 50-60-е гг. широкое распространение получили массовые песни Г. Н. Матвеева.

50-е гг. ознаменованы появлением крупных хоровых сочинений. В творчестве Г. А. Корепанова это - сюита "Асьмелэн егит дырмы" ("Наша молодость"), кантаты "Октябрьлэн шундыез" ("Солнце Октября"), "Дано егит дыр" ("Славная молодость"). Их характерные черты: примат песенного начала, подчиненная роль оркестра, сюитный принцип композиции. Большой глубиной художественного образа отличается цикл хоровых поэм "Слава тебе, солдат" на стихи удмуртских поэтов и хоровые сочинения "Зарни сйзыл" ("Золотая осень"), "Сизыл кырзан" ("Осенняя песня"),

сдержанные по колориту, близкие народным напевам типа песен-размышлений.

Для хорового творчества Г. М. Корепанова-Камского характерно внимание к колориту народных удмуртских обрядов, народных плясок, хороводов, духу современных народных праздников. Использование народных песенных текстов, отдельных реплик, диалогов, вопросных форм обогащает интонационный язык композитора. Интерес в данном случае представляет хоровое сочинение “Гырыны потон” (“Праздник первой борозды”) на слова Г. С. Сабитова.

Творческой индивидуальностью отмечены сочинения А. Г. Корепанова; в самых общих чертах это традиции, идущие от миниатюризма русской школы в преломлении современных стилевых черт. Его обработки удмуртских народных песен отличаются лаконизмом.

Таким образом, в песенном и хоровом творчестве удмуртских композиторов в 40-70-е гг. формируется профессиональный язык, создаются новые интонационные основы удмуртской музыки, которые оказывают влияние на весь уклад музыкальной жизни, в том числе на развитие крупных музыкально-театральных жанров.

Удмуртская театральная музыка послевоенного времени развивается в четырех жанровых разновидностях: музыка к спектаклям, музыкальная комедия, опера и балет.

Интересная попытка использования национального материала в удмуртской театральной музыке принадлежит Н. М. Греховодову. Опора на обрядовый фольклор, этнографичность отличают его музыку ко многим спектаклям. Эти традиции продолжил Н. Е. Шкляев. В театральной музыке он опирается преимущественно на песенный материал, используя особенности необрядовой фольклорной лирической песни позднего слоя. В то же время характеристичность, свойственная театральной музыке, позволила Н. Е. Шкляеву выявить многообразие оттенков лирики.

Композиторы обращаются к жанру музыкальной комедии и оперетты. Созданы музыкальные комедии “Сюан” (“Свадьба”) Н. М. Греховодова, “Когда поют соловьи” и “Романтики” Г. М. Корепанова-Камского. Музыкальная комедия “Сюан” Н. М. Греховодова написана в традициях популярных национальных комических опер, таких, как “Аршин мал алан” У. Гаджибекова, “Проделки Майсары” С. Юдакова.

Оперное творчество композиторов Удмуртии немногочисленно: опера “Наталь” Г. А. Корепанова, “Мятеж” Г. А. Корепанова и А. Г. Корепанова; балет “Италмас”, опера-балет “Чипчирган”, оперы “Россиянка” и “Заговор” Г. М. Корепанова-Камского.

Опера “Наталь (1961 г.) по повести удмуртского писателя Ф. Г. Кедрова “Катя” — опера хорового типа, построенная на основе

развития больших сквозных сцен. Опера создана в традициях русской оперной классики, прежде всего, в традициях опер Н. А. Римского-Корсакова.

Сюжет оперы “Мятеж” (1980 г.) связан с остродраматическими событиями гражданской войны на территории Удмуртии: контрреволюционным переворотом в Ижевске в 1918 г. и освобождением Ижевска от мятежников. Авторы оперы ввели в состав действующих лиц реальные исторические персонажи. Интересна музыкальная и сценическая драматургия оперы, особенно полные динамики большие хоровые массовые сцены. Заслуживает внимания и лаконичная, четкая сценография оперного спектакля.

Опера-балет “Чипчирган” (1964 г.) первое эпическое произведение удмуртской театральной музыки, написанное по мотивам народных легенд и преданий. Своеобразие спектакля в слиянии двух начал: оперного и хореографического. Композитор опирается в опере на народную инструментальную музыку, на старинный народный танец. Опера “Заговор” (1987 г.) в плане сценической и музыкальной драматургии следует традициям оперы “Мятеж”. Это опера-хроника, в ее музыкальной драматургии использованы разговорные диалоги, что придает теме (Мултанский процесс) реалистическую окраску.

Инструментальное творчество удмуртских композиторов складывается лишь в послевоенный период; в силу многих причин оно не получило большого развития. Основные его направления: лирико-драматическое и жанровое; корни первого уходят в русский и советский симфонизм, корни второго в программный симфонизм советских национальных музыкальных культур, связанный с образами родного края.

Становление национального симфонизма можно проследить на материале первой и второй симфоний Г. А. Корепанова (1961 г. и 1981 г.). Характер симфонизма можно определить как песенный. Основные драматургические принципы - большие разработочные разделы, динамические волны, контрасты при сравнительной немноготемности. В экспозиционных проведениях тем использованы принципы вокальных сочинений с выделением ведущего голоса и аккомпанирующих голосов. Многие в оркестровке и тематике сближают первую симфонию с инструментальными сочинениями В. С. Калинникова. Прежде всего это связано с оркестровым изложением песенных в своей основе тем.

В целом в инструментальном творчестве традиции национальной музыки раскрыты слабо. В стилевом плане можно выделить сочинения с преимущественным использованием национального материала и традиций русской инструментальной классики, сочинения с эпизодическим использованием национального материала

и преимущественным использованием традиций советской инструментальной классики и сочинения с опосредованным использованием национального материала (через литературный сюжет, тему) и опорой на советский симфонизм. В творчестве удмуртских композиторов в целом преобладают сочинения второго и третьего видов. Для успешного развития национальной культуры этого недостаточно.

Вклад в развитие и пропаганду национального искусства вносят русские композиторы Удмуртии, начавшие творческий путь в 70-80-е годы: Ю. Л. Толкач, Ю. В. Болденков, Е. В. Копысова, Н. М. Шабалин, С. Н. Черезов, С. А. Корепанов. Они работают в различных жанрах. Новый современный уровень характеризует их симфоническое и камерное искусство. Произведения этих композиторов так же как и сочинения удмуртских авторов, звучат на фестивалях, пленумах Союза композиторов, вошли в учебный репертуар и известны за пределами края. Событием в оперном искусстве стала постановка детской оперы "Конец Уйпери" Е. Копысовой, основанной на национальном сказочном материале. Немалую практическую "отдачу" имеет творчество Ю. Л. Толкача в области музыки для детей, которую он адресует детской хоровой студии "Глазовчанка" и музыкальным школам, работая с ними в творческом контакте. Е. В. Копысова и Ю. Л. Толкач пишут также музыку для спектаклей кукольного театра. Творчество названных композиторов опирается на местные поэтические традиции, раскрывает местную тематику и частично связано с национальными музыкальными традициями.

Развитие музыкального творчества в послевоенный период стимулировалось дальнейшим развитием музыкальных учреждений, качественным ростом исполнительских коллективов и музыкантов-солистов.

Событием в музыкальной культуре Удмуртии явилось создание в 1973 г. Удмуртского отделения Союза композиторов СССР. В рамках Союза проводятся концерты удмуртской музыки, организуются фестивали музыки народов Поволжья и Приуралья, проходят пленумы, где обсуждаются вопросы песенного искусства, национальных традиций и др. Союз композиторов (в его составе 10 музыкантов) играет заметную роль в осуществлении пропаганды удмуртского музыкального искусства как в республике, так и за ее пределами.

В послевоенные годы продолжает работать старейший коллектив республики - хор Государственного комитета УАССР по телевидению и радиовещанию, пропагандирующий удмуртскую музыкальную классику как в пределах республики, так и за ее пределами.

Всеобщее признание получил Государственный ансамбль песни и танца УАССР "Италмас", руководимый народным артистом РСФСР А. В. Мамонтовым. Ансамбль выступает на сценических площадках

крупнейших городов нашей страны, он участник Всесоюзных фестивалей “Русская зима”, “Киевская весна” и др. Ансамбль выезжал на гастроли в Финляндию, Чехословакию, ГДР, Венгрию, КНДР и Японию. В основе его деятельности исполнение удмуртской песни и народного танца в современной, очень живой, сценически яркой полуэстрадной манере с сохранением в то же время этнических черт, присущих удмуртскому народу.

В развитии музыкальной культуры Удмуртии заметную роль играет Государственный музыкальный театр, имеющий в репертуаре удмуртскую оперу “Наташ”, русскую музыкальную классику, например оперу П. И. Чайковского “Евгений Онегин”, и классическую оперетту.

Современный этап развития музыкальной культуры характеризуется многообразием форм концертной жизни, возможностью приобщения удмуртов к мировой музыкальной культуре через посещение музыкальных фестивалей, разных по типу концертов, праздников песни, конкурсов. Удмуртия родина П. И. Чайковского; ярким событием являются ежегодные фестивали, посвященные его дню рождения. На родину великого композитора в майские дни приезжают прославленные оркестровые коллективы, выдающиеся дирижеры, певцы, пианисты. Во время этих праздников музыки звучат и произведения удмуртских композиторов, выступает “Италмас”, солисты удмуртской филармонии.

Последние годы принесли оживление в такие формы концертной жизни, как национальное эстрадное исполнительское искусство. Ансамбли «Шулдыр жыт» («Веселый вечер»), «Арганчи» ведут поиски эстрадной манеры исполнения удмуртского национального репертуара, новой для удмуртов.

Несмотря на значительные успехи профессионального творчества, формирование национальной музыкальной культуры (как многоаспектного явления), ее развитие в послевоенные годы приобретает неровный и противоречивый характер. С одной стороны, в 50-е гг. начинает интенсивно развиваться профессиональное исполнительское искусство, новый характер приобретает самодеятельность, налаживается концертная деятельность гастрوليрующих музыкантов; с другой стороны, доля национальных сочинений в исполнительской практике, начиная с конца 50-х гг. постепенно снижается.

Централизация управления культурой, непрофессиональный уровень местного руководства, сложившиеся стереотипы стандартного мышления привели к тому, что успехи национальной музыкальной культуры оценивались только по количеству написанных музыкальных сочинений, а необходимая для музыкального развития триада композитор исполнитель слушатель в оценке деятельности вообще не принималась во внимание.

Доля национального в музыкальной культуре Удмуртии снижается еще и потому, что история удмуртской музыкальной культуры из-за централизации учебных программ не стала основной дисциплиной при подготовке музыкальных кадров.

Подготовка национальных музыкальных кадров в настоящее время осуществляется Республиканским музыкальным училищем, Училищем культуры, Глазовским педагогическим институтом (музыкальный факультет). Музыкальное образование получают дети более чем в 50 школах.

Таким образом, национальная музыкальная культура в двух главных направлениях творческом и исполнительском прошла период от становления до развития многожанрового профессионального искусства, обрела во многих направлениях свою специфику и свой характерный национальный стиль. Тем не менее в ее развитии еще немало проблем.

4. Театр

Первый русский любительский театр стал функционировать в Удмуртии еще в начале 60-х гг. XIX в. Удмурты до Октябрьской революции не имели театра европейского образца, их зрелищные потребности целиком удовлетворялись народными драматизированными обрядами и празднествами. Немногочисленная местная интеллигенция к этим представлениям относилась с предубеждением и не принимала в них участия.

Первым в истории удмуртского народа любительским спектаклем на родном языке стала постановка комедии Л. Н. Толстого "От нее все качества", осуществленная 2 августа 1918 г. в д. Ягошур Глазовского уезда учительницей А. Н. Урасиновой. В последующем волна сценического искусства охватывает весь удмуртский край. Координационным центром по художественному руководству сетью любительских коллективов становится драматический кружок при Центральном удмуртском клубе, созданный в Ижевске в январе 1923 г.

Только что зародившийся театр не имел еще ни опыта, ни кадров, ни материальной базы. Невысоким был и уровень исполнительского мастерства актеров-любителей. Но, несмотря на это, народ, в массе своей неграмотный, новый театр воспринял как одну из эффективных форм просвещения, борьбы с темнотой. Местные газеты тех лет восторженно отзывались о спектаклях.

Вместе с тем отношение к театру среди разных слоев населения, как удмуртского, так и русского было неоднозначно. Некоторая ее часть категорически выступала против него; наблюдались случаи, когда за посещение спектаклей родители избивали своих детей.

Самодетельное театральное искусство в первые послереволюционные годы в Удмуртии, как и во всей стране, было агитационным. Оно пропагандировало идеи революции, агитировало за власть большевиков, против контрреволюции, буржуазии. Его основу составляли, главным образом, обработки произведений народного творчества. Спектакли, в которых использовался фольклор, привлекали зрителей своим колоритом, красочностью народных обычаев. Но самодетельная сцена стремилась отразить не застывшие стереотипы национального быта, а то новое, что несла с собой революционная действительность. Острую критику пережитков прошлого в сознании людей содержали, например, пьесы “Удмурт сюан” (“Удмуртская свадьба”) Д. А. Майорова, “Туно” (“Ворожея”) К. П. Герда, “Дезертирлэн вöтамес” (“Сон дезертира”) П. А. Батуева, широко ставившиеся актерами-любителями.

Спектакли, поставленные по вышеназванным пьесам в драматических кружках, несмотря на невысокое исполнительское мастерство актеров-любителей, убогость декораций и костюмов, сыграли определенную роль в утверждении новой морали, росте самосознания народа.

Отличаясь агитационным, просветительским характером, искренностью, злободневностью, любительские спектакли первых лет Советской власти старались донести до масс идеи революции, однако подняться до больших художественных обобщений они еще не могли, так как ни актеры, ни постановщики не имели профессиональной подготовки. Кадры для драмкружков в этот период эпизодически готовились только на краткосрочных театральных курсах. Лишь на рубеже 20-30-х гг. вопросы их воспитания приобретают государственные масштабы. В январе 1929 г. при Центральном удмуртском клубе открываются двухгодичные театральные курсы. Три выпускника - А. В. Волкова (Шкляева), З. М. Малых, А. И. Саратов направляются в Московский центральный техникум театрального искусства (с 1932 г. - ГИТИС). Годом раньше на режиссерское отделение этого техникума был направлен К. А. Ложкин. В 1930 г. в Ижевске открывается театрально-художественный техникум с пятилетним сроком обучения. Все эти меры заложили основу для будущего профессионального национального театра.

Удмуртский драматический театр открылся 7 февраля 1931 г. дипломным спектаклем К. А. Ложкина “Вало öр куашетэ” (“Река Вала шумит”) по пьесе И. Г. Гаврилова, посвященной коллективизации сельского хозяйства в удмуртской деревне.

Основное ядро театра составили актеры-любители драматического кружка Центрального удмуртского клуба. Среди них были В. К. Виноградова, К. К. Гаврилова, В. Г. Волков, Г. П. Овечкин, без которых сегодня трудно представить историю театра.

Первые шаги вновь рожденного коллектива совпали с периодом, когда в масштабе государства происходила ломка веками сложившейся психологии рабочего и крестьянина. Труд народа становится одной из ключевых тем советской драматургии и театра. В меру своих сил и возможностей пытались отразить эту тему и удмуртские драматурги. Их пьесы поднимали насущные жизненные вопросы, и поэтому зрители близко к сердцу принимали сценические образы. Однако, сталкиваясь с еще не устоявшимися явлениями и фактами, авторы не могли их художественно осмыслить, постичь и передать всей психологической глубины характеров героев.

Более благополучно обстояло дело с историческими пьесами. Особенно большой вклад в разработку этого жанра внесли драматурги И. Г. Гаврилов и М. П. Петров. Опираясь на народные традиции, особенности характера народа, его нравы, обычаи, театр стремился осмыслить истоки национальной истории, роль личности и масс в историческом процессе. Творческое осмысление фольклорного материала позволяет театру выявить мотивы героизма и величия подвига народа в освободительной борьбе с врагами. Герои пьес живут в мире социальной несправедливости; в борьбе с властью имущими многие из них начинают осознавать себя личностью и уже не могут мириться с прежними порядками. Коренных социальных преобразований они добиться еще не могут, однако в нравственном отношении они неизмеримо выше своих врагов и не поступаются своими воззрениями, чего бы это им ни стоило. Этими героями были, как правило, бунтари-одиночки и непокорные, гордые крестьяне, гибнущие за счастливое будущее своего народа.

К концу 40-х гг. театр превращается в крупный жизнеспособный организм, сумевший освоить основные жанры сценического искусства, в том числе музыкальную драму ("Камит Усманов" по трагедии в стихах И. Г. Гаврилова). Его афиша к этому времени обогащается также рядом высокохудожественных спектаклей, поставленных по пьесам русских, советских и зарубежных драматургов.

Творческие достижения стали возможны не только благодаря возросшему мастерству актеров, но и достаточно высокой постановочной культуре художественного руководителя К. А. Ложкина. Существенный вклад в развитие сценического искусства внес режиссер А. И. Саратов, русский по национальности, в совершенстве владевший удмуртским языком. Неоценимой школой в овладении искусством перевоплощения стал опыт русского режиссера М. И. Федосимова воспитанника Московского Малого театра, бывшего в 1937-1939 гг. художественным руководителем Удмуртского театра. Он с одинаковым успехом ставил с удмуртскими актерами пьесы как русских, так и местных драматургов.

Трудно переоценить вклад русского композитора Н. М. Греховодова

в создание первого музыкального национального спектакля “Камит Усманов”. Он стремился в народной песне, служившей основой музыки, выявить не только ее глубину и красоту, но и придать ей европейский характер. В этих целях он наделяет народные мелодии развернутыми музыкальными номерами, хоровыми финалами, ансамблевыми сценами, ариями и т. д. Однако эта новизна не приводила к стиранию национальной самобытности основы песни, что является одним из примеров творческого взаимодействия двух художественных культур.

В 1935 г. в Удмуртии открывается еще три театра: в Ижевске Русский драматический и кукольный, в Сарапуле городской драматический. В 1939 г. в Воткинске начинает свою работу республиканский театр музыкальной комедии. Важно отметить, что формирование состава Русского театра происходило в Москве при участии театрального отдела Наркомпроса РСФСР. Подбирались, как правило, молодые актеры, преимущественно воспитанники московских театров и наиболее опытные актеры из периферии. При этом учитывались не только профессиональные данные, но и общая культурная и политическая подготовка. Ядро Сарапульского театра составили актеры Уральского рабочего реалистического театра.

Основание новых театров результат претворения в жизнь программы по созданию устойчивых, постоянно действующих театров не только в крупных городах Центральной России, но и на периферии. Мероприятия по стационарированию театров намечалось завершить к концу 30-х гг. В этом русле шло развитие театрального искусства и в Удмуртии.

Военные условия в корне изменяют ритм работы театров страны. Некоторые из них на длительное время приостанавливают свою деятельность или закрываются. Многие коллективы и отдельные мастера сцены эвакуируются в глубокий тыл, в том числе и в Ижевск. Актеры, прибывшие из разных городов западных районов СССР, составили большую часть труппы Второго республиканского драматического театра, созданного в ноябре 1941 г. в столице Удмуртии и функционировавшего до февраля 1946 г.

С началом войны Удмуртский и Ижевский Русский театры расформируются. На базе Сарапульского театра организуется первый республиканский драмтеатр. Группа актеров национального театра в составе 8 человек во главе с К. А. Ложкиным выезжает в с. Алнаши, где работает над малыми театральными формами. 20 октября 1942 г. деятельность Удмуртского театра восстанавливается. Вначале он работает в с. Алнаши, затем в г. Можге, обслуживая все близлежащие деревни. Театр был лишен элементарных условий для нормальной работы: репетировать и выступать приходилось в малоприспособленных, неотапливаемых помещениях.

Не располагал он и собственным транспортом. С 15 октября 1944 г. коллектив переводится в Ижевск. В феврале 1946 г. возобновляет свою деятельность Ижевский Русский драмтеатр.

В тяжелых условиях военного времени советский театр не только доказал свою жизнеспособность, но и сумел принять активное участие в борьбе с фашизмом. Основное место в репертуаре всех театров республики занимали пьесы военно-патриотического звучания, исполненные верой народа в торжество правого дела, неизбежной победы над врагом. К сожалению, в афишах национального театра было мало произведений местных авторов, так как драматурги, в том числе И. Г. Гаврилов и М. П. Петров, ушли на фронт.

Трудности в военные годы были характерны для драматургии многих национальных районов страны. Чтобы в какой-то мере компенсировать этот пробел, Удмуртский театр обращается к возобновлению постановок исторических пьес, пронизанных мотивами борьбы народа за свободу и независимость. Так, герои пьесы М. П. Петрова “Вуж Мултан” (“Старый Мултан”), поставленной еще в 1936 г., стали для современников примером мужества и самоотверженности. С особой силой прозвучала в новой постановке тема дружбы удмуртского и русского народов.

По своему духу перекликалась с современностью трагедия И. Г. Гаврилова “Камит Усманов”. В исполнении Г. И. Титова из далекого прошлого вставал образ героя-богатыря, отдавшего свою жизнь за свободу своего народа. В час испытаний этот спектакль становился в один ряд с такими драматическими произведениями историко-биографического жанра, шедшими во многих театрах страны в годы войны, как “Фельдмаршал Кутузов” В. Соловьева, “Богдан Хмельницкий” А. Корнейчука, “Ярослав Мудрый” И. Кочерги, “Генерал Брусилов” И. Сельвинского и др.

После войны театр страны переживает не менее трудный период. Советскому народу предстояло поднять разрушенное хозяйство; это было равносильно ратному подвигу, поэтому героическое начало становится одной из ведущих тенденций советского театра послевоенного десятилетия. Однако отобразить характер времени драматургия и театр смогли не сразу, многие пьесы не раскрывали в полной мере духовный мир советского человека. Незрелые пьесы пагубно сказывались на актерском искусстве; удмуртские актеры вынуждены были добиваться, как правило, лишь естественности поведения героев на сцене, создавать атмосферу бытовой достоверности.

Репертуарный кризис в удмуртском сценическом искусстве, как и во всем советском театре, начинает постепенно преодолеваться на рубеже 40-50-х гг. В пьесах стали глубже отображаться актуальные проблемы современности; все заметнее начинает проявляться

тенденция взаимосвязи между духовным миром человека и его делом. К числу таких пьес можно отнести «Тулыс нуналъёс» («Весенние дни») И. Г. Гаврилова, «Тулкымъяське лыз зарезь» («Волнуется синее море») В. Е. Садовникова и М. С. Тронина, «Меӝ яр дурын» («На крутом берегу») В. Садовникова. В репертуаре впервые появляется спектакль с образом В. И. Ленина - «Семья» И. Ф. Попова.

Эти перемены совпали с процессом «омоложения» актерских кадров Удмуртского драмтеатра. В 1951 г. в его состав влились выпускники первой театральной студии, окончившие Ленинградский театральный институт.

Позитивные перемены, наметившиеся в первой половине 50-х гг., еще более укрепляются после XX съезда КПСС. Осуждение культа личности способствуют активному выявлению творческих возможностей деятелей сцены. В пьесах местных авторов появляются новые темы, новые герои, определяющей чертой характера которых становится социальная активность. Острее вскрываются негативные явления в жизни общества, рецидивы мещанско-эгоистической психологии («Чукдор» «У волка своя тропа» С. П. Широкова; «Чук лысуос» - «Утренние росы» Т. А. Архипова и В. Е. Садовникова; «Вуж юрт» - «Старый дом» Г. Д. Красильникова и Н. М. Куликова).

В новых общественных условиях в советском сценическом искусстве находят отражение трагические страницы истории, связанные с культом личности. Три пьесы данной тематики ставятся в театрах республики: в Русском «Персональное дело» А. П. Штейна, в Сарапульском «Черные птицы» Н. Ф. Погодина, в Удмуртском - «Югытлэз уд ватскы» («От солнца не скроешься») А. С. Бутолина.

В конце 50-х-начале 60-х гг. свет ramпы видят опера «Наталь» Г. А. Корепанова, оперетта «Любушка», балет «Италмас», опера-балет «Чипчирган» («Свирель») Г. М. Корепанова-Камского. Их сценическое воплощение стало возможным благодаря преобразованию в 1958 г. Удмуртского драматического театра в музыкально-драматический. В коллектив вливается большая группа солистов-вокалистов, артистов хора и балета. Квалифицированными кадрами пополняется оркестр. В 1960 г. театр впервые за все годы существования получает собственное помещение.

И все же, как показало время, реорганизация театра не оправдала себя. Произведений местных композиторов было недостаточно, поэтому весь репертуар фактически заполнила русская и зарубежная оперетта, что, в свою очередь, резко ограничило работу удмуртской драмы. Это обстоятельство явилось причиной творческой неудовлетворенности актеров, и часть из них покидает театр. В начале 70-х годов в его составе оставалось всего десять человек. Положение

поправляется лишь осенью 1974 г., когда Удмуртский драмтеатр восстанавливается в своем прежнем статусе, а музыкальная труппа выделяется в самостоятельную единицу Музыкальный театр Удмуртской АССР. На сцене появляется больше национальных пьес; улучшается работа с авторами, в результате в рядах драматургов появляются новые имена Ф. П. Пукроков, А. А. Григорьев, Н. Я. Самсонов. Расширяется тематика драматических произведений. Так, в пьесе А. А. Григорьева "Лысу сямен уг толзы синкыли" ("Слеза не опадает, как роса") на примере судьбы одного из героев - Аркадия, достойно выполнившего свой интернациональный долг в Афганистане, ставятся проблемы ответственности человека не только за судьбу родного края, страны, но и всей планеты в современном тревожном мире.

Театр шире начинает пропагандировать лучшие пьесы прошлых лет. В 1981-1987 гг. были возобновлены, в частности, "Кезьыт ошмес" ("Холодный ключ") И. Г. Гаврилова, "Сюан" ("Свадьба") В. Е. Садовникова, "Улэм потэ" ("Жить хочется") П. А. Блинова. Достойное место находит в афише театра русская, советская и зарубежная драматургия: "Женитьба" Н. В. Гоголя, "На бойком месте", "Бедность не порок" А. Н. Островского, "Две зимы, три лета" Ф. Абрамова, "Каса маре" И. Друце, "Лекарь поневоле" Ж.-Б. Мольера и др.

Позитивные перемены, разумеется, не сняли всех проблем театра. На всех этапах своего развития он остро ощущал и продолжал ощущать сегодня дефицит удмуртских пьес, особенно современной тематики. В количественном отношении их появилось немало, но вследствие низкого художественного уровня на подмостки сцены попадали единицы, нередко "зеленую улицу" получали откровенно беспомощные комедии, рассчитанные на дешевый успех.

Драматурги, режиссеры, актеры не всегда проявляют должную требовательность к своему творчеству. Уровень исполнительского мастерства некоторых актеров с годами не повышается. Целевая подготовка режиссерских кадров, в отличие от актерских, не организована, вследствие чего на должность режиссера назначаются лица из числа актеров. Практика стажировок, краткосрочных курсов повышения квалификации кардинально вопроса не решает.

За 60-летний творческий путь у Удмуртского театра было немало удач, но были и ошибки, разочарования. Но каковы бы ни были трудности, они не могли задержать его общего развития. История национальной сцены это, по существу, отражение становления удмуртской нации. Лучшие спектакли дают достаточно ясное представление об особенностях общественных явлений, происходивших на разных этапах развития Удмуртии, о духовном облике и нравственном восхождении народа.

Удмуртский театр развивался в русле общих тенденций и процессов, характеризующих развитие многонациональной советской сцены. Его становление шло в тесном взаимодействии с русской сценической культурой.

Сегодня Удмуртский театр, кроме основной сцены в Ижевске, имеет филиал в районном центре в с. Малая Пурга. В ближайшие годы ожидается строительство нового здания театра.

От народных обрядовых представлений до крупного современного профессионального творческого коллектива вырос удмуртский театр. Возникнув на базе народной жизни, широкого самодеятельного движения, он всрен своим жизненным истокам. В этом корни зрительского признания.

Таким образом, удмуртское профессиональное искусство активно функционирует и является одним из существенных факторов его этнического развития. Оно продолжает набирать силу и пополняется новыми произведениями. Ежегодно в ряде сельских районов республики организуются Дни литературы и искусства, в ходе которых писатели, композиторы, художники, творческие коллективы встречаются с населением. Удмуртское радио еженедельно проводит передачу "Писатели, журналисты у микрофона". Удмуртские художники регулярно участвуют в различных выставках.

Как показали статистико-этнографические обследования, удмуртов, знающих своих национальных писателей, становится больше. Однако глубоких знатоков не так много, это в основном представители интеллигенции. Сравнительно лучше знает удмуртскую литературу молодежь, недавно окончившая школу. Характерно, что число читателей удмуртской литературы растет в городах, а в сельской местности сокращается, что, по-видимому, связано с миграцией сельских жителей, особенно молодежи, в города⁷.

Уровень информированности об удмуртских национальных композиторах и их произведениях по сравнению с концом 60-х гг. также значительно вырос: многие следят за развитием национальной музыкальной культуры и довольно полно осведомлены о ней. Горожане знают профессиональную музыку лучше, однако примечательно, что разница между горожанами и сельскими жителями существенно сократилась.

Важное значение в духовной жизни удмуртов имеет театр. Например, в 1979 г. театральные спектакли посмотрела треть городских и пятая часть сельских удмуртов. Среди удмуртов как городских, так и сельских, посетителей театра больше, чем среди русских. С большей охотой и любовью удмурты ходят на спектакли Удмуртского драматического театра, который является наиболее посещаемым в республике.

Национальная духовная культура воспринимается, сохраняется и

ценится народом, выполняя при этом функцию этносоциальной памяти. Она является источником самых разнообразных сведений о различных сторонах жизни удмуртского народа.

Но культурные интересы удмуртов не замыкаются рамками национального искусства. В круг их интересов входят произведения русских, советских и зарубежных деятелей культуры. Соотношение интернационального и национального в духовной культуре народа находится в прямой зависимости: чем выше интерес к произведениям инонациональных авторов, тем больше спрос на произведения удмуртского профессионального искусства.

¹ Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка. СПб, 1775.

² Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ее Императорского величества великия государыни Екатерины II в Казани. СПб, 1779; Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества в публичном собрании на разных языках говоренные в тамошней семинарии 26 дня 1781 года. М., 1789; *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1966. Вып. 1. С. 225-229.

³ *Верецагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края//Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб, 1886. Т. 14. Вып. 2; *Его же.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии//Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб, 1889. Т. 14. Вып. 3.

⁴ *Бикмухаметов Р. Г.* Орбиты взаимодействия. М., 1983. С. 27, 28.

⁵ *Шумилов Е. Ф.* Художники//Писатели, художники, композиторы Удмуртии. Ижевск, 1981. С. 109.

⁶ *Поляк А. И.* Изобразительное искусство Удмуртии. Биобиблиографический справочник. Ижевск, 1974. С. 3, 4.

⁷ *Христолюбова Л. С.* Этнокультурные процессы у удмуртов в 1970-е годы//Статистико-этнографические исследования в Удмуртии. Устинов, 1985. С. 68.

Глава XV. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Этнические процессы развиваются под воздействием множества факторов, среди них доминирующее начало принадлежит политическим и социально-экономическим. Социальная структура этносов существенно влияет на особенности их взаимодействия, что сказывается и на ходе этнических процессов¹; в конечном итоге урегулирование социальных проблем содействует предупреждению нежелательных явлений в межнациональных отношениях (хотя и не исключает их полностью), так как на национальную почву могут переноситься осознаваемые социальные различия.

Задача создания однотипной социальной структуры, преодоления в кратчайшие исторические сроки существенных различий в уровне экономического развития отдельных национальных районов была поставлена с первых дней Советской власти. Однако осуществление мер по устранению фактического неравенства народов началось лишь после восстановления народного хозяйства, разрушенного гражданской войной.

До революции удмурты практически не имели отряда индустриальных рабочих. К примеру, по переписи населения 1897 г., среди работников по выплавке металла было всего 8 удмуртов, в химической промышленности 9, на железной дороге работало 4 человека². Удмурты в большей степени сохраняли элементы феодального строя, отставали в социально-политическом и культурном развитии от окружающего русского населения.

И в первые годы Советской власти формированию рабочего класса из коренной национальности препятствовало то, что овладение рабочими профессиями и квалификацией людьми, которые в прошлом занимались исключительно земледельческим трудом, было сопряжено с известными трудностями: с одной стороны, отсутствием навыков промышленного труда и достаточного образования, к тому же очень малая доля удмуртской молодежи шла учиться в учебные заведения индустриального профиля; с другой необходимостью менять привычки, условия традиционного образа жизни. Согласно переписи 1926 г. лишь 1,1% удмуртов жили в городах, составляя 3,3% всего

городского населения. Кроме того, в 20-е гг. промышленность области не требовала значительного притока местной рабочей силы, так как она пополнялась в основном за счет притока рабочих из других районов страны, уже имеющих квалификацию. Кроме того, не была еще изжита и безработица.

Формирование удмуртского рабочего класса началось только в годы индустриализации. Так, доля удмуртов в составе рабочих цензовой фабрично-заводской промышленности увеличилась с 13,5% в 1928 г. до 20,6% в 1934 г. В крупной промышленности формирование рабочих кадров коренной национальности происходило несколько медленнее, так как там предъявлялись более высокие требования в образовательном и квалификационном плане, однако и здесь их доля с 1928 по 1936 гг. выросла с 4,1 до 16,7%³. Как видим, первоначально отряд рабочего класса из коренной национальности сложился в мелкой, технически отсталой отрасли промышленности. В последующем качественный состав рабочих совершенствовался, что нашло выражение и в росте численности работников квалифицированного труда, увеличении числа людей, занятых механизированным трудом, в росте образовательной и культурно-технической подготовки.

Существенные структурные и качественные изменения претерпевало крестьянство. В 20-е гг. в Удмуртии практически не было специалистов сельского хозяйства: так, в 1922 г. насчитывалось всего 15 землеустроителей, 53 агронома. Постепенно число специалистов росло, повышался их уровень образования. Во второй половине 30-х гг. в республике были открыты сельскохозяйственные учебные заведения различного профиля, обучением охватывалась и часть рядовых колхозников. Менялась техническая основа производства: в 1931 г. созданы первые 5 МТС, причем преимущественно в районах с удмуртским населением⁴.

Большое внимание уделялось формированию интеллигенции. Особенно быстро росло число учителей, в которых ощущался острый недостаток в связи с введением всеобщего образования и увеличением количества школ.

В 30-е гг. проведена большая работа по коренизации аппарата, то есть вовлечению представителей коренной национальности в работу партийных, советских и хозяйственных органов, переводу делопроизводства на удмуртский язык (см. главу 2). В 1937 г. в штате республиканских организаций доля удмуртов составила 37%, а в аппаратах райисполкомов - 64%⁵. Однако зачастую критерием отбора кандидатов на различные должности служили не опыт и знания, а лишь социальное происхождение и принадлежность к коренной национальности; в хозяйственные и административные органы выдвигались лица, не имевшие соответствующего образования.

Так, в 1934 г. среди директоров школ лишь 43% имели педагогическое образование⁶.

В 20-е гг. начала складываться художественно-творческая и научная интеллигенция, деятельность которой была связана с развитием народной культуры. Однако в 30-е гг. национальная культура понесла невосполнимые потери. Репрессиям подверглись наиболее талантливые представители удмуртской интеллигенции. Были ликвидированы общество по изучению удмуртской культуры, удмуртское краеведческое общество "Бöляк", в 1937 г. закрыт республиканский краеведческий музей в Ижевске. В 1936 г. арестована большая группа коммунистов-удмуртов выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока: среди них - партийные и комсомольские работники, ученые историки и др.⁷

Поэтому, несмотря на то, что в 20-30-е гг. был совершен определенный скачок в подготовке кадров национальной интеллигенции, специалистов и у удмуртов сложилась близкая с другими народами социальная структура, проявлявшаяся в однотипности классового состава, доли рабочих и, особенно, интеллигенции, по сравнению с социальным составом других народов, были низки. Различия прослеживались и в их внутренней структуре.

В настоящее время эти различия в значительной степени преодолены в основном благодаря тому, что социальные изменения среди удмуртов происходили более быстрыми темпами; к примеру, среди них зафиксирован больший, чем среди русских, проживающих в Удмуртии, социальный рост детей по сравнению с родителями. Отмечая общую позитивную направленность социальных процессов, тенденцию возрастания сходства показателей, можно говорить, что в ряде случаев уже достигнута их значительная близость.⁸ Тем не менее, в социально-классовой структуре населения республики элементы социальной неоднородности еще имеются. Их наличие в современных условиях обусловлено как прошлым отставанием, так и ошибками национальной политики.

Удмуртская Республика относится к высокоразвитым районам страны, социальное развитие населяющих ее наций связано в основном с экономическим развитием своей республики. Вместе с тем социальный состав населяющих ее наций не находится в прямой зависимости от общереспубликанских показателей. Формирование социального облика отдельных этносов обладает определенной самостоятельностью по отношению к хозяйственной характеристике республики⁹.

Так, различные отрасли общественного производства освоены удмуртами весьма неравномерно. Крестьянство является доминирующим в составе коренного населения, удмурты в большей степени ориентированы на сельскохозяйственные занятия здесь занято

около 70% удмуртов, проживающих в сельской местности (соответствующий показатель среди русских - около 50%), поэтому социальный состав нации определяется прежде всего ситуацией, сложившейся в среде сельского населения, несмотря на то, что численность крестьян и их доля в населении постоянно сокращается.

Удмурты современного села имеют близкие с русскими социально-классовые характеристики; это вызвано сходством важнейших социально-экономических и политических процессов, характерных для страны в целом. Однако не следует преувеличивать достигнутую однородность. Сравнение соотношения основных общественных групп по национальностям в сельском населении Удмуртии показывает, что среди удмуртов в начале 80-х гг. около половины составляли колхозники, тогда как среди русских - лишь третью часть; доля служащих среди представителей коренной национальности составляла 13%, почти в 2 раза меньше, чем, к примеру, среди татар¹⁰.

Изменения в социальной структуре народов в значительной мере определяются урбанизацией*. Увеличению доли горожан в первую очередь способствовал экономический рост республики, причем городское население Удмуртии увеличивалось более быстрыми темпами, чем в целом по стране. Особенностью процесса урбанизации удмуртов является то, что подавляющая часть горожан (62,3%) проживает в столице республики Ижевске¹¹, чему в немалой степени способствует географическое положение города по отношению к ареалу расселения удмуртов, а урбанизирующее влияние крупных городов, столиц республик, как известно, значительно выше.

Самые высокие темпы прироста городского населения приходится в стране на годы индустриализации, однако среди удмуртов этот процесс протекал наиболее интенсивно в последующий период в 60-е и 70-е гг. В 30-е гг. приток удмуртов в города шел относительно медленно, в потоке мигрантов преобладали русские, менее, чем удмурты, ориентированные на сельский образ жизни. Урбанизации препятствовал и языковой барьер большинство удмуртов тогда не владело русским языком.

На распределении удмуртов по отраслям народного хозяйства в городах оказывали влияние веками складывавшиеся традиционные условия их трудовой деятельности, отсутствие исторического опыта работы в промышленности. Поэтому доля лиц коренной национальности быстрее росла среди занятых в административной, культурной и образовательной сферах, чем среди индустриальных рабочих. К тому же в последнее десятилетие притягательная сила промышленного производства для сельских мигрантов в город постепенно теряет

* Данный термин употребляется здесь в узком смысле, как увеличение доли городского населения.

значение, более привлекательной становится работа в сфере услуг, управления, образования и т. д.¹² Так, в 1980 г. доля удмуртов, занятых в сфере управления, составляла 4%, среди русских 5%. В отраслях непроеизводственной сферы (здравоохранение, образование, культура, искусство и т. д.) показатели занятости среди удмуртов и русских также были одинаковы (по 17%).

В силу многонациональности городов Удмуртии (доля удмуртов в них, по переписи 1989 г., составляла 19,8%) в составе рабочего класса, особенно промышленного, более высок процент русских. Хотя в последние годы, благодаря ускоренному росту кадров удмуртской национальности, состав рабочего класса республики существенно изменился, доля удмуртов в нем приблизилась к их доле в населении городов, однако исторически складывавшиеся отличия в ценностно-трудовой ориентации этносов еще сказываются на представительстве этнических групп в социальных слоях городской общности¹³.

Так, в 1980 г. в промышленном производстве распределение русских и представителей коренной национальности по различным отраслям имело некоторые особенности: в ведущих - доля удмуртов ниже (38% против 44% у русских), большую долю они составляли лишь в строительстве¹⁴, а также в тех отраслях, которые возникли в недавнем прошлом, например в нефтедобывающей.

Состав населения по занятости еще не дает достаточно четкого представления о квалификации работников: количественные изменения следует рассматривать в единстве с качественными (образование, квалификация и т. д.), приобретающими в последнее время все большее значение¹⁵.

Несмотря на то, что возможности представителей различных национальностей заниматься трудом одинаковой степени сложности практически равны, в рядах работников неквалифицированного труда доля удмуртов несколько выше, чем среди занятых высококвалифицированным научно-техническим трудом, несмотря на то, что доля удмуртов, получивших профессиональное образование (кроме среднего специального и высшего), даже несколько выше, чем среди русских. Наиболее высоки показатели культурно-технического уровня у индустриального отряда рабочего класса, сконцентрированного на крупных промышленных предприятиях, а именно в этом отношении удмуртский отряд рабочего класса отстает от русского.

Развитие производства в эпоху НТР требует все большей интеллектуализации труда рабочего, в последние годы физический труд все больше сочетается с умственным. Эти изменения находят выражение в появлении слоя рабочих интеллигентов¹⁶, который быстро растет. Вместе с тем сочетание умственного и физического труда пока неодинаково у различных категорий трудящихся, национальных групп. По материалам обследования населения

1980 г., слой рабочих-интеллигентов (в данном случае имеющих среднее специальное или высшее образование) составлял среди удмуртов 11%, а среди русских 18%.

В сельской местности удмурты и русские в профессиональной подготовке имели близкие показатели, однако различия все же сохранились среди удмуртов была меньше доля специалистов с высшим и средним специальным образованием (специальное образование, включая все его виды, имели 38% удмуртов и 43% русских, в том числе среднее специальное и высшее образование 12% удмуртов и 16% русских). Поэтому доли специалистов высокой квалификации, с одной стороны, и занятых неквалифицированным физическим трудом, с другой, среди молодежи удмуртской и русской национальностей существенно различались: доля удмуртов, занятых умственным трудом была меньше (этот показатель расценивается сейчас как один из важнейших в сближении наций в социальном плане¹⁷) и больше доля занятых малоквалифицированным физическим трудом.

Кроме этого, национальные кадры работники умственного труда руководители и специалисты концентрировались в определенных отраслях: удмуртов было значительно больше среди специалистов сельского хозяйства, в просвещении, среди культурно-просветительских и медицинских работников, а также руководителей предприятий на селе¹⁸.

Учитывая потребности народного хозяйства в квалифицированных кадрах, нынешняя степень насыщенности ее специалистами признается еще недостаточной. В то же время уровень общеобразовательной подготовки жителей села уже достаточно высок, сельскохозяйственное производство не может в полной мере использовать накопившийся "образовательный потенциал" сельских жителей; развитие производства, улучшение условий труда не успевают за ростом требований, предъявляемых к ним населением, особенно молодежью, что ведет к росту неудовлетворенности трудом.

Наиболее низка представительность лиц коренной национальности, занятых умственным трудом, в промышленности, в особенности среди инженерно-технических работников и руководителей промышленного производства, в науке (кроме гуманитарной), а также в сфере обслуживания¹⁹. Аналогичная ситуация характерна и для других республик (бывших автономий) страны²⁰. Кроме того, значительная часть работников-удмуртов, находящихся на должностях специалистов, не имеет соответствующего уровня образования. Так, в 1980 г. в сфере управления доля лиц с высшим образованием среди них была 33%, а среди русских 52%.

Это говорит либо о том, что в некоторых отраслях хозяйства часть удмуртов занимает соответствующие места, будучи так

называемыми “практиками”, либо о том, что представители одной нации занимают руководящие должности, а представители другой в основном имеют исполнительские функции, выполняя сравнительно простые, стереотипные операции.

Численность удмуртов, занятых умственным трудом, постоянно увеличивается. Тем не менее, как показала перепись населения 1989 г. интеллектуальный труд по прежнему более свойственен русскому населению республики. Так, в 1979 г. умственным трудом было занято 19,1% удмуртов, к 1989 г. эта доля увеличилась до 24,7%; соответствующие цифры среди русских составили 33,1 и 36,1%²¹. По прежнему низким, по сравнению с русскими остается и уровень образования коренного населения республики. Среди удмуртов в возрасте 15 лет и выше насчитывается (перепись 1989 г.) 5,7% лиц с высшим образованием и 13,7% со средним специальным, среди русских соответственно 11 и 17,9%. Разница в уровне образования не будет преодолена и в ближайшие годы: на начало 1989/90 уч. года доля студентов-удмуртов в вузах республики составляла 23,4%²² (доля удмуртов в населении республики 30,9%).

Таким образом, отставание в квалификационном составе удмуртов преодолено не полностью. Отдельные различия в социальном развитии удмуртов и русских сложились в связи с тем, что равные возможности в получении образования и квалификационной подготовки по-разному используются удмуртской и русской молодежью. Сохраняется стремление удмуртов к сельскому образу жизни, нежелание удмуртской молодежи получать индустриальное образование. Большинство поступают учиться в медицинские, педагогические, сельскохозяйственные учебные заведения и в меньшей степени в учебные заведения промышленного профиля. Так, в 1990/91 уч. году среди студентов Ижевского механического института удмурты составляли менее 10%, тогда как в сельскохозяйственном 56,2%.

До сих пор сказываются “исходные позиции” социального развития удмуртского крестьянства - они больше заняты в сельском хозяйстве и меньше в промышленности. Вместе с тем меньший отток удмуртов из села приводит к тому, что удмуртский отряд трудовых ресурсов сельскохозяйственного производства, в отличие от сельского населения в целом, по качественному составу обладает лучшими характеристиками (среди них выше, чем среди русских, доля мужчин, выше доля лиц с высоким уровнем образования, меньше желающих мигрировать в города). Поэтому при разработке мер по развитию сельского хозяйства большой эффект принесет опора на трудовой опыт коренного населения.

Причина социальных различий удмуртов и русских кроется и в том, что профессиональные занятия людей тесно связаны с

функциональной ролью и размером населенного пункта. Большая часть удмуртов проживает в малоурбанизированных селениях; так, в рядовых населенных пунктах, по данным статистико-этнографического исследования 1979 г. проживало 62% удмуртов и 47% русских²³. Известно, что в более урбанизированных селениях система рабочих мест отличается большим разнообразием, социальная структура населения в них более приближена к городской - выше доля рабочих, интеллигенции и служащих, иное распределение жителей по сферам приложения труда, в несколько раз выше доля лиц с высшим и средним специальным образованием.

Далеко не все сохраняющиеся различия могут трактоваться как "остаточные", они внутренне свойственны нашему обществу, связаны с теми путями и методами, которыми решались проблемы преодоления социальных различий между этносами. Привлечение в больших масштабах квалифицированной рабочей силы, особенно в 70-е и 80-е гг., из других областей страны²⁴, недостаточное внимание к подготовке промышленных кадров из среды коренного населения, а также не до конца разрешенные социальные проблемы в селе, где проживает основная масса удмуртов (в частности, низкий уровень школьного образования), приводят к складыванию своеобразных ценностно-трудовых ориентаций. С этой точки зрения "неподготовленность" этноса к процессам урбанизации, к НТР, склонность к сельскому образу жизни может рассматриваться как один из важнейших критериев ее социального развития.

Процесс выравнивания социальной структуры этносов продолжается, однако в условиях современного общества здесь сохраняется известная неоднородность, в отдельных проявлениях взаимодействия социальной и этнической структур наблюдаются некоторые особенности. Эти различия, вероятно, сохраняются и в будущем; к тому же стремление к созданию идентичной социальной структуры для всех этносов не всегда целесообразно²⁵. В перспективе, по-видимому, сближение наций должно происходить, главным образом, не за счет сближения пропорций основных социальных групп, а за счет преодоления существенных социально-бытовых различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, увеличения сходства общественных групп по характеру труда²⁶.

Считается, что стирание классовых различий, сближение умственного и физического труда, условий жизни в городах и сельской местности способствуют активизации этнических процессов, поскольку они, как и любые явления надстроечного характера, определяются в конечном итоге социально-экономическим базисом²⁷. С другой стороны, характеризуя современные этнические процессы, необходимо учитывать, что с середины 60-х гг. социально-

экономическое и культурное развитие страны находилось в состоянии стагнации. Это, естественно, не могло не сказаться и на характере этнических процессов.

Этнические процессы могут быть подразделены на две основные разновидности: внутринациональные и межнациональные²⁸. К первым относятся, прежде всего, процессы этнической консолидации слияние родственных этнических единиц, другую разновидность представляют этническая ассимиляция и интеграция.

После Октябрьской революции значительно продвинулись вперед процессы консолидации удмуртского народа. Этому способствовали создание автономии, оформление общего литературного языка, развитие средств массовой информации. Возросла мобильность населения, в том числе и социальная по данным обследования населения 1979/80 гг., 71% сельских удмуртов сменили место жительства, лишь 17% горожан родились в городе; значительная часть населения (30% горожан и 35% сельских жителей) в течение своей жизни повысили свой социальный статус.

В настоящее время практически утрачены представления о принадлежности к племенным группам-воршудам. Только у небольшой части удмуртов (проживающей в Кировской области) сохраняется представление о принадлежности к племенным объединениям Ватка и Калмез, причем члены каждой группы лишь себя причисляют к настоящим удмуртам, не признавая таковыми других. Такие взаимоотношения вызваны тем, что они проживают в разных населенных пунктах, хотя и близко контактируют; их отношения в прошлом были не всегда дружественными, а основывались на принципах соподчинения, что сохраняется в народной памяти. Среди основной массы удмуртов сохраняются лишь представления о южных и северных группах, именуемых по современной административной принадлежности: глазовские, алнашские и т. д.

С другой стороны, экономически слабые связи между различными районами республики, вызванные ведомственной разобщенностью промышленных предприятий, наличие двух центров (на севере и юге) несколько задерживали консолидацию удмуртского этноса. Это способствовало сохранению до настоящего времени определенных различий между северными и южными группами удмуртов. Процессы консолидации в некоторой степени тормозятся и тем, что удмуртский литературный язык, созданный преимущественно на базе южноудмуртского и центрального диалектов, в меньшей степени понятен для некоторых групп северных удмуртов. К тому же удмуртская творческая интеллигенция формировалась в основном из выходцев южных районов.

Считается, что наиболее быстро консолидационные процессы

происходят среди групп населения, которые перемещаются в города, что города становятся центрами этого процесса. Вместе с тем, роль городов Удмуртии, как показали исследования, в сближении северных и южных групп удмуртов, а тем самым в консолидации удмуртского этноса не столь велика, так как северная группа удмуртов тяготеет в основном к Глазову, а южная - к Ижевску и Можге. К примеру, в столице республики лишь 15% удмуртского населения составляют выходцы из северных районов республики. Не изменится ситуация, по-видимому, и в ближайшем будущем: 93% потенциальных мигрантов в северных районах республики, по данным обследования 1979/80 гг., намеревались сменить место жительства в пределах своей зоны. В силу указанных причин процесс этнической консолидации удмуртов в настоящее время мало заметен, хотя несомненно, что сближение этнических групп северных и южных удмуртов происходит. Однако этот процесс сложен и диалектически противоречив. Его нельзя считать завершенным, что подтверждается наличием некоторых особенностей в материальной и духовной культуре различных подразделений этноса.

Индустриализация страны, рост городов и приток туда коренного населения, миграция населения в другие области страны, увеличение числа межнациональных браков способствовали развитию ассимиляционных процессов. Одним из свидетельств этого является рост доли лиц, признающих родным языком язык другой национальности, хотя утрата родного языка еще не означает полной ассимиляции.

Языковая ассимиляция среди удмуртов выражена довольно сильно, этот показатель один из самых высоких среди народов Урало-Поволжья. В стране этот процесс, как правило, идет более быстрыми темпами среди мужского населения, чем среди женского. Однако в Удмуртии в последние годы ситуация заметно изменилась: смена родного языка, особенно в городах, более характерна для удмуртских женщин, что связано, несомненно, с их большей миграционной активностью; они чаще, чем мужчины вступают в межнациональные браки. В отличие от русского населения, среди удмуртов женщины гораздо интенсивнее переселяются в города, что существенным образом может сказаться на этнических процессах.

Ассимиляционные процессы завершаются в конечном итоге сменой этнической принадлежности. В качестве главного канала в этом процессе выступают межэтнические браки, дети от которых выбирают этническую принадлежность одного из родителей. В сельской местности выбор детьми от смешанных браков удмуртской или русской национальности соотносится примерно как 1:1; среди городского населения процесс ассимиляции идет, естественно, значительно быстрее, так как социализация подростков в городе происходит в среде, где преобладают русские. Этническая структура

среды при выборе национальной принадлежности детьми от смешанных браков имеет, как известно, определяющее значение. Поэтому в городах лишь около четверти детей в национально-смешанных семьях принимают удмуртскую национальность. Однако нужно отметить, что дети, родившиеся в национально-смешанных семьях, по достижении совершеннолетия русскую национальность выбирают реже, чем того хотели бы их родители: так, в 1980 г. лишь 21% удмуртов села, состоящих в смешанных браках, и 13% в городах считали своих несовершеннолетних детей удмуртами.

В городах в наибольшей степени подверженными ассимиляционным процессам оказались рабочие, особенно работники ведущих отраслей промышленности. При этом с ростом квалификационного уровня процессы ассимиляции протекают более интенсивно. Однако учитывая, что в составе занятого населения городов рабочие данной отрасли составляют небольшую долю, этнические процессы среди них не оказывают определенного влияния на их протекание в целом.

Более быстрые темпы ассимиляции наблюдаются среди северных групп удмуртов. В дореволюционное время этому способствовали незавершенность процессов консолидации среди них (длительное время здесь сохранялись представления о принадлежности к племенным и территориальным группам Ватка, Калмез, улланьёс, вылланьёс); отсутствие устойчивых экономических связей с другими группами удмуртов, более длительные в историческом плане, контакты с русским населением.

Материалы обследований свидетельствуют также о том, что на ассимиляционные процессы существенно влияет характер расселения: в районах с компактными группами удмуртских населенных пунктов они выражены слабо. Сильное влияние оказывает и этнический состав непосредственного окружения, населенного пункта. При этом в социально более развитых поселениях показатели ассимиляции растут быстрее.

Магистральную линию этнического взаимовлияния народов представляет не ассимиляция, а межэтническая интеграция²⁹, проявляющаяся, прежде всего, в сближении культуры народов, появлении общих черт в образе жизни. В основе этого процесса лежит сближение наций в экономической, социальной и политико-идеологических областях. При этом тенденция сближения диалектических сочетается с тенденцией развития национальных культур³⁰.

В интеграционных процессах велика роль городов, они являются сферой интенсивных межэтнических контактов - здесь формируется общий интернациональный слой духовной и материальной культуры, вырабатываются новые, принятые и на селе, и в городе позитивные черты общественного быта. Считается, что в городах многие черты национальной культуры не угасают, а, наоборот, развиваются и

обогащаются³¹. Однако среди удмуртов урбанизация в целом сопровождается утратой этнических ценностей; среди русских наоборот, горожане более привержены им, чем сельские жители. Это связано с тем, что удмурты в городских условиях оказываются в иноэтнической среде, к которой они вынуждены приспосабливаться. Традиционная культура здесь почти не функционирует, кроме того, удмурты ощущают недостаточно высокий, по сравнению с общесоветской культурой, функционирующей на русском языке, уровень развития национальной профессиональной культуры.

Вместе с тем среди удмуртов-горожан первого поколения (в 1980 г. они составляли 82,7% от числа всех горожан) этнические процессы отличаются значительным разнообразием. Вопреки распространенному мнению, что город действует на сельских мигрантов по пути снижения "этничности", материалы обследований в Удмуртии показывают, что среди них наблюдается некоторое усиление внутриэтнических ориентаций. По приезду в город бывшие сельские жители предпочитают работать в национальной среде, поддерживать дружеское общение с представителями своей национальности (повидимому, в связи с тем, что они ощущают недостаток национального общения), не увеличивается доля межнациональных браков, заметно сохранение интереса к традиционной народной культуре, поддерживаются навыки и этнические предпочтения в области национальной кухни и т. д. В то же время интерес к удмуртской профессиональной культуре снижается, падает активность в ее усвоении. Этому способствуют относительная ограниченность источников национальной культурной информации, недостаточно высокое ее развитие по сравнению с общесоветской культурой.

Среди горожан второго поколения характер этнических процессов и их направленность уже имеют другие характеристики. Они отличаются низкой приверженностью национальной культуре, большинство незнанием удмуртского языка, что связано с отсутствием межпоколенной передачи культурных традиций, низкой плотностью информационных связей между старшим и младшим поколениями, что в конечном итоге способствует развитию ассимиляционных процессов.

Говоря о процессах интеграции, культурном сближении народов, необходимо подчеркнуть, что речь идет не об одностороннем влиянии русской культуры на удмуртскую, значительно развит и обратный процесс. Как показали исследования, среди неудмуртского населения республики довольно высоко знание удмуртского языка, что является основой для приобщения к культуре удмуртского населения. Так, в 1980 г. 60% русских в селе и 20% в городе в той или иной мере понимали удмуртский язык, причем в большей степени это было характерно для лиц с высоким уровнем образования,

специалистов высшей и средней квалификации. Многие интересуются удмуртской литературой, любят удмуртскую музыку.

Стремление к овладению удмуртской национальной культурой проявляется и в том, что часть родителей русских хотела бы, чтобы их дети в той или иной мере изучали в школе удмуртский язык и литературу, причем среди горожан это стремление выражено не в меньшей степени, чем среди сельских жителей. Примечательно, что интерес русского населения к удмуртской народной культуре выше, чем к профессиональной. Рассматривая процессы культурной интеграции, можно сказать, что интернациональное звучание получают те элементы культуры, которые в большей степени “национальны”.

Анализ развития социальной структуры этносов показывает, что их сближение происходит в соответствии с этапами развития общества; достигнута определенная близость по важнейшим показателям, характеризующим социально-классовый состав удмуртов и русских, проживающих в Удмуртии. Вместе с тем существуют факторы, затрудняющие социальное развитие коренного населения (характер расселения, развитие отраслевой структуры хозяйства и т. д.). Необходимо способствовать более широкому вовлечению удмуртов в ведущие отрасли промышленности, науку, сферу управления.

Слабо изучена и этническая сторона социальных процессов, особенно касающаяся периода 60-80-х гг. На данном этапе можно лишь отметить, что стагнация экономического и политического развития привела к усилению ассимиляционных и интеграционных процессов и ослаблению этноконсолидационных. Этому в немалой степени способствовало и усиленное культивирование (на наш взгляд, преждевременное) представления о том, что народы Советского Союза уже принадлежат к общности более высокого порядка.

Требуют более детального изучения этнические процессы среди бесермян, тезис об их консолидации с удмуртами был некогда вынесен без какого-либо научного обоснования. В 1990 г. создано Общество бесермянской культуры, одним из целей которого является восстановление статуса бесермян как отдельной народности.

¹ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. Изд. 2. С. 123.

² Тронин А. А., Шкляев Г. П., Салтышев М. М. В семье народов. Ижевск, 1969. С. 73.

³ Там же. С. 77.

- ⁴ Шибанов К. И. Сельское хозяйство Удмуртии: страницы истории. Ижевск, 1991. С. 80, 87.
- ⁵ Кузнецов П. К. Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975. С. 270.
- ⁶ Удмуртия за 15 лет в цифрах. Ижевск, 1935. С. 172.
- ⁷ Кобзев И. Под лозунгом расцвета культуры//Удмуртская правда. 1989, 9 февраля.
- ⁸ Белорукова Г. П. Социально-классовые группы сельского населения (материалы к изучению образа жизни)//Социально-этнические аспекты развития современного села. Ижевск, 1984. С. 56.
- ⁹ Тронин А. А., Шкляев Г. П., Салтышев М. М. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁰ Белорукова Г. П. Социально-классовые группы сельского населения (материалы к изучению образа жизни)//Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. Ижевск, 1983. С. 30.
- ¹¹ Распределение населения Удмуртской АССР по национальности. Ижевск, 1990.
- ¹² Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972. С. 6.
- ¹³ Коршунов А. М., Шкаратам О. И. Воспроизводство этносоциальной структуры городской общности//Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР: Тезисы. Устинов, 1985. С. 15.
- ¹⁴ Белорукова Г. П. Социально-профессиональный состав современного городского населения Удмуртской АССР//Современное городское население Удмуртии. Устинов, 1986. С. 32.
- ¹⁵ Здравомыслов А. Г. Взаимодействие социальной политики и национальных отношений//Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. С. 30; Международный симпозиум исследователей социальной структуры//Социологические исследования. 1987. № 2. С. 138.
- ¹⁶ Рабочая книга социолога. М., 1976. С. 81.
- ¹⁷ Белорукова Г. П. Социальные перемещения в национальных группах сельского населения Удмуртской АССР (внутрипоколенные)//Статистико-этнографические исследования в Удмуртии. Устинов, 1985. С. 37.
- ¹⁸ Белорукова Г. П. Социально-классовые группы сельского населения// Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. С. 31.
- ¹⁹ См: Белорукова Г. П. Социально-профессиональный и этнический состав современного городского населения Удмуртской АССР.
- ²⁰ Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре//Социальная политика и национальные отношения. С. 118.
- ²¹ Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР (статистический справочник). М., 1991. С. 63.
- ²² Основные показатели социально-экономического развития национально-государственных образований РСФСР (краткий статистический справочник). М., 1991. С. 43, 48.

- 23 Шкляев Г. К. О влиянии типа поселения на социальные характеристики населения//Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. С. 23.
- 24 Рабочий класс Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 258.
- 25 Международный симпозиум исследователей социальной структуры. С. 137.
- 26 Нация и личность при социализме. Научно-аналитический обзор. М., 1986.
- С. 22.
- 27 Бромлей Ю. В. Этнические аспекты национальных процессов в обществе развитого социализма//Социальная политика и национальные отношения. С. 53.
- 28 Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 55.
- 29 Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 356.
- 30 Бромлей Ю. В. Этнические аспекты национальных процессов в обществе развитого социализма. С. 59.
- 31 Нация и личность при социализме. С. 23.

Глава XVI. ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Языковые процессы тесно связаны с социальными и составляют одну из граней последних. Под этноязыковыми процессами подразумевают развитие и изменение структуры языков, их общественных функций, взаимодействие их в реальном речевом поведении в различных областях жизни: производственной, общественно-политической и семейно-бытовой¹. Соответственно выделяются три аспекта их изучения: структурный, выражающий фонетические и лексико-грамматические изменения языка; функциональный, подразумевающий развитие социальных функций языка в различных сферах человеческого общения; поведенческий, состоящий в речевом поведении этнофоров в различных областях жизни².

В реальной жизни все они тесно взаимосвязаны между собой. Так, формирование фонетических и лексико-грамматических норм удмуртского языка происходило в связи с расширением его функций в различных сферах общения, прежде всего, в школьном преподавании и книгоиздательстве. Поэтому здесь больше внимания уделяется именно этим областям функционирования языка. Это обусловлено также и тем, что названные сферы использования языка имеют по сравнению с другими (радио, ТВ) более длительную историю и поэтому позволяют рассмотреть его функционирование в исторической динамике.

Зарождение удмуртской письменности относится к XVIII в., когда на основе русской графики была создана первая грамматика удмуртского языка³. Первые книги на удмуртском языке были переводами церковной литературы. Их издание готовили специальные переводческие комиссии православного миссионерского общества для использования в миссионерских школах (рис. 1).

Активизация светского книгопечатания на удмуртском языке связана с подъемом революционного движения в стране в период первой русской революции. Например, за 1904-1905 гг. на удмуртском языке было издано 36 названий печатной продукции, в том числе революционные прокламации, листовки, перевод "Марсельезы"⁴. Они были призваны пробудить национальное

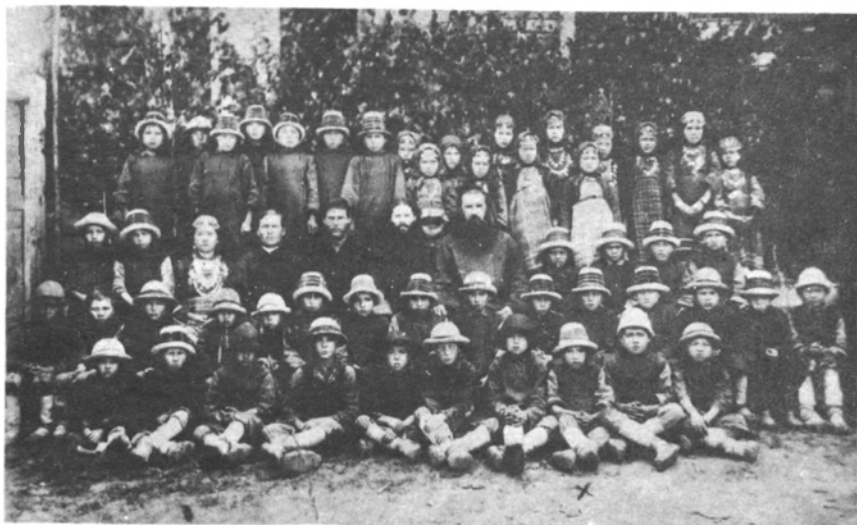

Рис. 1. Учителя и учащиеся Тлогуртской миссионерской школы. Малмыжский у., Вятская губ. Конец XIX в. (фотоархив Кутявина А. Н.)

самосознание народа, служить средством борьбы за освобождение от социального и национального гнета. Правда, по причине массовой безграмотности книга оставалась недоступной большинству населения.

После поражения революции 1905-1907 гг. издание книг на удмуртском языке резко сократилось, в 1909 г. выпущено всего две книги. Новый подъем начался с 1912 г., уже в следующем году было издано 24 книги⁵. В 1915 г. в Вятке начала выходить первая удмуртская газета “Войнаысь ивор” (“Вести с войны”), в которой рассказывалось о фронтовых событиях.

Подсчитано, что всего в дооктябрьский период на удмуртском языке было издано около 250 названий книжной продукции. В их числе научно-популярная и учебно-методическая литература, словари, календари, художественные произведения. Написаны они на разных диалектах как северного, так и южного наречий. Такое разностороннее проявление письменности создавало предпосылки для формирования впоследствии литературного языка. Но в условиях царизма удмуртская письменность не получила полной реализации своих возможностей, так как около 85% удмуртского населения было неграмотным⁶. Удмуртский язык оставался, таким образом, преимущественно разговорным.

В первые годы после Октябрьской революции издательской деятельностью занимались удмуртские подотделы при губернских и уездных исполкомах Советов, политотделы 2-й и 3-й армий

Восточного фронта; с 1919 г. издательское дело возглавил Удмуртский комиссариат. В 1918 г. на удмуртском языке издано 19 книг, в 1919 г. - 217. Это были брошюры массово-политического характера, например: “Кинэн тй, крестьяньёс? Кинэн мыньськоды? Кинлы юрттйськоды?” (“С кем вы, крестьяне? С кем идете? Кому помогаете?”) или “Мае партиос шуо? Кыче партиос вань?” (“Что такое партия? Какие есть партии?”), учебники, сборники фольклорных произведений, пьесы, сборники стихов; переведены на удмуртских язык “Манифест Коммунистической партии”, биографии К. Маркса и В. И. Ленина, Конституция РСФСР, “Интернационал”, Программы РКП(б) и комсомола. Литература на удмуртском языке служила средством политического воздействия на массы, идейным оружием партии в борьбе за утверждение Советской власти.

К послеоктябрьскому периоду относится становление периодической печати на удмуртском языке, вызванной к жизни острой потребностью в печатном слове, разъясняющем происходящие исторические события. Одни газеты в силу разных причин (нехватка средств, удмуртских журналистов, приближение фронта, политическая платформа, идущая вразрез с большевистской) прекращали существование, вместо них выходили другие. Так, в годы гражданской войны в Вятке, Казани, Елабуге выходили красноармейские газеты “Югыт сюрес” (“Светлый путь”), “Горд солдат” (“Красный солдат”), издававшиеся политотделами 2-й и 3-й армий Восточного фронта, а также выражавшие эсеровские позиции и сменявшие одна другую газеты “Виль синь” (“Новое око”), “Кам тулкым” (“Камская волна”), “Горд гырлы” (“Красный колокол”), “Сюрло” (“Серп”). В Елабуге в 1918 г. родилась газета “Гудыри” (“Гром”) - основоположник удмуртской большевистской печати (с 1930 г. “Удмурт коммуна”, с 1943 г. “Советской Удмуртия”). Вокруг нее сосредоточились творческие силы зарождающейся удмуртской журналистики и молодой национальной литературы⁸. С 1992 г. газета носит название “Удмурт дунне”.

Удмуртский комиссариат, осознавая важность воспитания подрастающего поколения, с первых дней своей деятельности способствовал созданию молодежной газеты. Ее становление шло через издание детских журналов “Муш” (“Пчела”), “Кузьыли” (“Муравей”), “Пичи дэменчи” (“Маленький коллективист”), газеты “Егит дурись” (“Молодой кузнец”), молодежного уголка “Горд кизили” (“Красная звезда”) в “Гудыри”, выходивших в 20-е гг. и подготовивших стабильные издания: пионерскую газету “Дась лу!” (“Будь готов!”) ныне “Зечбур” (“Здравствуй”) и комсомольско-молодежную “Егит большевик” (“Молодой большевик”), с 1953 г. по 1967 г. “Удмуртигъсь комсомолец”. В 1920-30 гг. выходили также журналы “Удмурт калыклы кулэ кенешъёс” (“Полезные

советы удмуртскому народу”), “Просвещение удмуртов” на русском и удмуртском языках, “Коммунистическое просвещение”. С 1926 г. издается литературно-художественный и общественно-политический журнал “Кенеш” (“Совет”), переименованный в 1931 г. в “Пролетар кылбурет удысын” (“На фронте пролетарской литературы”), с 1935 г. – “Молот”, в 1990 г. журналу возвращено первоначальное название.

Все эти издания притягивали к себе творческие силы, работники издательства и редакций давали советы рабселькорам, устраивали обсуждения проблем, связанных с развитием удмуртского языка, выполняя некоторым образом роль организующего начала в руководстве этноязыковыми процессами. Однако отсутствие единых правил правописания создавало трудности в издательской работе. Повседневная практика национально-языкового строительства ставила все новые вопросы совершенствования удмуртской письменности. В 20-е гг. была проведена большая работа по унификации алфавита, разработке орфографии и пунктуации, выяснению теоретических основ создания единого литературного языка⁹. В дальнейшем в процессе расширения и углубления языковедческих исследований правила орфографии и пунктуации совершенствовались, корректировались.

Книжная продукция издательства постепенно увеличивалась: в 1928 г. было выпущено 35 названий книг, в 1932 г. – 94. Росли и тиражи, в указанные годы они составили соответственно 85 и 525,7 тыс. экземпляров. Все книги этих лет изданы на удмуртском языке¹⁰. Наряду со сбором и изданием удмуртского фольклора и произведений удмуртских писателей, печаталась переводная с русского языка литература, составлявшая значительную часть продукции. Это было, с одной стороны, хорошей школой для развития удмуртского литературного языка, с другой – давало удмуртам возможность приобщиться к русской культуре, литературе.

В связи с расширением книгоиздательского дела, увеличением тиражей газет и учебной литературы остро встала проблема терминологии на удмуртском языке. Спорные вопросы обсуждались на страницах печати, на совещаниях писателей, журналистов, учителей, партийных работников: по ним принимались партийные решения¹¹. Результатом всех принятых мер по языковому строительству явилось формирование единого удмуртского литературного языка, что стало основанием и условием для развития многожанровой удмуртской художественной литературы, публицистики, театрального искусства, радиовещания и телевидения.

Наряду с выпуском удмуртских книг издательство постепенно начало осуществлять русскоязычные издания, уже в 1937 г. литература на русском языке составила около половины названий

(56 из 117)¹². В последующие годы доля удмуртской книги в продукции издательства за счет сокращения изданий переводной литературы продолжала уменьшаться (табл. 1), что стало возможным благодаря развивавшемуся двуязычию. Оригинальные произведения национальной литературы стали издаваться в переводе на русский язык. Сейчас их читает не только неудмуртское население, но и удмурты, не владеющие или слабо владеющие родным языком. По материалам обследования 1980 г., более трети сельских и две трети городских удмуртов книги удмуртских авторов предпочитали читать в переводе на русский язык.

Таблица 1

Выпуск книг удмуртским книжным издательством

Показатели	Годы					
	1932	1940	1950	1960	1975	1985
Количество названий	94	113	102	180	116	80
в т. ч. на удмуртском языке	94	65	66	40	35	16
Тираж за год (в тыс. экз.)	525,7	616,8	533,9	600,0	2358	620,6
в т. ч. на удмуртском языке	525,7	388,0	367,5	220,0	145,0	69,0
Средний тираж книг на удмуртском языке	5614	5970	5568	5500	4150	4300

Источники: Статистический сборник к 60-летию Удм. АССР/Статуправление Удм. АССР. С. 51; Книги издательства "Удмуртия". 1981-1988 гг.: Тематический и статистический сборник. Устинов, 1987. С. 6, 22.

В то же время развитие оригинальной литературы продолжает набирать силу, общественные функции удмуртского литературного языка углубляются, о чем свидетельствует, в частности, дискуссия о развитии литературного языка, развернувшаяся на страницах удмуртской периодической печати в 1986 г.

Учитывая широкое двуязычие удмуртов и наличие интереса к удмуртской культуре со стороны неудмуртского населения, издательство "Удмуртия" в последние два десятилетия стало выпускать двуязычные удмуртско-русские стихотворные сборники, а также произведения удмуртского фольклора¹³.

История книгоиздания на удмуртском языке тесно связана с развитием школьного образования: одной из насущных задач книгопечатания было издание учебной литературы.

Начало школьного образования на территории расселения

удмуртов связано с распространением христианства. Первые школы в крае имели миссионерский характер. Учителями в них были приходские священники, члены причта, ставившие целью воспитать религиозные чувства, заучивать молитвы и привить самые элементарные навыки чтения и письма¹⁴. Миссионерские школы положили начало обучению детей на их родном языке. Для этого православное миссионерское общество начало издавать на удмуртском языке переводы Евангелия, а также элементарные учебные пособия. К 1847 г. относится издание в Казани первых двух азбук¹⁵, в 1867 г. в Вятке была издана подготовленная Н. Блиновым азбука “Лыдзон”, написанная на северо-удмуртском наречии. Учитывая диалектные различия в языке, в 80-е гг. XIX в. были выпущены буквари для удмуртских детей Сарапульского и Елабужского уездов, выдержавшие к началу XX в. по несколько изданий. В них обычно давался алфавит, наиболее употребительные удмуртские слова с переводом на русский язык и тексты молитв на удмуртском языке с русскими заголовками.

Из учебной литературы начала XX в. следует отметить “Букварь” и книги для чтения на удмуртском языке, подготовленные И. С. Михеевым и И. В. Яковлевым. “Сочинения по картинкам” Михеева (выдержали с 1907 по 1917 г. 17 изданий) использовались во многих учебных округах с нерусским населением не только в Российской империи, но и за ее пределами (Турция, Китай, Япония). В 1910 г. в Казани был издан “Наглядный арифметический задачник на вятском языке”.

Учителей для удмуртских школ готовили Казанская учительская семинария, Карлыганская центральная удмуртская школа, а также Базезинская и Сосновская второклассные церковноприходские школы¹⁶.

Таким образом, еще в XIX в. удмуртский язык начал функционировать как язык школьного образования. Однако лишь немногим удмуртским детям удавалось завершить начальное образование, большинству, особенно девочкам, и оно было недоступно. Так, в Ляльшурскую школу с 1887 по 1894 г. поступало учиться 200 мальчиков и 32 девочки, завершили курс обучения лишь 35 мальчиков и 4 девочки. Не улучшилось положение и в начале XX в. Например, в удмуртских школах Глазовского уезда в 1914 г. обучалось 175 мальчиков и 81 девочка, окончили курс только 5 мальчиков¹⁷.

Реальные возможности для получения образования предоставила удмуртским детям Советская власть. Уже I Всероссийский съезд удмуртов, состоявшийся в июне 1918 г., признал необходимость обучения удмуртских детей на их родном языке. При Вятском губернском отделе народного образования был создан специальный

подотдел просвещения национальных меньшинств, в уездных комитетах создавались национальные секции. В сентябре 1919 г. III Всероссийский съезд удмуртов наметил меры по подготовке учителей-удмуртов, в июне 1920 г. I Всероссийский съезд удмуртов - работников просвещения и культуры, обсудив вопросы об удмуртском литературном языке и основах удмуртского просвещения, предложил издавать литературу на удмуртском языке.

В последующем решения о необходимости обучения на родном языке, об организации удмуртских школ, о вовлечении удмуртской молодежи и детей в комсомол и пионерскую организацию принимались на партийных конференциях и областных съездах Советов. Однако выполнялись эти решения лишь частично из-за острой нехватки учителей-удмуртов, учебников на удмуртском языке, а также школьных помещений. Партийные и советские органы прилагали всевозможные усилия для решения этих проблем. Во всех уездах организовывались краткосрочные (1-3 месяца) педагогические курсы, после чего выпускников направляли в пункты по ликвидации неграмотности, в школы первой ступени. Уездные отделы народного образования практиковали съезды-курсы учителей, с делегатами-удмуртами здесь изучали удмуртскую грамматику, знакомили с новыми удмуртскими книгами. В 1918-1920 гг. открылись педагогические техникумы в Ижевске, Можге, Глазове, Новом Мултани, уделявшие большое внимание подготовке учителей-удмуртов. Газета "Гудыри" разъясняла задачи и значение ликвидации безграмотности, призвала учиться женщин-удмурток.

С 1924 г. для школ I ступени начали выпускать оригинальные учебники, созданные К. Гердом, А. Ларионовым, К. Лекомцевым и А. Вильмоном, имевшими опыт учительской работы. Показательны названия тех букварей: "Воно улон-огъя улон" ("Будущая жизнь коллективная жизнь"), "Колхоз бусы" ("Колхозное поле"), "Пинал ударник" ("Юный ударник"), "Виль гурт" ("Новая деревня"), "Виль сюрес" ("Новый путь") и т. п. Почти во всех учебниках помещали биографию В. И. Ленина или воспоминания о нем, отмечали революционные даты. В учебниках для малограмотных взрослых давались советы по агротехнике, санитарии и гигиене и т. п.¹⁸

Первые положительные результаты принятых мер отразила перепись 1926 г., по данным которой грамотность удмуртов в Удмуртии составила 25,5%, в том числе почти 12% среди женщин¹⁹. Дальнейшее расширение подготовки учителей-удмуртов и создание более совершенных учебников на удмуртском языке привели к полному обеспечению ими всех начальных и семилетних школ²⁰. В 1930-е гг. с открытием педагогического института удмуртский язык стали преподавать в вузе, где одновременно шла разработка теоретических основ удмуртского языкознания.

В начале 30-х гг. было отмечено, что в младших классах перестали уделять внимание русскому языку, хотя еще первый съезд работников просвещения и культуры удмуртов указал на важность его преподавания. Многие учащиеся удмурты после окончания младших классов не понимали русского языка, что становилось помехой в их дальнейшей учебе в старших классах, техникумах и вузах. В июне 1934 г. Удмуртский ОК ВКП(б) принял специальное постановление “Об изучении русского языка в удмуртской школе”, которое обязывало работников просвещения и партийные организации принять меры по улучшению преподавания русского языка²¹.

Выполнение постановления привело к другой крайности. По мере усвоения большинством удмуртов русского языка значение родного языка в школьном обучении в послевоенный период стало снижаться. Выпуск учебников на нем для старших классов уменьшается, часть тиража стала издаваться на русском языке. В 50-е гг. в удмуртских классах пользовались одновременно русскоязычными и переводными удмуртскоязычными учебниками, а с 1960 г. издание последних прекратилось.

В 1960-1962 гг. на родительских собраниях всех школ республики обсуждался вопрос о языке обучения. Родители, по утверждению одного из исследователей истории удмуртской школы К. А. Пономарева, повсеместно пожелали обучать своих детей на русском языке с 5-го класса²². В 60-е гг. осуществлен переход на русский язык обучения, начиная с 5-го класса, а в 70-е гг. - с 1-го класса с сохранением родного языка как предмета до 8-го и удмуртской литературы до 10-го класса. В эти же годы стал решаться голосованием родителей и вопрос об удмуртском языке как предмете изучения. В результате число национальных школ заметно сократилось, а в ряде административных районов они совсем исчезли, вследствие чего многие удмурты сейчас не умеют читать и писать на удмуртском языке.

В настоящее время в Удмуртии существуют школы трех типов: национальные, где ведется преподавание удмуртского языка и литературы (к этому типу относятся также школы с преподаванием марийского и татарского языков); смешанные, где имеются удмуртские и русские классы; русские школы. Все школы первых двух типов расположены в сельской местности. В 1991/92 учебном году из 835 школ республики удмуртский язык преподавали в 360 (в том числе 150 начальных, 54 восьмилетних, 156 средних). Учителей удмуртских начальных школ готовят Можгинское и Дебесское педучилища, а преподавателей удмуртского языка и литературы удмуртское отделение филологического факультета Удмуртского государственного университета.

Развитие общественных функций удмуртского языка в сфере школьного образования прошло, таким образом, несколько этапов: от эпизодических, нерегулярных случаев организации удмуртских школ в дооктябрьский период к развитой системе начальных и семилетних школ с родным языком обучения в советское время. Однако с середины 1950-х гг. обучение на удмуртском языке постепенно сокращается (сохраняясь в настоящее время лишь в подготовительных классах) при одновременном увеличении функциональной нагрузки русского языка.

Сужение функций удмуртского языка в школьном обучении в определенной мере изменило отношение к истории и культуре своего народа, привело к тому, что у некоторой части удмуртского населения появилось отрицательное отношение к удмуртскому языку. Так, по данным опроса населения 1980 г., лишь треть городских удмуртов и 60% сельских считали необходимым изучение удмуртского языка в школе, признавая его решающую роль в приобщении к национальной культуре. Однако в городах и та треть не имела возможности изучения своего языка. Лишь в 1991/92 уч. году в пяти школах Ижевска впервые укомплектовано по одному классу с преподаванием удмуртского языка.

Функционирование удмуртского языка не ограничивается школьной и книгоиздательской сферами. Средства массовой коммуникации в республике также работают на удмуртском и русском языках. На удмуртском языке выходят две из четырех республиканских, восемь из двадцати пяти районных газет и четыре из пяти журналов. Вместе с тем на удмуртском языке осуществляется лишь 40% из 3,7-часовой программы местного радиовещания и из 2-часовой программы телевидения. С осени 1988 г. Удмуртское телевидение начало вести уроки удмуртского языка, для чего отводится 15 минут в неделю.

Русский и удмуртский языки используются в театральной жизни республики, в различных культурно-просветительных мероприятиях. В науке и технике коммуникативные функции возложены преимущественно на русский язык, на удмуртском публикуются работы по литературоведению, научно-популярные статьи по археологии, этнографии и фольклору удмуртов.

Расширение общественных функций удмуртского языка сопровождалось его структурными изменениями. Развиваясь по своим внутренним законам, удмуртский язык вместе с тем испытал значительное воздействие русского языка, что представляется естественным при их параллельном функционировании. Процесс структурных изменений удмуртского языка происходил на всех уровнях. Изменения в фонетике, с одной стороны, связаны с заимствованием из русского языка фонем ф, х, с другой - исчезновением некоторых специфических удмуртских фонем (огуб-

ленных о и у и заднеязычного носового п), характерных отдельным диалектам, вследствие чего сблизились фонетические системы удмуртских диалектов и наречий между собой и с фонетической системой русского языка²³. За счет заимствования русских слов, интернационализмов и калек с русского языка значительно увеличился лексический состав удмуртского языка, показателем чего служит последнее издание удмуртско-русского словаря²⁴. Вместе с заимствованиями появились новые грамматические формы: аффиксы интернационализмов, суффиксы, образующие фамилии и отчества. Влиянию русского подвергался и синтаксический строй удмуртского языка: стало нормой употребление в удмуртской речи сложных предложений и некоторых других синтаксических конструкций²⁵. Современный удмуртский литературный язык вбирает в себя лексическое богатство почти всех диалектов. Его фонетические и морфологические нормы ориентированы на срединные говоры.

Одной из существенных сторон этноязыковых процессов является языковое общение, речевое поведение людей, составляющих данный этнос: степень использования своего и другого языков, их соотношение в различных областях жизни.

Давние исторические связи удмуртов с другими народами, смешанный этнический состав современного населения республики, сложившаяся практика школьного обучения преимущественно на русском языке привели к широкому распространению у удмуртов удмуртско-русского двуязычия.

Материалы Всесоюзных переписей населения показывают неуклонный рост доли двуязычных: русским языком в качестве второго языка в 1970 г. владели 68,3% удмуртов автономной республики, к 1979 г. их доля увеличилась до 70,6%, к 1989 г. - до 72,1%. Принимая в расчет тех, кто по-русски может только объясняться (но не читает и не пишет), не учитываемых переписями как владеющие вторым языком, окажется, что практически все взрослое удмуртское население, за исключением совсем незначительной части, двуязычно.

Прослеживаются различия в уровне знания русского языка в социальных, профессиональных, возрастных группах. Городские удмурты в 1980 г. в той или иной мере все знали русский язык, тогда как на селе им не владело 5% женщин. В возрастной группе 16-19-летних и в селе, и в городе русским владели свободно практически все, тогда как в группе 65-69-летних лишь 41,5% в селе, 53,5% в городе. Слабое знание русского языка отмечено среди лиц неквалифицированного физического труда с низким образованием, что также связано с возрастом.

При развитии двуязычия возникает проблема выбора родного языка. В его выборе в известной мере отражается субъективное

отношение индивида к этносу и его языку, его этнические ориентации. Данные о родном языке, особенно когда они даются в динамике, служат важной характеристикой не только этноязыковых, но и этнических процессов.

Сведения о родном языке удмуртов впервые были зафиксированы переписью населения 1926 г. Тогда свыше 99% сельских и 87% городских удмуртов назвали родным удмуртский язык. Материалы последующих переписей показывают сокращение численности удмуртов с родным удмуртским языком и соответственно возрастание численности тех, кто родным считает иной, большей частью русский язык (табл. 2).

Таблица 2

Доля удмуртов, признающих родным удмуртский язык, %

Массив информации	Годы			
	1959	1970	1979	1989
Удмурты СССР	89,1	82,6	76,5	69,6
Удмурты Удмуртии	93,2	87,7	82,3	75,7
в том числе сельские	96,8	94,5	92,1	87,5
городские	77,3	69,5	66,2	60,9
Удмурты Башкортостана		94,8	93,3	90,0
Удмурты Татарстана		95,8	91,6	86,8

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М., 1962. С. 181, 190, 196; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: Национальный состав населения СССР. М., 1973. Т. 4. С. 9, 146; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1983. С. 71, 80; Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 20, 40.

Как видим, доля удмуртов с родным удмуртским языком в пределах своей автономной республики выше, чем в целом по СССР, причем среди сельских жителей свой язык признается родным гораздо чаще, чем среди горожан, но и здесь их доля постепенно становится меньше. Растет доля лиц с родным языком не своей национальности и среди молодежи; так, согласно переписи 1979 г. среди 16-19-летних удмуртский язык считали родным 90,5% в селе и 72,7% в городе, в группе лиц 70 лет и старше соответственно 99,2 и 87%.

Проблема выбора родного языка заостряется в национально-смешанных семьях. В этом убеждают данные массовых обследований 1968 и 1979 гг. Для подавляющего большинства лиц, находящихся в однонациональном браке, свойственно признание родным

удмуртского языка; среди состоящих в удмуртско-русских браках свой язык признают родным $\frac{3}{4}$ сельских и чуть более половины городских удмуртов; удмурты, состоящие в браке с представителями других национальностей, кроме русских, признают удмуртский язык родным чаще, чем состоящие в браках с русскими.

Процесс признания родным русского языка углубляется среди потомков от национально-смешанных браков. Проведенные в республике исследования показали, что среди родившихся в однопациональных семьях удмуртский язык признают родным почти все в селе и $\frac{3}{4}$ в городе, тогда как среди потомков от национально-смешанных браков их количество резко сокращается, соответственно возрастает число признающих родным русский язык. Выбор родного языка зависит также оттого, кто из родителей принадлежит к другой национальности: при матери-удмуртке доля лиц, считающих родным удмуртский язык, несколько выше, чем при отце-удмурте.

Наибольшая доля признающих родным удмуртский язык отмечена в группе неквалифицированных работников физического труда; менее всего таковых как в городе, так и в селе в группе высококвалифицированных специалистов, значительная доля которых (десятая часть в селе и свыше трети в городе) назвала родным русский язык. Эта закономерность подтверждается и при анализе общественных групп: в среде колхозников практически все признают родным удмуртский язык, а признающих родным русский язык больше среди служащих.

Выбор родного языка связан с длительностью речевой деятельности на том или другом языке, с владением языками, с осознанием своей национальной принадлежности, с образом жизни; каждый решает его самостоятельно, ставя на первый план то или иное обстоятельство. Поэтому признание родным языком языка своей национальности в подавляющем большинстве, но не всегда, означает хорошее владение им, равно как признание родным русского языка не обязательно адекватно его хорошему знанию и незнанию удмуртского. Как показывают материалы исследований, в числе сельских удмуртов, назвавших родным удмуртский язык, в 1980 г. лишь 0,2% не владели им; в то же время среди назвавших родным русский язык, не знали удмуртский лишь 29,2%, остальные в той или иной мере владели им, в том числе треть свободно. Аналогичная ситуация отмечена и в городах: здесь среди тех, кто родным признавал русский язык, более половины умели разговаривать на удмуртском языке, а свыше 11% владели им свободно.

Степень владения языком своей национальности удмуртами, принадлежащими к различным социально-демографическим и социально-профессиональным группам, неодинакова. Так, среди лиц старше 30 лет в сельской местности практически нет не владеющих

языком своей национальности, в возрастных группах моложе 30 лет таких уже от 3 до 6%. Лица старше 70 лет все владеют разговорной речью, но по причине малограмотности не все умеют писать и читать. Степень владения удмуртским языком, как следует из материалов опросов, значительно слабее у потомков национально-смешанных браков. При этом лиц, не владеющих удмуртским языком, в селе больше при отце другой национальности, а в городе наоборот, причем разница весьма существенна: при отце другой национальности доля лиц, не владеющих удмуртским языком, составляет треть, но если мать принадлежит к другой национальности, удмуртского языка не знают около половины детей в смешанных браках. Заметно меньше при этом и тех, кто может хотя бы объясниться на удмуртском языке.

В общей сложности более 90% сельских и $2/3$ городских удмуртов владеют языком своей национальности свободно, то есть говорят, читают и пишут на нем; менее 10% сельских и четверть городских частично владеют удмуртским языком: разговаривают на нем или могут объясниться. Это, с одной стороны, пожилые малограмотные люди, которые, отлично владея разговорным языком, не умеют свободно читать и писать, с другой молодежь, не изучавшая удмуртский язык в школе, но усвоившая его на уровне разговорного. Следует при этом заметить, что удмуртская речь последних лексически бедна и маловыразительна, насыщена значительным количеством русских слов.

Среди удмуртов, живущих в своей республике, есть прослойка лиц, не владеющих удмуртским языком. В сельской местности это в основном потомки от национально-смешанных браков в семьях служащих, в городе местные (городские) уроженцы. Согласно материалам обследований, удмуртским в 1980 г. не владели 4% удмуртов, проживших в городе от 5 до 10 лет, и 39% родившихся в городе и живших там безвыездно. Как видим, урбанизация оказывает значительное влияние на этноязыковые процессы.

Кроме удмуртского и русского языков, 5% сельских и свыше 9% городских удмуртов республики владеют татарским языком. В сельской местности это более характерно для южных удмуртов. Большинство удмуртов, живущих в Татарской и Башкирской республиках, как правило, трехязычны. Среди городских удмуртов значительны доли умеющих общаться по-татарски в Можге, Сарапуле и Ижевске.

Для характеристики этноязыковых процессов недостаточно лишь фиксации уровня двуязычия или даже трехязычия. Дело в том, что владение языком и реальное его использование в жизни не всегда совпадают. Речевое поведение диктуется конкретной ситуацией:

национальностью аудитории или собеседников, сферой общения, степенью владения языками, содержанием информации и т. п.

Материалы обследований демонстрируют не только широкое распространение удмуртско-русского двуязычия, но и заметное варьирование соотношения удмуртского и русского языков в зависимости от сферы общения. Функционирование удмуртского языка (табл. 3) сокращается особенно в общественной жизни и на производстве. Удмуртский язык остается преобладающим лишь в общении сельской семьи, хотя, как видно, русский язык используется и здесь: часть удмуртов общается в семье на двух языках, а часть только на русском. Надо также отметить, что в смешанных удмуртско-русских семьях большинство удмуртов переходит на русский язык, тогда как в смешанных семьях удмуртов с представителями других национальностей заметна доля двуязычного русско-удмуртского общения.

Таблица 3

Речевое поведение удмуртов в различных сферах общения, %

Разговорный язык		Село		Город	
		1968 г.	1980 г.	1968 г.	1980 г.
В семье:	удмуртский	78,0	73,0	15,0	14,5
	удмуртский и русский	9,2	17,6	25,4	31,2
	русский	12,8	9,1	59,6	54,1
На производстве:	удмуртский	62,7	48,4	5,3	1,6
	удмуртский и русский	22,8	36,1	16,7	17,0
	русский	14,5	15,1	77,9	81,5
В общественной жизни:	удмуртский	47,1	25,2	6,9	0,4
	удмуртский и русский	22,3	21,3	3,6	1,7
	русский	30,6	52,6	89,5	97,7

Таблица составлена по данным статистико-этнографических обследований населения 1968 г. и 1979/80 г.

В городской семье употребление удмуртского языка не сокращается, напротив, с некоторым уменьшением русскоязычного общения и расширением двуязычия оно несколько выросло, что связано с общим увеличением численности городских удмуртов. В целом более половины удмуртов-горожан в домашнем быту общаются только на русском языке.

В производственной сфере большая часть сельских удмуртов общается также на удмуртском или на двух (удмуртском и русском) языках. Сокращение удмуртоязычного общения в этой сфере происходит за счет расширения двуязычия при сохранении уровня русскоязычного общения. В трудовых коллективах городов общение большинства удмуртов происходит на русском языке. Двуязычие здесь реализуется вдвое меньше, чем в сельских трудовых коллективах.

В общественной жизни удмурты-горожане своим языком почти не пользуются, более половины удмуртов - сельских жителей также перешли в этой сфере на русский язык.

Таким образом, соотношение удмуртского и русского языков в речевой деятельности удмуртов в целом постепенно изменяется в сторону увеличения русскоязычного общения. При этом нельзя не отметить различий, наблюдающихся в речевом поведении представителей разных социальных, профессиональных, демографических и территориальных групп населения, что свидетельствует о сложности этноязыковых процессов, о неразрывной их связи с экономической, социальной и культурной жизнью народа. К примеру, среди сельских женщин удмуртская речь слышится чаще, чем среди мужчин, для которых более характерно двуязычие. Доли лиц, общающихся на русском языке, убывают от младших возрастных групп к старшим, а общение на удмуртском наоборот. Зависимость речевого поведения от социально-профессиональной принадлежности проявляется в большем общении на русском языке в группах высококвалифицированных работников и большем употреблении удмуртского языка в сфере малоквалифицированных. В этом сказывается также влияние фактора образования.

Наиболее значительны различия в использовании русского и удмуртского языков в речевой деятельности сельских и городских удмуртов. В этом сказывается и сила традиции, и различие в долях удмуртов в составе этих групп населения, отсутствие в городах школ с преподаванием удмуртского языка, а также влияние фактора урбанизации в целом. Если различные группы сельских удмуртов в разных ситуациях регулярно пользуются двумя языками, то у городских все явственнее выступает тенденция перехода к русскому одноязычию, хотя реальное двуязычие в некоторых группах достигает заметной доли.

Надо также отметить, что в сельских условиях существенны различия в речевом поведении удмуртов разных этнографических зон. Так, северные удмурты, по сравнению с южными, русским языком пользуются гораздо больше, причем это характерно не только для разговорной речи, у них заметно ослаблены ориентации на удмуртский язык. Например, за обучение детей в школе только на русском язык высказалось в ходе обследования 1979 г. свыше 58%

северных и лишь 27,5% южных удмуртов; преподавание удмуртского языка и литературы считали необходимым 36,5% северных и 61% южных удмуртов; книги удмуртских писателей читали лишь треть северных и почти половина южных удмуртов²⁶. Большинство абитуриентов удмуртского отделения филологического факультета Удмуртского университета составляют ежегодно выпускники школ южных и центральных районов республики.

Ослабление позиций удмуртского языка и этнокультурных ориентаций на севере республики является, очевидно, результатом исторически более длительных контактов северных удмуртов с русскими, а также сравнительно более слабых связей их с культурным и административным центром республики в силу большей территориальной удаленности от него.

Таким образом, развитие этноязыковых процессов в послеоктябрьский период можно характеризовать следующим образом: 1917-1920-е гг. связаны с развитием сети школ, подготовкой учителей, учебников, налаживанием книгоиздательства на удмуртском языке, внедрением его в делопроизводство; в 30-е гг. удмуртский язык уже преподается в вузе, в то же время в школьном обучении внимание акцентируется на русском языке, количество переведенных на удмуртский язык изданий сокращается; в военный период и в начале 1950-х гг. в школах продолжается обучение на удмуртском языке, однако позиции русского языка усиливаются, чему способствовало и изменение национальной структуры населения республики в связи с эвакуацией населения с оккупированных территорий; в середине 1950-х 1960-е гг. осуществляется переход на русскоязычное обучение, распространяется владение русским языком, слой удмуртов, признающих родным русский язык, увеличивается; с 1970-х гг. намечается тенденция отказа от преподавания удмуртского языка и литературы как предметов, растет доля двуязычных и признающих родным русский язык; современные этноязыковые процессы у удмуртов характеризуются активным функционированием двуязычия, которое имеет тенденцию к нарастанию.

Естественна в связи с этим тревога удмуртской общественности: растущее двуязычие может привести к дальнейшему падению роли удмуртского языка, с которым связано развитие культуры удмуртского народа. Обсуждение проблем родного языка и национальной культуры в целом на страницах республиканских газет обнажило всю остроту проблем, связанных с подготовкой удмуртских специалистов разных профилей, изучением в школе удмуртского языка и литературы, выпуском учебно-методических пособий, расширением научно-популярной и краеведческой литературы на удмуртском языке, увеличением тиражей книг удмуртских писателей, особенно включенных в школьную программу (немало случаев, когда

на уроках удмуртской литературы произведения удмуртских писателей изучают по их русским переводам). В связи с ростом численности удмуртов-горожан требуется создание условий для удовлетворения их национальных потребностей. Лишь с решением этих и многих других проблем можно говорить о дальнейшем развитии удмуртского языка.

- ¹ Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984. С. 7.
- ² Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 259.
- ³ Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка (автор не указан). СПб, 1775. С. 113; Факсимильное переиздание с вступительным словом и примечаниями. Ижевск, 1975.
- ⁴ Алатырев В. И. Языкознание//Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск, 1970. С. 5; Ермаков Ф. К. Характеристика дореволюционных удмуртских изданий//200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 87.
- ⁵ Ермаков Ф. К. Указ. соч. С. 87.
- ⁶ Пономарев К. А. Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР//200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 7.
- ⁷ Дзюина К. Н. Удмуртская книга. 1917-1974; Каталог удмуртских изданий. Ижевск, 1976. С. 8.
- ⁸ Емельянов Л. П. Печать Удмуртии. Ижевск, 1964. С. 10; Дзюина К. Н. Указ. соч. С. 277; "Гудыри"- "Удмурт коммуна"- "Советской Удмуртия". 1918-1988: Воспоминания, статьи, художественные произведения, опубликованные в газете/ Сост. П. Ф. Орлов. Ижевск, 1988.
- ⁹ Алатырев В. Н. Указ. соч. С. 5-9.
- ¹⁰ Фролова Г. Д. Удмуртская книга: История книгопечатания. Современная книга. Ижевск, 1982. С. 127.
- ¹¹ Пономарев К. А. Указ. соч. С. 7-8.
- ¹² Фролова Г. Д. Указ. соч. С. 127.
- ¹³ Вордйськем музеймы-Край любимый: Стихи об Удмуртии. Ижевск, 1970; Калык вера-Народные изречения. Удмуртские пословицы и поговорки. Ижевск, 1970; Кедров Ф. Этой жизни Та улонлы: Стихи. Ижевск, 1979; Удмуртский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки/Сост. Долганова Л. Н. Ижевск, 1981.
- ¹⁴ Гришкина М. В. Народное образование в Удмуртии в XVIII- первой половине XIX в.//Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII-первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 149.
- ¹⁵ Фролова Г. Д. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁶ Фролова Г. Д. Из истории удмуртской школы. Ижевск, 1971. С. 27, 28.
- ¹⁷ Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. Вятка, 1895. С. 4; Фролова Г. Д. Из истории удмуртской школы. С. 27-28.

- 18 Дзюина К. Н. Указ. соч. С. 14.
- 19 Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 4. С. 28.
- 20 Трефилов Г. Н. К вершинам культуры. Ижевск, 1964. С. 25.
- 21 Там же. С. 23.
- 22 Пономарев К. А. Ко всеобщему среднему. Ижевск, 1975. С. 78-79.
- 23 Кельмаков В. К. Удмуртско-русские языковые контакты и развитие фонетической системы удмуртского языка//Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, 1986. С. 42-43; Алашеева А. А. О русских заимствованиях в верхнечепецком говоре северно-удмуртского наречия//Пермистика. Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 161-164.
- 24 Удмурт-зуч словарь Удмуртско-русский словарь. М., 1983.
- 25 Поздеева И. П., Христолюбова Л. С. Развитие социальных функций удмуртского языка в условиях двуязычия//Социально-этнические аспекты развития современного села. Ижевск, 1984. С. 108.
- 26 Христолюбова Л. С. Этнические процессы в сфере духовной культуры сельских удмуртов (региональный анализ)//Статистико-этнографические исследования в Удмуртии. Устинов, 1985. С. 87-88.

Глава XVII. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УДМУРТИИ

Характер межнациональных отношений определяется экономическими, социальными и социально-политическими отношениями, совокупностью условий, в которых живут народы страны. Он находит проявление во взглядах, мнениях людей, в национальных ориентациях, установках на контакты с лицами другой национальности в труде и в быту, в нормах поведения¹. В повседневной жизни всеобщие факторы опосредуются микросредой - условиями, складывающимися в различных районах страны, городах и селах разного типа, в трудовых коллективах, а также конкретными обстоятельствами жизни человека, личностными характеристиками².

Контакты удмуртов с другими народами, преимущественно с русскими, имеют давнюю историю. Частота и глубина этих взаимоотношений определялись условиями заселения территории Удмуртии, характером расселения иноэтнических групп в среде удмуртского народа.

Несомненно, что уже с XVI - XVII вв. удмурты несут негативное отношение к русским, когда они были вытеснены сначала монастырями, а затем свободной русской колонизацией с низовьев Чепцы, вынудившей их осваивать земли в ее верховьях. Вместе с тем, на территорию нынешнего расселения удмуртов миграция русских крестьян вплоть до конца XVIII в. проходила мирно; переселенцы селились в местах, недостаточно освоенных и не ущемляли интересы коренного населения.

Сходство хозяйственной деятельности, совместный труд облегчали взаимопонимание этих народов и способствовали их сближению, установлению между ними традиций добрососедства, дружеских и брачных связей. Исследователи отмечали, что многие удмурты женятся на русских, перенимают русское платье³. Сближение имело не только добровольный со стороны удмуртов характер, но и взаимный: русские усваивали удмуртский язык, не препятствовали удмуртам и посещению русскими языческих молений.

Правда, процесс сближения затронул в основном удмуртов, проживавших на периферии этнической территории, а также в селениях вдоль трактов и в административно-торговых центрах. Тем

не менее факты свидетельствуют о желании удмуртов к этническому сближению. Несмотря на то, что унижения и эксплуатация удмуртского населения членами административного аппарата и священнослужителями были очень сильными⁴, негативное отношение к ним в то время не переносилось на русское население в целом.

В последующем, особенно в конце XIX в., естественный процесс сближения удмуртов и русских замедлился, национальная и религиозная обособленность стали усиливаться. Это связано с большим притоком русского населения на территорию Удмуртии в течение XIX в. С 1815 г. до конца века население увеличилось здесь более чем в 3,5 раза⁵, что повлекло за собой значительное сокращение душевого земельного надела и привело к обострению экономических отношений между коренным удмуртским населением и русскими переселенцами. Следствием подобных взаимоотношений явилось широко известное Мултанское дело: навет на удмуртов, обвиненных в человеческом жертвоприношении, был сделан с целью захватить удмуртские земли жителями соседней русской деревни⁶.

Другая причина ухудшения межэтнических отношений в несоответствии в этот период психического склада удмуртского и русского крестьянства. На первых порах взаимодействия удмуртов и русских дружественные (за редким исключением) отношения являлись следствием одинакового в принципе уровня общественного сознания, детерминированного отношениями, свойственными феодализму. Во второй половине XIX в. патриархальный склад сознания русского крестьянина-общинника сменился индивидуалистской психологией, соответствующей капиталистическим формам отношений⁷. В отличие от русских, удмуртский крестьянин еще в конце XIX в. не мыслил себя вне общины, практически все стороны жизни регламентировались ею.

В условиях резкого ускорения социальных процессов традиционная культура удмуртов в отличие от русской не смогла переработать новации и приспособить их к архаической традиции. Сознание удмуртов, их общественная психология оставались на уровне, соответствующем предыдущим этапам исторического развития. Данное несоответствие порождало у русских чувство превосходства, стремление присвоить себе статус культуртрегера, навязать собственный стереотип поведения, изменить характер общинных отношений удмуртов.

В среде русских, проживавших совместно с удмуртами, существовали определенные стереотипы (чаще отрицательные), выражавшие этнические предубеждения, которые во многом регулировали систему межэтнических отношений. Несмотря на их необоснованность, на очевидную нелепость - к примеру, убеждение в том, что удмурты приносили человеческие жертвы - они имели

довольно широкое распространение среди русских и имели тенденцию к ухудшению.

Нельзя не учитывать и того, что удмурты и русские были разделены не только в культурном, но и в религиозном отношении (несмотря на официальное принятие христианства, подавляющее большинство удмуртов продолжало исповедовать прежнюю языческую религию).

Пренебрежительное отношение к удмуртам вызывало ответную реакцию. Во второй половине и особенно в конце XIX в. среди удмуртов стала возобладать тенденция к этническому обособлению, замыканию в родственной структуре, практически прекратились ассимиляционные процессы; подозрительность и недоверие к русским стали правилом. В традиционной культуре стали вырабатываться защитные механизмы, начался поиск внутренних путей самореализации, приведший, например, к усилению позиций язычества, изменению характера обрядов, норм поведения.

Однако необходимо отметить, что отношения удмуртов к русским, антипатия к чужой этнической группе формировались не только от общения с представителями русского народа, но и под влиянием контактов с представителями администрации и духовенства, а также неперсонифицированных связей с различными государственными институтами.

К тому же национальная предубежденность удмуртов имела ярко выраженный социально-классовый характер. Это наглядно проступает при рассмотрении характера труда, ценностных ориентаций в трудовой деятельности, играющих существенную роль во взаимоотношениях этносов. Там, где контактирующие народы занимаются одними и теми же видами труда, имеют одинаковые по качеству угодья, одинаковый сельскохозяйственный инвентарь, способы обработки почвы, меньше вероятности для возникновения национального недружелюбия. Так, в северных районах Удмуртии русские и удмурты имели одинаковый характер хозяйственной деятельности, скудные почвы не позволяли в значительных масштабах выделяться хозяйственной состоятельностью. Здесь между ними складывались в основном дружественные отношения, тогда как с татарами, с которыми удмурты имели дело в основном как с представителями торговой прослойки, отношения бывали довольно напряженными. Южная часть удмуртов, соприкасавшаяся с татарами-земледельцами, имела с ними отношения вполне дружественные⁸.

В первые годы Советской власти рецидивы исторического прошлого, связанные с былой обособленностью, в течение некоторого времени продолжали сохраняться в массовом сознании, в той или иной мере определяя межнациональные отношения. Взаимоотношения народов не отличались подлинным добрососедством, ибо удмурты,

находившиеся длительное время в положении униженных, не могли сразу отрешиться от старых привычек, традиций, сохраняли старые обиды и подозрения, несмотря на то, что политические условия были уже иными.

Резкий переход от социальных отношений, в значительной мере сохранявших элементы феодального строя, к социалистическим, получение политических свобод не всегда воспринимались адекватным образом. С одной стороны, имел место своеобразный всплеск этнического самосознания, о чем свидетельствует, например, активное участие удмуртского населения в защите Советской власти в годы гражданской войны⁹, а также поиски путей сплочения нации, повышения ее культурного уровня, культивирование ее своеобразия и т. д. С другой стороны, основная масса населения была не подготовлена к революционным социальным преобразованиям, не могла за исторически короткий срок изменить сложившиеся стереотипы, в том числе и установки на межэтнические контакты. Поэтому общественное сознание стремилось вернуться к старым формам бытия в "золотой век". Это проявлялось, например, в выселении части удмуртов из смешанных в национальном отношении населенных пунктов¹⁰, реже в стремлении выселить русских из своих поселений¹¹, а впоследствии - в нежелании вступать с ними в одни колхозы.

Кроме того, более быстрое восприятие русским населением изменившихся социальных условий еще больше углубляло разницу в социальном развитии народов. Возникшее противоречие, вероятно, не только не способствовало этническому сближению удмуртов и русских, но, в некоторой степени, содействовало их дальнейшему отчуждению. Негативное отношение к удмуртам могло усилиться и потому, что удовлетворяя социальные и экономические нужды коренного населения, возможно, пришлось несколько "поступить" - в восприятии русского населения их интересами.

Некоторая часть русских, в том числе и представители рабочего класса, продолжала проявлять пренебрежительное отношение к удмуртам, что нередко выливалось в открытую вражду¹². В среде части русских рабочих и специалистов продолжало бытовать мнение: "заводы для русских, деревня для удмуртов". Подобные настроения наблюдались и среди других слоев городского населения, в том числе и среди руководящих работников. Так, группа руководителей Сарапульского уезда выступала против образования удмуртской автономии, мотивируя это распространением среди удмуртского населения национального нигилизма и отсутствием всякой заинтересованности в устройстве национальной жизни, отсутствием среди удмуртов людей, способных занять руководящие должности в автономии¹³. Указанные явления подогревали еще не изжитое недоверие к русским.

Претворение в жизнь национальной политики в Удмуртии неоднократно рассматривалось на пленумах обкома ВКП(б), освещалось центральной прессой. В марте 1930 г. ЦК ВКП(б) обязал обком более энергично пресекать проявления великодержавного шовинизма, проявлявшегося в форме нежелания жить и работать с удмуртами, нежелания видеть их в государственном аппарате, нежелания развивать удмуртскую национальную культуру, печать, язык¹⁴.

Вместе с тем, стремление уладить межнациональные конфликты с помощью чисто “механических” методов (волюнтаристские попытки выравнивания социального состава, коренизация государственного аппарата и т. д.), выливавшихся в обыкновенные кампании, без каких-либо попыток проникнуть в психологические, идеологические и политические стороны межнациональных отношений не только не привели к их нормализации, но и создали определенную базу для дальнейшего обострения русско-удмуртских отношений.

Правда, отрицательный этнический стереотип в отношении удмуртов был характерен в большей степени для представителей старшего поколения русских, молодежь уже в 20-е - начале 30-х гг. меняла свои взгляды на межнациональные отношения¹⁵. Это сказалось, в частности, в том, что уже во второй половине 20-х гг. начало довольно быстро расти количество национально-смешанных браков. Так, среди удмуртов-мужчин их доля с 1925 г. по 1927 г. возросла с 4,3 до 8,8%; правда, женщины-удмуртки выходили замуж за представителей других национальностей значительно реже, к тому же смешанные браки имели место в основном в городах и среди удмуртов, живших вне пределов основной этнической территории. В деревнях межнациональные браки были еще редкостью: сказывалось наследие прошлого, замкнутость индивидуальных хозяйств, отличия в быту и семейном укладе, слабые производственные контакты. Так, большая часть первых колхозов в Удмуртии строились по национальному признаку¹⁶.

Последующее укрупнение колхозов, особенно в послевоенные годы, с объединением в них разнонациональных населенных пунктов, урбанизация, вызвавшая большую подвижность населения, расширили объективные возможности для увеличения этнических контактов: число смешанных браков быстро росло, охватив все социальные группы населения. Осуществление социально-экономических преобразований в стране, существенное выравнивание социального состава коренных национальностей и русских, формирование производственной, научной интеллигенции и рост числа высококвалифицированных рабочих привели к утверждению интернационалистского мировоззрения у большинства городского и сельского населения. Так, если, по материалам обследования 1968 г., доля удмуртов,

позитивно настроенных на совместную работу, дружеские отношения и заключение браков с представителями других национальностей в городах составляла 75%, в 1980 г. - уже 84%. Аналогичный процесс происходил и в сельской местности.

Среди различных обстоятельств, влияющих на национальные взаимоотношения, решающим является трудовая деятельность. Она наиболее близко затрагивает интересы человека, так как люди склонны сравнивать условия труда, свое социальное положение с другими. В настоящее время около 80% удмуртов села работают в однопациональных первичных коллективах или в коллективах, в которых они составляют большинство; лица других национальностей в удмуртских населенных пунктах являются, как правило, представителями других социально-профессиональных групп: работниками просвещения, сферы обслуживания и т. д. Заметим, что и удмурты в инонациональных селениях оказываются в такой же ситуации.

Несмотря на незначительное количество межэтнических контактов на производстве, для большинства сельского населения республики в целом характерна высокая степень интернационализма: по данным обследования 1979 г., 67% удмуртов и 80% русских не придавали значения национальности партнеров в деловых взаимоотношениях, некоторые считали, что работать в многонациональном коллективе даже лучше. Вместе с тем отношение к межнациональным контактам заметно связано с удовлетворенностью трудом и рабочим коллективом: среди удовлетворенных ими негативно настроены на труд в многонациональном коллективе были 15% удмуртов, тогда как среди неудовлетворенных почти в 2 раза больше.

Обнаруживается и другая тенденция: у сельских удмуртов ориентация на межэтнические контакты на производстве менее благоприятна, чем в других сферах жизнедеятельности: так, позитивное отношение к брачному партнерству и личной дружбе с лицами других национальностей высказали 78% опрошенных; тогда как к совместному труду 67%. При этом у работников высококвалифицированного умственного труда разница между ориентацией на совместный труд и на семейно-родственные отношения выражена в наибольшей степени. Это говорит о том, что именно среди этой группы удмуртского сельского населения в большей степени проявляется неудовлетворенность условиями труда, лица с высоким уровнем образования не всегда могут реализовать свои жизненные устремления в сельской местности, что, в известной мере, проецируется на межнациональные отношения. Неслучайно, что условия труда стоят на первом месте в ряду причин миграции удмуртов из села.

В отличие от сельской местности в городах отношение к работе

в многонациональном коллективе более благоприятно, чем к этническим контактам в других сферах жизнедеятельности, особенно среди лиц в возрасте 40-60 лет. Именно эти группы населения уже обладают достаточным жизненным опытом, образовательными и трудовыми навыками, и их применение практически не встречает никаких ограничений: город способен использовать практически весь трудовой потенциал его жителей, здесь большие возможности в профессиональной деятельности, особенно в столице республики.

Несмотря на то, что городские условия способствуют улучшению этнических стереотипов, нужно отметить, что и здесь межэтнические отношения не свободны от противоречий. Так, изменение социально-профессионального статуса не всегда сопровождается улучшением национальных установок, продвижение национальных кадров иногда ухудшает ориентации людей на межнациональные контакты: как в сельской местности, так и, особенно, в городах с социальным продвижением индивида хотя и улучшается ориентация на совместный труд, но снижается доля желающих вступить в национально-смешанный брак. Улучшение этнических установок по мере роста социально-профессионального статуса в большей степени характерно для работников физического труда.

В данном случае, по-видимому, речь не может идти о переносе неудовлетворенности работой, условиями труда на национальную почву, так как подавляющее большинство населения не ощущает конкурсных условий в трудовой сфере и приведенный факт не может говорить об ухудшении межнациональных отношений. Скорее всего, сказывается влияние ситуационных факторов; так, по мере роста социально-профессионального статуса удмурты чаще оказываются в иноэтническом окружении, лишь 4% высококвалифицированных специалистов умственного труда работают в коллективах, в которых удмурты составляют большинство. Для работников физического труда эта тенденция характерна в значительно меньшей степени. В коллективах с меньшинством коренного населения люди чувствуют себя оторванными от этнической среды, возрастает потребность внутриэтнического общения, поэтому чаще предпочтение отдается брачному партнерству с представителями своей национальности.

На установление дружественных межэтнических отношений большое значение оказывают особенности половозрастной структуры контактирующих групп. Данные обследований показывают, что женщины по сравнению с мужчинами в целом менее настроены на межэтнические контакты. Особенно большая разница наблюдается в сельской местности, причем наименее благоприятные установки среди сельских женщин зафиксированы в трудовой сфере: известно, что именно женский труд в селе менее механизирован и потому более тяжел, ненормирован. В данном случае ощущение нереализованных

ожиданий в конкретной жизненной ситуации, а именно в трудовой деятельности переносится на национальную почву. Предупреждение нежелательных явлений здесь зависит от регулирования социальных проблем. Кроме того, негативные этнические установки женщин связаны с меньшим опытом межэтнических контактов, тогда как практически все юноши получают его в период службы в армии.

В городах различия в условиях труда мужчин и женщин практически не ощущаются, поэтому отношение к работе с представителями других национальностей самое благоприятное. Девушки-удмуртки по сравнению с юношами значительно чаще вступают здесь и в смешанные браки; так, в подобных браках в 1980 г. состояли $\frac{2}{3}$ женщин и лишь $\frac{1}{3}$ мужчин¹⁷. Этому способствует и то, что среди удмуртского городского населения женщин значительно больше; девушки скорее уезжают в город и выходят замуж, где вероятность брака с русским выше в силу их количественного преобладания.

Как среди мужчин, так и среди женщин более благожелательное отношение к межнациональным контактам наблюдается в младших возрастных группах, хотя различия не слишком существенны: лишь представители самой старшей возрастной группы (60 лет и старше) имеют несколько повышенную долю лиц, негативно настроенных на межэтнические контакты; традиции и нормы поведения прошлого еще оказывают воздействие на сознание пожилых людей. Тем не менее, в целом и в городе, и на селе возрастные различия в отношении к межнациональным контактам выражены слабо.

Вместе с тем, в сельской местности в возрастных группах, включающих лиц моложе 35 лет, заметно ухудшение отношения к производственным межэтническим контактам.

В указанных возрастных группах отношение к семейным и дружеским связям все более улучшается, доля межнациональных браков и друзей другой национальности увеличивается, отношение же к работе в многонациональном коллективе приобретает негативный оттенок. Нерешенность некоторых социальных вопросов делает их отношение к производственным межнациональным контактам несколько отличающимся от установок на контакты в других сферах.

Принято считать, что повышение уровня образования населения способствует становлению интернационалистских отношений. Позитивные отношения людей разных национальностей складываются в основном в школьные годы. Это один из самых благоприятных периодов для предупреждения появления негативных этнических стереотипов¹⁸. Действительно, с ростом уровня образования (без учета лиц с высшим образованием) показатели межэтнических отношений несколько улучшаются. Вместе с тем в сельской местности

рост образования воздействует лишь на улучшение отношения к близкому родству и дружеским отношениям, не оказывая практического воздействия на установки в производственной сфере. К тому же некоторое улучшение межэтнических установок может быть связано с возрастными особенностями (лица с низким уровнем образования, как правило, пожилые).

В городах, наоборот, повышение уровня образования от начального до среднего усиливает желание людей работать в многонациональном коллективе, однако уже среди лиц с высшим образованием подобные ориентации выражены слабее, чем у людей, имеющих начальное образование.

Таким образом, нынешняя система просвещения, давая человеку научные материалистические знания, расширяя кругозор, оказывает незначительное влияние на межнациональные установки: лишь общение в школе с детьми иной национальности мало этому способствует. Одной из мер в этом направлении могло бы быть введение курса этнографии в школе.

Сближение народов, условия взаимодействия во многом определяются их количественным соотношением и территориальным размещением. Своеобразной совокупностью сфер этнического общения являются поселения, так как они в конечном итоге объединяют в себе место жительства, работы и отдыха для подавляющего большинства его жителей. Для Удмуртии характерна этническая мозаичность населения, заметна тенденция к дисперсности расселения национальностей, что является объективной основой для весьма широкого межэтнического общения. Однако в последние годы в связи с более интенсивной миграцией русских, село становится более моноэтническим: в настоящее время $2/3$ удмуртского сельского населения проживает в населенных пунктах, в которых их доля составляет более 80%, и лишь 2% живет в селениях, в которых преобладают другие национальности. В городах практически все удмурты имеют ежедневные контакты с лицами других национальностей.

Несмотря на то, что значительная часть сельских удмуртов живет в однопациональных деревнях, они очень часто по разным поводам встречаются с представителями других национальностей, особенно с русскими. Расширение таких контактов отдельными исследователями зачастую выдается за показатель развития дружественных межнациональных отношений¹⁹. Действительно, они могут содействовать этому процессу, однако для установления позитивных этнических стереотипов более важна не частота, а "глубина" этнических контактов.

Материалы обследования 1968 г. показывают, что увеличение непроизводственных неперсонифицированных связей не влечет за

собою изменения этнических стереотипов: наоборот, доля лиц, негативно относящихся, например, к межэтническим бракам, даже увеличивается²⁰, жители однонациональных населенных пунктов вступают в межэтнические контакты нередко в достаточно напряженной обстановке, к тому же носящей поверхностный характер (очередь, прием в государственных учреждениях и т. д.).

“Глубину” межэтнических связей обеспечивают, как правило, производственные контакты; совместная работа людей разной национальности содействует преодолению этнических предубеждений, приводит чаще всего к складыванию дружеских и семейных связей. Однако влияние этнического состава производственного и поселенческого коллектива на развитие межнациональных отношений не однозначно. Как правило, положительный эффект наблюдается тогда, когда в коллективе уже накоплен достаточный опыт совместной работы²¹. Вероятно, поэтому на центральных усадьбах колхозов и совхозов, где население в основном находится сейчас на стадии формирования, межнациональные отношения не столь благоприятны, как в селениях других типов.

В сельской местности национальное звучание приобретает иногда и оценка культурно-бытовых условий жизни: запросы сельских жителей сейчас направлены на высокие жизненные стандарты, тогда как проведенные исследования выявили сохраняющиеся различия в этом плане между удмуртским и русским населением. В населенных пунктах, не имеющих административных и хозяйственно-управленческих функций, условия жизнедеятельности в которых значительно хуже, живет больше удмуртов, чем представителей других национальностей. Такая ситуация может оказывать в определенных условиях заметное воздействие на межнациональные отношения.

Изучение установок и норм поведения горожан в межэтнических контактах также дает неоднозначные результаты.

Считается, что для привыкания к городской среде, к инонациональным традициям, привычкам требуется не менее 10 лет²². В этом отношении в городском населении Удмуртской АССР довольно значительна доля не вполне адаптировавшихся мигрантов, так как большинство удмуртов-горожан является недавними выходцами из села. По приезду в город у бывших сельских жителей не заметно расширения личностных межэтнических контактов, они предпочитают работать совместно с лицами своей национальности. Так, более 50% лиц, проживших в городе менее 5 лет, несмотря на то, что ориентации на совместный труд с лицами другой национальности у них очень высокие, пополняют коллективы, в которых удмурты составляют половину и более. Однако нужно отметить, что непосредственно в трудовые коллективы вливается лишь небольшая их часть – большинство продолжает в этот период

обучение. Постепенно этнический круг общения расширяется, в том числе и производственный, однако ориентации на работу в многонациональном коллективе становятся несколько хуже, что связано, по-видимому, с адаптацией в новом коллективе. В это же время круг дружеского общения остается преимущественно внутринациональным, увеличивается значимость родственных связей (хотя не исключено, что появляются родственники не своей национальности). Лишь по прошествии адаптационного периода ориентация на совместный труд с лицами других национальностей значительно улучшается, в коллективах с большинством удмуртов остается менее трети бывших мигрантов, увеличивается доля межнациональных браков. Таким образом, город в первые годы проживания в нем мигрантов действует, вопреки распространенному мнению, в сторону укрепления внутринациональных установок, несмотря на то, что психологическая перестройка сельских мигрантов уже в значительной степени подготовлена для восприятия городского образа жизни.

Однако длительность проживания в городах не единственный фактор, ведущий к формированию положительных установок на межэтнические контакты. Необходимо учитывать особенности формирования населения того или иного города, исторические традиции межнациональных отношений и другие факторы. Как правило, в различных по численности населения городах показатели, характеризующие межнациональные отношения, несколько различаются. В Удмуртии, помимо всего прочего, различия обуславливаются не только величиной городского поселения, но и его географическим положением и исторически складывавшимся характером национальных отношений в каждом регионе.

Так, наиболее благоприятная обстановка в межнациональных отношениях зафиксирована в самом северном городе Удмуртии Глазове, где удмурты составляют более трети его жителей. Население городов Удмуртии формировалось в основном за счет сельских жителей близлежащих районов (исключение составляет столица республики - Ижевск²³), поэтому климат межнациональных отношений отражает, как правило, ситуацию, сложившуюся в сельских районах; именно в северных районах отмечено наиболее благоприятное отношение к межличностным этническим контактам. В силу исторически сложившихся обстоятельств коренное население здесь контактировало в основном с русскими, причем эти связи имеют более длительную историю, чем подобные контакты южных удмуртов. Большую роль в установлении дружественных отношений сыграло и то, что удмуртское население этого города начало формироваться еще до революции, тогда же начали складываться традиции совместной работы с людьми иной национальности, а в советских условиях они расширились и закрепились.

Наименее развиты установки на межнациональные отношения в городе Можге, расположенном на юге Удмуртии. Южные удмурты, по сравнению с северными, как указывалось, менее склонны к межэтническим контактам, что сказывается, естественно, и на городском удмуртском населении. К тому же здесь высока, по сравнению с другими городами республики, доля лиц, проживающих в городе менее 5 лет, следовательно, еще не полностью адаптировавшихся в городской среде. В Можге значительную долю населения, в 2 раза превышающую общереспубликанский уровень, составляют татары; исторически складывалось так, что отношения между удмуртами и татарами не всегда были дружественными, что, к сожалению, сказывается и в современных условиях. Например, в других городах Удмуртии доля смешанных браков удмуртов с другими национальностями, кроме русских, основную массу которых составляют татары, была в 1980 г. 4-7%, а в Можге всего 0,8%. В определенной степени это отражает степень сближения данных этносов.

Что касается русского городского населения, то менее всего на межнациональные контакты настроены жители городов, расположенных на юго-востоке Удмуртии - Воткинска, Сарапула, Камбарки. Это объясняется тем, что указанные города вошли в состав Удмуртской автономии значительно позже ее образования, в них очень незначительна доля удмуртов, большинство жителей этих городов не имеют личного опыта общения с ними. Тем не менее, удмурты, жители этих городов, не имеют этнических предубеждений.

Одной из форм взаимоотношений между народами являются межэтнические браки. Расселяясь чересполосно с русскими, а также в одних населенных пунктах с ними, удмурты не сохранили традиций однонациональных супружеских связей; в целом, они оказывают небольшое влияние на установки, связанные с родственными межнациональными контактами. Тем не менее, в южных районах Удмуртии традиции внутринациональной брачности сохраняются в несколько большей степени.

Судя по данным обследования 1979/80 гг., подавляющее большинство удмуртов (78% в сельской местности и 83% в городах) признавали возможность смешанных браков, не считали их предосудительными. Однако было бы неверным ожидать в этом вопросе совпадения вербального и реального поведения. На деле наблюдалась определенная стабилизация количества этнически смешанных браков.

В 1968 г. из всех удмуртов, состоявших в браке, в смешанном состояло 9% в сельской местности и 46% в городах. При этом мужчины и женщины вступали в такие браки примерно в одинаковой мере. Материалы обследования 1980 г. показали, что доля

смешанных браков мало увеличилась: они составили 10% в селе и 48% в городах. Более того, среди удмуртской молодежи доля межнациональных браков даже сократилась. В городах республики в 1968 г. в смешанном браке состояло 81% лиц в возрасте до 25 лет, а в 1980 г. - 59%, хотя доля несемейных в потоке мигрантов, прибывающих в города, постоянно увеличивается.

Определенная стабилизация доли национально-смешанных браков в сельской местности может быть связана с более быстрым сокращением численности русских, так как они мигрируют более интенсивно, чем удмурты, уменьшением доли молодежи в сельском населении республики, что сказывается на ограничении возможностей в выборе брачного партнера другой национальности. Кроме того, этот процесс (как среди сельских жителей, так и среди горожан) в некоторой мере иллюстрирует изменение социальных настроений, интересов, характера межнациональных отношений.

Естественно, что в населенных пунктах, имеющих большую долю представителей других национальностей, количество смешанных браков больше, влияние мозаичности национального состава населения на межнациональную брачность очевидно. Однако не только национальный состав населения влияет на количество таких браков. Населенные пункты, предоставляющие примерно равные условия в выборе брачного партнера другой национальности, имеют различные доли национально-смешанных семей. Анализ показывает, что эта доля определяется уровнем социально-экономического развития поселений: с повышением статуса населенного пункта доля смешанных браков в них увеличивается. Следовательно, социальный рост селения, способствуя культурному развитию жителей, формирует более благоприятное отношение к межнациональным бракам. Подтверждением служит и то, что во всех городах доля позитивно настроенных на межэтнические контакты выше, чем в сельской местности.

Приведенные материалы свидетельствуют об определенном улучшении климата межнациональных отношений в республике. Вместе с тем этот процесс в современных условиях не свободен от противоречий.

У отдельных людей, причем не только старших возрастов, сохраняется негативное отношение к некоторым видам межнациональных контактов. Так, среди удмуртов, не настроенных на межэтнические связи, лишь четвертую часть составляют лица преклонного возраста. Оказалось, что ухудшение межэтнических установок как в городе, так и в сельской местности заметно в возрастной группе 16-19-летних. Среди лиц с различным социальным статусом наиболее часто негативные национальные установки проявляются в группах малоквалифицированных работников физи-

ческого труда, а также в группе молодых рабочих. Примечательно и то, что у жителей села в наибольшей степени этнические предубеждения складываются в отношении национального состава производственных коллективов.

Источники национальной ограниченности в различных группах населения, естественно, разные: среди лиц старших возрастных групп они связаны с сохраняющимися предрассудками; у некоторой части населения на межнациональные отношения проецируются не до конца решенные социальные проблемы. Среди представителей молодого поколения они связаны с осознанием социальных различий, сохраняющихся в различных национальных группах, населяющих республику, а также тем, что определенная часть молодежи не всегда реализует свои жизненные устремления (хотя перенесение неудовлетворенности положением в обществе в сферу межэтнических отношений часто не зависит от действительного наличия какой-либо сложной ситуации на производстве²⁴).

Тенденция к ухудшению этнических стереотипов среди молодежи может быть объяснена и не сложившейся еще у молодых жизненной позицией, недостатком опыта межэтнических контактов; она может быть связана с определенными упущениями в развитии нашего общества. Подтверждением служит и то, что среди основных этнических партнеров удмуртов русских значительную долю негативно настроенных на межэтнические контакты также составляют молодежь и лица с высоким уровнем образования. Но все же нужно заметить, что среди молодежи поступки, имеющие национальный оттенок, чаще ситуативны, а не основываются на твердых убеждениях; кроме того, они проявляются в установках лишь на совместную работу с лицами других национальностей, установки на межнациональную брачность мало зависят от основных социальных факторов: образования, возраста, социально-профессионального положения, так как контакты вне производственной сферы носят главным образом неформальный характер, и потому реализация установок наиболее соответствует желаниям людей²⁵.

Материалы обследований населения республики свидетельствуют также о том, что установки не всегда соответствуют реальному поведению, а среди молодежи даже намечается тенденция к разнонаправленности проективного и реального поведения. Рост уровня образования, развитие средств информации способствуют большей осведомленности о других этносах. Это в определенной мере способствует ликвидации этнических предубеждений. Однако информация, полученная не через личные контакты, воздействует главным образом, на установки и в меньшей степени на реальное поведение. Последнее, как нам кажется, в большей мере зависит от характера непосредственных контактов. Поэтому увеличение

прямых контактов в результате усиливающейся миграции не всегда способствует их сближению, так как представления о других народах конструируются, как правило, на основе данных, полученных в результате контактов с представителями отдельных социальных групп, не всегда отражающих типичные черты своего народа.

Межнациональные контакты для удмуртов сравнительно давно стали привычным явлением во всех сферах жизнедеятельности. Как показывают приведенные материалы, этническое общение в республике складывается под влиянием многих факторов: исторических, социальных, культурных. Вместе с тем все факторы среды, так же, как и специфические ситуации, по-разному отражаются в сознании людей, по-разному оцениваются представителями различных социальных, профессиональных, возрастных групп. Обстоятельствами, которые ближе всего воспринимаются людьми и от которых зависит оценка различных ситуаций, являются условия трудовой деятельности²⁶, так как отношения на производстве – самая широкая сфера межнационального общения; отношения здесь в наибольшей мере обусловлены сложным сочетанием социально-профессиональных интересов. Поэтому становление дружеских отношений между народами вплотную связано с достижением равных возможностей в социально-профессиональном росте и трудовой карьере удмуртов и представителей других национальностей, населяющих республику.

¹ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., 1973. С. 273.

² Там же. С. 278; Дробизева Л. М. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений//Советская этнография. 1974. № 4. С. 20.

³ Радищев А. Н. Из записок путешественников в Сибирь в 1790 г.//Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1928. Вып. 5. С. 12; Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1890. С. 70.

⁴ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 145-151.

⁵ Шкляев Г. К. Из истории формирования сельского расселения и развития поселений на территории Удмуртии (XIX нач. XX вв.)//Сельские поселения Удмуртии в XIX XX вв. Ижевск, 1981. С. 19, 21.

⁶ Худяков М. Г. Политическое значение Мултанского дела//Советская этнография. 1932. № 1. С. 53.

⁷ См.: Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда, Вятской губернии//Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. 3.

- 8 Вотяки Вятской губернии//Вятские губернские ведомости. 1856. № 32.
- 9 См.: Куликов К. И. Некоторые особенности гражданской войны в Удмуртии и тактика большевиков в борьбе за массы//Гражданская война в Удмуртии 1918-1919 гг. Ижевск, 1988.
- 10 Шкляев Г. К. Об изменениях в поселенческой структуре Удмуртии в советское время//Сельские поселения Удмуртии в XIX XX вв. С. 61.
- 11 Садаков М. А. Мероприятия партийных и советских организаций по социалистическому преобразованию сельского хозяйства в Удмуртии (1917-1918 гг.)//Записки УдНИИ. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 11.
- 12 См.: Клестов И. К. Русско-удмуртские взаимоотношения начала 30-х гг. XX века в свете общих закономерностей феномена нации//Материалы к серии "Народы Советского Союза". М., 1990. Вып. 4.
- 13 Попов В. К. Деятельность удмуртских секций при местных Советах в первые годы Советской власти. Ижевск, 1960. С. 34.
- 14 Правда. 1930. 27 июля.
- 15 Худяков М. Г. Указ. соч.
- 16 Колхозное строительство и весенняя посевная кампания в Вотской автономной области. Ижевск, 1930. С. 3.
- 17 Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР//Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы). Устинов, 1986. С. 118.
- 18 Дробижина Л. М. Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения//Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 161.
- 19 Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980. С. 201.
- 20 Материалы статистико-этнографического обследования удмуртов в 1968 г.//Рукописный фонд УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 1н, № 785.
- 21 Бромлей Ю. В. Этнические аспекты национальных процессов в обществе развитого социализма//Социальная политика и национальные отношения. М., 1982. С. 66.
- 22 Моисеенко В. Влияние миграции на формирование населения//Вестник статистики. 1983. № 7. С. 11.
- 23 См.: Шкляев Г. К. Особенности формирования городского населения Удмуртской АССР//Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы).
- 24 Сусоколов А. А. Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты//Советская этнография. 1973. № 5. С. 78.
- 25 Белорукова Г. П. Указ. соч. С. 115.
- 26 Дробижина Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981. С. 98.

Глава XVIII. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ УДМУРТОВ

Современная этнографическая наука признает психологический аспект этноса в качестве его необходимой компоненты.

Краткие психологические характеристики удмуртов впервые упомянуты в конце XVIII в. участниками академических экспедиций. В качестве основных черт народа отмечаются смиренность, честность, миролюбие, гостеприимство, трезвость, склонность их “более к веселию, нежели к печали”, понятливость, наблюдательность. В качестве наиболее характерной для удмуртов черты отмечается большое трудолюбие¹.

Однако со временем в описании психологических характеристик удмуртов появляются новые черты; в конце XIX в. авторами упоминаются в большей степени уже их негативные особенности. Удмурты характеризуются как народ с низкой нравственностью, робкий, скрытный, недоверчивый и замкнутый, легкомысленный, упрямый, с недостаточным, по сравнению с другими народами, умственным развитием; вместо отмечавшегося ранее проворства в описаниях появляются такие черты, как вялость в движениях и неповоротливость; чрезвычайное трудолюбие сменяется “небрежением в земледелии и скотоводстве”, недостатком сметливости в занятиях, отсутствием каких-либо стремлений².

Академик И. П. Фальк, посетивший Поволжье в 70-х гг. XVIII в. отмечал, что согласие между различными народами “достойно удивления, они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела”³. В конце XIX в. отношение удмуртов к другим народам характеризуется уже как недоверчивое, скрытное, боязливое и замкнутое⁴. Авторы этого периода отмечают, что одни свойства характера удмуртов прогрессировали в ущерб другим, что из многих своих психологических черт удмурты развили только “одно упрямство, настойчивость..., недоверие к чужим народам, развитое до больших размеров”; итог психологического развития удмуртов: “Личности нет, есть только народ”⁵.

Как видим, описание психологических черт удмуртов существенно меняется. Разумеется, нельзя абсолютизировать эти высказывания,

неправомерно только на их основе строить концепцию развития этнической психологии этноса, кроме того, нельзя не учитывать субъективизм или политические соображения того или иного автора, пишущего об удмуртах. Тем не менее описанные изменения в психическом складе не могут быть объяснены лишь субъективной оценкой. В этих описаниях нашли отражение реальные процессы, происходившие в характере удмуртского народа под влиянием исторических изменений.

Особенности психического склада народов лежат в исторически сложившихся условиях и особенностях жизни каждого этноса⁶, в нем так или иначе отражаются демографические, природно-климатические факторы национальной жизни⁷. Природные условия в основном определяют традиционные формы труда, а они, в свою очередь, формируют психический склад, так как относятся к самым главным сферам общения и отношений людей⁸. Естественно, национально-психологические особенности не отражают непосредственно природно-климатические условия; природные факторы одинаковы для всех проживающих на данной территории этносов. Они отражаются в той мере, в какой природная среда освоена общностью, развитием ее производительных сил, определяющих характер взаимодействия с окружающей средой⁹, характером трудовых процессов, преимущественными занятиями населения.

Длительное сохранение охотничьего промысла, бортничества, т. е. экстенсивных форм отношений с природой, несомненно, наложили определенный отпечаток на психологические особенности удмуртов. "Близкие" отношения с природой формировали эмоциональную сдержанность, наблюдательность, отмечаемые всеми исследователями удмуртского быта. Отличное знание природы позволяло удмуртам по приметам, которые "он берет с полета птиц, с крика животных, с лесу и воды" угадывать погоду на длительный срок и соответственно выбирать ту или иную тактику в хозяйственных делах¹⁰. Кроме того, природа воздействует на многие сферы эмоциональной деятельности: различные ландшафты обладают неодинаковой эстетической ценностью и провоцируют самые различные эмоции¹¹.

Глубокое воздействие природы на этническую психологию обуславливалось и религиозной принадлежностью удмуртов. Несмотря на официальное исповедывание христианства, они сохраняли многие языческие культы, строившиеся в основном на обожествлении различных сил природы; природные явления имели антропоморфные эквиваленты, одушевлялись. Таким образом, религия не только сама по себе участвовала в формировании черт характера, но и усиливала влияние географической среды. Хотя христианство во многом сломало сложившиеся у удмуртов представления о природе, она продолжала

оказывать существенное воздействие на формирование отдельных черт характера удмуртов; именно религия, верования и обряды, связанные с природными явлениями, во многом формировали этническую психологию.

Кроме того, существование между удмуртами и контактирующими с ними этносами религиозных различий привело к тому, что конфессиональная принадлежность служила в качестве одного из этнических признаков; исполнение различных религиозных обрядов приобрело характер этнически значимых действий. В условиях когда эти действия преследовались официальными властями и церковью, они с особенной силой содействовали осознанию и укреплению этнической общности.

Наличие некоторых психологических черт удмуртов обусловлено их физическим типом: несколько меньшим, по сравнению с русскими, средним ростом, меньшей физической силой, антропологическими особенностями внешности, которые оценивались в разных этнических средах по разному: лучше - хуже, красиво - менее красиво, особенно в зонах активных этнических контактов. Например, критерии красоты, сложившиеся у удмуртов к концу XIX в., в определенной мере связаны с влиянием эстетических традиций соседних народов: красивой считалась та девушка, которая не была похожа на удмуртку, а имела либо "славянские" (в зоне контактов с русскими), либо "тюркские" черты.

Представления о типичных чертах своей общности входят в качестве неотъемлемого компонента в структуру этнической психологии. При этом представления о своем этносе не только суммируют те или иные черты, но и предполагают ценностное отношение к ним, ориентацию на них. Вместе с тем этническая психология предполагает и этнический стереотип по оценке других народов, констатирующий ее особенности и на этой основе формирующий определенное поведение по отношению к данной этнической группе¹².

Решающим фактором в возникновении, а при некоторых обстоятельствах в смягчении и стирании психологических различий между отдельными этническими общностями является социально-историческое развитие общества¹³.

Осознание национальной принадлежности, представления о психологических особенностях своего и чужого народов наиболее выпукло проявляются в тех ситуациях, когда контактирующие этносы существенно различаются по социально-классовому принципу, когда возникают национальные конфликты и напряжения¹⁴. Контакты удмуртов с русскими имеют длительную историю. Как указывалось, до XVIII в. миграционные процессы русских на территории, заселенные удмуртами, проходили довольно мирно, так как

переселенцы направлялись в места недостаточно обжитые и не ущемляли экономических интересов коренного населения удмуртов¹⁵. На этом этапе психологические особенности удмуртов не несли в себе разделительных функций, являлись нейтральными по отношению к другой группе лиц - русским, служили лишь для выделения своей общности по принципу "мы они".

Впоследствии, по мере увеличения населения, как русского, так и удмуртского, и с вытекающими отсюда малоземельем, надельными спорами, отношения народов, оценка их психологических черт стали изменяться. Отношение русских к удмуртам стало пренебрежительным, среди них ходили многочисленные анекдоты об удмуртах, в которых они выступали недалекими по уму, неумелыми и небойкими, мстительными и скупыми¹⁶.

Однако бытовавшие негативные вульгарные этнопсихологические стереотипы, появившиеся в среде русского крестьянства, не были свойственны всем русским. Подавляющая часть русской интеллигенции, близко сталкивавшаяся с удмуртами, сохраняла к ним доброжелательное отношение, считая, что отрицательные черты характера удмуртов не являются их врожденными свойствами, что они от природы добры, мягки характером, не обнаруживают раболепства, смышлены и высказывают склонность к образованию¹⁷.

По мере ухудшения межнациональных отношений существенно изменялись и функции этнической психологии. Она приобретала дезинтеграционные моменты, сильнее стала выступать ее защитная роль на основе сознательного стремления к этническому обособлению. Таким образом, этнические предубеждения у удмуртов возникали под влиянием соответствующих условий и имели социальные корни. Образ контактирующей этнической группы, существовавший в обыденном сознании, отражал характер взаимоотношений с ней.

Одним из основных проявлений национальной психологии является осознание национальных интересов¹⁸. Частые межэтнические контакты, происходившие в условиях идеологического нажима, содействовали не только ухудшению установок удмуртов на межэтническое общение, но и способствовали осознанию собственных национальных интересов. Однако борьба удмуртов за национальное равноправие никогда не перерастала в массовое национально-освободительное движение с ясно поставленными целями, не была связана с идеей национального самоопределения. Она принимала вид неорганизованного протеста: изоляцию от иноэтнической среды, уход в глубь лесов, миграции в другие районы страны. И хотя в XIX в. на место выбывших тяглых дворов удмурты стали принимать в свои общины русских переселенцев, чтобы облегчить раскладку и уплату налогов, это явление носило довольно сложный и противоречивый характер¹⁹.

Стремление к сохранению национальной самобытности проявлялось и в религиозном движении в виде образования различных сект. Однако об их неконфессиональной сути говорит то, что главным требованием последователей этих учений являлся всякий отказ от контактов с русскими, запрет носить русскую одежду и обувь и т. д. Нерелигиозная сущность сект подтверждается и тем, что они возникали не в период массовой христианизации, что было бы на первый взгляд более объяснимо, а в период массового притока русского крестьянства на территорию Удмуртии - в первой половине и середине XIX в. Эти учения, однако, не получили широкого распространения, не имели много последователей и быстро распались, причем раньше в тех местностях, где было больше контактов с русскими²⁰. По-видимому, причиной их исчезновения явилась безрезультатность усилий.

Неудачи в борьбе с внешней этнической средой порождали у большей части населения стремление уйти в замкнутый этнический мир, подозрительность и недоверие к русским стали правилом²¹. Основой национальной психологии стал постулат надо терпеть, являвшийся своеобразным средством защиты, возможно, единственным в создавшихся исторических условиях. Подобное положение придавало национальному сознанию определенный оттенок: так, песни удмуртов, по свидетельству Д. Островского, представляли "тихую скорбь души, подавленной, изнемогшей под тяжким гнетом жизни и не знающей выхода"²².

Вместе с тем национальный гнет содействовал внутреннему сплочению этноса: по свидетельствам современников, в отношениях между собой удмурты оставались честными и правдивыми, не враждовали и не выдавали друг друга²³, хотя, разумеется, нельзя экстраполировать их выводы на всех без исключения представителей удмуртского народа.

Необходимо еще отметить, что меньшее социальное расслоение удмуртской деревни, по сравнению с русской, в некоторой степени способствовало более длительному сохранению ее идеологического единства, в том числе и в защите этнических интересов. Свидетельством этого является то, что удмуртское крестьянство не проявило дифференциации интересов в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева. Оно выступало, как правило, единой массой и его требования носили в меньшей степени экономический характер; борьба была направлена в основном против русского духовенства и насильственной христианизации, за право "быть в прежней идолопоклоннической вере"²⁴. Таким образом, можно говорить, что требования удмуртов носили общенациональный характер. В последующих выступлениях удмуртского крестьянства национальный момент прослеживается в меньшей степени.

В процессе исторического развития удмуртского этноса менялись стереотипы, характеризующие не только другие этнические группы, но наблюдалась эволюция отношения и к самому себе, к собственной культуре. Пренебрежительное отношение к удмуртам содействовало, с одной стороны, выработке негативного отношения к русским, с другой – появлению у них отрицательных автостереотипов: они видели себя такими, какими видела их “референтная” группа русские. Аналогичная ситуация отмечена и в других странах, отличающихся многонациональностью и неравноправным положением этнических групп²⁵.

Довольно высокое самосознание, нашедшее отчасти отражение в легендах об удмуртских батырах и их победах над предводителями других племен (хотя это еще не общезнающее самосознание, а скорее местное), сменяется уничижительным к себе отношением. Оно ярко проявляется в возникновении поговорки: “Русский – медведь, татарин – волк, удмурт – рябчик” (Зуч – гондыр, бигёр – кион, удмурт – сяла), в нежелании высказывать собственные суждения – внешне соглашаясь, оставаться при своем мнении²⁶. Отношение к национальной культуре у части удмуртов стало неадекватным, что выражалось в гипертрофировании ее негативных черт. Вместе с тем сформировавшийся отрицательный этнический стереотип по отношению к русским не повлек за собой негативного отношения к инонациональной культуре.

Взаимоотношения этносов, развитие стереотипов по отношению к чужой этнической группе и к самому себе наглядно прослеживаются в изменении характера ассимиляции. Ассимиляция удмуртов происходила в основном на ранних стадиях их контактов с русскими (XVI – первая половина XVIII в.), когда взаимоотношения их были дружественными, между ними не существовало враждебных отношений, основанных на экономических интересах. Правда, этот процесс затронул в основном удмуртов, проживавших на периферии этнической территории, а также в селениях вдоль трактов и в торгово-административных центрах. Так, А. Н. Радищев, проезжая в ссылку по Сибирскому тракту, отметил, что удмурты уже почти как русские, многие женаты на русских²⁷. Аналогичные факты приводит и И. Н. Смирнов²⁸. Исследователи отмечали, что смешанные браки были естественным результатом сближения народов²⁹. В этот период ассимиляция имела не только добровольный, но и взаимный характер. В глубине этнической территории удмуртов русские поселенцы быстро усваивали удмуртский язык, посещали языческие жертвоприношения³⁰.

Со складыванием недружественных отношений, основанных на взаимных экономических претензиях, меняются взаимоотношения этносов, взгляды на ассимиляцию становятся негативными, что

является своеобразной формой защиты от национального угнетения. Лишь отдельные представители малых народов в силу возникшего у них национального нигилизма сознательно стараются сменить свою этническую принадлежность. В этот период практически отсутствует взаимная ассимиляция, она односторонняя, причем не только из-за нежелания представителей малых народов подвергаться ассимиляции, а в большей степени из-за изменения отношения русских к этническому партнерству с ними в силу возникшего пренебрежительного отношения к угнетаемой нации.

Кроме того, в условиях усиливающихся этноразделительных функций религии для смены этнического самосознания необходимо было в качестве первого шага сменить религиозную принадлежность: отказаться от языческих обрядов и перейти в христианство. А сменить религиозные убеждения было сложно: община крайне отрицательно отнеслась к таким людям.

Таким образом, в процессе исторического развития этноса изменяется не только содержание этнической психологии, изменения претерпевают и функции, на нее возлагаемые, причем последние являются определяющим фактором. При этом, естественно, меняется та часть этнической психологии, которая отражает изменяющиеся факторы внешней среды; в то же время черты, обусловленные постоянно действующими факторами, например, географической средой, изменяются в значительно меньшей степени.

Характерная для удмуртов конформность общественной жизни, значительно большая, чем у контактирующих с ними народов, регламентация общественными институтами хозяйственной, общественной, идеологической, религиозной деятельности играли значительную роль в укреплении этнических свойств: лишь в сплоченном коллективе могло быть более или менее обеспечено сохранение традиционных обычаев и порядков, организовано сопротивление национальному гнету. Удмуртская община сознательно действовала в направлении фиксации и закрепления этнических отличий, тем самым способствуя скреплению этой общности, что содействовало и укреплению этнических связей в целом.

Разительные перемены, происшедшие в жизни удмуртов в годы Советской власти, связанные с изменением социально-экономической обстановки, ликвидацией эксплуататорских классов, изживанием религиозного мировоззрения, повышением уровня образования народа и т. д. привели к формированию новых ценностей и изменению их психологических качеств. У ранее угнетенных народов стали изживаться черты, связанные с эксплуататорским прошлым (инертность, забитость, этнический нигилизм, замкнутость и т. д.)³¹.

В силу изменившихся условий развитие этнической психологии значительно усложнилось. Ранее устойчивые, не изменявшиеся в

течение длительного времени по отношению к этносу факторы внешней среды обуславливали существование индивида в статичных условиях (однообразный труд, редкие контакты со средой вне группы поселений и т. д.), определяли устойчивость психических свойств как индивида, так и - в особенности групп людей. В новых условиях сильно усложнилась общественная жизнь, поведение индивида стало развиваться во множестве ситуаций, специфика которых прежде не предусматривалась при социализации личности. Поэтому ценностные установки и ориентации родителей не всегда наследовались их детьми. Если ранее несколько индивидов, группа людей реагировали на статичную внешнюю среду одинаково, то теперь их поведение могло быть совершенно разным.

Уже первые бурные послереволюционные события дали резкий толчок изменению психологических свойств удмуртского народа, способствовали укреплению этнического самосознания. Этому в немалой степени способствовали военные действия на территории Удмуртии. В период ее оккупации колчаковскими войсками в тылу создавались партизанские отряды из рабочих и крестьян-бедняков, в которых значительную часть составляли удмурты. Большое число удмуртов добровольно вступило в Красную Армию: во многих подразделениях 2-й и 3-й армий Восточного фронта доля солдат-удмуртов доходила до 30 и более процентов³².

Толчок развитию национального самосознания удмуртов дало образование автономии, появились широкие возможности для политической и общественной деятельности. Однако рост национального самосознания происходил все же медленно, крестьянство, составлявшее основную массу населения, в этот период еще не было готово к социалистическим преобразованиям, соответствующим было и их сознание. Его уровень особенно ярко проявляется в творчестве поэта и общественного деятеля К. Герда. Его ранние стихотворения показывают заботность, неготовность масс подняться до того уровня самосознания, на котором находится сам поэт³³; лишь передовые представители удмуртского народа, в основном представители интеллигенции, в то время поднялись до сознания подлинных общих интересов нации.

Особенностью удмуртской национальной психологии в тот период являлось то, что в нем не нашел значительного места т. н. буржуазный национализм³⁴. В научной печати довольно часто упоминается, что в эти годы в среде творческой интеллигенции иногда проявлялись тенденции националистического толка (это усматривалось в выдвижении проекта замены некоторых терминов в языке, в попытках введения латинского алфавита, в якобы проповедовавшемся классовом мире и отказе от дружбы с русским народом и т. д.)³⁵. Эти настроения, действительно свойственные

некоторой части удмуртской интеллигенции, не несли в себе никаких националистических стремлений, а были продиктованы заботой о развитии удмуртской национальной культуры; они были свойственны представителям передовой удмуртской национальной интеллигенции, в значительной степени избавившейся от негативных черт национальной психологии.

В первые же годы Советской власти представители интеллигенции подняли вопрос о преподавании удмуртского языка в школе и введении его в делопроизводство, о создании литературы на удмуртском языке, о паритетном представительстве в советских и хозяйственных учреждениях. Широко развернулась дискуссия об удмуртском литературном языке, поскольку возрождение нации всегда связывалось с... заботами о своем языке, о его чистоте³⁶.

Сразу после революции по инициативе представителей передовой удмуртской интеллигенции и студенческой молодежи стихийно стали создаваться кружки и общества, ставившие своей целью содействовать национальному и культурному строительству, изучать удмуртскую культуру и пропагандировать знания среди удмуртского населения. Возникли общества в Москве, Казани, Елабуге, Малмыже, Глазове. Работа шла с большим энтузиазмом, за короткий срок существования обществ (многие из них прекратили работу в связи с начавшейся гражданской войной) был собран богатый этнографический и историко-культурный материал об удмуртах. Общества издавали книги для удмуртов, ставили спектакли на удмуртском языке, созывали съезды, учительские курсы. Потребность в таких обществах была вызвана жизнью, задачами хозяйственного и культурного строительства среди удмуртов³⁷.

Возник интерес к прошлому своего народа, о чем свидетельствуют многочисленные материалы с мест, печатавшиеся в различных изданиях: о происхождении тех или иных удмуртских родов (воршудов), о расселении удмуртов, об истории отдельных населенных пунктов и т. д. В 20-е годы как отдельный предмет преподавалась в школе этнография удмуртов. Несмотря на то, что при этом пользовались дореволюционными сведениями и учеба отрывалась от практических требований жизни³⁸, это, несомненно, сыграло определенную положительную роль в повышении самосознания удмуртского народа.

С созданием автономной области оживилась общественная жизнь, поднялось правовое самосознание удмуртов. Об этом свидетельствует, например, то, что на различных конференциях стал употребляться удмуртский язык³⁹. Однако в целом можно сказать, что общеудмуртское национальное самосознание начинает только зарождаться; это наглядно проявляется в выступлениях в печати в 20-е гг. (например, в журнале "Кенеш"), посвященных созданию единого литературного языка.

В последующем формирование и качественный рост национальной интеллигенции, развитие национальной культуры и искусства, рост образованности населения способствовали дальнейшему росту национального самосознания. Однако развитие общества имело неоднозначное влияние на развитие этнической психологии удмуртов. Источником поддержания психологического единства всегда являлись различные обряды и ритуалы⁴⁰. Они укрепляли моральное единство этнической группы. Падение их роли, а в некоторых случаях и исчезновение из быта этих форм духовной культуры, их меньшая роль в общественной и личной жизни индивидов послужили в определенной степени ослаблению психологического единства. Новые же обряды практически наднациональны и потому не несут в себе этнообъединяющих функций.

Кроме того, с изживанием религиозных убеждений исчезли из общественного быта массовые действия, также имевшие этнический характер. Большинство удмуртов осознание своей общности стало реализовывать лишь путем простого признания своей этнической принадлежности, этнические стереотипы стали более уязвимы. Как правило, этнически осознанные действия стали присущи в основном лишь представителям творческой интеллигенции, создающим произведения, несущие в себе этническую значимость и выражающие общенациональные интересы.

В настоящее время особенно быстро происходит смена этнических установок. Даже незначительное пребывание в составе инонациональной группы существенно влияет на ценностные ориентации удмуртов. Так, например, частые контакты с русскими, работа в одном коллективе ведут к ослаблению ориентации на сельский образ жизни.

Массовый материал, касающийся современного состояния этнической психологии удмуртов, получен в результате двух статистико-этнографических обследований, проведенных в Удмуртской АССР в 1968 и 1979/80 гг. и включавших в свою программу ряд вопросов, связанных главным образом с межэтническими контактами на межличностном уровне, отношением к тем или иным ценностям национальной культуры. Указанные обследования показали, что подавляющее большинство удмуртов как в городе, так и в сельской местности не имеет национальных предубеждений. И хотя имеются известные вариации в установках на межэтническое сближение, обусловленные социальным положением людей, уровнем их образования, все же они не настолько различны, чтобы утверждать, что среди удмуртов нет единой установки в этом вопросе.

Нигде так ярко не сказывается самосознание народа, как в его отношении к им же созданным ценностям⁴¹ материальной и духовной культуры. Обследования населения показали, что в качестве факторов отождествления себя с этносом как среди сельских, так

и городских удмуртов сохраняется выдающаяся роль национального языка. В то же время в сельской местности наблюдается некоторое падение роли традиционных форм культуры. Переезд в город (большинство удмуртов-горожан - бывшие сельские жители, горожане первого поколения) у некоторой части населения также сопровождается, как фиксирует их сознание, некоторой утратой этнических ценностей и ослаблением роли национального языка и национальной культуры. Однако в целом среди горожан, имеющих в своем составе заметный слой высококвалифицированных рабочих, специалистов и интеллигенции, наблюдается в некотором роде "возвращение к деревне", повышается интерес к народной культуре, народным обрядам и традициям. В этом смысле характеристики, относящиеся к горожанам, демонстрируют некоторую перспективу развития самосознания удмуртов. Вместе с тем роль национальной профессиональной культуры как средства идентификации с этносом среди них падает, как правило, ориентация на профессиональную культуру в современных условиях у каждого народа связана с уровнем ее развития; удмурты-горожане в большей степени ориентируются на общесоветскую культуру, функционирующую на русском языке.

Изменение отношения удмуртов к национальным ценностям можно определить, рассматривая фактор идентификации с этносом в возрастном аспекте; отношение к ним молодежи может определить перспективы их развития. Несмотря на сокращающуюся в целом "этничность" удмуртов, в младших возрастных группах она изменяется в значительно меньшей степени.

Процесс изменения этнических свойств национальной культуры неоднозначен и противоречив. Повышение уровня образования, квалификации, культурная активность ведут, с одной стороны, к росту национального самосознания, к повышению роли в сознании людей национальных обычаев и обрядов; на новую ступень поднимается осознание национальных интересов, выражающееся в понимании необходимости возрождения этнического, особенно в духовной жизни⁴² (что ярко проявляется в массовом распространении фольклорных ансамблей, в дискуссиях о чистоте литературного языка и т. д.); с другой - к пониманию, осознанию культурных и социальных различий между народами, что порой приводит к национальному нигилизму, пренебрежительному отношению к ценностям национальной культуры, что, в свою очередь, способствует активизации ассимиляционных процессов. Необходимо отметить, что вторая тенденция среди современных удмуртов выражена в меньшей степени.

В современных условиях при сравнительно быстро изменяющихся чертах национальной психологии в ней все же сохраняются

устойчивые ядра, которые слабо изменяются, несмотря на их несоответствие изменившимся условиям окружающей среды. Так, особенности национальной психологии, связанные с контактами с природой, несмотря на значительные изменения, вызванные индустриализацией сельскохозяйственного производства, отрицанием некоторых традиционных промыслов, связанных с использованием природных ресурсов, закрепляются и продолжают до известной степени определять образ жизни и склонность к сельским видам труда. Сельская ориентация, сельская психология удмуртов сказываются и в том, что в технических учебных заведениях республики обучается очень мало удмуртской молодежи, тогда как в сельскохозяйственных, педагогических, медицинских доля студентов-удмуртов высока.

Таким образом, под влиянием социально-экономических, политических и культурных условий формируются, закрепляются и передаются следующим поколениям привычки, установки, ценностные ориентации, национальные чувства и настроения. На различных этапах исторического развития этноса этническая психология и этническое самосознание имеют качественные особенности, которые сами впоследствии могут служить почвой, формирующей специфические черты духовного облика, поведения и образа жизни.

Изучение психологических черт отдельных народов в советской этнографической науке только начинается, поэтому невозможно дать сколько-нибудь полную психологическую характеристику какого-либо этноса, в том числе и удмуртов. Однако в отношении удмуртов (как, наверное, и в отношении других народов) можно сказать, что на формирование и развитие их национальной психологии существенное влияние оказали природно-географические условия, религиозные факторы, а также межэтнические контакты, причем последние, по-видимому, играли решающую роль. Более детальные исследования национально-психологической проблематики, психологии межнационального общения могли бы оказать существенную помощь в оптимизации процесса сближения народов страны, в раскрытии творческого потенциала этноса.

¹ См.: Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб, 1770. С. 163; Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... СПб, 1776. Ч. 1. С. 56; Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб, 1788. Ч. 3. С. 30; Радищев А. Н. Из записок

путешествия в Сибирь в 1790 г.//Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1928. Вып. 5. С. 33.

² См.: Вотяки Вятской губернии//Вятские губернские ведомости, 1856. № 9; *Шестаков В.* Глазовский уезд//Вестник Императорского Русского географического общества. СПб, 1859. № 7. С. 94; *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Т. 14. Казань, 1870. С. 203; *Крекнин С.* Вотяки Глазовского уезда. Вятка, 1899. С. 2.

³ Цит. по: *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 40.

⁴ *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края. СПб, 1886. С. 6; *Шестаков В.* Указ. соч. С. 94.

⁵ *Жаков К.* Вотяки//Научное обозрение. М., 1902. № 11. С. 102.

⁶ *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. Изд. 2-е. С. 103.

⁷ *Дашдамиров А. Ф.* К методологии исследования национально-психологических проблем//Советская этнография. 1983. № 2. С. 66.

⁸ *Поршнев Б. Ф.* Указ. соч. С. 104.

⁹ *Дашдамиров А. Ф.* Указ. соч. С. 67.

¹⁰ *Кошурников В. С.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 11.

¹¹ *Полян П. М.* География и вдохновляющие ресурсы природы//Природа. 1978. № 3. С. 60.

¹² *Левкович В. П., Панкова Н. Г.* Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания//Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 140.

¹³ *Королев С. И.* Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1979. С. 31.

¹⁴ *Дробужева Л. М.* Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития//Советская этнография. 1985. № 5. С. 6.

¹⁵ *Гришкина М. В.* Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Вотяки по рассказам русских//Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1907. № 23.

¹⁷ См.: Вотяки по рассказам русских; *Бух М.* Характер и образ жизни вотяков //Труды общества по изучению вотяцкой культуры. М., 1925. Вып. 1; *Островский Д.* Вотяки Казанской губернии. Казань, 1874.

¹⁸ *Дробужева Л. М.* Указ. соч. С. 5.

¹⁹ См.: *Шкляев Г. К.* Из истории формирования сельского расселения и развития поселений на территории Удмуртии (XIX - нач. XX в.)//Сельские поселения Удмуртии в XIX - XX вв. Ижевск, 1981.

²⁰ *Верещагин Г. Е.* Указ. соч. С. 202-205.

²¹ *Маркелов М.* Вотяки. М., 1929. С. 92.

²² *Островский Д.* Указ. соч. С. 33.

²³ См.: *Бух М.* Указ. соч.; *Шестаков В.* Указ. соч.; *Риттих А. Ф.* Указ. соч.

²⁴ *Гришкина М. В.* Указ. соч. С. 175.

- 25 См.: *Богина Ш. А.* Межэтнические отношения в США (XIX в.)//Советская этнография. 1974. № 4. С. 69.
- 26 *Максимов В. А.* Вотяки. Ижевск, 1925. С. 92.
- 27 *Радищев А. Н.* Записки путешествия в Сибирь//Русские писатели об Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 12.
- 28 *Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890. С. 70.
- 29 *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка, 1901. С. 219; *Смирнов И. Н.* Указ. соч. С. 71.
- 30 *Верещагин Г. Е.* Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии//Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 84.
- 31 *Дашдамиров А. Ф.* Указ. соч. С. 72.
- 32 *Куликов К. И.* Некоторые особенности гражданской войны в Удмуртии и тактика большевиков в борьбе за массы//Гражданская война в Удмуртии 1918-1919 гг. Ижевск, 1988. С. 84.
- 33 *Ванюшев В. М.* Дузысь чечы//Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов, 1986. С. 104.
- 34 *Князев Л. Н.* Формирование и развитие национального самосознания удмуртского народа в процессе строительства социализма. Автореф. дисс. канд. философ. наук. Ижевск, 1973. С. 23.
- 35 См., например: *Кузнецов П. К.* Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975. С. 326.
- 36 *Шпет Г.* Введение в этническую психологию. М., 1927. С. 140.
- 37 См.: *Герд К. П.* Этнография у вотяков после революции//Этнография. 1926. № 1, 2.
- 38 *Максимов В. А.* Указ. соч. С. 120.
- 39 Там же. С. 52.
- 40 *Левкович В. П., Панкова Н. Г.* Указ. соч. С. 147.
- 41 *Шпет Г.* Указ. соч. С. 108.
- 42 *Дробижева Л. М.* Указ. соч. С. 12.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили эволюцию различных характеристик удмуртского этноса. Относительно продолжительный отрезок исторического времени, охваченный данным исследованием (около 100 лет), дал возможность проследить, на наш взгляд, не только особенности функционирования отдельных компонент, но и качественные сдвиги в системе этноса.

Этническая история удмуртов имеет много общих тенденций и закономерностей в развитии как с народами Урало-Поволжской историко-этнографической общности, так и со всеми народами страны. Вместе с тем, общие тенденции проявляются по-своему, в специфических формах¹, в характере противоречий.

Конец XIX - начало XX в. характеризуется проникновением в удмуртскую среду капиталистических отношений, однако сохранялись и некоторые архаические формы в общественных отношениях. Отставание в социально-экономическом развитии способствовало сохранению специфических черт в материальной и духовной культуре. Хозяйство удмуртов сохраняло древние этнокультурные традиции, которые во многом определяли особенности питания, одежды, типов поселений, строительных приемов и т. д. Удмурты отличались чрезвычайно малой миграционной активностью, их мало коснулся отлив населения в восточные районы страны.

Хозяйственная, общественная, религиозная деятельность удмуртской общины полностью регламентировалась общественными институтами. Реальностью оставался религиозный синкретизм (в официальной сфере господствовало православие, в семейно-общественной были сильны позиции язычества). Свод календарных обрядов и праздников был связан с сельскохозяйственным трудом, сохранял существенную часть дохристианской обрядности, особенно связанную с культом предков.

По мере увеличения на территории Удмуртии русского населения ухудшались межнациональные отношения, возникали этнические предубеждения, основанные на взаимных экономических претензиях; появилось стремление к этнической замкнутости, изоляции от иноэтнической среды; деформировалась этническая психология.

Община стала сознательно действовать в направлении фиксации и закрепления этнических отличий.

Вместе с тем развитие производительных сил привело к появлению новых форм материальной и духовной культуры; социально-экономический прогресс способствовал сближению субэтнических групп удмуртов, шло уплотнение “этнического ядра” этноса.

Поворотным событием в истории удмуртов стала Октябрьская революция. В 1920 г. создана государственность удмуртского народа. Одним из первых актов Советской власти установлены новые земельные отношения. В результате уже в 20-е гг. существенно изменилось сельское расселение удмуртов: повсеместно стали организовываться новые починки и выселки. Возникли хозяйства нового типа сельскохозяйственные кооперативы. Однако в социальной структуре этноса не произошло сколько-нибудь заметных изменений: среди удмуртов по-прежнему подавляющее большинство составляли крестьяне; трудности послевоенного хозяйствования не способствовали изменениям в материальной культуре.

Однако послереволюционные события дали толчок укреплению национальных чувств удмуртов, начало формироваться общеудмуртское национальное самосознание. Расширились функции удмуртского языка, он стал употребляться в общественной жизни, начался процесс ускоренного развития удмуртской литературы, возникли любительские театральные труппы. С созданием автономии открылись широкие возможности для политической и общественной деятельности. Тем не менее, активные формы “национальной” деятельности были свойственны в этот период в основном немногочисленной интеллигенции; основная масса населения не была готова к восприятию преобразований. Сохранялась определенная этническая замкнутость удмуртов.

В 30-е гг. индустриализация и реконструкция сельского хозяйства существенно сказались на территориальном размещении населения, на распределении населения между городом и деревней. Возросла и социальная мобильность населения. Начал формироваться удмуртский рабочий класс, росла численность работников квалифицированного труда; сложились национальные производственные и административно-управленческие кадры, художественно-творческая и научная интеллигенция. В 30-е гг. создан национальный театр, открыты другие государственные учреждения культуры. Оформился в основном общий литературный язык, что способствовало дальнейшей консолидации удмуртов, сближению с удмуртами бесермян.

Вместе с тем, успешное развитие удмуртской национальной культуры было подорвано необоснованными репрессиями наиболее

талантливых деятелей культуры. В литературе и искусстве стал наблюдаться отход от народных, фольклорных традиций; значительно сократилась роль удмуртского языка в школьном преподавании; среди удмуртов стал проявляться национальный нигилизм; традиционная бытовая культура стала считаться устаревшей; стали исчезать традиции межпоколенной передачи фольклора, народных обрядов и обычаев. Возросшая мобильность населения привела к усилению ассимиляционных процессов.

Трудности военного и послевоенного времени обусловили в некоторой мере возврат к традиционным формам материальной культуры (например, в одежде, пище). В эти годы существенно изменилась структура промышленности Удмуртии; темпы ее роста были значительно выше, чем в целом по стране. Это привело к усилению миграции удмуртов, в том числе и за пределы республики. Изменялась их социальная структура. Серьезные успехи достигнуты и в культурном строительстве: появились крупные музыкальные и литературные произведения, интенсивно развивалось профессиональное исполнительское искусство.

Вместе с тем в литературе и искусстве недооценивалась роль национальных основ, культуры народа; стали преобладать произведения, основанные на традициях советской классики, доля национальных произведений в музыкальной исполнительской практике упала. В 60-е гг. осуществлен переход к обучению в школе на русском языке, что привело к изменению у значительной части удмуртов отношения к истории и культуре своего народа, усилились ассимиляционные процессы.

Не менее противоречивый характер имело этническое развитие удмуртского народа в 70-80-е гг. Дальнейшая урбанизация привела к повсеместному распространению типовых форм, городских стандартов в материальной культуре. Несмотря на наличие факторов, затрудняющих социальное развитие, в классовом и социально-профессиональном составе удмуртов произошли серьезные структурные сдвиги, тем не менее отставание в социальном и квалификационном составе удмуртов сохраняется. Стагнация экономики и общественного развития способствовала усилению ассимиляционных, интеграционных процессов и ослаблению этноконсолидационных, у значительной части населения отмечены падение интереса к традиционной культуре и утрата этнических ценностей, а также некоторое ухудшение этнических стереотипов среди молодежи.

Вместе с тем повышение уровня образования, квалификации ведут к росту национального самосознания. Это проявляется в возрождении некоторых элементов традиционной культуры, в массовом распространении фольклорных ансамблей, в дискуссиях о чистоте

литературного языка и т. д. В 80-е гг. повышается интерес к удмуртской культуре среди неудмуртского населения республики.

Подъему на новую ступень этнического самосознания, осознанию национальных интересов способствовал состоявшийся в ноябре 1991 г. I Всесоюзный съезд удмуртов. Он обсудил вопросы возрождения удмуртской нации, создал представительный орган "Удмурт кенеш", призванный разрабатывать и осуществлять меры по развитию национальной культуры.

Таким образом, этническое развитие удмуртов совершалось в условиях расширяющихся межнациональных контактов, углубляющегося процесса урбанизации. Это сказалось унифицирующим образом на материальной и духовной культуре народа, привело к формированию национального нигилизма у одной части этноса, к росту национального самосознания, осознанию национальных интересов, - у другой. Обе тенденции в настоящее время определяют пути развития удмуртского этноса. Перестройка, углубление демократизации позволяют надеяться, что в ближайшем будущем доминирующей будет вторая тенденция.

¹ Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 298.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BAO	Вотская автономная область
BAУ	Вопросы археологии Урала
BEВ	Вятские епархиальные ведомости
ВФУЯ	Вопросы финно-угорского языкознания
ГАКО	Государственный архив Кировской области
ИОАИЭ	Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский дом)
МСВГ	Материалы по статистике Вятской губернии
СЭ	Советская этнография
УдГУ	Удмуртский Государственный университет
УРКМ	Удмуртский республиканский краеведческий музей
УдНИИ	Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР
УИИЯЛ УрО РАН	Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
ЦГАДА	Центральный Государственный архив древних актов
ЦГА УАССР	Центральный государственный архив Удмуртской АССР
ЭО	Этнографическое обозрение
НОИВК	Научное общество по изучению Вотского края

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Г л а в а I. Историографический обзор (<i>Л. С. Христолюбова</i>)	5
Г л а в а II. Этногенез и этническая история	20
1. Истоки удмуртского этногенеза (<i>М. Г. Иванова</i>)	20
2. Субэтнические объединения удмуртов (<i>М. Г. Атаманов, В. Е. Владыкин</i>)	28
3. Удмурты в составе Русского государства (<i>В. Е. Владыкин</i>)	35
4. Удмурты после Октябрьской революции (<i>Г. К. Шкляев</i>)	41
Г л а в а III. Расселение и этнодемографические характеристики (<i>Г. К. Шкляев</i>)	53
Г л а в а IV. Хозяйство и занятия (<i>Г. А. Никитина</i>)	67
1. Земледелие	68
2. Животноводство	78
3. Пчеловодство, охота, рыболовство	81
4. Промыслы	89
5. Преобразования в хозяйстве в советский период	95
Г л а в а V. Поселения и жилища (<i>Г. К. Шкляев</i>)	104
1. Традиционные поселения и жилища	104
2. Современные поселения и жилища	118
Г л а в а VI. Одежда	125
1. Традиционная одежда и украшения (<i>С. Х. Лебедева, Л. С. Христолюбова</i>)	125
2. Эволюция одежды и ее современное бытование (<i>Л. С. Христолюбова</i>)	141
Г л а в а VII. Система питания (<i>Е. Я. Трофимова</i>)	149
Праздничная и обрядовая пища	154
Кухонная утварь	160
Г л а в а VIII. Община (<i>Г. А. Никитина</i>)	165
Г л а в а IX. Семья и семейный быт (<i>Л. С. Христолюбова</i>)	186
1. Социально-демографическая характеристика семьи	186
2. Традиционные семейные обряды и их современное бытование	197
Г л а в а X. Праздники и развлечения	209
1. Традиционные праздники и развлечения (<i>Л. С. Христолюбова, с участием Т. Г. Перевозчиковой и Л. Н. Долгановой</i>)	209
2. Советские праздники и общественный досуг (<i>Г. К. Шкляев</i>)	223

Г л а в а XI.	Религиозные верования (В. Е. Владыкин)	232
Г л а в а XII.	Народные знания	251
	1. Представления о мире и народный календарь (Т. Г. Перевозчикова)	251
	2. Основы метрологии (Г. А. Никитина)	254
	3. Народная медицина (Г. А. Никитина)	259
	4. Народная педагогика (Г. А. Никитина)	264
Г л а в а XIII.	Народное искусство	270
	1. Устно-поэтическое творчество (Т. Г. Перевозчикова)	271
	2. Народная музыка (А. Н. Голубкова)	276
	3. Декоративно-прикладное искусство (К. М. Климов)	284
Г л а в а XIV.	Профессиональное искусство	295
	1. Литература (В. М. Ванюшев)	295
	2. Изобразительное искусство (К. М. Климов)	301
	3. Музыка (А. Н. Голубкова)	304
	4. Театр (В. В. Ложкин)	312
Г л а в а XV.	Социальная структура и этнические процессы (Г. К. Шкляев)	321
Г л а в а XVI.	Этноязыковые процессы (Л. С. Христолюбова)	336
Г л а в а XVII.	Межнациональные отношения в Удмуртии (Г. К. Шкляев)	354
Г л а в а XVIII.	Некоторые черты этнической психологии удмуртов (Г. К. Шкляев)	370
Заключение	(Г. К. Шкляев)	384
Список сокращений		388

Утверждено к печати Удмуртским институтом истории, языка и
литературы Уральского отделения РАН

УДМУРТЫ

Историко-этнографические очерки

Редакторы *Л. С. Христоробова, Г. К. Шкляев*

Художник *В. П. Даровских*

Обложка *Н. А. Быкова*

Технический редактор *В. Ф. Песоцкая*

Сдано в набор 01.09.92. Подписано к печати 03.02.93. Формат $60 \times 84^{1/16}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура Таймс роман. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,79. Усл. кр.-отт. 22,79. Уч.-изд. л. 24,83. Тираж 2500 экз. Зак. № 0153. «С» № 2.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. 426004, Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Ижевская республиканская типография Государственного комитета Удмуртской Республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 426057, Ижевск, ул. Пастухова, 13.